

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ
Кафедра начального образования

ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ И
О ДЕТЯХ
УЧЕБНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

Казань – 2021

УДК 373.167.1

ББК 83.3(2Рос=Тат)-93 Т23

Принято на заседании учебно-методической комиссии ИПО

Протокол № 8 от 14 апреля 2021 г.

Рецензенты:

В.Г. Закирова, доктор педагогических наук, профессор кафедры
начального образования ИПО КФУ

А.Х. Садекова, доктор филологических наук, профессор Института
языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

Составитель

Р. Р. Хайрутдинова, кандидат филологических наук, доцент
кафедры начального образования

Р.Р.Хайрутдинова

Татарская литература для детей и о детях. Учебная хрестоматия:
учебное пособие для студентов высших учебных заведений по
направлению «Педагогическое образование» («начальное
образование», «дошкольное образование») / Хайрутдинова Р.Р.: –
Казань: Казан. ун-т, 2021. – 558.

В хрестоматию включены образцы татарского детского фольклора, произведения татарской художественной литературы для детей и о детях в переводе на русский язык. Представляет собой учебное пособие по курсу «Татарская детская литература» для студентов высших учебных заведений по направлению «Педагогическое образование» («начальное образование», «дошкольное образование»). Рекомендовано в качестве практического пособия для учителей начальных классов и воспитателей детских образовательных учреждений.

© Казанский университет, 2021

©Хайрутдинова Р.Р., 2021

Оглавление

От составителя	5
Татарский детский фольклор	6
Загадки.....	7
Пословицы.....	8
Татарские народные сказки.....	10
Предыстория татарской детской литературы	36
Кул Гали.....	37
Татарская детская литература второй половины XIX в.	46
Каюм Насыри.....	47
Татарская детская литература начала XX в.	61
Габдулла Тукай.....	62
Маджит Гафури.....	77
Дердмэнд.....	79
Фатих Амирхан.....	81
Галимджан Ибрагимов.....	95
Татарская детская литература 1920-1930 гг.	119
Хади Такташ.....	120
Муса Джалиль.....	128
Абдулла Алиш.....	142
Хасан Туфан.....	158
Татарская детская литература 1940-1960 гг.	171
Фатих Карим.....	172
Адель Кутуй.....	179
Усман Бакиров.....	194
Ахмет Ерикей.....	199
Ахмет Файзи.....	203
Бари Рахмат.....	211
Наки Исанбет.....	216
Дарджия Аппакова.....	234
Ахмет Исхак.....	242
Ибрагим Гази.....	244
Гариф Галеев.....	248
Мирсай Амир.....	253
Шайхи Маннур.....	255
Сибгат Хаким.....	262
Мухаммед Садри.....	266
Гумер Баширов.....	269
Абдурахман Абсалямов.....	277
Татарская детская литература 1960-1990 гг.	282
Джавад Тарджеманов.....	283
Заки Нури.....	305
Рафаиль Тухватуллин.....	310
Лябиба Ихсанова.....	316
Шаукат Галиев.....	331
Вахит Манасыпов.....	353
Гульшат Зайнашева.....	358
Марзия Файзуллина.....	362
Резеда Валеева.....	365
Адлер Тимергалин.....	376
Рафаиль Мустафин.....	389

Ильдар Юзеев.....	398
Мухаммет Магдиев.....	407
Габдельхай Сабитов.....	411
Радик Фаизов.....	417
Газиз Мухамметшин.....	422
Хакимзян Халиков.....	433
Аяз Хасанов.....	443
Рустам Мингалим.....	456
Рустем Кутуй.....	468
Фаиль Шафигуллин.....	476
Роберт Батулла.....	482
Фанис Яруллин.....	487
Накип Каштан.....	497
Равиль Файзуллин.....	498
Роберт Миннуллин.....	501
Джаудат Дарзаман.....	516
Эльмира Шарифуллина.....	527
Современная татарская детская литература.....	529
Рафис Курбан.....	530
Ахат Мушинский.....	538
Факиль Сафиин.....	545
Галимзян Гильманов.....	547
Альфия Ситдикова.....	549
Ленар Шаех.....	551
Гульнур Курбанова.....	552
Библиографический указатель.....	554

От составителя

Хрестоматия представляет собой учебное пособие по курсу «Татарская детская литература» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» («начальное образование» и «дошкольное образование»). В пособии представлены образцы татарского фольклора и детской художественной литературы в переводе на русский язык. При составлении хрестоматии отбирались произведения, дающие возможность студентам наиболее полно представить жанровое и тематическое богатство татарской детской литературы.

В пособии используется историко-литературный подход к изложению материала. Хрестоматия включает разделы: «Татарский детский фольклор», «Предыстория татарской детской литературы», «Татарская детская литература второй половины XIX в.», «Татарская детская литература начала XX в.», «Татарская детская литература 1920-1930-х гг.», «Татарская детская литература 1940-1960-х гг.», «Татарская детская литература 1960-2000-х гг.», «Современная татарская литература».

Литературный материал в разделах хрестоматии расположен по «авторско-хронологическому» принципу. Тексты сопровождаются ссылкой на авторов перевода. Кроме того, пособие содержит библиографический указатель книг татарских писателей, изданных для детей на русском языке.

Составитель стремился способствовать всестороннему рассмотрению материалов татарской детской литературы, включая в содержание хрестоматии не только произведения, написанные специально для детей дошкольного и младшего школьного возраста, но и художественные тексты, адресованные подросткам, взрослым читателям, если последние органично вошли в круг детского чтения. Высокая художественность, необходимое соотнесение с возрастными и индивидуальными особенностями детей, соответствие их духовному миру – таковы основные требования к отбору авторов и произведений в настоящем пособии.

*ТАТАРСКИЙ
ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР*

Загадки

1. Сверкнет-полыхнет,
как языком слизнет.
(*Огонь*)
2. Только в дверь пусти,
передний угол сам займёт.
(*Мороз*)
3. Жужжит-жужжит, у плетня кружит,
золотые бровки, пёстрая головка,
кто её знает, до ста лет доживает.
(*Пчела*)
4. На головке — гребешок,
хвостик — серпушок.
(*Петух*)
5. Тридцать два молодца рожь молотят,
один Сулейман снопы ворочает.
(*Язык и зубы во время еды*)
6. Бела, как лен,
зелена, как лук,
сидит, как султан,
кричит, как шайтан.
(*Сорока*)
7. Белое платье надела,
головой потолок задела.
(*Печь*)
8. У каменного дворца
нет ни входа, ни крыльца.
(*Яйцо*)
9. В земле меж комочков
жёлтые колобочки.
(*Картошка*)
10. Из тридцати зубов вырвалась —
до тридцати зубов долетела.
(*Пословица*)

Пословицы

1. Собака лает, караван идет.
2. С двумя лодками враз не управишься.
3. От слова «мед» во рту сладко не станет.
4. Старое новое бережет.
5. Река мутнеет с истока.
6. Правда глаза колет.
7. Не умеющему плясать все музыка виновата.
8. Отрезанный ломоть снова не приставишь.
9. Яйца курицу не учат.
10. Куй железо, пока горячо.
11. Правдивое слово камень дробит.
12. Дитя не заплачет — мать не накормит.
13. В движении камень полируется, лежа — мохом обрастает.
14. Шила в мешке не утаишь.
15. Кто откладывает дела на завтра, у того дел не убавится.
16. Склоненную голову меч не сечет.
17. Чем иметь сто рублей, лучше иметь сто друзей.
18. Что посеешь, то пожнешь.
19. Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра.
20. Без воды земля — пустырь, без отчизны слаб богатырь.
21. В одно ухо войдет, в другое — выйдет.
22. На чью телегу сядет, того и песню поет.
23. Люди скажут: белое, он скажет: черное.
24. Не рой яму другому, сам в нее угодишь.
25. Человек без родины своей, что без песни соловей.
26. Потрудишься — будешь сыт, поленишься — будешь выть.
27. Если молодость прилежная, будет старость безмятежная.
28. У неумелого плотника топор виноват.
29. От лени болеют, от работы здоровают.

30. Играть играй, а дела не забывай.
31. У доброго джигита всякое дело в руках горит.
32. Что добудешь без труда, то уйдёт, как вода.
33. Покажи себя в работе — будешь в почёте.
34. По труду и слава.
35. Где труд, там счастье, где безделье, там напасти.
36. Глаза страшатся — руки делают.
37. Чужим трудом не прокормишься.
38. Солон пот трудовой, сладок плод трудовой.
39. Ученье и труд рядышком идут.
40. Полюби работу — и тебя полюбят.
41. Пусть ростом мал, да по уму богатырь.
42. Умелец и гору сдвинет.
43. Поработай с душой — станут любоваться,
поработай без души — станут насмехаться.
44. Коня узнают по зубам, человека — по делам.
45. Джигиту ста ремеслами владеть — и то мало.
46. У лентяя подол горит, а он греется, лежит.
47. Работай смело — пойдёт дело!
48. Деловой человек — человек, а лентяй — полчеловека.
49. Поработай до поту — будешь есть в охоту.
50. Лодырь говорит: нынче отдохну, а завтра горы сверну.
51. У плохих людей и язык злодей.
52. Говоря даже в шутку, подумай с минутку.
53. Слово сказать — как ломоть отрезать: не приставишь назад.
54. У скромного работает рука, у хвастунишки — кончик языка.
55. Пока ворона разинет рот — сокол схватит да удерет.
56. Берется за множество дел, глядишь — ни в одном не успел.
57. Болтун языком мелет — муки не будет.
58. Кто владеет собой, тот владеет делом.

Татарские народные сказки

ШАХ-ПЕТУХ

В одном курятнике жил-был Петух.

Ходит Петух по двору, ходит, по сторонам оглядывается, за порядком смотрит и важничает.

Вскочил Петух на высокий забор и кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Я — шах-петух, падишах-петух, хан-петух, султан-петух. Курочки мои миленькие, чёрненькие, беленькие, пестренькие, золотенькие! Кто на свете красивее всех, кто на свете храбрее всех?

Сбежались все курочки — чернушки, пеструшки, серенькие, беленькие, золотые — и обступили своего шаха, великого падишаха, светлого хана, могучего султана со всех сторон и запели:

— Ку-да, ку-да, ку-да, ясный хан, ку-да, ку-да, ку-да, дивный султан, ку-да, ку-да, ку-да, светлый шах, ку-да, ку-да, ку-да, пресветлый падишах, кому-нибудь с тобой равняться? Нет никого на свете храбрее тебя, нет на свете умнее тебя, нет никого на свете красивее тебя!

— Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку! — запел ещё громче Петух. — У кого на свете голос громче львиного? У кого ноги могучие? У кого пёстрое платье?

— У тебя, наш шах, платье пёстрое, у тебя, султан, ноги, как железо, крепки. У тебя, наш падишах, голос громче львиного, — запели куры.

Петух надулся от важности. Поднял свой высокий гребень и запел изо всех сил:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Эй, вы, жёны, подходите ко мне ближе да скажите: у кого престол выше всех, у кого на голове корона выше всех?

Подошли курочки к самому забору и, низко кланяясь важному Петуху, запели:

— У тебя престол выше всех, у тебя на голове корона, как жар, блестит. Ты — наш единый шах! Ты — наш единственный падишах!

А толстый Повар подкрался к забору и схватил Петуха.

— Ай, горе! Ай, беда!

Поймал Повар могучего падишаха за правую ногу, зарезал Повар великого шаха острым ножом, ощипал Повар со светлого хана светлое платье, сварил Повар из непобедимого султана вкусный суп.

А люди едят да похваляют:

— Ай да вкусный петух! Ай да жирный петух!

Перевод Л.Лесной.

ГОРОХОВОЕ ВОЙСКО

Жили-были старуха с дочкой. Была у них Кошка. Однажды девочка жарила в печке горох. Кошка же сидела на стуле перед печкой и грелась. Начал горох прыгать в сковородке и стрелять. Кошка испугалась и шмыгнула на улицу. Бежала по улице и встретила Петуха.

— Куда это ты, Кошка, так спешишь? — спрашивает Петух.

— Идёт гороховое войско, вот я и убегаю.

— Возьми, пожалуйста, меня с собой.

— Пошли быстрее, — торопит Кошка. Идут они вдвоём. Встретился Индюк.

— Куда это вы идёте?

— Идёт гороховое войско, вот мы и убегаем.

— Не оставляйте меня, — говорит Индюк.

Пошли они дальше втроём. Встретили Журавля.

— Далеко ли собрались, друзья? — спрашивает Журавль.

— Идёт гороховое войско, мы скрываемся.

— И я с вами, — говорит Журавль.

Пошли они вчетвером, дошли так до озера. Увидела Утка бегущих друзей и спросила:

— Эй, Кошка, куда путь держите?

Утке объяснили, в чём дело, и она тоже примкнула к ним. Выстроились они в один ряд и идут: сначала Кошка, за ней Петух, затем Индюк, потом Журавль и Утка в самом хвосте. Всякий, кто их увидит, удивляется: «Что за чудеса?!»

Пришли они к одной высокой горе, забрались на вершину. Кошка сказала:

— Вот здесь мы будем жить. Гороховое войско не найдёт нас.

На том и порешили. Утка сразу ушла на озеро. Индюк тоже куда-то исчез. Журавль уселся на дереве. Кошка стала мышей ловить. Петух землю царапает, что-то клюёт. Так они жили без забот всё лето.

Проходило время, листья пожелтели, становилось всё холоднее. Кошка говорит:

— Ну, друзья, что будем делать? Я уже мёрзнуть стала. Давайте дом построим.

А тем и горя мало:

— Нет, нам не нужен дом, — говорят.

Журавль сказал:

— Я на дереве хорошо устроюсь.

Индюк сказал:

— А я под деревом пристроюсь.

Утка тоже не беспокоится.

— Я думаю на озере зимовать. Больше мне ничего не надо.

А Петух говорит:

— Мне и на свалке неплохо будет.

Кошка всех выслушала и сказала:

— Вы как хотите, но я не могу без тепла. Я буду строить дом.

Из обломков кирпичей стены и печку выкладывает, окна ставит, вместо двери вешает рогожу и забирается на печку.

Скоро зима наступила, бураны замели. Однажды к Кошке постучались в дверь.

— Кошка, подружка, пусти к себе, на улице очень холодно, — говорит Журавль.

— Иди, сиди на своём дереве, — говорит Кошка.

— Если так, то я всю крышу разнесу, — грозитя Журавль. Что Кошке делать, пустила его.

Немного погодя Индюк просится:

— Подружка, Кошка, пусти к себе в дом.

— Иди под дерево.

— А не пустишь, так я всю рогожу выщипаю. Кошка Индюка тоже пустила в дом.

Приходит Петух.

— Подруженька, Кошка, пусти меня, а то на улице буран.

— Тебе же и на свалке хорошо. Вот и иди туда.

А Петух грозитя:

— Ах, так! Тогда я все твои стёкла побью.

Его тоже пустила Кошка.

В эту же ночь озеро, где Утка жила, полностью покрылось льдом.

Пришла Утка и стучится:

— Подруга, Кошка, пусти зимовать!

А Кошка ей:

— Иди к себе на озеро. Утка разозлилась и говорит:

— Если не пустишь, так я всю землю из-под твоего дома расковыряю, и дом свалится.

Испугалась Кошка, что дом свалится, пустила Утку.

Так они стали жить в одном доме все вместе: Кошка, Журавль, Индюк, Петух и Утка. Кошка на печке греется и мурлычет. А остальные тоже устроились неплохо. Жили они очень весело и дружно.

Однажды мимо этого дома проходили два дива.

— Кто-кто здесь есть, — говорят они друг другу. — Слышны голоса.

Один говорит:

— Зайди в дом, посмотри, кто там.

А другой не хочет.

— Нет, — говорит, — ты зайди первым.

Так они долго стояли и спорили. Наконец, один согласился и зашёл в дверь. Что тут началось! Утка и Индюк начали щипать его сильно-сильно. А Журавль сверху долбит своим длинным клювом прямо в голову. Кошка царапает морду. А Петух горланит своё.

Див еле-еле вырвался от них. Рассказал он своему товарищу, что он видел в доме.

— Двое, — говорит, — стали меня щипать. Один в голову хотел гвоздь забить. Другой царапает морду. Чуть не поймали.

Всю зиму звери так и прожили в этом доме. А летом Кошка сказала:

— Гороховое войско, наверное, ушло, пойдём обратно в деревню. Вот они выстроились один за другим и идут по деревне: впереди Кошка, за ней Петух, Индюк, Журавль и Утка.

Все встречные люди удивляются:

— Что за чудеса! И где они только были целый год?

Кто-то узнал своего Петуха, кто-то Индюка своего признал, кто-то — Утку, вернулась к своей хозяйке и Кошка. Старуха очень обрадовалась, приласкала её. А Кошка, говорят, всё в печку посматривает: не идёт ли гороховое войско?

Перевод И. Миннеханова.

КАМЫР-БАТЫР

В давние-предавние времена, когда была козлиная команда, когда дед с бабкой ещё и на свет не родились, отчего мы с отцом только вдвоём пока

жили, были, говорят, в некоем месте старик со старухой. Детей у них не было, и была по этому поводу большая печаль.

Однажды сели они и подумали, прикинули и поразвесили, да из теста слепили себе сынка-удальца. Бабка пошла корову доить, дед вышел дрова рубить.

Воротились они да и ахнули: этот самый мальчик, которого они слепили из теста, с козлятами на полу играет...

И начал расти Камыр¹ батыр не по дням, а по часам. Выстругал ему дед битую гладкую, деревянную. Оперся на битую малец, и треснула бита напополам. Пошёл дед тогда в кузницу, и сделал кузнец для его мальчика битую железную. Побежал Камыр-батыр с этой битой на улицу, стал с другими мальцами играть: в первый день — одному ногу сломал, во второй день — другому хребет перебил.

Собрался тут деревенский народ и сказал деду своё веское слово:

— Малец твой и на ребёнка не похож, всех детишек наших искалечил, делай, что хочешь, а только чтоб в деревне его более не было.

И отправился тот малец по свету бродить. Шёл он день, и шёл он ночь, месяц минул, год прошёл, от деревни он ушёл на один вершок. И попал в дремучий лес. Повстречался ему в этом лесу человек стреноженный.

Камыр-батыр спрашивает у того человека:

— Ты зачем это ноги стреножил?

Тот человек говорит:

Мне и так в самый раз тютелька в тютельку. Коли я их освобожу, за мной и птица быстрая не угонится.

Взял его Камыр-батыр себе в товарищи.

Шли они, шли и встретился им по дороге человек, зажавший ноздрю одну пальцем.

¹ Камыр - тесто. У татар тесто (хлеб) считается священным, дающим людям богатырскую силу.

Спрашивает Камыр-батыр у того человека:

— Ты зачем одну ноздрю пальцем заткнул?

Тот человек говорит:

— Мне и так в самый раз, тютелька в тютельку. Коли я вторую ноздрю открою, страшная буря поднимется. Я в эту ноздрю коли выдохну, могу мельницу ветряную пять суток не переставая крутить.

Взял и его Камыр-батыр себе в товарищи.

Шли они, шли, и встретился им по дороге старенький дед с белой бородою, шляпа набекрень.

Спрашивает Камыр-батыр у того старика:

— Ты зачем это шляпу набекрень надел?

Тот старик говорит:

— Мне и так в самый раз, тютелька в тютельку. Коли я шляпу прямо надену — пурга поднимется, всех снегом засыплет. А коли я шляпу на глаза надвину, вся земля на два аршина льдом покроется.

И старика взял Камыр-батыр себе в товарищи. Шли они, шли, и встретился им по дороге ещё один человек: целится он из лука, целится...

Спрашивает Камыр-батыр:

— Ты куда это так целишься?

Тот человек говорит:

— Видишь, во-о-он там, в шестидесяти верстах, на высокой горе, на толстом дереве, на нижней ветке муха сидит? Хочу этой мухе левый глаз выбить.

Взял Камыр-батыр и лучника этого себе в товарищи. Шли они, шли, и встретился им по дороге один бородатый детина, который в земле возился.

Спрашивает у того детины Камыр-батыр:

— Ты что это возишься тут?

Говорит бородатый:

— А вот стукну левой рукой — здесь гора, а стукну правой — здесь гора.

Взял и детину Камыр-батыр себе в товарищи. Шли они, шли и дошли до одного тамошнего бая. И просили бая, чтобы он им свою дочь отдал. Очень упрямый тот бай оказался, стал им препятствия чинить. Говорит бай:

— Моя дочь падишаховой дочке ровня, не хуже ничем, не чета вам всем. Однако я человек добрый, коли обгонишь моего скорохода, отдам за тебя дочку.

Пустились теперь наперегонки баев скороход и Стреноженный. Скакнул Стреноженный и одним махом шестьдесят вёрст одолел. Решил он вздремнуть. Пока баев скороход до него добирался, лёг на пригорке и заснул крепко. Вот уже баев скороход обратно возвращается, а Стреноженный спит себе на пригорке, похрапывает.

Тут говорит Камыр-батыр:

— Ай-яй, никак верх за баевым скороходом останется? Ну-ка, стрельни в него, сделай такую милость.

Выстрелил лучник и попал спящему в правую мочку. Встрепенулся Стреноженный, скакнул и вперёд баева скорохода на майдане оказался.

Хитрил бай всяко, изворачивался и ухитрился-таки всю компанию в чугунной бане запереть. Навалили дров вокруг бани, огонь поднесли — намерен бай всех живьём зажарить. Начало их припекать в этой бане. Поправил Камыр-батыр шляпу на голове у Седобородого, и поднялась в бане пурга, глаза застит. Однако раскалилась баня докрасна, опять их там припекает. Натянул Камыр-батыр шляпу ему по самые уши — и ударил в бане жуткий мороз, стены заиндевели.

Открыл на другой день бай двери в бане и рот разинул: жива вся компания, сидит и зубами дробь выбивает. Камыр-батыр говорит этому баю:

— Ты мне голову-то не морочь. Бороться будем или на кулаках драться? Выбирай, что тебе, баю, по сердцу.

Бай говорит:

— И поборемся, и на кулаках побьёмся. Нет у меня такой дочери, чтоб за тебя замуж пошла. Сам бери, коли силёнок хватит.

И пошла у них драка, и пошло у них побоище. Так они старались, что земля у них под ногами потрескалась: где ровно было, там вспучилось, где вспучено было — заблестело, как лысина. День они бились, и ночь они бились, и утром колотились, и вечером молотились. Ловким бойцом себя показал Камыр-батыра товарищ, закрывающий пальцем ноздрю: дунет, свиснет в пустую ноздрю — двадцать баевых слуг улетят вверх тормашками. Стукнет Бородатый справа — гора вырастает, стукнет слева — другая гора, тридцать слуг баевых под горою. А взмахнёт сам Камыр-батыр своей битой и враз сорок баевых слуг положит.

Не вытерпел бай такого избиения, отдал свою дочь. Как выдали баеву дочку за нашего батыра, пир горой пошёл. Тридцать дней к нему готовились, сорок дней этот пир справляли, пять кобыл не пойманных сварили, наелись все до отвала.

И я на том пиру побывал, ай, хороший был пир! Столы от кушаний так и ломились, в котлах бараны живые томились, мёд-пиво ставили бочками — век бы ходить за такими дочками! — честное общество ковшами хлебало, мне, правда, одной ручкой перепало.

Перевод Р.Ахунова.

ГУЛЬЧЕЧЕК

В давние времена жила в дремучем лесу колдунья, и были у неё сын и сноха по имени Гульчечек. Колдунья была злая-презлая. Многих батыров она с пути сбила, многих людей она в трясины заманила... Не вынес сын всего этого и ушёл скитаться по свету, ушёл счастья искать.

Гульчечек грустила-тосковала по матери с отцом, но старуха-свекровь никуда её не отпускала, держала взаперти.

Однажды ночью, отправляясь как обычно по нечистым делам своим, колдунья забыла закрыть дверь на замок. И хлеб в печи оставила.

Только она ушла, Гульчечек стала собираться к родителям:

Лес дремучий видит сны,
Звёзды блещут среди тьмы.
Хлеб из печи выну я,
В путь далёкий выйду я,
Навещу своих родных...—

Тихо напевала она и, вынув из печи тёплый душистый хлеб, сунула его в котомку и выбежала из избушки.

Минула ночь, минул день. Далеко успела уйти Гульчечек. Тем временем колдунья вернулась и, не найдя сноху дома, кинулась за ней в погоню. Превратилась она в Серого волка и бежит, принохиваясь, по следу. И вот уже настиг Серый волк беглянку и воет страшным голосом:

Я волчище — серый хвостище,
Страшный у меня голосище.
Если хлеб не отдашь мне и спрячешь,
Так и знай: у меня ты поплачешь,
Ох, поплачешь...

Испугалась Гульчечек. Отдала бы она хлеб, чтоб спастись, да уже ни крошки не осталось от него. Стала она растерянно озираться по сторонам, увидела поблизости большой, раскидистый, дуплистый вяз, и взмолилась:

О густой тенистый вяз,
О приветливый мой вяз!
Серый волк бежит за мной.
Ты укрой зеленою листвою!

Пожалел вяз Гульчечек, развернулся к ней уютным дуплом, где днём скрывались летучие мыши и куда белки складывали орешки, и беглянка в нём спряталась.

Серый волк всю ночь выл под вязом и царапал когтями землю, а под утро ни с чем убежал домой.

Занялась заря, взошло ясно солнышко, наступил день. Гульчечек поблагодарила доброе дерево и отправилась дальше. Шла она, шла, и стало вечереть. Серый волк вскоре опять по следу настиг сноху и завыл жутким голосом:

Я волчище — серый хвостище,
Страшный у меня голосище.
Если хлеб не отдашь мне и спрячешь,
Так и знай; у меня ты поплачешь,
Ох, поплачешь...

Испугалась бедная Гульчечек. Смотрит растерянно по сторонам и видит: посреди зелёного луга блестит красивое серебряное озеро. Взмолилась она:

О, озёрная вода!
Приключилась беда.
Серый волк бежит за мной,
Помоги же мне, укрой
Ты серебряной волной!

Серебряное озеро пожалело Гульчечек, раскачало глубокие воды свои, вздыбило волны, и беглянка очутилась на маленьком островке, окружённом со всех сторон водой. Серый волк остался на берегу. Всю ночь выл он у озера, царапал когтями землю, наутро же убежал ни с чем домой.

Занялась заря, взошло ясно солнышко, наступил день. Гульчечек поблагодарила доброе озеро и снова отправилась в путь. Шла она, шла... и опять сумерки стали сгущаться. А уже и лес кончается, и крыша дома родительского видна. Но Серый волк и на этот раз настиг беглянку по следу и завыл:

Я волчище — серый хвостище,
Страшный у меня голосище,
Если хлеб не отдашь мне и спрячешь,
Так и знай: у меня ты поплачешь,
Ох, поплачешь...

Испугалась Гульчечек. Смотрит по сторонам, увидела одинокую развилистую берёзу и забралась на неё. А Серый волк роет когтями землю под берёзкой, к корням подбирается.

Дрожит Гульчечек от страха и плачет: «Неужели так и умру здесь, совсем близко от дома родного, не повидав мать с отцом...».

Тут на берёзу прилетел и сел скворец. Гульчечек взмолилась:

Ласковый мой скворушка,
Певчий друг мой, скворушка!
Ты лети за луг-лужок,
Передай мой волосок,
Передай мой волосок!

Гульчечек дала в клюв скворушке волосок, и тот полетел прямо к дому, где жили её родители. Оставил волос на воротах и улетел.

Той порой вышел к воротам брат, заметил волос и взял его.

«Не иначе как из гривы моего вороного коня», — подумал он и натянул дома волос на домбру.

Жена взяла домбру в руки и стала, притопывая, играть на ней. Вдруг струна на домбре запела голосом Гульчечек:

Не играй, ой, не играй,
Ломит руки, ноги.
Не пляши, ой, не пляши,
Приди на подмогу!..

Удивилась женщина: «О аллах, что это с домброй случилось?» — и передала её мужу. Тот потрогал было струны, и опять домбра запела:

Не играй, брат, не играй,
Поясница, ох, болит.
Брат, струну не задевай,
Голова моя болит.
У опушки на берёзе
Льёт твоя сестрица слёзы.
А свекровь — колдунья злая
— Волком воеет, не пускает.
Брат, домбру ты отложи
И на помощь поспеши!..

Тут брат всё понял:

— Сестрёнка Гульчечек в беду попала! — вскочил он с места, взял дубину, оседлал ретивого коня и поскакал к лесу. Подоспел он в самый раз: Серый волк вырыл под берёзой огромную яму, и дерево уже готово было повалиться...

Убил он волка, а сестру привёз домой.

С тех пор Гульчечек зажила счастливо, не ведая ни горя, ни печали.

И я у них бывал: сегодня пришёл, а вчера ушёл. Угощали меня там на славу: масло ел да мёд пил. Две бочки, один ковш — знай пей сколько хошь. Жаль одно: по усам текло, а в рот не попало.

Перевод

Р.Кожевниковой.

ШАХМАРА — ЗМЕИНЫЙ ПАДИШАХ

В стародавние времена некий бедняк промышлял тем, что доставлял из близлежащего леса хворост, продавал его и на вырученные деньги покупал себе пищу. Вот он раз пошел за хворостом, и в другой раз отправился. И так бесчисленное число раз ходил, только однажды встал он в лесу, бросил вязанку наземь и присел под высоким раскидистым деревом. Бедный человек так уж устроен: нет-нет да и призадумается. Сидит он, призадумавшись, под деревом и землю возле ног своих ковыряет: так ковырнет и этак пропашет. Ковырял землю, ковырял и доковырялся до какого-то железного кольца; думает: «Что за железяка такая?». Глядит со вниманием. Стал дальше копать, вышло — здоровенная железная крышка. «Это, — думает бедняк, — не иначе, как воры здесь награбленное хранят, разбойники, они и крышку приспособили». Принялся он тут за дело: где палкой подденет, где камень подставит — откинул-таки крышку. Сунул в дыру длинный сук, воткнулся тот сук в нечто мягкое, податливое. Выдернул сук и глянул. «Ну,— думает,— это ведь прямо на мед смахивает». Тронул он сук измазанный пальцем, а палец лизнул тотчас. Вышло — и вправду, чистейший мед. И закрыл он тогда дыру крышкой, и направился из лесу домой.

Пришел из лесу домой. Взял ведро. Пошел опять в лес, ведро медом наполнил, а крышку опустил на место. Двинулся в одну деревню, мед продал, поимел неплохую прибыль. Теперь уж хворостом не промышляет. Таскал-таскал мед из дырки, притомился. И пошел к соседу и сказал ему:

— Я тут одну вещь отыскал, ты не говори никому. Айда со мною.

Взяли с собой квасные ведра, горшки с собою прихватили, отправились.

Дошли до места. У соседа глаза на лоб полезли. Черпают мед из дыры, только шум стоит. Нагрузились, домой потопали. Меду — невпроворот, уж и ставить-то дома негде. Но там, в дыре, все подчистую выскребли. Ни единой капли не осталось — ну, в таком разе и сам бедняк, и сосед его вроде как успокоились.

Вот у бедняка опять все деньги кончились. Знает он, что меду в дыре ни ложки, а страсть хочется ему еще разок туда наведаться: вдруг, мол, что-то появилось в дыре этой, а? Не стерпел как-то, двинулся в лес опять. Ладно, дошел и крышку откинул. Набравшись духу, сам туда полез, в дыру эту. «Что-то,— думает,— непременно есть там, интересное». Спустился, глядь — а сбоку в стене ручка торчит на манер дверной: право, интересно. Увидел он ручку эту и загорелся: «Непременно там есть что-то!». Вздохнул и за ручку дернул. Открылась ему тогда картина: простор светлый, и там, в сиянии — клубками змеи вьются, да большие какие — страх! Посреди самого скопища возвышение белоснежным покрывалом застелено... и Белый змей на покрывале возлежит. Зашипели змеи, потянулись к бедняку, пасти смрадные разинули. В самый жуткий миг дернул Белый змей кончиком хвоста, словно приказал всем: «Смирно лежать, не трогать!» Возле того возвышения белый камень лежит. Блестящий весь, очень приятный. Змеи к нему так и тянутся, лизнуть норовят.

У бедняка тем временем от голода живот свело. Прямо сил больше терпеть нету, как ему есть хочется. И то: сколько уж времени ни крошки во рту не было. Махнул Белый змей хвостом, иди, мол, сюда — бедняку-то этому. А он сидит, шевельнуться боится: «Сожрут,— думает,— змеи, и пикнуть не успеешь». И в этот миг заговорил Белый змей человеческим языком:

— Джигит, послушай меня. Забрал ты весь мед, который мне на пропитание был предназначен, продал его и поимел некоторую пользу. Опять сюда забрался. Не иначе — есть у тебя и жена, и дети: скучать по тебе станут. А ты уж больше их не увидишь, отсюда тебе вовек не выбраться. До конца теперь с нами жить будешь.

Заплакал бедняк, само собой, от такого сообщения, а Белый змей говорит:

— Ты не бойся, я тебя в обиду не дам. Ни одна тварь тебя не тронет, а есть захочешь — подойди, лизни вот этот вот камень. Тогда и сыт станешь, и жажду тем утолишь.

Делать нечего, хоть и боится бедняк, а пошел, камень лизнул... И о голоде тотчас забыл, и жажды как не бывало.

Вот вспомнил однажды он свой дом, детей да жену, заплакал слезами горькими. Пожалел его Белый змей. А джигит возьми да скажи в тот самый миг:

— А сам-то ты кто будешь, если всех здешних гадов ничуть не боишься?

Почему бы и не поговорить с ним, коли уж Белый змей сам заговорил.

Белый змей говорит:

— Я,— говорит,— их падишах буду. А звать меня Шахмара.

Джигит говорит:

— А нельзя ли мне как-нибудь отсюда выбраться, ради всего святого, послушай ты меня, не отказывай!

Шахмара говорит:

— Я бы тебя выпустил, да только ты будешь причиною моей гибели. Ты обо мне людям расскажешь. И рассказ тот не чем иным обернется, как смертью моей.

— Не скажу, клянусь всем, чем хочешь,— уверяет джигит, ну, и в грудь себя бьет, и клянется всяко, мол, как увидел, так и забуду напрочь.

Когда он так наобещал, Шахмара и велел некоей змее: «Иди, мол, выпусти его отсюда»,— то есть хвостом по-своему указал. И опять:

— Коли скажешь кому, тут мне конец наступит. Не смей говорить, обижусь иначе!

— Не скажу,— говорит джигит, заплакал, конечно, клятву дал. Потом уцепился он за хвост той змеи, и змея его наружу выволокла. А сама опять вниз, в дыру, юркнула.

Джигит домой вернулся. Домочадцы его обрадовались, всплакнули даже на радостях. Еще бы: столько месяцев пропадал человек, да вернулся вдруг — большая радость!

Заболел в том городе падишах. Лекарей всяких к себе призвал.

— Для того,— говорят ему знахари, чтобы от этой болезни излечить, нужен человек, который Шахмару видел.

Падишах говорит:

— А что такое этот Шахмара? Я его не знаю. Один знахарь говорит:

— Шахмара — это Белый змей, змеиный падишах.

Падишах говорит:

— Мало ли кто его видел, как мы такого человека распознаем?

— А это уже наше дело. Ты прикажи баню сделать. И чтобы каждый человек в эту баню сходил. Вот тогда мы распознаем. Тот,

кто

Шахмару видел, телом должен быть весьма пятнист, понятно?!

Приказал падишах — баню построили, истопили как следует. Когда все приготовили, стал падишах приглашать людей в бесплатную баню. Ну, пошел народ. Бесплатно-то каждый готов попариться. Тех, кто в баню сходил, записывают поименно. Потом и принуждать стали, ходят, спрашивают: «А ты в бане был?» Если нет — ступай, мол, и не сопротивляйся. Поймали и того бедняка, который Шахмару видел. Спросили у него:

— Был ты в бане или нет еще?

Он говорит:

— Был.

Посмотрели по записи, говорят:

— Как тебя зовут?

Он говорит:

— Так-то.

Ищут теперь его имя по книжке. Нету. И потащили его в баню силком. Разделся он теперь. Телом пятнист — дальше некуда, полосат весь и черно-бел. Распознали его, конечно, знахари, но спрашивают:

— Отчего у тебя тело такое странное?

Он говорит:

— Это у меня с детства так.

Знахарь говорит:

— Нет, это у тебя не с детства. Ты змеиного падишаха видал, Шахмару, оттого и телом пятнист.

— Не только змеиного падишаха, но и простую змею никогда не видал,— говорит бедняк. Обманывает, конечно, потому как не хочется ему змеиного падишаха губить.

За обман падишах его в тюрьму посадил. Три дня просидел он там без еды, и каждый день допытывались:

— Ты,— говорят,— лучше скажи, если видал.

Нет, не говорит бедняк. Ну, выпустили его из тюрьмы. Знахарь говорит:

— Надо ему иголки в тело втыкать, да не сразу много, а по одной, тогда скажет.

Притащили бедняка. Воткнули иголку. Закричал бедняк дурным голосом. Еще одну иглу воткнули. И закричал он тогда пуще прежнего. Но опять не сознается. Только воткнули в него и третью иглу — не выдержал:

— Видел,— говорит.

— Почему не сознавался?— говорит знахарь.— Сколько времени протянул, давно бы так! Где видел?

Тот говорит:

— Прошуршал в лесу, откуда же мне знать было, что это змеиный падишах...

Знахарь спрашивает дотошно:

— В каком лесу, где именно?

Тот говорит:

— Не знаю, давно это было, теперь уж и не припомню.

Знахарь говорит:

— Раз так, раз не признаешься, мы тебе вот некоей машинкой руки-то ущемим, да станем по одному ноготки выдирать.

Тот молчит. Посадили его возле машинки. Руки ущемили. Выдрала машинка у него с одной руки все ногти. Молчал бедняк. За другую руку принялась. Как содрала ноготь с мизинца, он и признался:

— Так-то, мол, и так-то, видал там-то, но людей туда не поведу, сам отыщу и к вам представлю.

Взял бедняк золотую тарелку и, собравшись духом, отправился за Шахмарой. Пришел в лес, крышку откинул. Вниз спускаться он не стал, крикнул сверху изо всех сил:

— Шахмара!

Услыхал Шахмара его зов, ползет из дыры плавно, как вода в реке течет:

Эй,— говорит,— джигит, так-то обещания, клятвы свои держишь? Я бы еще пожил на белом свете, да тебе сдуру доверился. Теперь все, конец мне приходит.

Увидал бедняк Шахмару и заплакал:

— Никогда бы не проговорился. Три дня в тюрьме продержали. Иголки в меня втыкали. Ногти с одной руки повыдирали, и то молчал. Да уж больно страшно дыхание смерти: как с другой руки стали выдирать — не утерпел, сказал им...

— Ну, что ж... Видно, судьба моя такая. На тебя зла не держу, много ты страданий за меня принял.— И стал Шахмара того парня уму-разуму учить:— Вот понесешь ты меня во дворец, чтобы сварить моего мяса для больного падишаха. Тебе и велят меня варить. Как примешься,— говорит,— разруби меня на три части. Первый отвар велят слить и в сторону отставить. Скажут тебе: выпей этот отвар. Второй отвар опять прикажут слить и в сторону отставить. И третий отвар слить велят и отставить в сторону. Сделаешь все, как приказано. Только первый и третий отвар местами поменяй. И на третий отвар укажи — вот, мол, отвар первый.

Принес бедняк Шахмару во дворец. Велели ему сварить Шахмару. Разрубил он Шахмару на три части. Бросил в котел. Первый отвар слил и в сторону отставил, в отдельной посуде, и второй отвар, и третий. Потом взял быстренько да первый отвар с третьим местами поменял.

Пришел тот знахарь:

— Отварил?

— Отварил.

— Где первый отвар?

— Вот,— показал бедняк.

— Где второй отвар?

— Вот тут.

А он поменял ведь отвары местами-то, как его Белый змей научил. А для чего — и сам не знает.

— Вот это я выпью, а это — пей ты,— говорит знахарь. Достался знахарю вместо третьего первый отвар. И тут же лопнул живот у знахаря. А бедняк сам выпил третьего отвару и стал понимать, о чем в котле толкуют куски разрубленного Шахмары.

Разговаривают в котле куски-то. Голова говорит:

— Если падишах меня съест, у него голова перестанет болеть.

Туловище говорит:

— Если меня съест, тело перестанет болеть.

Хвост говорит:

— Если меня съест, ноги перестанут болеть.

Оказывается, знахарь, хотел третьего отвару испить, чтобы понимать язык лошадей, коров и всех других животных. Теперь, конечно, бедняк тот язык всех животных и зверей понимает.

Дали падишаху поесть голову Шахмары: у падишаха голова прошла. Дали туловище — живот прошел. Хвоста дали отведать, и ноги у падишаха излечились. Стал падишах здоровее прежнего.

В конце концов бедняк тот сам стал ученым лекарем. От всех болезней умел лечить и языки звериные знал.

Перевод Р.Ахунова.

МУДРЫЙ СТАРИК

Давным-давно жил один злой падишах. Решил: незачем кормить старых людей, ведь они для работы не пригодны. И по его приказу убивали всех стариков, доживших до семидесяти лет.

У одного джигита был семидесятилетний отец, сын пожалел его и спрятал от слуг падишаха. И этот джигит, говорят, каждый день, как закончит свои дела, заходит к отцу. Отец спрашивает:

— Что на свете нового, сынок?

Сын ему рассказывает все, что видел и слышал. Однажды приходит сын к отцу и говорит:

— Видел я, как падишах со своими визирями спустился к реке. На дне этой реки углядели они жемчужину, блестит она, переливается. Но сколько ее под водой ни искали, найти не смогли. На дне ее нет, а с берега посмотришь — на том же месте блестит. Никто не может растолковать, в чем дело. Уж на что визири ученые, и те руками разводят.

Старик спрашивает:

— Скажи, сынок, а не растет ли на берегу какое-нибудь дерево?

— Как не расти,— отвечает сын,— как раз под тем деревом и ищут.

— А нет ли на том дереве птичьего гнезда?

— Есть,— говорит сын.

— Раз так, то искать жемчужину надо не под водой, а на дереве, в гнезде. На воде только ее отражение.

На другой день падишах со своей свитой опять приходит к реке. Снова ныряют за жемчужиной, однако найти не могут. Тогда джигит подходит к хану и говорит:

— Достопочтенный падишах, дозволю мне слово молвить. Та жемчужина вовсе не на дне лежит, а в гнезде, на дереве.

Ханские слуги мигом взобрались на дерево и нашли огромную жемчужину величиной с гусиное яйцо. Хан только диву дался. Спрашивает у джигита:

— Кто тебя надоумил?

— Сам догадался, — отвечает тот.

Падишах давай ругать своих визирей:

— Хоть вы и ученые,— говорит,— а простой крестьянский юноша умнее вас оказался.

Разозлились визири на джигита за то, что умом их превзошел. Решили они его погубить. Приходят к падишаху и говорят:

— Хвастался он, что все на свете знает. Покажем-ка ему двух жеребцов. Они между собой похожи, как две капли воды, разница только в возрасте. Пусть он угадает, который из них старый, а который молодой. Да пусть к ним близко не подходит и в зубы не смотрит. А не справится хвастун с задачей — голова с плеч.

— Быть по-вашему, — отвечает падишах и велит позвать джигита. Приходит джигит, он ему и говорит:

— Покажут тебе завтра двух одинаковых жеребцов. Нужно тебе угадать, который из них старый, а который молодой.

— Ладно,— отвечает джигит, а сам пригорюнился, голову повесил. Приходит он домой сам не свой и идет к отцу.

— Как дела, сынок?— спрашивает старик.

— Отец, жемчужина была там, где ты говорил. Да вот беда: задал мне падишах задачу потруднее,— и рассказал сын отцу про жеребцов.

— Не печалься, сынок,— говорит отец.— Ничего сложного тут нет. Когда будут вести коней, смотри внимательно: молодой жеребец как ветер будет лететь, а старый посторонится, молодому дорогу уступит.

На другое утро пошел джигит к падишаху. Велел падишах привести жеребцов. Смотрит джигит: двигаются навстречу два жеребца, один вскачь идет, другой голову опустил и первому дорогу уступает.

Показал джигит, где тут молодой жеребец, а где старый. Но визири на этом не успокоились, придумали ему новое испытание.

Дают ему два одинаковых полена, оба саженой длины, оба гладко отесанные, и говорят:

— Оба эти полена сделаны из одного дерева. Какое из них сделано из нижней части дерева, а какое — из верхней?

Дали джигиту день подумать. Опять он голову повесил, приходит к отцу и говорит:

— С теми двумя жеребцами все вышло так, как ты, отец, говорил. Да вот задали мне новую загадку,— и рассказал про поленья.

— Не горюй, сынок,— говорит отец.— Эти поленья нужно в воду опустить. То полено, которое глубже в воду уйдет, было нижней частью дерева, а то, что повыше будет плавать,— было вершиной. На другое утро приходит джигит к падишаху. Ставят перед ним два одинаковых полена. Он их велит в воду опустить, а потом и говорит:

— Вон то, что глубже в воде, было ближе к корню дерева, а другое — к вершине.

Тут падишах джигита спрашивает:

— Кто тебе помог загадку разгадать?

— Сам догадался,— отвечает джигит.

— Нет,— говорит падишах.— Не мог ты сам догадаться. А не скажешь, кто тебе помог — висеть тебе на том суку.

Пришлось джигиту во всем признаться:

— Не вели меня казнить. Ослушался я твоего приказа, пожалел своего старого отца и спрятал. Он-то и помог мне все загадки разгадать.

Задумался падишах и говорит:

— Молодость хороша силой, а старость — мудростью. Не прожить, видно, на свете без стариков.

И велел отменить свой первоначальный приказ.

Перевод Ф.Ситдиковой.

ТРИ ДОЧЕРИ

Жила в давние времена одна женщина. И было у нее три дочери. Много приходилось работать женщине, чтобы одеть, обусть и прокормить дочерей. А дочери росли хорошими. И выросли они одна краше другой. И вышли они все трое замуж, разъехались, и осталась мать одинокой.

Вот прошел год, другой, третий. И случилось так, что заболела мать. Вот и просит она белку, которая жила в лесу неподалеку:

— Белка, белка, позови ко мне моих дочерей! Белка сразу же побежала выполнять просьбу. Прибежала белка к старшей дочери, постучала в окно.

— Ой,— сказала старшая дочь, выслушав белку.— Я сразу бы к маме побежала, да вот тазы надо чистить.

А она и вправду тазы чистила.

— Ах так,— рассердилась белка,— тогда и не расставайся вовек со своими тазами!

Только сказала — вмиг захлопнулись тазы, и превратилась старшая дочь в черепаху.

А белка тем временем к средней дочери прибежала. Рассказала ей печальную весть о матери.

— Эх, побежала бы я к маме, да вот холст надо к ярмарке доделать.

А она и вправду холст ткала.

— Ах так,— рассердилась белка,— ну, тогда всю свою жизнь только это и делай, холсты тки!

Сказала так, и средняя дочь мигом в паука превратилась.

А когда белка в окошко к младшей дочери постучала, та тесто месила. Как услышала она, что матери плохо, руки вытереть не успела — побежала к ней.

— Доброе у тебя сердце,— сказала белка.— Так пусть же и люди к тебе добрыми всегда будут. Живи, милая, счастливо и людей делай

счастливыми! И люди будут любить тебя и добро твое никогда не забудут.

Так оно и стало.

Перевод С.Гильмутдиновой.

ДОБРЫЙ СОВЕТ

В одном ауле жили два брата, для лентяя. Работать они не работали, а гулять да сладко есть любили. Так они прожгли всё, что досталось им в наследство от отца.

Однажды вечером стали братья вспоминать, как отец трудился, и стало им совестно за своё безделье.

В это время раздался стук в дверь.

Братья открыли дверь и увидели у порога старика.

— Пустите меня на ночлег, попросил старик.

Братья накормили старика, приготовили ему постель. Прежде чем лечь, старик спросил братьев, почему они такие грустные. Братья ничего не скрыли, всё рассказали ему про свою жизнь. Выслушал их старик и говорит:

— Если хотите быть богатыми и счастливыми, то живите так, чтобы все вас уважали, ешьте мёд и спите на пуховых перинах.

Сказав это, старик лег и заснул. Заснули и братья. А когда утром проснулись, старика в избе уже не было.

Начал младший брат смеяться над стариком:

— Этот старик, видно, хотел подшутить над нами и дал такой глупый совет!

А старший брат подумал, и сказал:

— Нет, старик дал нам мудрый совет. Он дал нам понять, что мы должны вставать с зарёй и раньше всех отправляться на пашню; тогда все прохожие будут с почтением кланяться нам. Когда мы устанем и вернёмся с

работы, даже чёрствый хлеб покажется нам слаще мёда, а постели наши покажутся пуховыми перинами.

— Верно! — ответил младший брат.

Встали они на заре и отправились на пашню. Увидели их люди, поздоровались, доброго дня пожелали.

Наработались братья, вернулись домой, поели всё, что жёны приготовили. И такой вкусной им эта еда показалась! А после еды улеглись они и тут же крепко заснули.

Так и повелось у них с тех пор. И скоро стали братья жить без нужды, в большом достатке.

А как сойдутся они вместе после работы, вспоминают о добром совете старика.

Перевод И.Архиновой.

***ПРЕДЫСТОРИЯ
ТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ***

Кул Гали

ок. 1183-1240

СКАЗАНИЕ О ЙУСУФЕ*

<...>

Узнай, кто был Иусуф, что было с ним — внемли,
Как его братья зло с ним поступить смогли,
Как он владыкой стал Египетской земли,
Я расскажу в стихах,— внемлите мне теперь.

<...>

Сон Йусуфа

Одиннадцати лет был праведный Йусуф,
Когда к Йакубу он прильнул, слегка вздремнув,
И он увидел сон, уже совсем уснув,—
«Отец,— сказал он,— сон мне истолкуй теперь.

Блеск солнца и луны увидел я во сне,
Одиннадцати звезд свет видел в вышине,
И все они земной поклон отдали мне.
Таков мой сон. Его ты истолкуй теперь.

Виденью моему истолкованье дай,
Что станет со мной — об этом знанье дай,
Во благо и в добро мне предсказанье дай,—
Пусть этот сон пошлет надежду мне теперь!»

Тогда истолковал Йакуб Йусуфа сон:
«Тебе,— он произнес,— во благо будет он,
Ты милостью творца да будешь одарен,
Тебя ждут слава, власть,— надеюсь я теперь.

Я верю: бог тебе владенья в дар пошлет,
Богатство даст тебе он от своих щедрот,
И братья тебе честь окажут и почет —
Послужат тебе все одиннадцать теперь.

<...>

Но тайна — этот сон, мой сын, он — непростой,
Ты смысл и сущность сна от всех людей сокрой,

* Отрывки из поэмы.

Храни себя, мой сын, от зависти людской,
Ведь дьявол — враг людей от века и теперь.

Смотри, чтобы твой сон не выдал кто-нибудь,
От братьев сон сокрой и осторожен будь,
Не то тебе от них злой мести не минути,—
И сон страданье нам пошлет уже теперь».

<...>

И братья обо всем, что было, разузнав,
На путь негодных дел наставили свой нрав,
В сердца их злость вошла, все доброе поправ,—
Задумали они недоброе теперь.

Ведь если выйдет так, что станет явью сон,
И будет брат Йусуф всевластьем облечен,
И станем мы служить властителю времен,
Для нас в этом — позор, немалый стыд теперь.

<...>

Мы табуны, стада пасем и день и ночь,
Мы ходим за скотом, нам от трудов невмочь.
Йусуф, Рахили сын, до вещей снов охоч,
А больше, чем мы все, отцом любим теперь.

Давайте-ка сейчас мы все к отцу пойдем,
Йусуфа отпустить попросим, а потом
Куда-нибудь его подальше заведем,—
Убьем или продадим,— решим же так теперь.

<...>

Пришли они к отцу с поклоном — речь вести
И, жалкий вид приняв, сказали: «Отпусти
Йусуфа нынче к нам — овец с нами пасти,
— О Израил, пусть он пойдет при нас теперь.

<...>

Йакуб сказал им: «Нет, не выйдет ваш расчет,
Йусуф за вами вслед вовеки не пойдет,
И я не соглашусь на это в свой черед:
Душе моей — не жить с Йусуфом врозь теперь».

Тогда они, хитря, Йусуфа обманув,
Сказали: «У отца ты сам спросись, Йусуф,
Пойдем-ка погулять, на все вокруг взглянув, —
Там птицы гнезда вьют на всех лугах теперь».

«Отец,— сказал Йусуф,— ведь каждый рад весне,
И с братьями пойти ты разрешил бы мне.
Увидели б мы дол в привольной ширине,
А к ночи я бы вновь пришел к тебе».

<...>

Покорен был Йакуб велению высших сил,
И с братьями идти Йусуфа отпустил.
От братьев взяв обет,— он в этом твердым был,
«Пусть завтра он пойдет,— сказал Йакуб теперь, —

Я завтра разрешу его вам увести,
Но я вам всем велю беречь его в пути,
Вам — охранять его, заботы все нести,
Душою светел, рад да будет он теперь».

<...>

Йусуфа проводив, Йакуб на холм взошел
И, видя пред собой раскинувшийся дол,
Верблюдицей он выл: детеныш прочь ушел,
Потоки слез лились из глаз его теперь.

Когда Йусуфа скрыл далекий окоем,
От горя зарыдав, Йакуб вошел в свой дом:
«Да будет, о творец, Йусуф тобой ведом,
Не жги меня, молю, огнем разлук теперь!»

<...>

А братья и Йусуф зашли за холм, и с плеч
Его спустили вниз, велев на землю лечь.
Проткнув его бурдюк — чтобы воде истечь,
Они всю его снедь псам бросили теперь.

И, встав, Йусуф бежал за братьями вослед,
Он понял, что его ждет участь мук и бед,
Что любо братьям зло свершить ему во вред,
И он решил спросить их обо всем теперь:

«О братики мои, надежда вы моя,
Что делаете вы — скажите, не тая,
Зачем такое вам, и в чем виновен я,
Скажите, братья, мне, чем грешен я теперь?»

Они сказали: «Сон твой ложен до конца,
Обманом ты снискал доверие отца,
Тебя он больше нас и любит, гордеца,

Расплата настает тебе за все теперь».

Йусуф сказал в слезах: «Устал я, изнемог,
От жажды я томлюсь — всю плоть мне жар прожег,
От вас я отстаю — почти не чую ног!»
Но братья ничего не слушали теперь.

Они в ответ: «Ни сон тебе не будет впрок,
Ни толкованье сна — отца благой урок,
Ни то, что у отца ты — избранный сынок,—
Ты кару понесешь за все про все теперь».

<...>

Как он их ни молил, несчастен, одинок,
Участием никто Йусуфу не помог,
Все били, как могли, и каждый был жесток,—
Пускай тебе твой сон поможет, мол, теперь.

<...>

Ужель, — вскричал Йусуф, — злодейству вы верны
И поддадитесь лжи — навету сатаны,
Ужель вам жизнь моя и радость не нужны,
Ужель родство со мной вы пресекли теперь?

<...>

Изранен телом я, и в сердце тяжкий стон,
Нежданную беду терпеть я осужден.
Какой вы и отцу наносите урон —
Когда еще меня увидит он теперь!

<...>

Душа у Йахуды слов этих не снесла —
От жалости она сгорела вся дотла,
И устыдился он содеянного зла:
«Йусуфа, — он сказал, — убить не дам теперь!»

<...>

И Йахуда не смог расправу отвести,
Не смог их отвратить от грешного пути,
Йусуфа от беды он не сумел спасти.
Иначе поступить задумал он теперь.

«Не надо убивать,— вот, братья, мой призыв.
Не совершайте грех, кровь братнюю пролив,
Оставьте его здесь, в колодец посадив,—
Он или сам умрет, иль прочь уйдет теперь».

И речи Йахуды всем по душе пришлись,
И порешили все на этом и сойтись.
На мнении таком все сообща сошлись,
И стал Йусуф опять их умолять теперь.

Описание колодца Гадя

<...>

А братья, обвязав Йусуфа бечевой,
Сожгли свою любовь во злобе огневой.
Спеша его спустить в тот кладезь вековой,
Бранили все опять они его теперь.

«Скажите, в чем моя, — рыдал Йусуф, — вина?
Дурного не видал я никакого сна,
И вся моя душа от зла отрешена», —
Так горестный Йусуф их умолял теперь.

Но черствы и тверды на все мольбы в ответ,
Йусуфовым мольбам они не вняли, нет,
И не на пользу им был Йахуды совет,
И злоба все сильнее вскипала в них теперь.

<...>

И все за бечеву они тащить взялись,
И вместе в кладезь тот его спустили вниз,
И, даже не взглянув, как там Йусуф повис,
Тот жгут они серпом отрезали теперь.

«О господи, — возвал тогда Йусуф, — творец,
Лишь ты защитник всех загубленных сердец!
Моим надеждам всем, увы, пришел конец,
Молю, о боже: ты мне помоги теперь!»

И, ангел краше всех, возвестник Джебраил,
Привыший от творца дар неизбывных сил,
Йусуфа в тот же миг в колодце подхватил,
Не дав в подводный мрак ему упасть теперь.

<...>

Взял камень Джебраил. Тот камень в глубине
В колодце с давних пор покоился на дне.
И, словно прикреплен невидимо к стене,
Йусуфу камень тот опорой стал теперь.

И мягче шелка был Йусуфу камень тот,—
Он понял, что ему творец спасенье шлет.
И свет Йусуфа вмиг от темной глуби вод
Поднялся до земли и засиял теперь.

<...>

Возвращение братьев Йусуфа

Пустились братья в путь, чтобы домой идти.
Козленка заколол один из них в пути,
Чтобы на рубашку след кровавый навести,—
Шли, плача что есть сил, домой они теперь.

<...>

А братья все, приняв притворно скорбный вид,
И к дому подойдя, заплакали навзрыд:
«О, горе нам! Йусуф безвременно убит,
Утратили его мы навсегда теперь!»

<...>

Их крики услышав, Йакуб был сокрушен,
И горько он рыдал, и наземь падал он.
И сыновья его вздымали к небу стон:
«О, горе, горе! Мы, увы, грешны теперь!»

<...>

Рубашку всю в крови тут извлекли они,
К Йакубу поднесли — ты, мол, на кровь взгляни,
И ты, мол, эту кровь в вину нам не вмени.
И рухнул тут Йакуб без памяти теперь.

<...>

Сон Малика, сына Дагира

В Египте жил купец. Маликом звался он,
Он — сын Дагира был, Дагиром был рожден.
И сын Дагира вдруг увидел странный сон.
Призвал он ведуна — сон объяснить теперь.

И толкователь снов ответил: Рядом сядь,
Тебе я этот сон сумею разгадать.
И золото мне дай — монет червонных пядь, —
Во благо будет сон толкован мной теперь.

И ежели ты впрямь такой увидел сон,
И если ты во сне был в землях тех сторон,
Где кладезь Гадя есть, — ты будешь награжден,

И благородный раб будет твоим теперь.

Задешево тот раб тобою будет взят,
И много обретешь бесценных ты наград,
И станешь ты тогда и властен и богат, —
Блаженство для тебя предвижу я теперь.

<...>

Пошел Малик Дагир в пределы дальних стран
И через должный срок вступил он в Ханаан,
Вблизи колодца он сгрузил свой караван
И начал поджидать, чтоб сбылся сон теперь.

<...>

И в свой шатер Малик пошел — недолог путь.
Смышлен, он понимал всех дел и смысл и суть,
И двум рабам своим велел он почерпнуть
Из кладезя воды и принести теперь.

И двое из рабов — Башир с Бушрой — пошли
К колодцу, что стоял от стана невдали,
И воду стали брать ведром из-под земли,
И праведный Иусуф их увидал теперь.

<...>

И Джебраил сказал: «Встань, дожидайся тут
И поднимись наверх, держась за этот жгут.
Торговцы и купцы — уже на месте, ждут.
Что за цена тебе — увидишь сам теперь».

И подняли ведро Башир вдвоем с Бушрой,
И доблестный Йусуф явил им облик свой.
Кто переборет власть десницы всеблагой?
Все, что велит творец, исполнится! Теперь

Явился всем Йусуф из кладезя — со дна,
И ясный лик его сиял, словно луна.
Узрев его, Малик утратил ум сполна,
«Пред нами,— он вскричал,— тот юноша теперь!»

<...>

А братья между тем в долине среди гор
Узрели караван и рядом с ним шатер,
К колодцу подошли и вглубь вперили взор,
Но не было, увы, Йусуфа там теперь.

И братья, увидав гостей из дальних стран,
Гурьбой пришли туда, где стал их караван:
«От нас сбежал, мол, раб и в ваш он, верно, стан
Сюда пришел и здесь находится теперь».

<...>

И осторожен был Малик — он был умен,
И братьям в сей же час вернул Йусуфа он,
И братьями совет был скорый учинен:
Его мы как раба, мол, продадим теперь.

<...>

«Признал,— Малик сказал,— я правду ваших слов
И вашего раба купить у вас готов,
Беру я вместе с ним груз трех его грехов,
Бумагой бы скрепить нам договор теперь!»

<...>

И были там слова: «Мы все согласны в том,
Чтобы навеки в плен продать его рабом.
Писали договор мы все вдесятером,
И вот раба тебе вручаем мы теперь».

<...>

В путь вышел караван, а путь тот проходил
Там, где могильник был, печален и уныл,
И рухнул ниц Йусуф к какой-то из могил, —
Йусуфа мать — Рахиль лежала там теперь.

«О мать моя Рахиль,— Йусуф стонал навзрыд, —
Взгляни же на меня, на боль моих обид:
Запродан в рабство я и братьями забыт,
Я вольным прежде был и стал рабом теперь.

<...>

А раб Кылыч взглянул — Йусуфа, видит, нет.
Куда он ни смотрел — увы, пропал и след.
Тогда решил он дать хозяину совет
И не пошел один на поиски теперь:

Хозяин! Караван пускай прервет свой путь,—
Тот юноша успел куда-то улизнуть!»
Остановились все, узнав, в чем дела суть,
И начали искать Йусуфа все теперь.

<...>

Когда Кылыч, творя свой злобный произвол,

Йусуфа, волоча, к хозяину подвел,
Бранить Йусуфа стал Малик, жесток и зол,—
Он на верблюда вновь посажен был теперь.

И волею творца к ним знаменье сошло:
Завесой черных туч все небо облекло,
Поднялся ураган, дождь хлынул тяжело,
И страшный снег и град низверглись вниз теперь.

<...>

И понял все Малик — он получил урок,
Велел он цепи снять Йусуфу с рук и с ног,
И пред Йусуфом он с мольбой во прахе лег,—
Хозяин и рабы — молились все теперь.

Йусуфа облекли взамен рядна в халат
И подали коня — с верблюда был он снят,
И возвестил Малик, чтоб знали стар и млад:
Ведет сей караван Йусуф — не я — теперь.

<...>

И вышел в путь Малик — пошел весь караван,
Египетских они достигли скоро стран,
И с неба глас дошел до слуха египтян:
«Пришелец чудный к вам приблизился теперь.

Спешите все туда, где стал купец Малик,—
С ним юноша там есть — прекрасен, лунолик,
Никто среди людей с ним вровень не велик —
На ангела похож тот юноша теперь».

<...>

И восхитились все в Египте, как один,
И все сказали: «Он — не человеческий сын,
К нам ангела послал небесный властелин!»
И пали ниц во прах все перед ним теперь.

<...>

Перевод С.Иванова.

*ТАТАРСКАЯ ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*

Каюм Насыри

1825-1902

СОЛОМ-ТОРХАН

Давным-давно жил один очень бедный человек. Нечем было ему наготу прикрыть, негде приютиться. Вот и вынужден был весь свой век сидеть в соломе. Люди в шутку прозвали его за то Солом-Торхан падишахом. Была у него приятельница — лиса. Вот приходит она как-то и говорит:

— О друг мой, пришла мне охота женить тебя. Ведь тоска берет, как погляжу на такую твою жизнь. Пора бы уж и людям тебя показать.

Солом-Торхан отвечал на это:

— А что ж, окажи мне такую милость.

Отправилась лиса ко дворцу падишаха и попросила пудовку, мол, Солом-Торхан падишах золото свое перемерить желает. Собрала лиса кое-какие крупички золота с серебром, засыпала их в щелочки пудовки и назад отнесла. Выждала денька два — и снова к падишаху за мерой, и опять вернула ее с крупичками золота и серебра. Так проделала она три раза. А потом явилась к падишаху и сказала:

— О великий падишах, отдай твою дочь в законные жены моему другу Солом-Торхану падишаху.

И сосватала дочь падишаха за Солом-Торхана, пообещав богатый калым — пять вороных коней и двести соломенных городов...

Кончив дело, побежала лиса к Солом-Торхану:

— Друг мой, сосватала я за тебя дочь самого падишаха!

Очень удивился Солом-Торхан, услышав такое:

— Да как же я, голый, к дочери падишаха пойду?

— Ничего, не горюй, придумаем какую-нибудь хитрость,— отвечала лиса.

Повела она Солом-Торхана к реке, посадила в дырявую лодку и столкнула ее в воду. А сама разбросала на прибрежных кустах старое тряпье и побежала вдоль берега, крича:

— Караул! Караул! Солом-Торхан падишах тонет!
Помогите!

Так добежала она до дворца.

— Скорее, — кричит падишаху, — прикажи спасти твоего зятя! Он со всем добром своим идет ко дну!

Слуги падишаха живехонько вытащили Солом-Торхана из воды и доставили во дворец. Нарядили его в богатое платье и как зятя усадили на почетное место. Но Солом-Торхан не замечал никого, он смотрел только на свою одежду, ведь бедняга в жизни не видел на себе платья.

— Похоже, он никогда одежды не видел, — сказал падишах, — что-то глаз с нее не сводит.

Лиса на это отвечала:

— Попробуй дать ему что-нибудь получше, может, это платье не нравится?

А сама незаметно шепнула Солом-Торхану:

— Уж ты не оглядывай себя так, неприлично это.

Так вот и стал бедняга, который весь свой век просидел в соломе, зятем падишаха. И счастливо зажил с супругой.

Я у них нынче гостил, на колу чай пил, насилу вчера вернулся. А соломой-то от него все же пахнет.

Перевод

А.Бадюгиной.

ПАДЧЕРИЦА

Были также в давние времена у одного человека две дочери и сын. Одна из дочерей была неродная ему. Не любили ее в семье. Посоветовались однажды и решили отвести девушку в лес. Брат сказал ей:

— Пойдем в лес, будешь там ягоды собирать, а я нарублю дров. Вечером вернемся.

Взяла девушка клубок, ведро и поехала с братом. Далеко забрались они, в самую чащобу, наконец остановились. Распряг брат лошадь и пустил ее траву щипать, а сестре говорит:

— Ступай за ягодами да прислушивайся, вернешься, когда работать кончу. — С этими словами достал он топор и принялся дерево рубить.

А девушка взяла ведро и пошла искать ягоды. Брату только этого и надо было. Подвесил он к высокому дереву колоду, запряг лошадь и уехал домой. А девушку в лесу оставил. Вот ходит она по лесу и прислушивается. Колода на ветру раскачивается и — тук-тук — ударяется о ствол. Кажется девушке, что это топор дровосека стучит. «Брат все еще дрова рубит»,— думает она и спокойно продолжает собирать ягоды. Но вот и ведро с верхом наполнилось. Мало-помалу начало смеркаться. А тут и ветер улегся. «Видно, брат домой собирается»,— решила девушка и пошла назад. Вышла на знакомое место, а брата и след простыл. Заплакала она: «Что же мне делать?» и пошла по лесу. Шла, шла, пока на опушку не выбралась. А там в поле дорога. Идет она по дороге, плачет и приговаривает: «Укатился мой клубочек, не видал ли кто его?» Причитает она так, а сама все плачет и плачет. Вот видит, впереди табун лошадей пасется. Подходит она и говорит пастуху:

— Укатился мой клубочек, не видал ли ты, пастух? А пастух отвечает:

— Видел. Поможешь мне денек табун пасти, дам тебе лошадь.

Согласилась девушка. Целый день пасла она табун, получила лошадь и дальше верхом поехала. Едет, а сама все плачет и плачет. Долго ехала она, смотрит — впереди стадо коров. Целый день пасла она стадо, дал ей пастух за это корову. А потом повстречалось ей стадо овец. И здесь получила

девушка овцу. А там и козье стадо показалось. Дали ей козу. Вот едет она, едет, темно уж стало, глаза слипаются. «Что же мне делать?» — все плачет да причитает девушка. Далеко впереди мелькнул огонек. Обрадовалась она, подумала, что это деревня, и припустила лошадь быстрее. На краю деревни стояла маленькая избушка. Вошла в нее девушка, а там старушонка одна сидит. То была ведьма. Девушка ей и говорит:

— Укатился мой клубочек, не видала ль ты, бабуся?

А та и отвечает:

— Как же, видела, доченька, видела. А ты издали ли путь держишь?

Рассказала девушка все, что с ней приключилось. А ведьма и говорит:

— Ты, доченька, долго шла, устала, оставайся у меня погостить.

Утром послала она девушку баню топить. Сделала девушка все как надо и пришла к старушке:

— Бабушка, баня готова, пойдём помоемся.

— Ладно, доченька,— отвечает ведьма.

Вышли они из дома. Старуха и говорит:

— Не могу я идти, доченька. Возьми-ка ты меня за руки да поддай сзади коленкой, так и доведи.

А девушка отвечает:

— Нет, бабушка, нельзя так. Ты — старенькая, обидишься на меня.

Подняла она старушку на руки и отнесла в баню.

А там ведьма снова говорит ей:

— Возьми меня, доченька, за волосы и втащи наверх.

— Нет, бабуся,— отвечает девушка,— не годится так, обидишься ты,— и осторожно усадила ее на полоч.

Старуха говорит ей:

— А теперь попарь меня, доченька. Возьми веник за ветки да бей меня что есть мочи.

— Нет, бабушка, нельзя так,— отвечает девушка. Попарила она старуху веником, отнесла в дом и уложила в мягкую постель. Колдунья и говорит ей:

— Доченька, что-то зачесалась голова у меня, почеси немного.

Принесла девушка гребень, посмотрела на ведьмину голову да так и ахнула: там под каждым волоском золото, серебро, жемчуга, драгоценные камни. Кончила она чесать, а старуха говорит:

— Спляши-ка, доченька, очень хочу посмотреть, как ты плясать умеешь.

Сплясала девушка, а на пол ничего не упало. Старуха уж новое поручение дает:

— Сходи в баню, доченька, я там лоток с солодом сушить подвесила. Посмотри, высох ли солод.

Пошла девушка в баню, заглянула в лоток, а там золота, серебра, жемчуга, кораллов, драгоценных камней — видимо-невидимо. Прибежала она к старухе. А та спрашивает:

— Высохло ли, доченька?

— Высохло, бабушка.

— Ладно,— говорит старуха,— ну, а теперь попляши-ка еще разок.

Сплясала девушка, и снова ничего не просыпалось на пол. Поняла старуха, что девушка так же правдива, как и добра, и сказала:

— А теперь, доченька, если хочешь, можешь ехать домой.

— Я бы вернулась, бабушка,— отвечает девушка,— да дороги не знаю.

Старуха на это и говорит:

— Иди, доченька, я укажу тебе дорогу, коли не знаешь. Возьми с собой вот этот зеленый сундучок. Да только не открывай его, пока домой не приедешь.

Взяла девушка сундучок, поблагодарила старушку, села на лошадь и отправилась в путь-дорожку, а корову, овцу и козу повела за собой на веревке. День прошел, ночь минула, долгий путь проделала она, вот уж и деревня не за горами.

А у брата собачка была. Как принялась она тьявкать да приговаривать: «Думали со свету сжить, а девице богатой быть, тьяв-тяв!» Слушают ее брат с женой и переговариваются: «Что это с собакой? Сбесилась, никак». Бросились бить собачку палкой, а она знай свое твердит: «Думали со свету сжить, а девице богатой быть! Тьяв-тяв!» А тут и сама девушка подъехала. Вошла она в дом, открыла сундучок, смотрит, и глазам своим не верит: он до краев золотом, серебром, драгоценными камнями наполнен!

Зажила с тех пор девушка безбедно, а брат с женой покоя от зависти лишились. Решили они родную сестру тоже в лес свезти. Она тоже взяла клубок с ведром и отправилась с братом. В глухом лесу распряг брат лошадь и пустил ее пастись, а сам принялся рубить дрова. Пошла девушка с ведром по ягоды. Брат ее тем временем, как и в первый раз, подвесил к дереву колоду да и уехал домой. Девушка, перестав слышать стук топора, пришла к брату, а его уж нет.

Пошла девушка по лесу, приговаривая: «Укатился мой клубочек, не видал ли кто его?» Шла она так, пока не набрела на табун лошадей.

— Укатился мой клубочек, не видал ты его? — спросила она пастуха.

— Видел, помоги мне табун пасти, дам тебе лошадь.

— А на что мне твоя лошадь? — сказала девушка и пошла дальше.

Прошла она мимо коровьего стада, миновала стадо овечье. Вот уж и козье стадо позади осталось. Шла она шла, пока не набрела, как и сестра, на избушку ведьмы.

— Укатался мой клубочек, не видала ли, бабуся? — спросила она, войдя в дом.

А старуха отвечает:

— Как же, видала. Иди, доченька, истопи баньку.

А потом и говорит:

— Теперь, доченька, пойдём помоемся. Возьми меня за руки и поддавай сзади коленкой, так и доведи до бани.

— Ладно, бабушка.— Девушка так и сделала, взяла ее за руки и пинками довела до бани.

Старуха сказала:

— Будешь меня парить, держи веник за ветки и бей им по спине что есть силы.

Девушка так и сделала. И что бы ей ни поручалось, все исполняла в точности. Вот старуха говорит ей:

— Расчеши мне, доченька, волосы.

Взглянула девушка, а голова старухи полна золота, серебра, жемчуга, кораллов, дорогих камней самоцветных. Выбирает девушка серебро да золото, в карманы складывает, за пазуху сует. А старуха и говорит:

— Спляши-ка, доченька, очень уж поглядеть охота, как ты плясать умеешь.

Начала девушка плясать, а золото да серебро на пол посыпались. Посылает старуха девушку в баню.

— Посмотри-ка, доченька, просох ли солод в лотке.

Пошла девушка, смотрит, а там полон лоток серебра да золота, да камней дорогих самоцветных. Снова набила она ими карманы, за пазуху много попрятала. «Так вот как сестрица разбогатела!» — смекает про себя.

А старуха опять плясать ей велит. Заплясала девушка, и снова на пол золото да серебро посыпались. Поняла старуха, что она за человек, и говорит:

— А теперь ступай, доченька, домой. Иди вон той дорогой, — показала она и протянула черный сундучок, — возьми с собой вот это. Смотри же, не открывай, пока домой не придешь.

Обрадовалась девушка, схватила сундучок и домой побежала. Долго шла она и уж близка была деревня. Тут в доме брата собачка затыкала: «Думала богатой быть, а уж ей теперь не жить, тьяв-тяв!» «Собака не иначе, как сбесилась», — закричали хозяева и стали швырять в нее камнями, а та знай свое твердит: «Думала богатой быть, а выходит, ей не жить! Тьяв-тяв!» Как ни били собаку, как ни тузили — не так, мол, говоришь, надо: «Поехала за добром и вернулась с добром», — а она все свое твердит.

Между тем девушка добралась до дому. Откинула она крышку сундучка, а оттуда змея выскочила и задушила ее.

Вот ведь до чего зависть доводит.

Перевод

А.Бадюгиной.

АБУГАЛИСИНА*

В давние-предавние времена в селении Шеджег близ Бухары жили муж да жена. Жили они хорошо, дружно, согласно.

Однажды в этой прекрасной семье родились два мальчика-близнеца. Радости родителей не было границ. Одного из сыновей они назвали Аbugалисиной, а другого — Абухарисом.

Шло время. Дети росли. Наконец, мальчикам исполнилось по четыре года. Настала пора отдать их в школу (в глубокую старину в странах Востока дети начинали учиться в более раннем возрасте, чем теперь).

* Отрывок из поэмы-сказки.

— Пусть учатся, набираются знаний, выйдут в люди,— сказали отец и мать, посылая сыновей в школу.

Абугалисина обладал недюжинными способностями. Абухарис, хотя и приходился Абугалисине родным братом, уступал ему в остроте ума и сметливости.

Абугалисина учился очень хорошо, быстро улавливал все то, о чем говорил учитель, раз и навсегда запоминал услышанное. Знания, которые он получал от наставника, его не удовлетворяли, и он с ранних лет много читал. Поэтому в короткий срок он постиг ряд наук, и, как говорили в народе, «мог волос рассечь на сорок продольных частей».

О его сметливости и тонком чутье рассказывают много забавных историй. Вот одна из них. В ту пору в школах парт еще не было. Ученики, поджав под себя ноги, садились на кошму, которая подстилалась на пол. Как-то раз товарищи Абугалисины вздумали подшутить над ним. Улучив удобный момент, они под кошму, на которой сидел юноша, подложили лист бумаги и с огромным интересом стали ждать, что произойдет дальше.

Ничего не подозревавший Абугалисина вошел в класс, сел на свое место и, вдруг начал то опускать взор к полу, то поднимать его к потолку. Его спросили:

— Что с тобой? Что ты увидел там?

— Сам не пойму,— ответил он,— то ли потолок школы опустился, то ли пол приподнялся, но только что-то произошло.

Так, согласно легенде, юноша обнаружил даже бумажный лист, подложенный под кошму.

К двенадцати годам Абугалисина уже стал всесторонне развитым человеком и сам читал лекции по различным дисциплинам. Дети намного старше его приходили к нему учиться.

До обеда он учил детей, а после занятий вместе со своими же учениками шел на улицу играть. Такое поведение Абугалисины не нравилось некоторым людям, и они ему говорили:

— Ты и учен, и умен, сам обучаешь детей уму-разуму, разным наукам, в то же время сам играешь с ними во дворе.

На это замечание Аbugалисина спокойно отвечал:

— Каждый период человеческой жизни имеет свою красоту: особенность детства — игры.

Прошло еще несколько лет. Аbugалисина стал великим ученым. В Бухаре и его окрестностях не было человека, способного тягаться с ним в знаниях. Но сам он не был доволен достигнутым, он стремился получить еще более глубокие знания. Как-то с братом Абухарисом вдвоем они решили в поисках знаний отправиться в дальнее путешествие. Поклонились в ноги родителям и попросили у них благословения:

— Уважаемый отец, любимая мать,— сказали они, — нам хочется побродить по белому свету, увидеть чужие страны, набраться знаний, вникнуть в тайны природы. Разрешите нам исполнить желание, дайте свое родительское благословение...

Как ни трудно было родителям расставаться с сыновьями, однако не стали они мешать их благому намерению.

— Благословляем, — ответили родители,— поезжайте, куда надумали, посмотрите на людей, поучитесь уму-разуму и знания ваши используйте на пользу народа.

Братья отправились в путь. Отец и мать проводили их, пожелав на прощанье всяческих успехов.

Дни и ночи находясь в пути, преодолев огромное расстояние, братья достигли дальних стран. Они побывали во многих селениях, городах, повидали разных людей, встречались с видными учеными. Как-то забрели они в один городок. Вышли они на базарную площадь и видят: среди огромной толпы стоит какой-то человек и горячо о чем-то говорит.

Аbugалисина и Абухарис подошли поближе. Человек возвещал:

— О друзья! Слушайте все! Пусть никто не пропустит мимо ушей! Завтра широко распахнутся двери пещеры. Если думаете посетить ее,

получить знания, приготовьтесь. Но твердо запомните: из пещеры запрещено выносить книги и делать записи. В то же время каждый может получить столько знаний, сколько сможет оставить в памяти...

Братья очень заинтересовались этим известием. Они спросили у одного из жителей городка:

— Что это за пещера? Почему у нее распахиваются двери? Зачем об этом объявляют народу?

Тот ответил:

— В древние времена жил известный ученый по имени Фисагурис¹. Своими знаниями он прославился на весь мир. Это он создал науку о чудесных превращениях². Когда он умер, люди, желая сохранить созданное им учение, собрали все его книги и поместили их пещеру, а у входа поставили стражу. Ежегодно в одно то же время на три часа открывается доступ в пещеру. Каждому разрешается туда входить и изучать все, что захочется. Но выносить оттуда книги или делать записи нельзя.

Услышав эти слова, Абугалисина задумался, а затем сказал Абухарису:

— Вот мы и нашли то, чего искали. Но за три часа немного сделаешь. А нам, чтобы пополнить свои знания, времени нужно гораздо больше. Но мы их перехитрим. Зайдем в пещеру, но выйдем оттуда только через год. Но без еды, без питья мы пропадем. Поэтому спешить не будем, и начнем готовиться к тому, чтобы в будущем году войти в пещеру.

Они так и решили поступить.

Абугалисина и Абухарис отправились в горы. Высоко вытянулись каменистые вершины. Ущелья и подножье горы поросли оливковыми деревьями. Носились разные животные, пели птицы.

¹ Подразумевается античный философ-идеалист и математик Пифагор.

² Люди в древние времена верили в существование такой науки, с помощью которой можно совершать всевозможные превращения, например, превратиться в невидимку и творить все, что захочется.

Братья нашли небольшую уютную пещеру и приспособили ее под жилье. Разыскали большой камень, которым можно было заложить вход в нее, чтоб предохранить себя от нападения хищных зверей, и стали жить там.

Абугалисина сказал своему брату:

— Нам надо заготовить запас провизии на год. Но по объему он должен быть настолько мал, чтобы его можно было незаметно пронести в пещеру. К тому же мы должны приучить себя есть как можно меньше. < ...>

Настал день, когда разрешался доступ в пещеру. Абугалисина и Абухарис, захватив свои запасы, подошли к заветным дверям и стали ждать. Как только раскрылись двери, они вошли в пещеру и спрятались в темном углу.

Три часа пролетели быстро. Все посетители поспешно покинули пещеру. Двери с шумом захлопнулись, послышался лязг замка. Все вокруг погрузилось в темноту. Сюда не проникал даже тонкий луч света. Юноши с помощью огнива зажгли светильник и принялись осматривать подземное книгохранилище.

Пещера была похожа на огромный шатер, разделенный на большое количество просторных комнат. В комнатах стояли стулья, а вдоль стен вместительные шкафы, полки которых ломались от книг. Вот такой чудесной оказалась эта пещера...

Братья обошли, осмотрели все комнаты и сели за книги, договорившись заранее ни о чем друг друга не спрашивать и не говорить, кто что будет читать. Вскоре они почувствовали необходимость в некоторых записях. Но вести записи было нельзя, отберут при выходе. Но братья предусмотрели все. Они захватили с собой луковичный сок, не оставлявший на бумаге заметных следов, и им писали.

Братья никогда не гасили светильник. Они спали по очереди, тщательно следя за тем, чтобы не погас свет. Источник света одновременно

им служил и календарем. По расходу масла в светильнике они определяли время года, точно знали и месяц, и неделю, и день. Это помогло однажды установить, что год уже на исходе. За этот срок они познали очень многое. Но верные своему слову, они не спросили друг у друга, что изучал каждый из них.

Скоро откроются двери пещеры, и она на три часа наполнится народом. За это время им надо незаметно выбраться оттуда. Забрав все свои вещи, братья подошли к дверям и притаились.

Наконец, послышался шум. У дверей собрался народ. Сердца Аbugалисины и Абухариса забились часто-часто.

Но вот с лязгом распахнулись двери. Плотный людской поток хлынул в книгохранилище. Воспользовавшись суматохой, братья вышли из пещеры незамеченными.

Как раз в ту пору в город приехали два колдуна и начали пакостить жителям. Их злодеяния вконец извели народ. Попытки изловить колдунов не увенчались успехом.

За год пребывания в пещере Аbugалисина и Абухарис неузнаваемо изменились; они обросли бородами, имели длинные ногти, вообще их внешний вид внушал ужас.

Жители города сразу же приняли их за колдунов, поймали и привели к царю. Царь не стал долго разбираться, приказал отвести братьев на площадь и обоим отрубить головы. Юношей привели на площадь, палачи приготовились к казни.

Тем временем Аbugалисина взглянул на Абухариса и проговорил:

— Не зря мы год мучились в пещере, изучая разные науки. В эту трудную минуту наши знания должны нас выручить из беды. Я пошел. С этими словами он исчез с глаз палачей. Все были ошеломлены его внезапным исчезновением. Палачи, вначале застывшие с поднятыми мечами как истуканы, затем опомнились и бросились на поиски Аbugалисины. В суматохе они совершенно забыли про Абухариса.

Абугалисина же очутился у озера возле царского дворца, нырнул в воду и скрылся. Сколько ни искали его, найти не смогли. Тогда палачи решили вернуться на площадь и казнить Абухариса. Пришли, а от него и след простыл. Пока палачи гнались за Абугалисиной, веревка, которой были связаны руки и ноги Абухариса, сама по себе развязалась и протянулась на крышу дворца. По этой веревке юноша влез на крышу и скрылся там.

От страха палачи стали рвать на себе волосы. Сильно перепугались и многие жители, они опасались, что для города наступят черные дни. Но Абугалисина и не думал использовать свои знания во вред народу, он никому не причинил зла. < ... >

Перевод

Б.Ибрагимова.

***ТАТАРСКАЯ ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX В.***

Габдулла Тукай

1986-1913

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родной язык — святой язык, отца и матери язык,
Как ты прекрасен? Целый мир в твоём богатстве
я постиг!

Качая колыбель, тебя мне в песне открывала мать.
И сказки бабушки потом я научился понимать.
Родной язык, родной язык, с тобою смело шел я
вдаль,

Ты радость возвышал мою, ты просветлял
мою печаль.

Родной язык, с тобой вдвоем я в первый раз молил
творца:

«О боже, мать мою прости, прости меня,
прости отца».

Перевод С.Липкина.

СОЛНЦЕ И ЛУНА

На Гималаях в колыбели золотой
Спит солнце ясное вечернею порой.
И ветер тихий от него не отойдет,
Лелеет сон его всю ночь напролет.

А чуть проснется солнце, ветер засвистит
И о приходе утра всех оповестит.
Вот пролетает он по всем краям опять.
«Скорей вставайте! — говорит он. — Хватит спать!»

Лишь только солнце покидает колыбель,
Ложится месяц, младший брат его, в постель.
И в колыбели золотой — звезда к звезде —
Созвездья дремлют, словно птенчики в гнезде.

Спит крепко месяц до заката, а потом
Вновь улыбается земле своим лучом.
По-братски солнце чередуется с луной,
И свет их дружеский сияет над землей.

Перевод С.Ойслендера.

МЫШЬ, ПОПАВШАЯ В МОЛОКО

(Из одной американской газеты)

Подполья жительница — мышь, в амбаре шастая
тайком,
Не знаю как и почему, попала в чашку с молоком.
Бедняжка мечется, плывет, по стенам лапками
скользит
И тонет в белом молоке — оно ей гибелью грозит.
Нельзя бездействовать в беде!
И мышка правилу верна,
Плывет и вдоль и поперек,— спастись надеется она.
Не пропадают зря труды...
Вот легче, вот совсем легко.
Так долго плавала она, что в масло сбилось молоко.
Теперь, на масло опершись, она встает,
а там, глядишь,
Из чашки выпрыгнула вмиг — и убежала в норку
мышь.

Перевод Р. Морана.

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ

В саду беспечный мотылек резвился ночью мая,
Порхал, играл,
среди цветов садясь и вновь взлетая.
Вдруг увидал он — далеко сверкает в поле что-то,
То разгорится, как звезда, то меркнет позолота.
Как все на свете мотыльки, пленившись красотою,
Он полетел туда и сел на что-то золотое.
И это был огонь костра, что путники забыли.
И мотылек, сгорев дотла, стал кучкой серой пыли.

Перевод В. Тушиновой.

СОЛНЦЕ И ДОЖДЬ

Сказало Солнце: «Буду век светить,
Совсем не буду с неба уходить».

Ответил Дождь: «Я буду день за днём
Всё заливать потоками кругом».

Сказало Солнце: «Но ведь ты — вода.

В грязь превращаешь землю ты всегда.

Ты знаешь лишь одно: ручьи текут,
Распутицу рождая там и тут.

Хлеба в полях гниют, скудеет дол.
И молится мужик, чтоб ты не шёл».

А Дождь в ответ: «Ты ото дня ко дню
Все жарче, хлеб сжигаешь на корню».

От гнева Солнце запылало зло.
Пыланье все границы перешло.

Сказало Солнце: «От моих лучей
И плод, и свет земле обширной всей».

Ответил Дождь: «Уж если ты плоды
Плодишь, то как расти им без воды?»

Идти не буду, влагу принося —
Повысохнут сады и зелень вся».

Они так долго спорили в пылу.
Так друг на друга сыпали хулу,

Что под конец решили слово дать
Бесплодный этот спор не продолжать.

Они решили дело так вести,
Чтоб каждый был в почёте и в чести.

Да будет Солнце в свой черёд пылать,
Дождь в свой черёд свой дар ниспосылать.

И Дождь, и Солнце с тех до наших пор
Не нарушают этот уговор.

Перевод В. Соколова.

СЧАСТЛИВЫЙ РЕБЕНОК

Очень счастлив тот ребёнок, что в занятия влюблён,
Чтит учителя и помнит всё, что на дом задал он;

По пути ворон не ловит и приходит в школу в срок;
Не шалит и не играет, коли ждёт его урок;

К людям добр, дорогу старшим уступает в свой черёд,
Не смеётся над несчастным, слабым руку подаёт.

Перевод Р. Морана.

ФАТИМА И СОЛОВЕЙ

Фатима:

Почему ты не поешь, мой соловей?
На душе светлей от песенки твоей.
Вдоволь корма в клетке славной у тебя.
Что ж склонил свою головушку, скорбя?

Соловей:

Я в лесу зеленом песни распевал,
Я на воле зори вешние встречал.
Как же петь мне, где же радость у певца,—
Там, в лесу, осиротели три птенца!
И подруга ждет на ветке день-деньской,
Чахнет, сохнет без меня в разлуке злой.
Эта клетка — знаешь истину сама:
Золотою будь, а все ж она тюрьма...

Фатима:

Соловей! Открыла дверцу я тебе,
Ты на воле о моей молись судьбе.
Будь свободен и в зеленый лес лети,
Соловьят своих на воле ты расти!

Перевод С.Обрадовича.

БЕЛЫЙ ДЕД

На белый мир летит снежинок кутерьма,
Укрыты снегом все деревья и дома.
В такую пору весь в снегу приходит Дед,
Игрушками для нас полна его сума.

Мы радостно галдим-шумим: «Спасибо, Дед!
На радость нам живи на свете много лет!»
Бедняге Деду нипочём ни снег, ни дождь,
Приходит так. И большего нам счастья нет.

Перевод М. Акчурина.

ЛЕСТНИЦА

Стояла лестница в саду, так тяжела и высока,
Что, вероятно, было в ней ступеней свыше сорока.

Хотя ступени все нужны и ни одной нельзя убрать,
Не хочет верхняя ступень себя с подругами равнять.

— Я наверху, а вы внизу! — им говорит она, горда.—
Вам, нижним, жалким, до меня не дотянуться никогда!

Но люди лестницу в саду перевернули, как на грех,
— Была ступенька наверху, а оказалась ниже всех.

Перевод В.Тушиновой.

ЛЕТОМ

Жарко. Душно. Зной мертвящий. Мочи нет.
Нельзя терпеть.
Воздух замер, и деревья перестали шелестеть.

Всюду засуха. Мелеют воды речек и озёр.
Чахнут все цветы и травы, полевой завял ковёр.

Под листвою порыжелой дети прячутся в тени,
Там прохлады не находят — в пруд бросаются они.

Словно рыбки, там ныряют дети с самого утра,
Только вечером на берег вылезает детвора.

Вдруг лица едва коснулись, словно лёгкие шелка, —
Благодатная прохлада, дуновенье ветерка.

Там за ближним лесом небо блещет молнийным
огнём,
Приближаются раскаты, всё слышней рокочет гром.

Перевод А.Ахматовой.

ЗАБАВНЫЙ УЧЕНИК

— Ну, давай, Акбай, учиться!
Сядь, дружок, на хвостик свой!
Смело стой на задних лапках!
Чур, не падать, прямо стой!

— Ах, зачем меня ты мучишь? Я совсем еще щенок,
Мне всего недель двенадцать...

Не хочу учить урок!

Отпусти меня, не надо! Прогуляться я хочу.

На лугах, на мягкой травке поваляться я хочу.

— Глупый песик!

Нужно к делу приучаться с малых лет.

Ремеслом не овладеешь, если будешь стар и сед!

Перевод Р. Морана.

ШУРАЛЕ

1

Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай.

Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!

Хоть я родом не оттуда, но любовь к нему хранил,

На земле его работал — сеял, жал и боронил.

Он слывет большим аулом? Нет, напротив, невелик,

А река, народа гордость,— просто маленький родник.

Эта сторона лесная вечно в памяти жива.

Бархатистым одеялом расстилается трава.

Там ни холода, ни зноя никогда не знал народ:

В свой черед подует ветер, в свой черед и дождь

пойдет.

От малины, земляники все в лесу пестрым-пестро,

Набираешь в миг единый ягод полное ведро.

Часто на траве лежал я и глядел на небеса.

Грозной ратью мне казались беспредельные леса.

Точно воины, стояли сосны, липы и дубы,

Под сосной — щавель и мята, под березою — грибы.

Сколько синих, желтых, красных там цветов

переплелось,

И от них благоуханье в сладком воздухе лилось.

Улетали, прилетали и садились мотыльки,

Будто с ними в спор вступали и мирились лепестки.

Птичий щебет, звонкий лепет раздавались в тишине
И пронзительным весельем наполняли душу мне.

Здесь и музыка, и танцы, и певцы, и циркачи,
Здесь бульвары, и театры, и борцы, и скрипачи!

Этот лес благоуханный шире моря, выше туч,
Словно войско Чингис-хана, многошумен и могуч.

И вставала предо мною слава дедовских имен,
И жестокость, и насилье, и усобица племен.

2

Летний лес изобразил я,— не воспел еще мой стих
Нашу осень, нашу зиму и красавиц молодых,

И веселье наших празднеств, и весенний сабантуй...
О мой стих, воспоминаньем ты мне душу не волнуй!

Но постой, я замечтался... Вот бумага на столе...
Я ведь рассказать собрался о проделках шурале.

Я сейчас начну, читатель, на меня ты не пеняй:
Всякий разум я теряю, только вспомню я Кырлай.

3

Разумеется, что в этом удивительном лесу
Встретишь волка, и медведя, и коварную лису.

Здесь охотникам нередко видеть белок привелось,
То промчится серый заяц, то мелькнет рогатый лось.

Много здесь тропинок тайных и сокровищ, говорят.
Много здесь зверей ужасных и чудовищ, говорят.

Много сказок и поверий ходит по родной земле
И о джиннах, и о пери, и о страшных шурале.

Правда ль это? Бесконечен, словно небо, древний лес,
И не меньше, чем на небе, может быть в лесу чудес.

4

Об одном из них начну я повесть краткую свою,
И — таков уж мой обычай — я стихами запою.

Как-то в ночь, когда, сияя, в облаках луна скользит,
Из аула за дровами в лес отправился джигит.

На арбе доехал быстро, сразу взялся за топор,
Тук да тук деревья рубит, а кругом — дремучий бор.

Как бывает часто летом, ночь была свежа, влажна.
Оттого, что птицы спали, нарастала тишина.

Дровосек работой занят, знай стучит себе, стучит,
На мгновение забылся очарованный джигит.

Чу! Какой-то крик ужасный раздается вдалеке.
И топор остановился в замахнувшейся руке.

И застыл от изумленья наш проворный дровосек.
Смотрит — и глазам не верит. Кто же это? Человек?

Джинн, разбойник или призрак этот скрюченный урод?
До чего он безобразен, поневоле страх берет.

Нос изогнут наподобье рыболовного крючка,
Руки, ноги — точно сучья, устрашат и смельчака.

Злобно вспыхивают очи, в черных впадинах горят.
Даже днем, не то что ночью, испугает этот взгляд.

Он похож на человека, очень тонкий и нагой,
Узкий лоб украшен рогом в палец наш величиной.
У него же в пол-аршина пальцы на руках кривых, —
Десять пальцев безобразных, острых, длинных
и прямых.

5

И в глаза уроду глядя, что зажглись, как два огня,
Дровосек спросил отважно: «Что ты хочешь от меня?»

«Молодой джигит, не бойся, не влечет меня разбой,
Но хотя я не разбойник — я не праведник святой.

Почему, тебя завидев, я издал веселый крик?
Потому, что я щекоткой убивать людей привык.

Каждый палец приспособлен, чтобы злее щекотать,
Убиваю человека, заставляя хохотать.

Ну-ка пальцами своими, братец мой, пошевели,
Поиграй со мной в щекотку и меня развесели!»

«Хорошо, я поиграю,— дровосек ему в ответ.—
Только при одном условии... Ты согласен или нет?»

Говори же, человечек, будь, пожалуйста, смелей,
Все условия приму я, но давай играть скорей!»

«Если так — меня послушай, как решишь —
мне все равно.
Видишь толстое, большое и тяжелое бревно?»

Дух лесной! Давай сначала поработаем вдвоем,
На арбу с тобою вместе мы бревно перенесем.

Щель большую ты заметил на другом конце бревна?
Там держи бревно покрепче, сила вся твоя нужна!..»

На указанное место покосился шурале.
И, джигиту не переча, согласился шурале.

Пальцы длинные, прямые положил он в пасть бревна...
Мудрецы! Простая хитрость дровосека вам видна?

Клин, заранее заткнутый, выбивает топором,
Выбивая, выполняет ловкий замысел тайком.

Шурале не шелохнется, не пошевелинет рукой,
Он стоит, не понимая умной выдумки людской.

Вот и вылетел со свистом толстый клин, исчез во мгле...
Прищемились и остались в щели пальцы шурале.

Шурале обман увидел, шурале вопит, орет.
Он зовет на помощь братьев, он зовет лесной народ.

С покаянною мольбою он джигиту говорит:

«Сжался, сжался надо мною! Отпусти меня, джигит!
Ни тебя, джигит, ни сына не обижу я вовек.
Весь твой род не буду трогать никогда, о человек!

Никому не дам в обиду! Хочешь, клятву принесу?
Всем скажу: «Я — друг джигита. Пусть гуляет он в лесу!

Пальцам больно! Дай мне волю! Дай пожить мне
на земле!
Что тебе, джигит, за прибыль от мучений шурале?»

Плачет, мечется бедняга, ноет, воеет, сам не свой.
Дровосек его не слышит, собирается домой.

«Неужели крик страдальца эту душу не смягчит?
Кто ты, кто ты, бессердечный? Как зовут тебя, джигит?

Завтра, если я до встречи с нашей братией доживу,
На вопрос: «Кто твой обидчик?» — чье я имя назову?»

«Так и быть, скажу я, братец. Это имя не забудь:
Прозван я «Вгодуминувшем»... А теперь —
пора мне в путь».

Шурале кричит и воеет, хочет силу показать,
Хочет вырваться из плена, дровосека наказать.

«Я умру. Лесные духи, помогите мне скорей!
Прищемил Вгодуминувшем, погубил меня злодей!»

А наутро прибежали шурале со всех сторон.
«Что с тобою? Ты рехнулся? Чем ты, дурень, огорчен?

Успокойся! Помолчи-ка! Нам от крика невтерпеж.
Прищемлен в году минувшем, что ж ты в нынешнем
ревешь?»

Перевод С.Липкина.

ВОДЯНАЯ

(Рассказ деревенского мальчика)

Лето. В жаркую погоду любо в озере играть:
брызгаться, нырять, плескаться, плавать,

воду лбом бодать!
Так резвился больше часа, — нипочем теперь жара!
Но из озера, однако, вылезать пришла пора.

Натянул штаны, рубашку: весь продрогший —
хоть пляши!
Что-то боязно мне стало — нет ведь рядом ни души.

Я домой уже собрался, оглянулся на мостки —
глядь! — там ведьма водяная ноги свесила с доски!

Золотым блестящим гребнем над зеркальной водой
космы ведьма продирает, прядью тешится седой.

За деревьями густыми, что росли на берегу,
я укрылся, зубы стиснул: и вздохнуть-то не могу.

Причесалось чудо-юдо и в мгновение одно
в озеро — бултых! — нырнуло и ушло к себе на дно.

Тут уж я собрался с духом,
вышел из листвы густой...
На мостках, забытый ведьмой,
блещет гребень золотой!

Что ж, не зря кругом безлюдно:
не зевай да не робей!
Гребень взял — давай бог ноги! —
припустил в село скорей.

Ничего вокруг не вижу, и бегу я, и бегу,
как в огне горю, взмокаю, отдышаться не могу...

Оглянулся я — и тотчас закачалось всё кругом:
ах, злосчастье! — водяная вслед за мной бежит бегом!

Голосит: «Держите вора! Стой, негодный, погоди!
Отдавай немедля гребень, в грех старуху не вводи!»

Я бегу — она вдогонку, я скорей — она вослед!
Что такое: как нарочно, никого в округе нет!

Наконец-то до деревни нас дорога довела.
Как залаяли на ведьму псы родимого села!

— Гав-гав-гав! — на всю деревню
лаем свора залилась!
Испугалась водяная, восвояси подалась...

Уф, прошла напасть лихая!
Вроде с рук сошёл грешок.
Что, зловредная старушка! Убежал твой гребешок!

Матери сказал, мол, гребень на обочине лежал,
оттого, мол, запыхался, что без роздыха бежал...

Гребень мать взяла, услышав объяснение моё,
но, казалось, сердце было не на месте у неё...

Так, прекрасно. Солнце село. Лёг я спать,
и свет потух.
За окном душистый воздух, в доме
свежий, хлебный дух.

Сон нейдет ко мне упрямо, хоть уснуть пора давно.
«Стук-стук-стук!» — внезапно слышу:
это кто стучит в окно?

Но лежу я так блаженно, неохота мне вставать,
От ночного стука, вздрогнув,
поднялась с постели мать.

— Кто там в полночь колобродит!
Тьма — не видно ничего!
Ну, чего ещё им надо? Грабят, что ли, там кого?

— Водяная я, откройте! Где мой гребень золотой?
Знай, на озере сегодня вором стал сыночек твой!

Тень её в окошке лунном: накрываюсь с головой.
Ну, куда теперь деваться?! — весь дрожу я, боже мой!

Водяная всё стучится: тонкое стекло дрожит,
с головы её ручьями влага чистая бежит...

Матушка злосчастный гребень отыскала,— кинув ей,
от греха она окошко затворила поскорей.

Видит: больше нет напасти, и ругать меня давай!

Вот ругала, вот ругала, вот дала мне нагоняй!
С той-то взбучки материнской научился я добру,
Есть хозяин или нету — ввек чужого не беру.

Перевод Р. Бухараева.

СКАЗКА ПРО КОЗУ И БАРАНА

Жил-был Мужик с Женой в былые времена.
Бедна их жизнь была, убога и скудна.
К тому ж Баран с Козой кормились у людей,
Но были всё равно некормленных худей.

Сказал однажды Муж: «Гляди, жена, сама:
На сено денег нет, а вскорости зима...
Барана и Козу нам прокормить невмочь.
Впустую ведь едят — пускай уходят прочь!»

Не спорила Жена: «Пускай, давно пора.
Согласна я взашей согнать их со двора.
Чему на свете быть — того не миновать!
Уж сколько кормим их, а не видать добра!»

А что ж Баран с Козой, бедняги из бедняг?
Хозяин порешил — и значит, будет так.
Несчастные, пошив один большой мешок,
Пустились в путь — куда укажет посошок.

Идут они молчком — какие тут слова!
В глазах у них темно, не радуется трава.
Как долго шли они — про то аллаху знать.
Вдруг около тропы — глядь! — волчья голова!

Боятся подойти, ведь робок нрав у них.
Баран пуглив, Коза — трусиха из трусих,
Стоят у головы, дрожмя дрожат хвосты,
Друг другу говорят: «Хватай!» — «Нет, лучше ты!

«Ты, дядюшка Баран, — твердит Коза, — сильнее».
Баран твердит: «Зато ты, борода, смелей».
Чтоб страшную башку да за уши поднять,
Где им отваги взять, где храбрости занять?!

Долгонько так они и мялись, и тряслись,
В конце концов взялись и с духом собрались,

За оба уха враз подняли страшный груз,
Раскрыли свой мешок и опустили вниз.

Опять пошли они. Конца дороге нет.
Вдруг видят: среди стволов горит какой-то свет.
Сказал Баран Козе, бредущей по пятам:
«Давай, Коза, пойдём и заночуем там.

Волкам-то ведь к огню никак не подойти,
Зубастым у костра никак нас не найти».
Усталая Коза с Бараном заодно:
«Что ж, милый друг, идём, поскольку решено».

Баран с Козой к огню приблизились сквозь мрак,
И оторопь взяла несчастных бедолаг:
Там волки вокруг костра расселись на земле,
Для варева вода кипит в большом котле.

Стоять Баран с Козой остались не дыша,
Да в чём у горемык и держится душа?
«Приветствуем, друзья! Небось не ждали нас?» —
Сказали всё ж, себя приободрить спеша.

Коза да с ней Баран! Вот радость-то волкам!
Явился к очагу желанный ужин сам!
«Обоих сгложем враз! Какая красота!
И мясо на зубок, и каша не пуста!»

Но говорит Коза: «Друзья, зачем тужить,
Мы мясом можем всем на славу удружить!
Чего глядишь, Баран? Достань-ка из мешка
Припас, ты что, забыл? Там волчья есть башка».

Лишь вынул из мешка свой страшный груз Баран,
Опешил волчий стан — поплыл в глазах туман.
Коза, тотчас поняв, что взял волков испуг,
За словом, осердясь, не лезет вновь в карман.

Коза Барану тут как закричала: «Ме-е!
Ведь дюжина была голов у нас в суме-е!
Не можешь разве счесть гостей, глупец Баран,
Башку-то покрупней достань скорей, болван!»

Смекнув, что без труда получится обман,

Вновь споро из мешка башку извлёк Баран.
Пришла к волкам беда: не шутит ведь Коза!
Трясутся, пасть раскрыв и выпучив глаза.

Не нужен ужин им и не нужна еда,
Одна лишь мысль у них: куда сбежать, куда?
Напасть пришла к волкам, ох, господи, прости!
Как от напасти той им ноги унести?!

Поднялся с места вдруг огромный старый волк,
Седой, бывалый волк, и в жизни знавший толк,
Сказал: «Я принесу в котёл ещё воды,
Сгорит ведь ужин наш и пропадут труды».

Волчище так сказал и канул в лес.
Привет! Все ждут-пождут: воды и волка нет как нет.
Уже устали ждать — сгустилась ночь вокруг,
А волка-главаря как есть простыл и след.

Оставшихся волков объёмлет вновь испуг.
Теперь вожак сбежал, покинув тесный круг.
Сказал другой: «Куда же делся водонос?
Пойду его искать», — и ноги в лес унёс.

Сбежал, понятно... Но осталась стая ждать,
Хотя для всех нашёл он повод убежать.
Исчез и следопыт, опять часы идут,
Чего здесь ждать ещё? А волки ждут и ждут.

Так от напасти злой гуськом за волком волк
В великом страхе в лес чуть ноги уволок...
Вздыхнули без забот Коза и наш Баран,
Когда свободен стал зловещий волчий стан.

У жаркого огня уселись, развалясь,
И каши из котла наелись, не таясь.
Насытись, от костра не вздумали вставать,
Вблизи огня в тепле остались ночевать.

Там выпалились они, и с утренней зарёй,
Мешок свой захватив с волчьей головой,
По лесу путь вдвоём продолжили друзья.
Пускай! Завершена история моя.

Перевод Р. Бухараева.

Маджит Гафури

1880-1934

С ДОРОГИ

Родные места, любимые!
Вот вас покидаю я,
Как с матерью, расстаюсь я
с тобою, моя земля...

И радость свою и горе,
мой край, я делил с тобой.
Здесь я возмужал и вырос,
готовый на труд, на бой.

Родные места, где всюду
был кров одинокому мне,
Где плакал я горько впервые,
впервые грустил в тишине...

Чем дальше наш поезд мчится,
тем неумней, сильнее
Стремится сердце обратно
к милой земле моей.

Родные края! В печалях
и в горе таится мечта.
В снегах, в морозах, в метелях —
чарующая красота.

Когда бы, мой край, убоги
Были просторы твои,
то разве с далёкого юга
летели б к тебе соловьи?

Недаром звезда Полярная
всегда над тобой в пути,
Влюблённая, неизменная,
не в силах с места сойти.

Когда говорят о юге,
Крым раем земным назовут,
но Агидели и Дёмы
и в милом Крыму не найдут.

Мой край! Я, с тобой разлучаясь,
огнём твоим сердце зажжёт.
Сияньем твоим пламенеет
жар этих прощальных строк.

Перевод С. Обрадовича.

В ЦВЕТНИКЕ*

Вчера я вышел на прогулку в сад,—
Пестрел цветов узорчатый ковёр.
Он в душу лил мне сладкий аромат
И красками слепил мой слабый взор.

Их красотой наслаждался я.
Потом поближе подойдя к цветам,
Спросил: «Скажите, кто у вас друзья
И кто, цветы, враждебен в мире вам?»

Под лёгкое дыханье ветерка,
Клонясь в сиянье нежной красоты,
В улыбке губы приоткрыв слегка,
На мой вопрос ответили цветы:

«Тот, кто для нас копает землю в срок
И поливает нас водой все дни,
Тот, чья душа прекрасна, как цветок, —
Наш первый друг!» — сказали мне они.

«А тот, кто нас не хочет поливать,
Кто, не трудясь, свои проводит дни
И рвёт нас, права не имея рвать, —
Наш первый враг» — сказали мне они.

Перевод Д. Кедрина.

* В сокращении.

Дердмэнд

1859-1921

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты кровь моя,
Любовь моя,
 Спи, милый, засыпай...
Спи, махонький,
Спи, яхонт мой,
 Баю-баю-бай!

Ты всех милей,
Ты всех круглей,
 Как яблочко в соку,
Румянец твой —
Огонь живой —
 Горит во всю щеку.

Спи, мой дичок,
Мой белячок,
 Спи, милый, засыпай...
Спи, махонький,
Спи, яхонт мой,
 Баю-баю-бай!

Бегом-бегом
За мотыльком
 Ты мчишься на лугу,
И сладу нет —
Ты алый цвет
 Срываешь на бегу.

Цвети, цветок,
Молчи, сынок,
 Спи, милый, засыпай...
Спи, махонький,
Спи, яхонт мой,
 Баю-баю-бай!

Блестит луна,
На скакуна

Взберёшься ты во сне,
И запряжён
В тележку он,
Поверь, мой мальчик, мне.

Лягушонок мой,
Мышонок мой.
Спи, милый, засыпай...
Спи, махонький,
Спи, яхонт мой,
Баю-баю-бай!

Пусть ангел-друг
Сопутствует тебе,
И стережёт,
И бережет
На жизненной тропе.

Ты славный мой,
Кудрявый мой,
Спи, милый, засыпай...
Спи, махонький,
Спи, яхонт мой,
Баю-баю-бай!

Перевод Р. Морана.

Фатих Амирхан

1886-1926

ЖЕРТВА

Это было весной. Проснулся я утром и услышал новость: наша овечка принесла ночью ягнят. Но я равнодушно отправился в школу. До сих пор мне нравились и маленькие телята, щенята, котята и даже крошечные гусята, едва вылупившиеся из яиц. Но ягнят я еще не видел, поэтому сегодняшняя новость не возбудила во мне особого любопытства. Придя из школы, я все же не удержался, чтобы не поглядеть на ягнят, которые находились в передней комнате.

К моему удивлению, они оказались очень хорошенькими. Мне особенно понравился один красавец шалун, полюбил я его с первого взгляда. Он весь был черный, как смоль, курчавый, только ножки были беленькие, как в носочках. Он так кротко глядел своими пугливыми глазенками, что мне захотелось взять его на руки и приласкать. Он чуждался меня: то запрячется под мать, то заскочит под нары. Наконец, я поймал его, стал ласкать, разглядывать его мордочку, глаза.

— Бэ-э-э...— жалобно заблеял он, брыкаясь.

Но вырваться не удалось, тогда он дотронулся до моей ладони своей нежной мордочкой и успокоился. Я стал гладить его и называть ласковыми именами:

— Чернышок мой, красавчик мой белоногий...

С того дня у меня с ягненком завязалась большая дружба. Мама была согласна, чтобы ягненок стал моим. Как знать, может, мама, двадцатилетний брат с отцом и сами были бы рады иметь своего такого милого ягненка... Но мама без всякого сожаления поручила его мне, и брат с отцом, как ни странно, не возразили против этого ни словом, они, кажется, прикинулись, будто даже не заметили такого радостного для меня события. А я, понятно, промолчал, чтоб они не очень-то завидовали. Только молча радовался.

После долгих раздумий я решил назвать моего дружка Хусаином. Самого моего любимого товарища по школе, смиренного чернявого мальчика тоже звали Хусаином.

Время шло, Хусаин подрастал, я по несколько раз в день с удовольствием играл с ним. С каждым, днем он становился милей, шаловливей, резвей, понемногу привыкал ко мне. Однажды я взял его с собой в светлую половину дома. Здесь ему очень понравилось, он заскакал, запрыгал, закружился по комнате и восторженно заблеял. В эту минуту я не мог не восхищаться им. Мне захотелось угостить его стаканом сахарной воды. Глупенький, он не подумал, что стакан может опрокинуться, прыгнул на него, и весь ковер залило водой. Я было расстроился, но не подал и виду.

«Такому красавцу нельзя не простить небольшую проказу!» — решил я.

Хусаин и сам, кажется, почувствовал свою вину: посмотрел на опрокинутый стакан и, качнув головой, виновато проблеял:

— Бэ-э-э!

После того случая я больше никогда не брал к себе Хусаина, вернее, мне мама запретила это делать. Какие эти мамы странные иногда. Я всячески доказывал ей, как хорошо, весело мы поиграли бы с Хусаином в светлой комнате, но она была неумолима.

Когда Хусаин подрос и перестал сосать мать, я стал кормить его с рук. Он в свою очередь каждый раз бежал ко мне, радостно отзываясь на мой зов.

Летними вечерами, когда стадо возвращается в деревню, я, бывало, только крикну: «Хусаин, сюда!» — он уже бежит ко мне, лижет мне руку и приветливо блеет. А я его глажу, треплю за ушами и называю разными ласковыми именами.

Наступила зима. Хусаин вырос, стал бараном. Настал религиозный праздник гает. Когда я направился из дома в мечеть, радостно подбежал Хусаин, стал обнюхивать мне руки и тереться о ноги и проводил меня до ворот.

Когда вернулся из мечети, я заметил, что у нас в доме готовятся к жертвоприношению. Для этого специально было куплено две овцы.

Дома, надев свою праздничную одежду, я разглядывал себя в зеркало, как вдруг услышал жалобный крик моего дружка. Я вздрогнул, меня поразила страшная догадка: «Уж не хотят ли прирезать моего Хусаина?» Крик повторился, на этот раз он был еще жалобней, еще отчаянней. Сломая голову я кинулся туда, где резали жертвенный скот. Я не ошибся: моего Хусаина уже повалили на землю и связывали ему ноги.

— Хусаин!— прокричал я не своим голосом и заплакал.

Бедняга Хусаин, услышав меня, забился о землю, но подняться на ноги не смог, только заблеял в ответ надрывающим душу голосом. В глазах его стоял ужас, глянув на меня, он прокричал еще раз, точно верил, что я спасу его. Мне послышались в его голосе и жалоба, и проклятье бессердечным убийцам. В глазах у меня помутилось, с истошным криком я бросился на палачей, но меня схватили.

— Хусаин! — в отчаянии прокричал я, вырываясь. — Но было бесполезно. Выкатив от ужаса глаза, Хусаин отозвался мне, крик его был полон тоски и мольбы. Тут беспощадный убийца вонзил ему в горло свой нож...

Вот и не стало моего Хусаина, на земле лежала его - холодеющая туша. Давно ли он встретил меня у крыльца и проводил, до ворот. Давно ли мог узнавать меня, отзываться, ласкаться... А теперь он ничего этого сделать не может. Я знал, что слезами горю не поможешь, но успокоиться был не в силах. Отец пытался утешить меня:

— Дурачок, разве можно так плакать, убиваться? Ведь мы принесли его в жертву, чтобы твой покойный дед в судный день проскочил на нем по мосту в рай.

— Ну да, дедушку...— крикнул я, — Хусаин и меня бы поднять не смог.

Я и дома еще долго плакал. Брат заметил мне:

— Какой же ты глупый, тебе бы радоваться за Хусаина. Животные, которых приносят в жертву, они же самые счастливые.

— Ну да, счастливые, — буркнул я в ответ. — Тебя бы попробовать в жертву... Ты бы сказал, что ты счастлив, да?

Праздник меня уже не радовал. Я долго не мог забыть моего дружка Хусаина. Его жалобный предсмертный крик то и дело отдавался у меня в ушах. Его взгляд, полный мольбы и слез, стоял у меня перед глазами.

Много лет прошло с тех пор. Я стал взрослым. Давно не угощаю ягнят сахарной водой. Но после случая с Хусаином я не могу видеть, как режут жертвенных животных, не могу слышать их предсмертные крики, не переношу даже вида людей, кто такое совершает.

СИРОТА

Был праздник. Я принарядился и вышел на улицу. Не только рубашка, тюбетейка и сапоги, но даже казакин на мне был совсем новый, сшитый специально к празднику.

Собрались ребята — почти все мои одноклассники. Сегодня они тоже были одеты во все новое, чистое. Только один мальчик по имени Нури вышел в своей заношенной повседневной одежде. В прошлом году у него сразу умерли и отец и мать, тогда же и нанялся он к баю в прислуги.

Мы стали играть: поиграли и в наездники, и в пароходы. Когда наскучило, решили устроить скачки, как на сабантуях.

Босиком-то я бегал быстрее всех, и «на скачках» всегда приходил самым первым. А в этот раз не смог: мои новые сапожки на каблуках были тяжелы, неудобны. Нури обогнал меня. Это меня расстроило, ведь я привык быть первым и, чтобы как-то утешить себя, стал оправдываться:

— Да мне только сапоги помешали, а то Нури меня ни за что не обогнал бы!

Нури не хотел, чтобы его победу взяли под сомнение.

— Перегнал, так уж и перегнал,— возразил он — Бежал бы босиком, если сапоги мешают.

Это задело меня за живое. Я с досады сказал: — У самого-то нет новых сапог, вот и говоришь. Будь у тебя такие сапожки, как у меня, небось не побежал бы босиком. Бедняжка! У тебя и в праздник обуть нечего!

Тут подключились и другие мальчишки.

— Вот именно!

— Сам и в праздник босой ходит, а еще хвастает — первый он прибежал!...

— Да у него и тюбетейки новой нету, а еще суется в первые.

Так мы, приодетые, принаряженные, всерьез принялись насмехаться над Нури. Вначале он было сказал в ответ на это:

— Не хвастайте, богатство, оно — наживное, нынче есть, а завтра нет! — но, видя, что дело принимает серьезный оборот, замолчал. Он отошел в сторону, прислонился к забору. А мы все не унимаемся, дразним. Он стоит у забора, глядит печально, с укором, и ни слова в ответ. Мне не понравилось, что он молчит.

— У, вшивый! — крикнул я, чтобы задеть его побольней. Слезы выступили на глазах у Нури. Он будто только и ждал моих слов, вдруг отвернулся и зарыдал, уткнувшись лицом в доску забора:

— Я же сирота, будь у меня мама с папой, я бы тоже обулся в сапожки.

Мы тотчас смолкли. Глянули друг другу в глаза. Потом посмотрели на Нури и снова переглянулись.

— Чего вы сироту обижаете? — сказал один из мальчишек и отошел от нас в сторону.

— А ты тоже дразнил его! — ответил я ему.

Нури все стоял возле забора. Уже не рыдал, но плечики его вздрагивали: он не мог унять слезы.

Вдруг жалость к Нури больно сдавила мне сердце, я тоже отошел подальше от ребят. Нури показался мне таким жалким, таким несчастным.

— Я же сирота! — вновь и вновь звучал у меня в ушах его голос. — Я же сирота!

Не останься он без родителей, у него бы тоже были новые сапожки; не будь он бедным, несчастным сиротой, мы бы не посмели дразнить его, и он бы не плакал вот так, уткнувшись лицом в забор.

Да, он же сирота!

НАЗИП

I

Наши соседи то и дело хвалили моего брата:

— Смышленный мальчик, хорошенький, умница...

Не только старушки, которые к нам заходили, но девчонки, когда его не бывало дома, спрашивали у сестры:

— А Гумер-то где? Что-то не видно его... И во дворе вроде нет...

Бывало, если он дома, старушки подзовут его к себе, приласкают, спросят, а девочки — примут в свою игру, упрашивают сыграть на курае. Не знаю, где научился, но играл он хорошо, задумчиво.

Это всеобщее внимание и любовь нисколько не вызывали во мне зависти, расстраивало совсем другое — мне казалось что Марфуга апа Гумера любит больше, чем меня. Мы звали Марфугой апа старшую дочь нашего соседа Габдрахман абзый. Она была старше меня на восемь, а брата на шесть лет. Марфуга апа была уже взрослой девушкой, но заходила иногда к нашей четырнадцатилетней сестре поговорить и даже поиграть в куклы. Брат и я очень любили ее. Мне нравились ее большие глаза, ровные белоснежные зубы и милая улыбка, а Гумер за что ее любил — я не знаю. Может за голос? Петь Марфуга апа не пела, но в разговоре ее мягкий грудной голос был похож на звук курая.

Однажды Гумер и я играли во дворе: старый тарантас превратился в пролетку, а связанные по концам и приподнятые оглобли — в лошадь. Брат стал баем, а я — его кучером. Он закричал: «Но-о, поехали!» — и я, сидя на

козлах, принялся стучать ногами, подражая цокоту копыт, как будто лошадь тронулась.

— А ну, скорей! — крикнул Гумер.

Я еще пуще затопал ногами. Летим на рысях, да и только! Тут запахнулось окно, и сестра позвала:

— Гумер, иди в дом. Сыграй нам на курае.

— У нас своя игра! — крикнул я в ответ, опережая брата. — Пристала, курай да курай. Не пойдем! Нечего нам делать среди девчонок, так ведь, Гумер!

Мы знали, что сегодня к сестре пришли подруги, а с ними — и Марфуга апа. Меня ужасно огорчило, что брата к себе они позвали, а меня — нет. Я изо всех сил заколотил ногами, дескать, вот как быстро скачет лошадь. Думал, это удержит Гумера. А сестра словно захотела еще более задеть меня:

— Глупый!.. Мы и не тебя совсем зовем, ты нам не нужен. Гумер, милый, зайди-ка в дом!

Тогда я так забарабанил ногами, чтобы брат не услышал ее слов, аж в коленках загудело. Тарантас затрясся. Стоял грохот. Но я по глазам Гумера понял, что он расслышал зов. Ну, что же мне сделать, чтобы брат не ушел? Я вытаращил глаза, скривил губы и как закричу:

— Зайди, Гумер-мер-р, возьми курай, сыграй, вай-вай-вай!

От злости у меня все настроение пропало. Хорошо еще, что он не слез с тарантаса и не пошел к девчонкам, а то и до слез было недалеко!

Сестра исчезла. Я успокоился и хлестнул разок-другой по оглоблям:

— Н-н-о-о, не ленись, лошадка!

Не успели мы разыгаться по-прежнему, как из окна послышался мелодичный голос Марфуги апа:

— Гумер, милый! Иди к нам, сыграй на курае...

Красивый голос Марфуги апа сейчас был мне противен, я тут же передразнил ее:

— Вай-вай, Гумер-р-р, сыграй, курай-рай!

Как ни подгонял я лошадь, как ни летела пролетка, брат слез с тарантаса и пошел домой, даже не ответив на мои слова:

— Разве прыгают, когда лошадь несется вскачь?

Я так расстроился, что на глазах у меня навернулись слезы.

«Мучают человека, издеваются — его позвали, а меня не зовут. Все только и знают, что обидеть меня... Я, может, отцу с матерью не родной, а мне только не говорят самому?.. Ну, ничего, вот придет судный день — все сгорят в аду». С такими невеселыми мыслями я долго сидел на козлах, пока щеки не стали совсем мокрыми от слез.

«Да, да, тогда сами узнаете, как обижать маленьких, когда будете гореть в адском огне»,— повторял я снова и снова. Потом вытер слезы и стал думать, как бы отомстить за такую обиду. Кому раньше отплатить? Брату? Сестре? Марфуге апа? Может, всем сразу?

«Не все ли равно!» — решил я и побежал в дом. В комнате сестры, кроме Марфуги апа, сидели еще одна взрослая девушка, одна — моих лет и две городские гостьи.

Когда я вошел, брат играл на курае, а Марфуга апа и девочки восхищенно слушали. Ну, это уж было невыносимо. Я как завизжу нечеловеческим голосом.

На минуту в комнате стало тихо, все растерялись. Сестра зажала мне рот рукой:

— Перестань сейчас же, а то пойду скажу маме!

Марфуга апа глянула на меня удивленными глазами: — Что с тобой, милый? Ты же никогда таким не был. Вот девочки поедут домой и скажут, какой ты глупый.

От таких слов я совсем расстроился. Под пристальным взглядом приезжих девочек я бросился к брату, вырвал него изо рта курай. Подумал, что удивлю их всех своей смелостью. Смотрите, мол, какой я герой! Вышло все наоборот. Гумер выхватил курай и оттолкнул меня. А Марфуга апа и гостьи воскликнули в один голос:

— Какой скверный мальчишка!

Увидя, что я готов броситься в драку, сестра схватила меня за руки и силой вывела из комнаты, а дверь заперла изнутри.

— Не откроете, я вам дверь сломаю, — неистово заколотил я в дверь, захлебываясь слезами.

На шум прибежала мама, я совсем разревелся:

— Да, вон Гумера сами зовут. А я пришел — так меня выгнали...

— Но он ведь на курае играет. Вот если бы ты умел что-нибудь, они и тебя позвали бы. Уходи отсюда, не мешай им, — сказала мама и прогнала меня на улицу.

От такого позора я убежал в сад и долго там плакал.

— Все меня обижают. И мама мне, наверное, совсем не родная... Ну ничего, настигнет вас кара, все сгорите в огне. Нашли тоже, видишь ли, не умею я ничего. Гумер — он же старше. Стану я с него — тоже буду уметь что-нибудь.

II

Вечером, когда лег спать, я долго думал обо всем, что произошло. Конечно, Марфуга апа с ее гостями, мама, брат — все они только и делали сегодня, что обижали меня, но я ведь и сам поступил скверно — полез в драку. Меня то охватывала злоба на них, то становилось стыдно перед ними же. Особенно перед Марфугой апа. Каким же никчемным, наверное, я оказался в ее глазах! Гумер вырвал курай и оттолкнул меня, сестра выставила за дверь. Разве не подумала она, что я слабый, хуже девчонки? А когда я разревелся, увидав маму, она, конечно же, подумала, что я невозможный плакса. Они позвали брата, потому что он играет на курае, а обо мне Марфуга апа подумала: «Какой же он неумеха».

Измученный такими мыслями, я уснул только на рассвете. Все утро я только и думал, как бы мне доказать Марфуге апа, что я совсем не плакса и все

могу. Долго ломал голову и наконец додумался. Я уже знал, в какое время обычно Марфуга апа заходит к нам.

Я решил поразить ее своей храбростью: забрался на крышу дома, на самый конек, и встал, держась руками за трубу. Вот в воротах показалась Марфуга апа... Дошла до середины двора. И хоть бы разок, хоть бы случайно взглянула на крышу. Я все стою и жду, когда она меня увидит, она же, как назло, не замечает. Тогда я крикнул:

— Марфуга апа! А я ведь здесь очень давно стою. Долго-долго!

Она подняла голову и сказала:

— Смотри, поскользнешься ненароком, будет тогда... Слезай оттуда, милый. На крыше только вороны сидят. А умные мальчики по крышам не лазают. Вон, твой брат этого же не делает.

— Да за мной ничего хорошего не хотят заметить, вот если бы Гумер здесь стоял, все бы заахали от удивления,— крикнул я. — Гумер Гумер!.. А он не может, трусишка несчастный! Пусть-ка попробует постоять, как я! Вы просто не любите меня и все...

— Назип, милый, слезь оттуда. Мы тебя тоже любим, тоже хвалим. Хватит, слезай, я уже видела, как ты смело стоял. Слезай, милый, — сказала она и прошла в дом.

Я еще больше огорчился: «Марфуга апа, конечно, поняла, что я хотел показать себя перед ней. Но совсем не подумала, что я смелый. Даже не посмотрела как следует, а говорит: «Мы тебя любим, хвалим»,— как будто я маленький, чтобы меня обманывать».

Мне совсем расхотелось стоять на крыше, я спустился в сад.

— Милый, слезай-вай-вай-вай,— прокричал я ей вслед с досадой.

Чтобы утешить себя, я стал придумывать, что Марфуга апа вовсе не красавица, что глаза у нее только сейчас большие. А вот как сядет на каждый глаз по ячменю и станут совсем крошечными. Половина ровных белых зубов

выпадет, остальные почернеют, и улыбка у нее станет противная-препротивная... Будет знать, как обижать маленьких!

Целый день и весь вечер я носил в себе злобу на Марфугу апа, а на следующий день у меня осталась к ней лишь легкая обида.

Утро было ветреное. На улице поднялась пыльная буря, нельзя было открыть глаза. Небо потемнело от тяжелых синих туч. Загрохотал гром, и хлынул настоящий ливень. За полчаса наш двор превратился в одну большущую лужу. Но вот дождь прекратился, тучи развеялись, проглянуло солнце. Весь мир стал светлым и радостным.

Закатав штанины, я выбежал из дома и пустился вскачь по лужам. Холодная дождевая вода щекотала ноги, было приятно. Набегавшись, я принялся лепить всевозможные вещи из глины: булку, сахарную головку, коня. Правда, коня можно было принять и за безрогую корову и даже за овечку. Чтобы кто-нибудь случайно не спутал, я спичкой вывел у него на спине «конь». Увидев, как хорошо у меня вышло, я подумал:

— Дай-ка, вылеплю из глины Марфугу апа. Вот она удивится! А если очень понравится, то подарю.

Я принялся лепить туловище. Живот получился большущим, я подумал: «У Марфуги апа он не такой»,— и в два счета выровнял его. Кое-как сделал и ноги. Правда, не совсем удачные, больше похожие на изогнутые бревна. Но как же быть? Только начнешь делать их тоньше, глина обламывается то в одном, то в другом месте. С руками возни еще больше. В конце концов и они готовы. Без пальцев и одна длиннее другой, но я не увидел в этом ничего страшного. Потом я скатал шарик вместо головы и провел спичкой рот. Нос вышел колотушкой. Вместо глаз я вставил два красивых блестящих стеклышка из дешевых ярмарочных перстней, а над ними начертил брови. Один глаз получился ярко-голубым, совсем как у Марфуги апа, второй — красным. Что было делать, среди всех моих вещиц ничего более подходящего не нашлось.

Когда я прилепил уши и мочало вместо волос, то моя Марфуга апа была уже готова. Чтобы никто не принял ее за кого-нибудь другого, на спине написал «Марфуга апа». Мне она очень понравилась:

— Пусть бы попробовал Гумер слепить себе такую!

Я поставил свое творение сушиться на солнце, а сам стал ждать прихода самой Марфуги апа. Вот она вошла в калитку, у меня даже сердце застучало. Подойдя ко мне, Марфуга апа улыбнулась и спросила:

— Здравствуй, Назип. Что ты так вымазался, родной?

Моей вчерашней обиды как не бывало, я подумал: «Она меня тоже любит, не только одного Гумера», — сказал:

— Марфуга апа, идем-ка, я что-то покажу, одной тебе. — Я показал ей фигурку: — Это ты, Марфуга апа. Видишь, глаза большие, а один голубой, точь-в-точь как у тебя. Вот завтра найду еще одно такое же и второй вставлю.

Марфуга апа равнодушно глянула и сказала:

— Ой, какая же она у тебя некрасивая. Разве я такая?

Я смутился и стал говорить:

— Нет, она очень красивая, и волосы такие же, как у тебя, светлые. Вот завтра найду голубое стеклышко, она будет еще лучше.

— Ну, Назип, рассердил ты меня, что же ты слепил меня такой уродиной? Не нужно, милый, не пачкайся больше. Вон твой брат какой умница, никогда не возится в глине,— сказала Марфуга апа и ушла прочь.

Я чуть не заплакал от обиды и стыда, закричал ей вслед:

— А-а, вот если бы Гумер слепил, вы бы все в один голос сказали, что красивая. Я что-нибудь сделаю — вам всегда кажется, что плохо. Пусть попробует слепить брат, у него не получится.

Я часто-часто заморгал, чтобы унять слезы. А через пять минут, схватив фигурку, уже выковыривал стеклышки из глаз. Потом прочертил ей рот до ушей спичкой, оторвал одну руку и, забежав в комнату, поставил на стол сестре:

— Р-р-р-р! Вот какая Мар-р-фуга апа! Глаз-то у нее совсем нет. И р-рука одна, и р-р-рот до самых ушей, как у ста-р-рухи!

Сестра побежала к маме жаловаться на меня, я схватил фигурку и выскочил во двор. А там бросил ее на землю принялся топтать:

— Вот тебе, Марфуга апа, вот тебе, Марфуга апа! И никакая ты не апа, а просто противная девчонка.

Мне уже не хотелось плакать, злость прошла. Но после того происшествия я еще долго-долго не мог считать Марфугу апа своим другом.

III

Зимой помимо школьных занятий я стал ходить на уроки рисования. Задания я выполнял очень старательно. Делать рисунки стало моим любимым занятием.

Была уже весна. Однажды, приготовив уроки, я вышел во двор поиграть. Мы с братом стали пускать кораблики в ручейке талой воды. Кораблики у нас были из дощечек с заостренными концами и щепкой для бумажного флажка, воткнутой посередине. Они быстро плыли по течению между льдинами.

Вдруг в дверях показалась сестра. Она крикнула мне:

— Назип, зайди-ка в дом!

— Подожди, ты не видишь — я играю!

Она ушла. Потом через некоторое время вышла Марфуга апа и сказала:

— Назип, милый, зайди к нам на минуточку.

Она так посмотрела на меня своими большими глазами, что я тут же позабыл все свои обиды и побежал в дом. Когда я вошел, они сидели за столом и смотрели альбом с моими рисунками. Не успел я сесть, как Марфуга апа сказала:

— Назип, милый, ты не срисуешь мне вот этот цветок? Только он большой, а мне нужно поменьше, ладно?

Такой ласковой просьбе я не мог отказать. Я взял листок бумаги и начал срисовывать. А она стояла рядом и смотрела, ободряюще улыбаясь. Вот рисунок и готов, было жалко, что все так быстро кончилось.

— Марфуга апа, а зачем тебе этот цветок?— спросил я.

— А я по нему калфак вышью. Что, уже готово? Ну, спасибо большое.

— Подожди, а что если вот сюда подрисовать бутончик, будет лучше?

— Ой, это будет очень хорошо! — воскликнула Марфуга апа.— Если только сможешь.

Я без лишних слов полистал альбом, разыскал цветок с бутончиком и срисовал его тоже. Мой рисунок будто ожил. Марфуга апа посмотрела на меня ласково и благодарно улыбнулась:

— Спасибо, милый. Такие маленькие у тебя ручки и так красиво рисуют!

Все в ней было сейчас прекрасно: и большие глаза, и ряд белоснежных зубов, сияющих в улыбке.

— Я тебе, Марфуга апа, еще не такие цветы нарисую,— сказал я, смущенно краснея, и с радостью побежал на улицу играть.

«Ну вот, я ведь тоже что-то умею»,— гордо думал я.

Перевод Л.Гайнановой.

Галимджан Ибрагимов

1887-1938

ЧУБАРЫЙ*

I

Наконец-то и мое заветное желание, кажется, исполняется!

В песнях поют, что пятнистого жеребца не бывает. Оказывается, это пустые слова!

Жеребец-то пятнистым бывает, а вот пятнистого жеребенка, оказывается, не бывает. Старики, много выдавшие в жизни, встречавшие коней разных пород, даже в жеребенке, когда он немного подрастет, и то признают будущего пятнистого, хотя при рождении он бывает совсем другой масти.

Жеребята, которые рождаются гнедо-чалыми, через некоторое время начинают покрываться пестрыми пятнами, похожими на белые цветы, рассыпанные по земле, или на красивые черные родинки на белоснежном лице.

Мне было самое большое, наверное, лет семь-восемь, когда какой-то страшный, с черным лицом, сверкающими злыми глазами башкир совершенно неожиданно подарил нам свою красивую тучную гнедо-чалую кобылу, причем подарил не как-нибудь, а сам привел ее в наш двор. Помню, как сел он на большой камень, который лежал у ворот, прочел молитву, получил благословение и на глазах у всех вручил нам кобылу.

Все люди были удивлены поступком башкира: по какой причине этот известный во всей округе своей злостью, жадностью, коварством борец Алимгул ни с того ни с сего преподносит своему кровному врагу Хафизу (моему отцу) такой подарок и требует благословения? Другое дело, если бы кобыла была обыкновенная! Ведь кобыла-то какая! Она мать двух чубарых скакунов, прославленных во всей округе. Вдобавок к этому она должна скоро ожеребиться!

Такой поступок башкира никак не укладывается в голове у людей.

* В сокращении.

Наша соседка, бабушка Фатиха, прямо тут же, в присутствии самого богатыря-башкира, сказала:

— Дети, это не к добру! Тут, наверное, какой-нибудь подвох.

А наш родственник дедушка Сафа, поглаживая свою белую бороду, тоже присоединился к мнению бабушки Фатихи:

— Если говорить по-книжному, то уж я вам скажу: из камня вода потечет, на осине вырастут яблоки, Абужахиль обратится в мусульманина, но так просто Алимгул-бай не станет дарить Хафизу такую прославленную кобылу, да еще с жеребенком. Не кроется ли тут, дети мои, какое-нибудь коварство?

Башкир спокойно выслушивает все это, слегка улыбается и, сверкая и без того блестящими черными глазами, рассказывает, что с ним произошло после давнишней борьбы с Хафизом на сабантуе.

Когда он кончил свой рассказ, удивленные люди стали благословлять его.

II

Имя отца моего Мухамед Хафиз. За высокий рост его прозвали «Длинный Хафиз».

В молодости, говорят, он был здоровым, как дуб, зорким, как сокол, и храбрым, как лев. В бою ли, в борьбе ли во всей округе не находилось равного ему человека. Даже на самых больших сабантуях мой отец шутя подбрасывал вверх знаменитых борцов, приехавших из неизвестных дальних мест.

И вот однажды в Чишмах проводился большой сабантуй.

Отменных кровей скакуны, известные в своей округе борцы, непревзойденные бегуны-джигиты из-за сотен верст приехали на этот сабантуй, чтобы испытать свою силу, показаться народу и завоевать славу.

Начинается борьба.

Всем давно все известно: кто может устоять против Хафиза?

Каждого борца, вышедшего потягаться с ним, мой отец шутя отбрасывает прочь.

Под конец выходит один худощавый, длинный черный башкир.

Два богатыря, как бы испытывая силы, сначала пробуют братья за пояса, а потом, положив руки на спину друг другу, под взором тысячи глаз, начинают ходить по круглому полю.

О боже! Что это такое?

Прославленный Хафиз вдруг покатился по земле и шлепнулся навзничь!

Площадь шумит, гремит. Друзья отца не могли вынести такого позора и закричали:

— Башкир сжульничал, дал подножку!

Они подняли шум и потребовали, чтобы борцы вышли снова. Обе стороны согласились. Вот борцы опять на круглом поле, весь народ, глядя на эту борьбу, замер.

Как лев и тигр, положившие передние лапы на спину один другому, эти два богатыря уже полчаса ходят по кругу.

Вдруг опять совсем неожиданно башкир-богатырь незаметно прижал к себе Хафиза, упал с ним на землю и с такой силой перебросил его через голову, что тот отлетел далеко в сторону и всей тяжестью рухнул на левую руку.

Народ зашумел, площадь гудела.

Отец встал, быстро отошел в сторону. Он показал свою руку Зарифу, понимающему в этом деле толк, и спросил:

— Сломана или вывихнута?

— Ничего страшного, рука только вывихнута,— ответил тот.

Я тогда еще был маленьким, но все случившееся как сейчас стоит перед моими глазами.

Сабантуй по-прежнему шумел, а отец перекинул через плечо полотенце с красной каймой и зеленый чапан, которые он выиграл в единоборстве с сильнейшими борцами, подвязал левую руку красным кушаком и не спеша зашагал домой.

Я боялся проронить хоть слово; от недавнего ли напряжения, оттого ли, что отец был сердит, лицо его было темно-багровое.

Видимо, ему было очень досадно и стыдно.

— Хватит уж: поборолись мы в свое время, пусть это будет последний раз! — сказал он.

И он сдержал слово. После этого ни на какой сабантуй он уже не ходил. О его богатырской силе и успехах осталось лишь рассказывать в сказках.

III

Прошло много времени, но все-таки события тех дней помнили во всей деревне. И поэтому, когда теперь башкир снова стал рассказывать о том, как боролся с моим отцом и как победил его, люди ответили:

— Мы все это знаем... мы помним...

Алимгул сердито окинул взглядом собравшихся и спросил:

— Ах, так? И вы, татары, все это знаете? Но того, что творилось после этой борьбы в душе победившего башкира, вам даже и во сне не снилось... Дядя Хафиз, — сказал он, помолчав, — когда я тебя сбросил, я ведь схитрил. Незаметно и для тебя и для зрителей подставил подножку. Еще тогда у меня появилось сомнение. Но я подумал: будь что будет, может, на этот раз бог простит меня. Ведь только благодаря этому подвоху я перебросил тебя через голову... Говорят, сердце человека все предчувствует. Оказывается, это верно. Не успел вернуться я с сабантуя, как слег в постель: живот свело, под левым ребром что-то начало колоть и царапать. Ничто в горло не лезет, не ем, не пью. Прележал так в постели и, не переставая, кричал три месяца. Тогда-то и дал я обет. Я решил, что заболел оттого, что схитрил и обманул Хафиза, обидел его. Если поправлюсь, подарю ему свою гнедую кобылу и попрошу благословения.

Выздоровел. Но жадность взяла свое, попутала, как шайтан. «Ах, да разве обида того татарина может обернуться для меня бедой!» — подумал я. Жаль стало отдавать кобылу.

Через несколько лет опять та же болезнь повторилась: свело живот, что-то колет, что-то царапает под левым ребром... Стало совсем невмоготу. Я не знал, что делать. В это время приснился мне давно умерший мой дед с длинной белой бородой, в белом саване и с каким-то большим зеленым посохом в руках.

Посмотрел он на меня с укоризной и сердитым голосом сказал: «Безумец, что дороже тебе — жизнь твоя или гнедо-чалая кобыла?» И тут же исчез.

«Если поправлюсь, ни одного дня не стану медлить— отвезу»,— повторил я свой обет. Как видите, я выздоровел и выполняю обет.

Старики были немало удивлены. Дед Сафа похлопал башкира по спине и сказал:

— Ты говоришь, как в книге: твой ум, мысли, оказывается, годны не только на то, чтобы замышлять козни, но и на хорошие дела.

Остальные тоже стали благодарить башкира, снова все садятся на корточки и благословляют его.

— Для Хафиза эти годы были очень тяжелыми. В эти годы он разлучился и с сыном и с дочкой. Пусть у гнедой кобылы поступь будет легка, и пусть она принесет в этот дом счастье! — пожелали все.

Башкир уехал, старики разошлись.

IV

Старики говорили правду: для нашего дома эти годы действительно были тяжелыми. Мой старший брат, такой же, как отец, рослый, здоровый, сильный и красивый, был оклеветан.

В нашей деревне жил один очень богатый бай. Говорили, будто бы у него много денег и носит он их при себе в особом мешочке на груди. Из-за спора о земле между этим баем и моим отцом с давних пор шла вражда.

Однажды зимой, когда этот бай куда-то отправился, неизвестные люди среди бела дня затащили его в лес и в версте от деревни поранили ножом. Но, к сожалению, не смогли прикончить совсем. Когда его привезли домой, он ненадолго пришел в себя и перед смертью наговорил такую напраслину:

— Один из них был сын длинного Хафиза, Шаяхмет. Остальных не опознал...

Моего брата тотчас же заковали в кандалы и увели. Осудили. Чтобы спасти его, отец хлопотал день и ночь. Все в деревне знали, что проклятый бай оклеветал брата только из-за вражды. Пока отец, желая спасти сына, хлопотал,

он лишился своей последней лошади и коровы. Брата приговорили к двадцати годам каторги. Мы остались в безысходной нищете.

Как будто этого горя еще было мало. Единственная моя сестра Гайния тайком вышла замуж за гармониста Фахри с нижнего конца деревни. Она с детства была озорницей и выросла отчаянной девушкой. Если собирались на посиделки, она первая выходила плясать и петь, играла на гармошке и над парнями потешалась.

Благодаря таким своим поступкам она приобрела дурную славу, но это ее не останавливало. Отец уговаривал ее и объяснял ей, что год этот очень тяжелый и поэтому надо с замужеством подождать. Она убежала с Фахри в соседнюю деревню, и там мулла по шариату скрепил их брак. Не послушалась она отца. После этого они пришли к отцу и говорят:

— Благословите нас, мы уже стали мужем и женой.

Мать плакала и просила отца простить их. Она говорила:

— Прости, ведь это родное дитя.

— На джигита не обижаюсь. Если бы я был в состоянии, сам бы выдал дочь за него и сыграл свадьбу, но Гайния не захотела считаться со мной,— сказал отец и прогнал их из дома.

А мать все не могла успокоиться. При каждом удобном случае она, вытирая слезы на глазах, умоляла отца:

— Если бы ты, старик, не сердился, я бы позвала детей в гости.

Но отец был непреклонен.

— Позовешь, когда я умру! — отрезал он.

То, что старики называли «тяжелым годом», заключалось именно в этих бедах отца. И добрые пожелания стариков сбылись.

Кобыла башкира появилась в добрый час, принесла с собой в наш дом изобилие. Измучившийся без лошади отец за два дня приучил не знавшую до этого времени хомута кобылу к упряжке и начал работать так, будто собирался перевернуть мир. К нам пришел достаток. Благодаря неустанному труду уже к

осени отец на вырученные от урожая деньги купил вторую лошадь. Наладил и другие хозяйственные дела. И благодаря гнедой кобыле мы стали на ноги.

Однако осень принесла мне и большое горе. Во время осенней распутицы отец запряг гнедо-чалую кобылу и отправился в лес. Когда он переправлялся через реку, кобыла поскользнулась, упала и скинула жеребёнка. По словам отца, жеребенок уже покрылся шерстью и был больше кошки. Услышав это, я плакал день и ночь. Ведь до этого кобыла эта родила двух чубарых скакунов. И я уже хвастался перед всеми своими товарищами, что будущий жеребенок обязательно должен быть чубарым скакуном.

Эта проклятая распутица и скользкая дорога лишили меня жеребенка.

За слезы мать меня все время ругала:

— Какой же ты глупый! Разве плачут из-за неродившегося жеребенка?

Отец на меня не сердился. После всего пережитого из-за двух старших детей он всю свою сердечную ласку отдавал мне.

— Не плачь, сынок,— говорил он.— На следующее лето будет у тебя чубарый жеребенок.

Я не только лето и зиму, но недели и дни считаю по пальцам.

Зима уже на исходе; но ждать еще очень долго...

V

Долгожданные дни приближаются. Гнедо-чалая кобыла сужеребая. Теперь мы ее не запрягаем. Если и запрягаем, то на легкую работу и на близкие расстояния.

Мать сердится на отца:

— Ведь у тебя две лошади!.. Что ты все время ездешь на одной! — говорит она.

Отец останавливает ее:

— Перестань ворчать! Зачем ребенка зря заставляешь плакать!

Этот «ребенок» — я.

Действительно, если они собираются запрягать гнедо-чалую кобылу на какую-нибудь тяжелую работу или в дальнюю дорогу, я иду к отцу, верчусь

около него, ласкаюсь. Он видит мои глаза, полные слез, готовых вот-вот пролиться, и, улыбаясь из-под усов, гладит мою голову:

— Ну, ну, Закир, не плачь из-за пустяков. Ладно, не будем запрягать твою кобылу.

От радости я не нахожу себе места. Целый день не чувствую, куда ступают мои ноги. Что бы меня ни попросили сделать, в ту же минуту бегу выполнять.

Некоторые кобылы ожеребились, как только начал таять снег. Когда приступили к весенней пахоте, в деревне почти в каждом дворе можно было увидеть жеребят.

Вот они уже резвятся. Если они хоть немного отстают от своих матерей, то начинают ржать своими молодыми серебристо-звонкими голосами, оглашая горы, леса.

Эх, когда же и мой жеребенок будет таким?

Кажется, недолго осталось ждать: живот кобылы с каждым днем становится больше и больше. Дядя Сафа говорит, что кобыла скоро ожеребится и что нельзя спускать с нее глаз.

Мальчишки все время подшучивают надо мной и спрашивают:

— Что ты подаришь нам, Закир, на радостях?

— Не беспокойтесь, у меня подарок давно приготовлен. Лишь бы скорее родился!

В последние дни у меня с отцом произошло крупное столкновение.

Волки, оказывается, очень любят жеребят. У Фахри был один хороший жеребенок. Говорят, ночью его поранил волк. Как только я это услышал, ничего отцу не сказал, взял узду и побежал в поле искать гнедо-чалую кобылу. Нельзя кобылу оставлять в поле: кто знает, вдруг встретится волк и съест жеребенка.

Кобыла ходила неподалеку. Я нашел ее быстро. Чтобы легче было поймать ее, я захватил с собой корки хлеба. Раньше, бывало, чуть поманишь

рукой, она сама идет навстречу. За последнее время она как-то изменилась: то сердится ни за что, если подойдешь близко, то начинает наступать на тебя.

Вот и сейчас. Поманил ее хлебом — куда там, разве поймашь ее, как прежде! Фыркает, беспричинно буйствует, горячится. Я в слезах вернулся домой и начал умолять отца:

— Она скоро ожеребится. Давай будем ее держать только дома! Я бы сам смотрел за ней.

Отец не согласился.

— Дома нечем ее кормить. Ничего с ней не случится, пусть пасется на лугу, у реки.

Я принялся плакать, начал рассказывать про волков...

А отец все стоял на своем.

— Не будь глупым! Волк обычно не приходит в луга близ деревни,— говорит он.

— Если будем держать дома, то нечем будет ее кормить, и жеребенок будет плохим... Если уж очень боишься, то карауль ее днем с мальчишками, а вечером домой будешь пригонять.

Его слова о том, что если кобылу кормить плохо, то жеребенок будет хилым, убедили меня.

Из курятника я тихонько унес яйца. Отыскал спрятанные спички.

День был чудесный. Лучи весеннего солнца смотрели мне прямо в глаза, и казалось, что солнце тоже радуется вместе со мной и даже чуть мне улыбнулось.

Как только мальчишки узнали, что у меня есть яйца и спички, они с радостью согласились идти со мной караулить мою кобылу.

VIII

Дома сварили большой чугунок картошки. Я, оказывается, очень проголодался и торопливо начал есть с солью и черным хлебом крупные, с гусиное яйцо, картофелины.

Хотя рот у меня набит, я беспрестанно рассказываю о гнедой кобыле. Мать то смеется, то сердится:

— К тебе, наверное, пристала какая-то болезнь или околдовал джинн! Встанешь — о кобыле, ляжешь — снова о ней же. Только и знаешь говорить о ней да о ней!

Только я собрался возразить ей, как вдруг Сапар, старший сын Фахри с Нижней улицы, заглянул в окно и заорал, как на пожаре:

— Закир! Закир! Новость! Гнедая ожеребилась!

Мать, растерявшись, закричала:

— Ох, пропадет, наверное, он из-за жеребенка!

Я соскочил с места, пробежал по разостланной на нарах скатерти, на которой были расставлены чашки, и выскочил во двор. Отец у сада чинил телегу. Я бросился к нему.

— Отец, отец, идем скорей, кобыла ожеребилась! — кричал я.

Отец совсем не рассердился на меня. Как только он услышал мои слова, встал со своего места, взял уздечку, которая висела на заборе, и спросил:

— Того, кто сказал это, ты вознаградил за радостную весть?

В это время в воротах появился Сапар. Он ждал подарка.

У меня специально для подарка было шесть копеек денег, которые я собрал, продавая скупщикам разные тряпки, гусиное перо. Я даже не задумался, быстренько взял деньги оттуда, где они были спрятаны, и отдал сыну Фахри.

И мы с отцом поехали к реке Узану за жеребенком.

IX

Резвые животные, как говорят, рождаются на ногах.

Вероятно, это правильные слова.

Когда мы доехали, жеребенок своими еще не окрепшими, тонкими ножками уже осторожно ступал по земле.

Бедняжка, наверное, очень проголодался: подходит к матери то с одной, то с другой стороны и старательно прикладывается к ее тугим соскам.

За последнее время гнедо-чалая была слишком раздражительная, и поэтому я побоялся даже подойти к ней.

Когда отец приблизился, чтобы надеть уздечку, она, как львица, защищающая своих детенышей, дико и тонко заржала и хотела броситься на отца, укусить его, лягнуть и вертелась вокруг своего жеребенка.

Но отец мой не знал, что такое страх. Даже животные, казалось, понимали это. Несмотря на то, что кобыла бесилась, пыталась укусить, лягнуть, отец смело подошел к ней, и не успела кобыла опомниться, как ее голова оказалась в уздечке. Я стоял удивленный и ошеломленный. Радовался или нет, я не помню.

Х

Я пришел в себя лишь тогда, когда мы вернулись домой и привязали кобылу к колодезному столбу.

А жеребенок был действительно какой-то удивительный: его ноги ступали очень легко, щиколотки были такие длинные, тонкие; такие, говорят, бывают лишь у скакунов.

Не совсем высохшие хвост и грива были короткие, но они уже сами по себе вились и были похожи на пушистую шелковую бахромку. По округлой спине, как раз по спинному хребту, от хвоста до самой гривы шириной с палец, как лента, тянулась полоса черной шерсти. На широком лбу продолговатой и умной головы была белая полоса, которая отличала жеребенка от тысячи миллионов его сверстников и делала неповторимым по красоте. Казалось, все его тело отлито рукой самого аллаха и ангелов. Он родился таким красивым, таким благородным...

Определить, какой он был масти, я не мог, затруднялся. Не черный и нельзя сказать, что серый, и не такой чисто гнедо-чалый, как мать. Какой-то синеватый, поблескивает, как светло-голубой цветок.

Не успел бы даже вскипеть самовар, так мало прошло времени, а во дворе уже начали собираться ребята. Открыв рты, все с удивлением застывали перед этим благородным созданием.

Откуда-то известие дошло и до нашего дедушки Сафы. С развевающейся на ветру белой бородой он торопливо вошел во двор.

Дед во всей округе славится как знаток лошадей.

О боже, что он сейчас скажет? Я застыл в ожидании. Увидев жеребенка, дед просветлел:

— О, аллах, сохрани его от дурного глаза!..

Потом дедушка Сафа долго и молча смотрел на жеребенка и сказал:

— Да, да, я не ошибаюсь! И этот как братья...

Оказывается, отец давно уже потихоньку от меня припас маленький серебряный колокольчик. Мама дала красную ленту. Дедушка тихо и осторожно подошел к жеребенку, ловко обнял его и стал шептать молитву.

— Бисмилла, сохрани его, аллах... Сохрани от дурного глаза, от волка и собак,— говорил он, привязывая ленту с колокольчиком к шее моего жеребца.

Отойдя немного в сторону, он опять посмотрел на жеребенка и сказал отцу:

— Знаешь, Хафиз, он будет точь-в-точь как его братья, и масть скоро станет чубарой... Пусть будет в добрый час. Горе у тебя было большое, горе, причиненное двумя старшими детьми, оно тебя состарило... С легкой ноги вступила кобыла в твой двор, принесла достаток и радость.

Обычно, когда напоминают о брате и сестре, отцу бывает очень тяжело. Голос его меняется, и говорит он по-другому. Я с беспокойством смотрел на него — нет ли слез на его глазах.

Нет, на этот раз он не плакал. Только глухо сказал:

— И не говори уж, дед Сафа! И не простыми людьми они у меня были, а соколами и львами. И сами стали несчастливými, и мне без времени посеребрили волосы.

И, немного успокоившись, говорит:

— Уж так, видно, суждено... Теперь вот одна надежда на этого, младшего.

Дедушка Сафа еще пожелал много хорошего, похвалил жеребенка и, шутя потрепав меня за уши, сказал:

— Ну, Закир, большое тебе счастье привалило — гнедо-чалая кобыла башкира отца твоего поставила на ноги, а тебе дала чубарого жеребенка. Жеребенок-то, как и его братья, из породы скакунов... Не сглазить бы, и этот будет скакуном,— повторил он и, бормоча еще какие-то слова, ушел.

Я ног под собой не чуял. Казалось, за день я сильно вырос. Шутка ли — у меня есть жеребенок! Жеребец! Он будет чубарым, и я назову его «Чубарый». Станет он, как его прославленные в окрестности братья, скакуном! Прислушайтесь, как он звонко ржет своим серебристым голосом! Посмотрите, как красиво резвится!

XI

С этого дня Чубарый заполнил мою жизнь. Все мои радости и горе исходят от него и к нему же возвращаются. Брежу им во сне. Утром, прежде чем одеться, умыться, я бегу в конюшню — посмотреть Чубарого, узнать о его здоровье. Здоров, очень даже здоров! Он, как богатырь в сказке, растет не по дням, а по часам, день ото дня становится красивее и сильнее.

Теперь не было в деревне человека, который не помянул бы его добрым словом. Каждый восхищается и говорит: «Не дай бог сглазить —какой красавец! Сразу видно, что из хорошей породы!»

Во всей окрестности не видно и не слышно, чтобы не только по благородству и красоте, но и по голосу, по быстроте и легкости шага, по умению резвиться нашелся жеребенок, способный сравниться с моим Чубарым.

XIV

Когда жеребцу исполняется два года, у нас весной совсем выстригают ему гриву, срезают хвост: делают «стригунка». Мне не хотелось так испортить Чубарого. Я просил коротко и ровно подрезать только челку, чтобы она не падала ему на глаза.

Мне казалось, что теперь он стал походить на красивых дочерей русских бояр. И гриву я не разрешил целиком выстричь, как это делали другие, а по-

просил оставить длиной в одну четверть и подровнять ее так, чтобы она была пышной и развевалась волнами,

Я взял у матери бахрому, ленты и с обеих сторон привязал их к гриве. Другие у своих жеребят и хвост как-то стригут некрасиво, после чего он становится похожим на кочан капусты или на оголенную руку. Я и этого не допустил: подрезали немного, только самый конец, и кругом подровняли. Ведь из-за такой стрижки жеребцы весной бывают похожи на ощипанных ворон.

Что касается моего Чубарого, то он был красивым, как нарядный сын боярина, собравшийся в гости.

Я такого жеребца видел у одного богача, Абсальяма, когда мои родители ходили наниматься к нему жать. Но когда я напомнил о нем отцу, он сказал:

— Эх, сынок, не вышли бы боком все твои прихоти и не кончились бы печально.

Однако, несмотря на свои опасения, все он сделал так, как я хотел.

Увидев красивую стрижку моего жеребца, мальчишки изумились... В последующие годы и все другие начали стричь своих жеребят по нашему образцу.

XV

Прошли лето, осень, зима. Пришла весна. Чубарому моему пошел третий год. Когда жеребец в таком возрасте, о нем в деревне говорят, что он «впервые вступил на борозду», и постепенно слегка начинают приучать его к упряжке.

Я ни за что не соглашался, чтобы его запрягли. У нас, кроме Чубарого, было еще две лошади. Чалая кобыла в этом году осталась яловой. Она стала широкой, как сруб. Одна может справиться с работой пяти коней. И саврасый конь от нее не отстает. Поэтому отец ни разу не заикался о том, чтобы запрягать Чубарого хотя бы для мелких перевозок. Он, видимо, не забывал слова дедушки Сафы, что этот жеребец вырастет скакуном, как его два брата. Однако розы без шипов не бывают. К великой моей тревоге, отец купил у башкира Кысылды нетронутую целину, которая еще не видела плуга и сохи. Он думал, что если просо посеять на мягкой земле, то его погубят сорняки. Даже

железный плуг с трудом берет эту целину, потому что местами встречаются камни, кусты. И, чтобы вспахать эту землю, вытащили давно забытый тяжелый плуг. Его не могли тянуть две лошади. Нужно было четыре, а самое меньшее три здоровые лошади.

Мои родители договорились между собой и решили третьим запрячь Чубарого. Услышав это, я, чуть не плача, пошел к отцу.

— Что случилось? Кто тебя обидел? — спрашивает он меня.

— Никто не обижал! Почему моего Чубарого запрягаете в плуг? — спросил я и не смог сдержаться, заплакал.

На мой голос прибежала мать. Она, кажется, ревновала меня к Чубарому. В любое время, когда бы ни зашла речь о моем жеребенке, она начинала ругаться и порицать меня. И сейчас — не успел отец ей сказать обо всем, как она стала сердиться:

— Ай алла! Я думала, что случилась какая-нибудь беда... Как же это из-за жеребенка человек может убиваться!.. Не думаешь ли ты всю жизнь держать его только в холе и не запрягать? Вот сумасшедший!

Но отец не сердится, не бранится, а, желая успокоить меня, говорит:

— Перестань, Закир, не плачь так из-за пустяков. Ничего не случится, мы его будем запрягать с краю. Сам будешь его подгонять. Будешь присматривать за ним сам.

После этого я еще больше разъярился, еще сильнее зарыдал. Позвали есть — не пошел. Сказали, что самовар вскипел, — и на это не ответил. Бесперывно плакал и плакал; так, устав от слез, обессиленный, я заснул у ограды сада на доске.

Проснулся, смотрю — лежу я на перине в чулане.

Прошел полдень. Солнце уже опустилось совсем низко. Все вокруг казалось тихим, приятным, ласковым.

В доме никого не видно. Во дворе не видно ни телеги, ни плуга, а ворота открыты настежь.

Я вскочил и побежал в сарай.

Прибежал — и что же я вижу? Мой Чубарый, привязанный длинным поводом, ходит от одного конца сарая до другого. Наверное, соскучился: как увидел меня — заржал.

Хоть мы и не разговаривали, но друг друга очень хорошо понимали. Когда я появляюсь, он радуется, а когда чешу ему гриву и глажу по морде, он беспрерывно ласково и мягко ржет.

Я повел своего Чубарого к колодцу, напоил и пошел домой.

Отец встретил меня с улыбкой и еле заметной укоризной:

— Эх ты, плакса! Получилось-то по-твоему! Оказывается, и дядя Вилдан тоже купил целину рядом с нами, и мы решили с ним пахать по очереди.

Радость переполнила мою душу. Казалось, от моей радости плясало все: земля, небо, весь мир.

И снова, как когда-то, я не отходил от матери: что бы она ни велела, все исполнял. Велела дрова принести — принес. Сказала: отведи гусят к реке Узан — отвел. Велела собрать яйца, которые снесли куры, — сбегал за ними.

Когда отец уходил на работу, он не взял, оказывается, еды, потому что кислое молоко еще не отстоялось и хлеб не был еще готов; нужно было ему отнести обед.

— Иди позови Мухтара, — сказала мать, — вдвоем отнесете в поле хлеб и кислое молоко.

Я выслушал ее внимательно, не пререкался, только сказал:

— Мама, я и один могу отнести!

— Не сможешь, еще прольешь все молоко. Идите вдвоем, — сказала она.

Я согласился и на это.

Когда мы пришли в поле, нас встретил Апуш, который пахал тоже рядом с нами, и, смеясь, сказал:

— Ах ты, собачий сын, все-таки победил, настоял на своем — ведь не дал запрячь своего Чубарого! Не поддавайся, Закир! Зачем будущего скакуна зря запрягать в плуг!

На этот раз мне удалось настоять на своем.

Но иногда победа обходится мне очень дорого. Как только я начинаю спорить, не слушаюсь, сразу мне напоминают о Чубаром.

«Поговори еще побольше! Если не будешь слушаться, возьмем да запряжем твоего Чубарого в лес»,— говорят они, пугая меня.

Мне нечего на это ответить... Как будто язык отрезали. Пусть меня самого запрягут, на это я согласен, только пусть не трогают моего Чубарого.

XVI

Наконец наступило то, чего я так долго ждал.

Сегодня сабантуй.

И не какой-нибудь, а такой, который редко бывает по всей окрестности, самый большой, самый чудесный! Соберутся прославленные скакуны. Приедут известные борцы. Знаменитые бегуны будут соревноваться в скорости.

Сегодняшний день и для меня и для моего Чубарого, возможно, станет таким днем, который бывает в жизни лишь один раз.

Жеребец мой был испытанным. Уже на третий год я приучил его к седлу. С тех пор в нашей деревне происходило много скачек. Нечего и говорить, никто не мог соревноваться с моим Чубарым: как только трогаемся — я лечу, а другие остаются далеко позади, пропадают из виду.

Случилось состязаться и со скакунами соседних деревень. Среди этих скакунов были такие, которые на многих сабантуях приходили первыми или вторыми.

Чубарый побеждал их легко, просто шутя. Но этот сабантуй совсем другой. Говорят, что приехали издалека со своими прославленными скакунами горные башкиры. Среди них особенно хвалили сивую кобылу, которая в прошлом году на скачках в Уфе опозорила всех скакунов, оставив их далеко

позади. О других скакунах я даже не думаю. Меня пугает лишь эта сивая кобыла. Откуда только взялась она, как на грех!

Отец с дедушкой Сафой, кажется, тоже очень хорошо понимали мое состояние.

Скакуна, оказывается, готовят к скачкам совсем по-другому. Как только настала весна, дедушка Сафа, у которого перебивало много скакунов, начал наставлять отца, как ухаживать за Чубарым, чем кормить, как поить, как объезжать, научил всему-всему. Не ограничиваясь этим, он почти каждый день приходил сам, смотрел, опять наставлял.

Когда до сабантуя осталось с неделю, они взялись за дело особенно упорно. Давали Чубарому маленькими частями только сухое сено, овес, понемногу опару. Отец не ленился, день и ночь ухаживал за жеребцом. Я всегда был рядом. И без того красивый, Чубарый стал еще лучше. Грива и хвост волнистые, пушистые. Впалый живот будто перетянут ремнем. И ростом он словно стал выше... Он так легко ступал, точно ходил не по земле, а летел на крыльях, невидимых глазу.

Он и раньше был разборчив в еде, а теперь, вероятно чувствуя приближение скачек, стал еще сдержаннее...

Я никому не разрешал ездить на нем. Когда выводил на прогулку, то всегда ездил сам. Если в это время где бы то ни было, когда бы то ни было появится другая лошадь и начнет обгонять моего Пятнистого, не думай удержать его — кусает удила и летит как на крыльях!

Нет никакого сомнения: Чубарый знает, что в скором времени будет сабантуй, чувствует, что ему предстоит там скакать, и к этому тщательно готовится. Я тоже готовлюсь не хуже, чем он.

Отец и дедушка Сафа не то шутя, не то серьезно поговаривают о каком-то другом мальчике, который должен скакать на Чубаром.

— Ты еще маленький,— говорят,— да и Чубарый еще не привык к большим скачкам.

Я и мысли не допускаю, чтобы кто-нибудь другой скакал на Чубаром. Если снова начинают об этом говорить, глаза мои наполняются слезами. Дед Сафа меня успокаивает.

— Ладно, сынок, ладно,— говорит он, — будь что будет: обгонишь или отстанешь — пеняй на себя. Все зависит от тебя самого.

XVII

И вот вся деревня как будто перевернулась вверх дном. Несколько сот джигитов верхом на лошадях собирали по всей деревне полотенца. Они заходили в дома, где были молодые невестки. Ребята, кто верхом на лошади, кто пешком, обходили каждый дом и собирали яйца. Для них припасли покрашенные в зеленый или красный цвет яйца. Женщины беспрестанно суетились: одевались, прихорашивались, красились, бегали из дома в дом.

Во время прежних сабантуев и я суетился среди ребят. На этот раз они не волнуют мою душу. Сердцу Чубарого не терпится, он не может устоять на одном месте. Для разминки я несколько раз проехался на нем.

Дедушка Сафа говорит, что без разминки даже лучшие скакуны могут отстать.

Приготовили самую хорошую плетку. Отец сделал к ней петлю, чтобы можно было продеть туда руку. На себя я надел толстую хлопчатобумажную красную рубашку. Говорят, что тубетейка с головы слетает, и многие ребята, которые идут на скачки, тубетеек не надевают, повязывают голову платком или еще чем-нибудь.

Я тоже попросил у матери платок, и она, обшарив весь сундук, достала какой-то зеленый платок. Красных платков я не любил. По красоте мой Чубарый был первым, и мальчик, который сидит на нем, должен выглядеть не хуже, думал я.

XVIII

Едва муэдзин поднялся на минарет, чтобы призвать на утреннюю молитву, к нам опять пришел дедушка Сафа и говорит:

— Уже время отправлять лошадей, пойдете на площадь.

Сердце мое стучит, я дрожу, отчего-то сжимается грудь.

Чубарый волновался еще больше, чем я.

Отец взял его за уздечку, я разулся, снял брюки, схватил плетку и зеленый платок, и мы втроем по переулку старика Жамали направились к площади.

На западной стороне нашей деревни есть широкий холм. Сабантуй всегда проводится там.

В одной стороне, тихо волнуясь, простиралось море разноцветных одежд — это стояли женщины. На другой стороне в кучу тесно сбились мужчины. Там, наверное, шла борьба. Неподалеку от них стояли дети, старики, торговцы с лотками, какие-то телеги, еще что-то; все это покрывало холм, как черная туча.

Немного дальше, вдоль полевой ограды, гарцевали лошади.

На некоторых лошадях сидели мальчишки с повязанной платком головой, некоторых лошадей за уздечку водили люди, сидевшие на других конях... У всех лошадей животы впали. Все стройные, как газели. Это скакуны.

Мы от этого людского моря повернули налево, в ту сторону, где ходили эти скакуны. Чем больше мы приближались к ним, тем больше нарастало нетерпение Чубарого.

К этому времени верхом на коне появился дядя Садык. В руке у него большая палка, на конце которой висит полотенце с красной каймой... Он подъехал ближе к скакунам и громко закричал:

— Уже пора, трогайтесь! Те, которые уедут первыми, пусть подождут у «Одинокой березы».

Меня подняли и посадили на Чубарого, голову завязали платком. Тюбетейку я отдал отцу.

Все молчали. А дед Сафа снова и снова повторял:

— Сначала не очень торопи, а когда перейдешь перекресток, не жалей, ударь крепко! Смотри повод оставь свободным! Эта скотинка не любит беспрестанного дерганья.

Силой удерживая своих коней, готовых взлететь, все поехали по направлению к «Одинокой березе».

От нас до «Одинокой березы» пятнадцать верст.

В прошлые годы скакали на семь-восемь верст, в этом году отовсюду собралось много знаменитых скакунов, поэтому, говорят, наметили такое большое расстояние. Я не помню, как доехали до «Одинокой березы». Это было слишком мучительно. Конечно, пока нужно было ехать только шагом. Но Чубарого невозможно было удерживать. Увидит впереди или сзади какую-нибудь лошадь, начинает кусать удила и летит. Когда я приехал, многие скакуны были уже там и беспрестанно прохаживались туда и обратно.

Увидя их, я совсем растерялся: один красивее другого, один благороднее другого. Даже надежда на победу ослабела. Ведь ни один из них не был хуже моего Чубарого!

Прибыла и прославленная сивая кобыла. Я не мог оторвать от нее глаз. Она была удивительна: грива короткая, хвост жидкий, тело худощавое. Таз узкий, в одну сторону будто немного искривленный, спина сутуловатая. Но грудь, как у льва,— широкая, крепкая. Колени чуть разведены в стороны. Когда я увидел ее бабки, я еще больше удивился: они были такие длинные, что я в жизни не видел таких. Глаза большие, играют, искрятся. На ней, держа в руках плетку, сидел черный-пречерный мальчик-башкир с непокрытой головой. Несмотря на то, что он был маленький, по всей вероятности, скакал много: он нисколько не волновался,— видно, хорошо знал повадки лошадей.

Среди скакунов спокойнее всех стояла эта сивая кобыла.

Все приехали. Дядя Садри начал нас строить. Это оказалось нелегким делом: только он кончает равнять, то у одного конь вырывается вперед, то у другого не может устоять на месте и пятится назад. После долгих мытарств дядя Садри наконец всех построил и скомандовал:

— Раз, два, три! Гей, тронулись, родные?

Не успел он произнести и первый звук, скакуны полетели как на крыльях.

Где были остальные, обогнали или отстали, я не мог знать. Как только тронулись мы, три скакуна — мой, сивая кобыла и еще один рыжий скакун,— сталкиваясь друг с другом боками, летели все втроем рядом.

Ступают ли наши скакуны по земле или на невидимых крыльях летят по воздуху, я не мог определить. Впереди чуть виднеются леса, реки, большие-большие топи, но не успевают мелькнуть в глазах: мы уже пролетаем мимо них как молния.

На пути есть одна топкая река Аеркул. Говорят, на этой дороге самое страшное — вот эта река.

Как летящие птицы, топоча, обгоняя друг друга, все трое вместе вошли мы в эту скользкую и топкую реку, но на берег поднялись только сивая кобыла и мой Чубарый, третий наш товарищ — мальчик на рыжем скакуне — кажется, кувыркком полетел в эту топь.

Теперь соревнуемся вдвоем...

Силы совершенно равные: иногда кобыла немного отстает, но мальчик подгоняет ее, и вот уже голова моего Чубарого — рядом с хвостом его лошади.

Еще одна трясина.

У меня кружится голова, мне кажется, что я падаю. В душе рождается сомнение: закрываю глаза и держусь за гриву Чубарого. Когда я открываю глаза, то вижу, что из трясины мы вышли, но сивая кобыла летит на три-четыре сажени впереди меня...

Кажется, приближаемся: уже виднеются минареты мечети.

Один раз крепко дергаю слева, справа изо всех сил ударяю плеткой. Чубарый только вздохнул, и не успел я моргнуть глазом, как уже оказался впереди сивой кобылы.

Вот деревня, там ворота, вот уже двигается черная туча, покрывшая холм. Хозяева скакунов верхом на конях едут навстречу к нам.

Среди них мелькает и отец.

— Хайди, Закир, ударь еще раз! Еще раз!! Еще!!

— Хайди, Чубарый! Гей, сивая кобыла!!

— Хайди, Чубарый!

Подгоняли нас с двух сторон, кричали, шумели и размахивали руками.

Однако Чубарый и сивая кобыла шли почти рядом.

Еще раз дернул я, еще раз со всей силой ударил слева, справа... Чубарый вздохнул еще раз, и мы, опередив сивую кобылу приблизительно на пол-аршина, уже оказались на майдане.

Черная туча раскалывается надвое. Когда голова сивой кобылы оказалась у ребра моего Чубарого, мы уже прошли черту финиша.

Шум, гам, давка! Как будто настал конец света! В одной руке у старосты был зеленый чапан — это тому, кто пришел первым, в другой руке — большое полотенце, это предназначено для второго.

Среди пыли и шума не то по ошибке, не то по другой причине староста протянул чапан сивой кобыле, а на шею моего Чубарого бросил полотенце и сказал:

— Ты, кажется, пришел вторым.

Я не помнил, что я делаю, перед глазами потемнело, и я, с силой несколько раз размахнув плеткой, ударил старосту по лицу. Сгоряча вырвал у сивой кобылы чапан, вышел из этой черной тучи и удалился в сторону. Попали ли я плеткой в лицо старосты или нет, я не знал...

Посмотреть на это у меня не было времени: ведь каждому известно, что нельзя сразу останавливать скачущую лошадь!

Скоро подошли дедушка Сафа, отец, соседи. Обняв меня, сняли с коня. Все хвалят, все говорят спасибо. Дедушка Сафа беспрестанно гладит по голове и говорит:

— Молодец, сынок, не опозорил.

Отец начал водить за уздечку Чубарого. Я снял платок с головы, надел тубетейку и вошел в волнующийся людской поток.

Мальчишки начали меня пугать:

— Ты разбил ударом плетки лицо старосты. Ну и задаст он тебе!

К этому времени показался и сам староста. Лицо, кажется, вправду разбито: один глаз перевязан белым платком.

Я не испугался его, просто удивился. Он не только не рассердился, а обнял меня, погладил по голове и говорит:

— В детстве я тоже много скакал... Когда приходишь первым и тебе вручают подарок, предназначенный второму, тогда бывает очень обидно... Я на тебя не сержусь, ты устал, иди домой! — И он дал мне двадцать копеек серебром.

Весь мир был моим. Победа Чубарого над прославленной по всему округу сивой кобылой была невиданным счастьем.

XX

Однако это счастье в скором времени обернулось большим несчастьем. Не знаю, то ли я очень гнал Чубарого и запалил, то ли погубило его то, что я по приезде на майдан остановился, споря со старостой, но что-то случилось: на второй день сабантуя Чубарый не смог встать на ноги, не пил, не ел. Бедняжка на всех смотрел своими по-человечески умными, полными слез глазами и так пролежал почти неделю. А в пятницу утром, в десять часов, его не стало.

Когда Чубарый умирал, я стоял у изголовья. Я не мог плакать. Сердце мое окаменело... И долго мне казалось, что Чубарый унес с собой любовь ко всему: к земле, небу, людям.

Перевод Г.Каримовой.

***ТАТАРСКАЯ ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
1920-1930-х гг.***

Хади Такташ

1901-1931

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Летают белые цветы.
Прекрасен мир.
Любуюсь небом,
Откуда миллионы звёзд
Летят на землю белым снегом.

Пока не вспыхнет зарево весны,
Подснежник-город не проснётся,
И если ночь случилась хороша,
То поутру метелица начнётся.

Прекрасен мир
Хотя бы потому,
Что вот иду, ругая холод волчий,
А зимний ветер по моим следам
Плетётся тихо-тихо, молча.

Не ведаю, за что меня он любит,
Но вечно по следам моим идёт он;
Я в дом зайду — ложится у ворот,
Когда я выйду, терпеливо ждёт он.
Поэтому-то я не выхожу,
А лишь через окно за белыми цветами,
Над улицей летящими, слежу...

Летят цветы!
Прекрасен мир,
Прекрасен он под этим небом,
Откуда миллионы звёзд
Летят на землю белым снегом.

Перевод Л. Мартынова.

УМНИЦА

Старушка

Что за кисонька — мила,
Благонравна, как мулла.

Всех умнее, всех честнее.
Кто сравниться может с нею?
Молоко или сметану
Прятать он её не стану.
Подождёт сметана в кринке,
Сена дам пойду скотинке.

Кошка

(вылезает из-под стола, изгибаясь и мурлыча.)

Признаться, старушку и я уважаю.
Но также сметану весьма обожаю.
Нет, мне не сойти, видно, с этой дорожки.
Я всё-таки кошка!
А бедные кошки,
Несчастные кошки — лукавить не стану —
Готовы полжизни отдать за сметану.
Прости же, бабуся.
Любезный горшок!
Зачем твоё горло так узко, дружок?
Тебя положить на бочок я должна.
Не правда ли, милый, с тобой я нежна?

Мяу! Сметаны что может быть слаще,
Сметаны густой-прегустой, настоящей...

Пес Акбай

Дом сторожить — тяжёлый труд.
Не стало сладу с вором.
Того гляди, что украдут
И конуру с забором.
Да ладно б люди!
От котов
Я от тоски завить готов.
Без воровства у них ни дня.
Кого бранят за всё? Меня!

*(В доме раздался шум, грохот.
Похоже, что-то разбилось.)*

Что за грохот?
Снова воры —
На помине то-то скоры.
Видно, думали: я сплю
Или глупых мух ловлю.
Ну, теперь уже попались,

Над Акбаем зря смеялись.
Нынче кончится пирушка.
Рада будет и старушка.

*(Сначала крадётся, потом с лаем
бросается в дом.)*

Где же воры?
След простыл.
Стали воры не просты.
Ах, нахалы, ели-пили
Да ещё горшок разбили.
Это — кошка, не иначе.
О житьё моё собачье!
Но известно с давних пор:
Кто не пойман, тот — не вор.
Заметают след искусно.
Как сметана пахнет вкусно!
Каждый день у кошек пир.
Худо сей устроен мир.

*С пола пёс лизнул едва —
Закружилась голова.*

Я попал, наверно, в рай! —

*Завилял хвостом Акбай.
А наша старушка меж тем не спала,
На цыпочках в дом потихоньку вошла.*

Старушка

Ага! Так вот кто гнусный вор!
О, наказание!
О, позор!
Ну, погоди теперь, дружок.
Ты мне сполна вернёшь должок.
Припомню все твои грешки
И все разбитые горшки.
Злодей!
Разбойник!
Вон из дома!
Пусть разразит тебя ударом грома!
Только кисоньку мою
Я одну теперь люблю.

И умна-то и мила,
Благонравна, как мулла.
Молоко или сметану
Прятать от нее не стану.
В доме с нею веселей,
С милой кисонькой моей.

Перевод В. Коркина.

ДРУГ ЧЕРНОНОСОГО*

Глупые

Глупое всё же это животное — корова. Ничего не понимает, ей бы только пожевать. Из-за этого она готова на что угодно.

Молодой пастух Айдук увещевал коров:

— Глупые храпуны, свистящие ноздри, для вас же стараются! Разве вы не знаете, что если в деревню придут белые, то быть вам на бойне?

Но коровы не понимали того, что могут прийти белые и что от этого им же будет хуже. Спасаясь от назойливых лесных оводов, они побежали в сторону деревни.

Извели коровы Айдука и его друга Черноносого.

Черноносый не узнал

Черноносый с грозным рычанием обегал стадо, загоняя его в лесную чащу.

Наконец коровы успокоились и, лениво обмахиваясь хвостами, уткнули свои морды в прохладную зелень.

Айдук вытряхнул из мешка картошку и стал разжигать костёр.

Черноносый, виляя хвостом и облизываясь, следил за хозяином. Но вдруг он наострил уши и, вскочив на ноги, громко залаял. У Айдука похолодело сердце.

«Белые!» — с ужасом подумал он, бросив отчаянный взгляд на мирно жующих коров.

* В сокращении.

Но Черноносый ошибся. Это были отец Айдука, Джамали, и Длинный Хусаин.

Вместе с ними пришли и несколько деревенских парней. Присев к огню, они начали разговор.

Потом сын Тубай Джамалия, молодой парень Ибрай, сказал:

— Богачи сумеют подладиться к белым. Они откупятся деньгами и спасут свою скотину. Вся беда обрушится на нас. Не уцелеют и наши головы, если кулаки донесут, что мы стоим за большевиков.

— Это верно,— сказал отец Айдука. Длинный Хусаин задумался и проговорил:

— Нам лучше коров увести с собой. Кстати, и молоко нам пригодится в лесу.

Все согласились со словами Хусаина, и отец Айдука вместе с парнями стал отбирать из стада двадцать коров.

Коза бабушки Гайну

Пока Айдук сидел в лесу, в деревню прибыл отряд белых. Голодные и злые, они шарили по всем дворам, забирая у крестьян последнее добро. Чтобы накормить своих солдат, они искали на убой скотину. Но скотины не было.

Старая бабушка Гайну бегала из одного конца деревни на другой, разыскивая свою козу. Она останавливалась у каждого дома и, утирая платком слёзы, говорила:

— Наказал нас бог. Видно, и мою последнюю кормилицу забрали белые солдаты. Что ж мы теперь будем делать?

А кормилица бабушки Гайну воспользовалась отлучкой хозяйки и убежала пастись в молодую капусту.

Белые не стали устраивать сходку. Обо всём они договорились со старостой, и на поиски стада были разосланы верховые.

Щенок

<...> В деревне коров загнали во двор Вали-бая. Староста схватил Айдука за шиворот и втащил в дом.

Вали-бай угощал белых офицеров. За столом сидели ещё какие-то люди. Староста поставил Айдука перед собой и строго спросил:

— Кто увёл своих коров? Куда увели?

Вали-бай встал из-за стола, гости отодвинули свои чашки и смотрели на мальчика.

Айдук хорошо знал, что говорить нельзя, и чем сильнее сжималось от страха его маленькое сердце, тем крепче стискивал он зубы.

— Не знаю!

— Говори, щенок! — Староста схватил его за ухо и больно дёрнул.

Айдук молчал.

Его избили, как собаку, и выбросили на улицу.

Он еле дотащился до дому. Черноносый встретил своего хозяина, радостно виляя хвостом. Но, видя, как мучается хозяин, Черноносый сел рядом с ним и тихонько заскулил.

Пробуя отвлечь мальчика, он поднял свою правую лапу и протянул её Айдуку, а потом стал лизать ему руки.

Красные звезды

<...> По полям, сверкая на солнце штыками, идут красные. На их островерхих шапках горят красные звёзды. Копыта их лошадей высекают огонь. Они идут выручать отца Айдука, они знают, что отца Айдука забрали белые.

Мальчику казалось, что он уже слышит топот копыт на улице. Вот-вот сейчас красные догонят его врагов и спасут отца... Он вскочил... и словно очнулся от сна. Вдруг перед его глазами встал раненый отец. Быстрые ручейки крови сбегали с его разбитой головы. Айдук перестал всхлипывать и побежал на улицу.

Над погибшими в огне

<...> Разбуженные неожиданными выстрелами, крестьяне не знали, что делать. Проснувшиеся дети попрятались за печи. Никто не знал, что случилось.

Многие думали, что, может быть, пришли красные. Только когда стихли выстрелы, люди прильнули к щелям и стали смотреть, что же делается на улице. Они вышли из домов только тогда, когда увидели на улице своих с винтовками в руках.

Во главе красного отряда был Длинный Хусаин.

Он стоял перед домом Вали-бая и допрашивал офицеров и солдат, связанных крепкими верёвками. Потом вместе со всем народом Хусаин пошёл к догорающей клети. Возле неё, царапая чёрную землю, рыдал маленький Айдук. Лицо его было покрыто копотью, рубашка разорвана.

Длинный Хусаин положил руку на плечо мальчика и обернулся к крестьянам.

— Люди, — сказал он, — отец маленького Айдука, пастух Джамали, нашёл смерть под этими горящими брёвнами. Почему же его сожгли? За что погиб он в огне вместе со своими товарищами? Потому, что Джамали был одним из тех честных и самоотверженных людей, которые боролись за правду, за то, чтобы земли богачей перешли в руки неимущего народа...

Хусаин говорил долго.

Потом, указав на солдат, он сказал:

Вот эти солдаты — наши родные братья... Большинство из них обманом, а некоторые силой были взяты в белую армию... Развяжите им руки! — приказал он своим людям. — Пусть они сами выберут свою дорогу. Кто хочет уйти, пусть уходит куда пожелает; не хочет — пусть присоединяется к нам.

Солдатам развязали руки. Один из них, выступив вперёд, сказал:

— Я перехожу к вам, в ряды своих братьев, и обещаю до последней капли крови биться за правду!

Другие солдаты тоже решили перейти к красным и один за другим давали клятву верно служить народу.

Потом Длинный Хусаин указал на кучку офицеров:

— Теперь эти толстопузые золотопогонники должны держать ответ за наших сожжённых товарищей! Сейчас же постройте их около огня!

Вали-бай упал на колени и протянул к народу руки.

— Пощадите меня, добрые люди! — плача, закричал он.— Я ни в чём не виноват. Я не пропускаю ни одного намаза и в молитвах своих прошу бога за себя и за вас. Не губите меня, добрые люди!

Но Хусаин не слушая его, повторил свой приказ:

— Сейчас же постройте их около огня!

Крестьяне повели пленных к догорающей клети и построили в один ряд.

— Кто хочет отомстить за погибших товарищей? — спросил Длинный Хусаин.

В ответ на это человек пятнадцать крестьян отделились от толпы и выстроились против пленных.

А солнце давно уже поднялось и смотрело на землю со своей высоты.

По следу Айдука

<...> Когда гости скрылись из глаз, Черноносый почувствовал какую-то тоску. Ушедший человек тянул его к себе. С каждой минутой всё чаще стало биться сердце.

Кто же это был — такой дорогой маленький гость? И куда ушёл он опять?

— Черноносый! Черноносый! — вдруг донеслось откуда-то издалека.

Черноносый вскочил. И вдруг он вспомнил: на широкой, обсыпанной голубыми цветами опушке леса пасутся стада. И вот так же издалека звучит голос: «Черноносый! Черноносый!»

Перевод В.А.Осеевой

Муса Джалиль

1906-1944

ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ

Смотри — на дворе наступила весна!
Смотри — пробудился и лес ото сна!
На плечи — лопаты
И в поле, ребята!
Работе мы рады
И солнышку рады!

Земля так тепла — чуть дымится она!
И пашня готова взрастить семена.
Мы грядки копаем,
Мы сеем, сажаем
И знаем, что наша
Работа нужна!

Нельзя оторваться от тёплой земли —
До сумерек в поле мы день провели,
Работой и песней
Мы встретили вместе
Весну на приволье,
Где небо да поле!

Перевод Ю. Кушака.

РОДНИК

Под горою, у болота,
Не смолкая ни на миг,
День и ночь лопочет что-то
Разговорчивый родник.

То ли — песенку поёт,
То ли — воду пить зовёт,
Что, как будто лёд, студёна
И сладка, как будто мёд...

И, подъехав к роднику,
Соскочил на всём скаку
И склонился над волною
Всадник с саблей на боку.

А за ним к воде приник
Утомившийся старик,
И ватага ребятишек
Подняла весёлый крик.

А родник тому и рад —
Дарит воду всем подряд,
Словно знает: что отдал ты,
То — твоё, как говорят...

Перевод И.Мазнина.

ЦВЕТЫ

На луга, на луга, на луга, детвора!
Пусть от вашего смеха, и пенья, и гама
Улыбнутся усталые добрые мамы.
Да и вам позабыть про печали пора...

Там цветы! По раздолью лугов и полей
Разбежались цветы, убегая в овраги.
Там нарциссы, гвоздики, там алые маки —
Как похожи они на улыбки детей!

Это ветер струится — послушай, замри!
Приглядишься — сколько щедрости в солнечном свете!
В пёстрых шапочках пляшут цветы — это дети,
Дети матери ласковой — Нашей Земли.

Здесь когда-то легла злого ворона тень,
Здесь когда-то война, как гроза, грохотала.
Сколько храбрых бойцов с поля боя не встало,
Сколько ночью пылало вокруг деревень!

В те года, в те гремучие наши года,
Шли за Родину в бой мы сквозь бури и грозы.
И остались в лугах чьи-то горькие слёзы,
И осталась в земле наша кровь навсегда.

Эти слёзы и кровь напоили росток,
Что над Родиной вспыхнул победным салютом,
И весна зацвела, засияла, и людям
Подарила земля свой весенний цветок.
Он проклюнулся там, где ударил снаряд,

Там, где рана чернела в заснеженном поле.
Слишком сердце земли трепетало от боли —
Оттого так цветы в тихом поле горят.

Собирай полевые цветы, детвора!
Как прекрасны они, как свежи и лучисты!
Принесём их бессмертным солдатам Отчизны.
Наступила теперь золотая пора.

Но у каждого сердце задето войной.
Вы, узнавшие взрослые наши печали,
Не забудьте: о вас, мы о вас вспоминали,
В час последний весь шар обнимая земной.

Перевод Ю. Кушака.

ДУБ

Тот дуб на скрещенье дорог
Стоит — он совсем одинок,
Он стар, даже слышит едва,
О чём ему шепчет трава.

В листве его ветры живут
И гнёзда зелёные вьют.
А он про былые года
Негромко поёт иногда.

Тому уже тысяча лет —
Мальчишка, а может быть, дед,
Весёлый, а может быть — нет,
Оставил навечно свой след.

Он ямку копал — напевал,
Он жёлудь землёй засыпал.
Кем был он? Неважно, кем был:
Он жизнь, он природу любил.

Остался в земле его пот.
Летели столетья, и вот
Поднялся, могуч и высок,
Тот дуб на скрещенье дорог.

Здесь путник — который уж век! —
Находит приют и ночлег.

И песню листвы и ветвей
Он вспомнит под крышей своей.

А если обрушится дождь —
По листьям проносится дрожь,
А ливень сильнее и сильнее,
Но сухо у старых корней.

Здесь дремлют в тени косари
В полуденный зной до зари,
Здесь лунною ночью одним
Мечтать хорошо молодым.

Бывает в той местности вдруг
Бело от буранов и вьюг,
И если б не дуб, то пути
Сквозь белый костёр не найти.

Мой предок далёкий, мой друг!
Я славлю тепло твоих рук;
Вот памятник — бронзы прочней
В честь юности вечной твоей!

Уж если живёт человек —
Пусть память продлит его век:
Пусть каждый оставит свой след
— Глубокий, на тысячу лет!

Перевод Ю. Кушака.

ВОЛЬНЫЕ ВЕТРЫ

Вольные ветры,
Вольные ветры,
Тучи вы гоните,
С бурями споря,
И белогривый табун
За собою
Водите вы
По свирепому морю!

Гладите вы то пшеницу,
То клевер,
То, развернувшись,
Летите на Север,
Чтобы прогнать

На пути каравана
Айсберг, что спрятался
В клочьях тумана.

Вольные ветры,
Вольные ветры,
Всюду вы были,
По свету летая:
Есть ли страна,
Что похожа на нашу,
Есть ли ещё
На планете такая?

Чтобы она была
Так же свободна,
Недра — богаты,
Земля — плодородна,
Лес — полон ягод,
А поле — пшеницы,
И необъятны
Морские границы,
Счастливы взрослые,
Веселы дети —
Есть ли такая
Другая
На свете?

И отвечали
Вольные ветры:
Много мы видели,
Много летали,
Только Отчизны,
Похожей на нашу,
Нет, не видали,
Нет, не видали...

Перевод Ю. Кушака.

МАЙ

Тёплый дождь прошумел,
И по-летнему смело
Зазвенела листва
На зелёных ветвях,
А потом и земля,

Как ковёр, запестрела,
И раскрылись цветы
На просторных лугах.
Значит, хватит томиться
В дому, у оконца,
Если день необычен,
Как сон наяву,
И бежим всей гурьбой
Мы под яркое солнце
И — кувырк —
Друг за дружкой
Летим на траву!..

Перевод И.Мазнина.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДОЧЕРИ

Элли-бэлли, озорница,
Пусть тебе спокойно спится,
Звёздочка моя, певунья,
Птица счастья, песня-птица!

Час придёт — и эта песня
Полетит над всей страной,
В синем-синем поднебесье
Станет звёздочка звездою.

Элли-бэлли, спи, дочурка,
За день очень ты устала,
Дремлет сад, где ты играла.
Спишь ли, звёздочка моя?

Элли-бэлли-бэлли-бэу,
Элли-бэлли-бэлли-бэу...

Перевод Ю. Кушака.

ЧУЛПАН

Летите, голубые ветры лета,
Уже заря забрезжила в окне.
Когда взойдёт Чулпан¹ — звезда рассвета,
Вы весточку ей дайте обо мне.

В её лицо вы заглянуть спешите —

¹ Чулпан – так звали дочь поэта; в переводе с татарского «утренняя звезда».

И вы зарю увидите на нём.
А волосы, как рощи, расчешите
Невидимым и нежным гребешком.

Я так по ней, по звёздочке, скучаю!
Да как же не соскучиться по ней —
Её глаза смеются, излучая
Любовь и свет. И на душе теплей.

Мне за неё отдать не жалко жизни —
Жила б она средь мира и весны.
И все мы — очень дороги Отчизне,
И все мы — дети солнечной страны.

Летите, голубые ветры лета,
Уже заря забрезжила в окне.
Когда взойдёт Чулпан — звезда рассвета,
Вы восточку ей дайте обо мне.

Перевод Ю. Кушака.

СЛУЧАЙ В ПОДЪЕЗДЕ

Забить тот случай —
Не могу!
Стоит малыш в подъезде,
Стоит и тянется к звонку
И топчется на месте.

Тут взялся я помочь ему.
И говорю:
— Давай нажму,
Но сколько раз?
И он сказал:
— Нажмите пять!
И я — нажал.

Я позвонил
Пять раз подряд,
А он
Попятился назад:
— Ну, хватит, дяденька!
Бежим!!!

Он — из подъезда.

Я — за ним.

Перевод Ю. Кушака.

ВОРОВАТЫЙ КОТЁНОК

1.

Однажды,
 узнав,
Что у нас из чулана
Куда-то
Бесследно
Пропала сметана,
Тихонько сказал
Своему я котёнку,
Уйдя от чулана
Подальше в сторонку:
— Послушай, — шепнул я, —
В чулане — разбой:
Там — мыши,
И дело теперь — за тобой.
Ты должен, котёнок,
Всех этих мышей
Прогнать из чулана
Как можно скорей.

2.

Конечно,
 все мыши,
Едва увидав
Котёнка,
Спасаться помчались
Стремглав:
Забились,
Кто в норы,
Кто в дыры,
Кто в щели
И там,
Еле живы от страха,
Сидели.
А котик мой смелый,
Косясь на сметану,
Неспешно,
Как сторож,
Ходил по чулану...

3.

Но утром,
 когда я
За маслом полез
В чулан,
Я увидел,
Что котик — исчез!
А с ним и сметана
Куда-то пропала,
Как будто её
Никогда не бывало...
Ах, котик мой, котик,
Каких же мышей
Пошёл прогонять ты
Из дыр и щелей,
Когда
Ты один лишь
Во всем виноват:
Ведь это
Не мыши,
А ты вороват!..

Перевод И.Мазнина.

ЗВЕЗДЫ

В небе тихо. Ночь ясна.
Ничего, что поздно —
Мне не спится. Не до сна.
Я считаю звезды.

Солнце спряталось в леса.
Скрылся день куда-то.
Остывает полоса
Летнего заката.

Укрывает землю ночь
Синим покрывалом.
Добрых снов желает ночь
Всем глазам усталым.

Даже яблоню в цвету
Ночь не позабыла,
Даже яблоню — и ту

Тьма ночная скрыла.

Даже нива не слышна,
И река притихла.
В тёмной чаще тишина
Осыпает иглы

Не выходят на посты
Звёздные дозоры,
И видны им с высоты
Все леса, и горы,
И курганы, и поля,
И в лесах поляны,
Перед ними — вся земля,
Все моря и страны.

Тих и светел сон земли.
Небосвод искрится,
Светят звёзды до зари,
И не спит граница.

...Может, звёзды — отблеск тех,
Маленьких и алых,
Что мерцают в темноте
На ночных заставах?

Далеко у синих гор,
Полночью безлунной,
В тишине несёт дозор
Пограничник юный.

Пограничник молодой,
В новенькой пилотке,
С алой маленькой звездой
Ровно посередке.

Он сжимает автомат
Там, у горной кручи.
Словно вороны летят,
Грозовые тучи.

Но ночной, притихший мрак
Звёздочку боится!
Не пройдёт границу враг —

Заперта граница!

...Тихо в небе. Ночь темна.
Ничего, что поздно —
Мне не спится. Не до сна.
Я гляжу на звёзды.

Ярче их в ночи горят
Звёзды на границе.
Пусть спокойно дети спят,
Рощи, звери, птицы.

Перевод Ю. Кушака.

ПЕСНЯ О ХРАБРОМ ДЖИГИТЕ

Мчался храбрый джигит
На гнедом скакуне,
В чистом поле
Он с вражеской ратью схлестнулся,
Но без всадника конь
Проскакал в тишине
По родному селу,
А джигит не вернулся.
В чистом поле погиб он
В неравном бою,
И окрасилась кровью
Трава молодая.
Но простреленный стяг
Он, как клятву свою,
Младшим братьям своим
Завещал, умирая.
Над могилой
Бессмертное знамя горит...
В каждом доме тебя
Поминают любовью,
В каждом сердце живёт
Твоё имя, джигит,
И склонилась страна
К твоему изголовью.

Перевод Ю. Кушака.

КЛЯТВА

Сердцем сокол
Клятву поёт,

Сердцем клятву
Даёт джигит,
Седлает коня,
В стремя встает,
Сыплются искры
Из-под копыт.

Там, где летел он
На верном коне —
Танки и пушки
Дымились в огне.
Смерти джигит
Не страшился в бою.
Где же он взял
Эту силу свою?

Крепче, чем меч,
И верней скакуна
Клятва джигита
Что сердцем дана.
Просто всем сердцем
Он любит народ.
Просто две клятвы
Джигит не даёт!

Перевод Ю. Кушака.

КРАСНАЯ РОМАШКА

Лишь лучи лугов коснулись —
Все ромашки встрепенулись,
На подруг глядят с любовью:
«С добрым утром!
Как здоровье?»

Тихо гладит на рассвете
Лепестки ромашек ветер,
И заря росой чистой
Осыпает луг душистый.

Что за счастье — так качаться,
Невзначай подруг касаться!
Только вдруг случилось что-то,
На цветы легла забота:

Это девочка-ромашка
Загрустила — вот бедняжка!
Не белы её обновы,
Лепестки её багровы.

Как одна, ромашки луга
Все похожи друг на друга.
Отчего ж оделась эта
В лепестки иного цвета?

Окружили всей гурьбою:
— Что же, девочка, с тобою?
Мы белы, а ты багряна,
Это странно, очень странно...

И ромашка им сказала:
— В страхе я всю ночь дрожала.
Здесь солдат в разгаре боя
Защитил меня собою.

На рассвете вражьи пули
По плечу его хлестнули,
Но не чувствовал он боли,
— Все враги остались в поле!

Лепестки мои багряны —
Это кровь его из раны,
Я в кумач теперь одета,
Как Чулпан — звезда рассвета.

И пошёл он снова биться.
Кровь его во мне струится,
Алой звёздочкой горю я
На заре, о нём тоскую.

Перевод Ю. Кушака.

МОИ ПЕСНИ

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,
Ныне в отчизне цветите в тепле.
Сколько дано вам огня и свободы,
Столько дано вам прожить па земле!

Вам я поверил свое вдохновенье,

Жаркие чувства и слез чистоту.
Если умрете — умру я в забвенье,
Будете жить — с вами жизнь обрету.

В песне зажег я огонь,
Исполняя Сердца приказ и народа приказ.
Друга лелеяла песня простая.
Песня врага побеждала не раз.

Низкие радости, мелкое счастье
Я отвергаю, над ними смеюсь.
Песня исполнена правды и страсти
— Тем, для чего я живу и борюсь.

Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит твердую клятву свою:
Песни всегда посвящал я отчизне,
Ныне отчизне я жизнь отдаю.

Пел я, весеннюю свежесть почуя.
Пел я, вступая за родину в бой.
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Перевод Ю. Кушака.

Абдулла Алиш

1908-1944

БОЛТЛИВАЯ УТКА

Близко ли, далеко ли жил-был Охотник. Была у него собака Белый Коготь, меткое ружье и много домашних зверей и птиц. Среди них заметно выделялась утка с хохолком на голове, по прозвищу Болтливая Утка.

Встретит Утка Горластого Петуха, или Бородатого Козла, или Курицу Куда-Куда, или Кота Цап-Царап и ну болтать! Те, бывало, слушают, слушают, да так и уйдут, не дослушав до конца.

— Знаешь новость? Тебе одному скажу по секрету... — так всегда начинала свой рассказ Болтливая Утка.

Однажды Охотник перекинул через плечо ружье, через другое — охотничью сумку. Потом созвал всех зверей и птиц и сказал:

— Я ухожу на охоту. Белый Коготь со мной пойдет. Смотрите никому не говорите, что меня с Белым Когтем дома нет.

Звери и птицы остались одни. Ну и страшно же им было ночью! Все казалось, что кто-то крадется к ним во двор. Однако ночь прошла — ничего не случилось.

И день прошел. Не возвратился Охотник. На закате солнца звери и птицы собрались на совет. Что делать, если Охотник и вторую и третью ночь не будет ночевать дома?

— Надо идти за Охотником, — сказал Горластый Петух.

— Да, надо идти за Охотником, — согласились все.

Но кто пойдет? Подумали, подумали, решили послать Болтливую Утку: она и по земле ходит, и по воздуху летает, и по воде плавает — лапки у нее как вёсла.

— Ты ступай за Охотником, — сказали Болтливой Утке товарищи. — Только по дороге никому ничего не рассказывай.

— Так уж и быть. Завтра пойду, — прокрикала Болтливая Утка, зевнула и спать легла.

Ранним утром Утка встала, позавтракала и отправилась в путь. Сначала она долго летела, широко размахивая крыльями. Летела, летела, прилетела к реке. Села на воду и поплыла. Плыла, плыла, приплыла к берегу. Вышла на берег, отряхнулась, пошла пешком. Шла, шла, пришла к лесной опушке. А у опушки ягоды спелой — видимо-невидимо. В траве букашки разные. Наелась Болтливая Утка спелых ягод да жирных букашек, отдохнула и пошла в лес.

Лес густой, темный. Идет Болтливая Утка, покрякивает. Навстречу — Колючий Еж.

— Куда путь держишь? — спросил Еж.

А Болтливой Утке так захотелось поговорить! Совсем забыла она, что наказывали товарищи.

— Тебе одному скажу по секрету, — ответила Болтливая Утка. — Я ищу своего хозяина — Охотника. Он ушел на охоту и не возвращается. Собака наша, Белый Коготь, тоже с ним. Некому теперь сторожить наш дом. Вот мои товарищи и послали меня разыскать Охотника.

— А далеко отсюда ваш дом? — спросил Колючий Еж. — Водятся ли у вас жирные мыши?

— Да вот эта тропинка ведет прямехонько к нашему дому, — ответила Болтливая Утка. — Только смотри никому не говори.

Потом Болтливая Утка сказала Колючему Ежу, что мыши у них жирные и охотится за ними Кот Цап-Царап.

Когда Болтливая Утка собралась уходить, Колючий Еж дал ей совет: он был добрый, хотя и колючий.

— Я не разбойник. Зла тебе не причиню. Но скажу: будь осторожна, каждому встречному своей тайны не выдавай. Тогда в вашем доме будет спокойно.

Но Болтливая Утка не послушалась умного совета. Пошла она дальше. Шла, шла, навстречу — Заяц Длинные Уши. Заяц спросил:

— Эй, ты, Хохлатка. Ты, наверное, живешь на глубоком тихом озере? Зачем же ты пришла в этот темный лес?

— Тебе одному скажу по секрету, — отвечала Болтливая Утка. — И хозяин Охотник, и собака Белый Коготь ушли на охоту. Дом наш остался без присмотра.

И Болтливая Утка пересказала Зайцу все, что говорила Колючему Ежу.

«Ага, — подумал Заяц Длинные Уши, — раз хозяина нет, самое удобное время погрызть кору у молодых яблонь». Он спросил у Болтливой Утки, где дом Охотника. Когда та, глупая, все разболтала, Заяц сказал:

— Не встречал я твоего хозяина. И шмыгнул в кусты.

А Болтливая Утка пошла дальше. Шла, шла, вышла на лужайку. Смотрит: посреди лужайки спит, развалившись и громко храпя, большой Косолапый Медведь.

Болтливая Утка разбудила Медведя и тут же все ему рассказала. Потом спросила:

— Не встречал ли здесь человека с ружьем и собакой?

— Не встречал. Наверное, он там, в чаще, — прорычал Медведь таким голосом, словно ему жалко было Болтливую Утку, а сам подумал: «Хозяина нет, самое удобное время полакомиться медом у него на пчельнике». И торопливо заковылял прочь.

Болтливая Утка все искала охотника, все глубже уходила в лес. Наконец, зашла в самую чащу. И вдруг перед ней — Серый Волк.

— Эй, Хохлатка, — крикнул он. — Как это ты ходишь в таком дремучем лесу одна?

Не испугалась Утка Серого Волка и все ему разболтала. Злой Серый Волк щелкнул зубами и подумал: «Самое удобное время унести у Охотника овцу». А Утке сказал:

— Не встречал я твоего хозяина. И скрылся между деревьями.

Пошла Болтливая Утка дальше. Дорогой ей попадались дикие звери, быстрые птицы, маленькие букашки. Всем рассказывала Болтливая Утка свою тайну. Шла, шла — навстречу Хитрая Лиса с пушистым хвостом. Утка и с Лисой заговорила:

Нарядная тетушка, не встречала ли ты моего хозяина? При нем собака Белый Коготь и ружье. Без хозяина и собаки у нас дома беспокойно.

Как же, видела, — тонким голоском ответила Хитрая Лиса и повела за собой Болтливую Утку. Долго пробирались они по темному лесу, наконец пришли к глубокому оврагу, густо заросшему кустарником. Там была лисья нора. Возле норы играли маленькие лисята. Они мигом окружили мать.

— Мама, мама, что ты принесла нам поесть?

А Хитрая Лиса говорит:

— Вот вам, детки, утятинка.

Лисята набросились на Болтливую Утку и съели ее. Съели — не наелись. Еще просят.

Хитрая Лиса подумала: «Охотника дома нет. Пойду всех его кур переловлю». И говорит лисятам:

— Сейчас, детки, схожу, еще принесу.

А лисята пищат:

— Неси побольше!

И опять стали гоняться друг за другом и кувыркаться.

Вот так из-за одной Болтливой Утки чуть не пропал весь дом Охотника. Но Охотник был умный. Он хорошо устроил свое хозяйство. Заяц Длинные Уши не смог погрызть яблонь — сад Охотник обнес высоким забором. Косолапый Медведь не полакомился медом, потому что Охотник выкопал вокруг пчельника глубокую канаву. Медведь даже чуть не свалился в нее. И Серый Волк не пролез в овчарню — овец защитила крепкая дверь. А Лиса хоть и была хитрой, но попалась в капкан.

Скоро вернулись Охотник и Белый Коготь. Охотник увидел Лису в капкане и сказал:

— Еще несколько таких поймаю — сошью себе к зиме лисью шубу.

Бородатый Козел, Кот Цап-Царап, Курица Куда-Куда, Горластый Петух рассказали Охотнику обо всем и очень жалели, что послали за ним Болтливую Утку.

Перевод А. Бендецкого.

ПЧЕЛА И ОСА

Когда-то Повелитель Цветов бросил во все страны клич:

— Кто изготовит лучший сосуд для хранения меда, тому в награду позволю собирать мед со всех моих цветов.

Все насекомые взялись за работу. Каждому хотелось получить обещанную награду.

Скоро насекомые явились к Повелителю Цветов с готовыми сосудами. Каждый говорил:

— Повелитель! Вот хороший сосуд. Попробуй положи в него мед.

Повелитель Цветов испробовал все сосуды и сказал:

— Я вижу, вы поторопились, идите обратно. Ваши сосуды не годятся. Назначаю вам новый срок.

Пчела и Оса тоже хотели получить награду. Трудлюбивая Пчела работала и днем и ночью. А ленивая Оса утром немного повозится, а чуть солнышко пригреет — и на отдых, ее уже ко сну клонит.

Повстречались как-то Оса с Пчелой.

— Приходи ко мне в гости, сестрица Пчела, — сказала Оса. — Посмотри мою работу. Наверное, кое-что нужно исправить — ты поможешь мне.

— Так и быть, — говорит Пчела, — приду. А сегодня ты

приходи ко мне в гости, буду ждать тебя.

Пчела угостила Осу на славу. Оса все смотрела на сосуд Пчелы и похваливала:

— Ты лучшая из мастериц! Как это ты сделала такой прекрасный сосуд?

— Мы с тобой подруги, — сказала Пчела, — и я открою тебе тайну. Чтобы сделать то, что задумала, надо трудиться не жалея сил, не откладывая дело на завтра. Я работала так, вот у меня и вышел хороший сосуд.

Шли дни за днями. Настало время Пчеле пойти в гости к Осе.

Сделала Пчела все, что надо, по хозяйству, нарядилась получше и полетела проведать Осу.

Прилетела, а Оса лежит — ноги кверху, глаза закрыты, усики повисли.

— Здравствуй, сестрица Оса, — сказала Пчела. — Отдыхаешь после работы или, может быть, захворала?

— Ох, сестрица Пчела, чуть дышу, — пролепетала Оса слабым голосом.

Ленивая Оса нарочно больной притворилась — нечем ей было угощать Пчелу. Сколько собрала утром меду, все съела. К вечеру самой есть нечего, не до гостей. Совсем разленилась Оса, и сосуд ее стоит недоделанный.

Настал наконец срок, назначенный Повелителем Цветов. Прилетели к нему насекомые со своими сосудами. Прилетели и Пчела с Осой.

Повелитель Цветов положил мед во все сосуды. Сосуд Осы не удержал меда, расклеился. А сосуд Пчелы очень понравился Повелителю Цветов. Он осмотрел его внимательно и сказал:

— Видно, что ты много потрудились. Такой сосуд — самый лучший. Разрешаю пчелам со всех моих цветов собирать мед.

С тех пор трудолюбивые пчелы со всех цветов собирают мед, живут хорошо, и все их уважают, а ленивые осы и теперь кое-как перебиваются.

Перевод А. Бендецкого.

КОТЕНОК

Жил на свете маленький храбрый Котенок. Была у него мама, большая Дымчатая Кошка. Котенок любил ласкаться и спал, всегда уткнувшись в теплую мамину шерстку.

Однажды Дымчатая Кошка собралась на охоту и говорит Котенку:

— Мой маленький, храбрый сынок, ты ведь не боишься остаться один?

А Котенок говорит:

— Нет, мама, нет. Я никого на свете не боюсь. Я всегда сплю спокойно, когда тебя нет дома.

Дымчатая Кошка ушла. Котенок занялся игрой. Играл, играл — надоело. Сел на окно, ждет маму. И ждать надоело, захотел спать. Только свернулся клубочком, вдруг что-то зашуршало. Насторожился Котенок. Сразу сон пропал.

Смотрит: на полу бегают Мышонок. Увидал Мышонок Котенка и ну дразнить его:

— Не поймаешь, не поймаешь! Ты сонуля! Ты сонуля! Обидно стало Котенку. Притаился он да как прыгнет! А мышонок уж в другом углу.

Гонялся, гонялся за ним Котенок, устал. Разозлился и давай грозиться:

— Вот мама придет, всех вас, противных мышей, переловит.

Скоро пришла Дымчатая Кошка. Котенок пожаловался ей на Мышонка. Мать научила Котенка, как быть, если Мышонок еще раз придет.

На другой день Дымчатая Кошка опять ушла на охоту. Мышата пронюхали, что Кошки нет дома, и вылезли подразнить Котенка.

На этот раз Котенок знал, что делать. Только мышата вылезли из норы, он спрыгнул на пол и заткнул щель. Тут мышата совсем растерялись: куда спрятаться?

Котенок поймал одного и съел.

На третий день Дымчатая Кошка снова ушла из дома.

Котенок ждал, ждал — скучно ему стало: ни мать не идет, ни мышата из норы не вылезают.

Вдруг слышит какой-то шум. Подумал, мать пришла. Спрыгнул на пол, а это большие крысы бегают по комнате. Котенок бросился затыкать щель, да где там, щель такая большая, чуть сам туда не провалился. Поймали крысы Котенка и давай драть за уши. Едва-едва вырвался!

Когда пришла мать, Котенок пожаловался.

— Чуть не убили меня большие мыши, — хныкал Котенок.

— Мой маленький, храбрый сынок, — сказала Дымчатая Кошка. — Это не мыши, а крысы. Не все наши враги одинаковы. И нападают они каждый по-своему. И бороться с ними нужно по-разному.

Теперь Котенок подрос и научился различать своих врагов: кого силой берет, кого хитростью, а кого ловкостью.

Перевод А. Бендецкого.

СКВОРЦЫ И СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ

Смастерили ребята из маленьких дощечек скворечницу и укрепили ее на верхушке высокого шеста. На другой же день прилетели весенние гости — Скворцы. Обрадовались они новому домику и радостно защебетали веселую, весеннюю песенку.

За оконным карнизом против домика Скворцов жил Старый Воробей. Он поселился тут несколько лет назад. Когда наступали холода, он никуда не улетал, здесь он и зимовал.

Старого Воробья не слишком обрадовал прилет новых гостей.

«Конечно, хорошо, — ворчал он, что соседи есть, одному скучно. Да только скворцы — очень беспокойный народ. От их песен оглохнуть можно. И не поспишь никогда как следует. Они и не думают, что, кроме них, есть другие птицы на свете».

Скворцы ничего не знали про Старого Воробья. По целым дням распевали они свои веселые песни.

Однажды Старый Воробей рассердился да как закричит хриплым голосом:

— Эй, Скворцы! Вы мне покоя не даете. Хоть бы вы пели лучше нас, воробьев. Вот когда мы поем, все куры слушают с удовольствием.

Скворцы выслушали хвастуна и сказали:

— Наверное, этот Воробей выжил из ума.

Старый Воробей не упускал случая, чтобы похвастаться перед Скворцами да похвалить воробьев.

— Поют воробьи лучше всех птиц, сам Соловей удивляется и завидует. И никого нет на свете храбрее нас. Никто не посмеет разорить жилище воробья. А вот поднимется буря, сломается шест, и ваша скворечница полетит кувырком.

— Поживем, увидим, — говорили Скворцы, слушая соседа-хвастуна.

Однажды Скворцы увидели, как Старый Воробей влетел в свое гнездо. А вверху, в голубом небе, парил Ястреб. Скворцы догадались, от кого спрятался их храбрый сосед.

— Что-то не слышно голоса храбреца. Наверное, забился на самое дно своего гнезда, — посмеивались Скворцы.

Немного погодя, Старый Воробей высунул голову.

— Видали, как я дрался с Ястребом-Разбойником? — спросил он, заметив, что Ястреб уже улетел. — Досталось ему на орехи! У него даже искры из глаз посыпались.

Скворцы ничего не сказали в ответ.

— А если бы вы видели, как здорово я вчера выклевал глаза Хозяйскому Коту. Ох, и задал я ему.

Скворцы слушали, слушали и говорят:

— А мы недавно видели на дворе Хозяйского Кота. Глаза у него целы. Ходит себе и мяукает.

— Нет, это вы видели Соседского Кота, — сказал Старый Воробей. — Хозяйский Кот совсем ослеп. Он нам больше не страшен.

В это время на карнизе показался Хозяйский Кот. Он тихо крался к Старому Воробью. А хвостун важно сидел на своем месте и ничего не замечал. Скворцы все видели и ждали, что будет дальше. Хозяйский Кот уже совсем близко подкрался к Старому Воробью. Вот он приготовился к прыжку. Еще миг — и Старый Воробей окажется в цепких лапах Хозяйского Кота.

Но тут взлетел один из Скворцов, бросился на Кота и стал его клевать. Кот струсил и убежал.

Старый Воробей понял, что произошло. Он затрясся от страха и слова сказать не может.

Потом немного пришел в себя и говорит:

— Легко отделался Кот. Вовремя сбежал. Показал бы я ему, где раки зимуют!

А Скворец, который спас Старого Воробья, улыбнулся и сказал:

— Лучше бы ты не хвастал. Хвастуны всегда в беду попадают.

Перевод А. Бендецкого.

БОЯКА И НЕБОЯКА

Жили у мальчика беленький кролик и пушистый серый котенок. Жили они дружно. Кролик грыз морковку, а котенок лакал молоко.

Котенок был храбрый, ничего не боялся. Мальчик назвал его — Небойка. Кролик был трусливый и всего-всего боялся, поэтому мальчик назвал его — Бояка.

Как-то вечером, когда в комнате зажгли свет, Бояка увидел на стене что-то страшное, безобразное, уши длинные, усы шевелятся. Кролик так перепугался, что замер на месте. Прибежал котенок. Тут Бояка набрался храбрости:

— Хорошо, что ты пришел, Небояка, я чуть не умер от страха, — сказал кролик.

А котенок посмотрел на стену и говорит:

— Эх, ты, Бояка, Бояка! Своей тени испугался.

Долго потом храбрый котенок смеялся над кроликом Боякой.

В другой раз кролик услышал шорох. И опять перепугался. Сердечко у него так и заколотилось — вот-вот выпрыгнет. Дрожит Бояка от страха и думает: «Сейчас вылезет из-под пола что-то страшное и проглотит меня». Котенок тоже уши насторожил. «Ага, — подумал кролик, — и Небояка, кажется, испугался». Вдруг котенок как прыгнет! Кролик чуть не упал с перепугу. Смотрит: а котенок что-то держит в зубах.

Небояка подошел к кролику, положил возле него что-то маленькое, серенькое и говорит:

— Вот чего ты испугался, Бояка.

— Какой крошечный зверек, а сколько шуму наделал, — вскрикнул кролик, с удивлением разглядывая маленького мышонка.

В третий раз в дом забежала собака и громко залаяла. Бояка забился под кровать, а котенок храбро прыгнул вперед, ошетинился, изогнулся дугой. Если бы собака подошла ближе, он бы вцепился ей в нос.

Собака, конечно, испугалась котенка; она не тронула его и вышла из комнаты.

Вот какой храбрый Небояка!

Перевод А. Бендецкого.

ДВА ПЕТУХА

Жили у бабушки два петуха: один белый, другой черный. Очень любила бабушка обоих петухов. Только были они большие забияки — всегда дрались.

Начнет бабушка петухов кормить, Белый кричит: «Почему мне мало корму?». А Черный вторит: «Зачем клюешь мое зерно?». И готова драка.

Однажды бабушка вышла во двор, смотрит: петухи дерутся. «Что мне с ними делать?» — подумала она. Пожурила драчунов, прикрикнула на них. Петухи притихли, а как только бабушка ушла, опять накинулись друг на друга. Только перья летят. Устали драться, пошли жаловаться бабушке. Белый Петух ябедничает:

— Бабушка, бабушка, Черный меня исколотил. Я весь в синяках.

Черный Петух кричит:

— Не верь ему, бабушка, он сам меня исклевал. Бабушке надоели драки и жалобы. Она ничего не сказала, взяла Черного Петуха под мышку и пошла с ним куда-то. «Попаду я сегодня в суп», — подумал Черный, сидя у бабушки под мышкой.

А бабушка отнесла Черного Петуха к соседям и оставила его там на три дня и три ночи.

Скучно стало Белому Петуху. Не ест, не пьет. На четвертый день говорит Белый Петух бабушке:

— Бабушка, принеси Черного, скучно мне без него. Никогда больше не буду с ним драться.

— Ладно, — говорит бабушка. — Если так, принесу. Только, чур, не драться, а то один из вас угодит в суп.

Так сказала бабушка и принесла домой Черного Петуха.

А Черный тоже соскучился у соседей. Обрадовались петухи и дали друг другу слово никогда больше не драться.

Теперь Черный Петух и Белый Петух живут дружно, и бабушка любит их еще больше, чем раньше.

Перевод А. Бендецкого.

КОМУ НАДО, А КОМУ НЕ НАДО

Отправился Тажи с отцом на рыбалку. Было очень рано. Солнце ещё не взошло, но всё равно было уже светло. Река тихая, спокойная. Даже лёгкий ветерок не дует.

Конечно, в это время рыба клюёт хорошо, удочку в покое не оставляет. Поплавки так и ныряют в воду. Отец Тажи то и дело вытаскивает блестящих плотвичек, серебристых краснопёрок, неприхотливых окуней. Тажи собирает их в ведро, куда он зачерпнул немного воды.

Время на рыбалке летело быстро. Солнце давно уже поднялось, а Тажи даже не заметил этого. Когда время подошло к полудню, солнце стало припекать очень сильно. Это почувствовали и Тажи, и его отец. Отец вытащил из кармана платок и вытер со лба пот.

А Тажи начал ругать солнце, которое так щедро улыбалось с голубого неба:

— Ну, для чего только нужно это солнце!

— Кому нужно, а кому и не нужно,— ответил ему отец и прибавил: — Если бы солнца совсем не было, всё время была бы только ночь, а ночью и рыба-то не ловится. Без солнца на земле ничего бы не росло, и тебя бы не было, и меня тоже...

Пока Тажи сердился на солнце, неожиданно поднялся ветер. Ровная, как зеркало, река сразу покрылась рябью. Поднялись волны. Поплавки то всплывали, то снова тонули. Рыба совсем перестала клевать.

Тажи опять заворчал:

— Зачем нужен этот ветер!

— Кому нужен, а кому и не нужен, — ответил отец.

Ветер надул парус, и лодка поплыла по реке. На холме быстро-быстро завертелись крылья мельницы. Отец сказал сыну:

— Видишь, как ветер запрягли в парус? Ветер лодку гонит. Ветер и мельничные жернова крутит. На мельнице рожь, пшеница в муку превращаются. А из этой муки твоя мама нам хлеб испечёт.

На небе появились тёмные облака и начал накрапывать дождик. Ну, а дождик-то уж зачем, в реке и так воды много! — говорит Тажи.

— Кому надо, а кому и не надо, — отвечает отец. — Когда хлеб убирают, сено косят, вроде нас, рыбу ловят — дождик не нужен. А вот этим травам на лугу, деревьям в лесу, хлебным колосьям в поле дождь очень нужен.

Под дождём отец с сыном начали собирать удочки. Сверкнула молния, загрохотал гром. Дождь полил ещё сильнее.

— Дождик, лей, лей, да вёдрами, вёдрами! — закричал Тажи и бросился под ветвистое дерево.

Скоро и отец подошёл!

— В природе всё нужно, сынок, — сказал он. И, поглядывая на очищающийся от облаков горизонт, добавил:

— Эх, хорошо же ловится рыба после дождя!

Перевод Г. Каримовой.

ОГНЕННОЕ ЯИЧКО

У нашей бабушки есть белая курочка. Каждый день она покудахчет, покудахчет да и снесёт яичко. Бабушка очень любит свою белую курочку, кормит её зерном, а яички складывает в решето.

В этом решете яичек белой курочки очень много: раз, два, три, четыре... восемь, десять... И не сочтёшь. Бабушка и сама-то, наверное, не знает, сколько яичек в решете...

Однажды бабушка охала, охала и говорит:

— В решете пятнадцать яичек было, осталось только четырнадцать. А ведь пятнадцатое-то яичко было огненное. Я только на время положила его в решето. Эх, пропали мы теперь...

— Может оно сгорело? — говорю я. А бабушка всё твердит своё:

— Мне дала его старуха соседка, очень просила сберечь. А теперь, видно, оно потерялось или кто-то его взял...

Я стою и молчу. А бабушка смотрит мне прямо в глаза. От такого пристального взгляда я смутился. А бабушка всё твердит:

— Если бы пропало простое яйцо, было бы совсем другое дело, а то ведь яйцо-то огненное, да... огненное. Теперь вспыхнет пожар и спалит все дома в деревне. Не из-за яйца я беспокоюсь... Что мне яйцо...

Мои уши стали гореть как огонь. И самому жарко стало. Наверное, бабушка знает что-то. «Сказать или не сказать? — думаю. — Если сказать?! Но ведь я взял яичко без разрешения, и бабушка меня заругает... Если не сказать — из-за этого огненного яичка магазин сгорит, вся деревня, и наш дом, и дом Жамиля сгорит...».

Я начал тереть глаза, а потом не выдержал — заплакал и сквозь слёзы говорю бабушке:

— Бабушка, а ведь огненное яичко-то я взял!..

— Говори скорее, куда девал?

— Мы с Жамилем отнесли яичко в магазин, обменяли на конфеты и съели их.

Бабушка куда-то пошла. В магазин, наверное.

Я от стыда целый день домой не приходил. Как увижу над деревней хоть маленький дымок, так и задрожу весь от страха. Хорошо, что всякий раз шёл дым из печной трубы.

Пожара не было. Пришёл я домой только поздно вечером. Дома ещё никто не спал. Сидят всё вокруг стола, чай пьют. Сестрёнка Гульчира увидела меня и начала смеяться:

— Вон, огненное яичко вернулось!

Я смотрю — все остальные молчат, не смеются. Зовут меня чай пить. Я присел у края стола.

Бабушка наливает мне чай, а сама говорит:

— Ах ты, глупый, глупый! Где ты видел, чтобы яйцо огненное было? Ведь если оно будет огненное, как же из него цыплёнок вылупится? А всё же без разрешения старших ничего трогать не надо.

И я опять покраснел. Ну, зачем она всё это говорит?! Как будто я теперь этого сам не знаю...

Перевод Г. Каримовой.

Хасан Туфан

1900-1981

ВНУК БАБАЯ НЕБЫВАЯ

Я малец-молодец,
Я живу неплохо.
Очень я люблю горох
И прошёл я сто дорог—
Всё из-за гороха.
Вот об этом, без прикрас,
Поведу я свой рассказ.

В стародавние года
Я прошёл дороги эти.
Моего отца тогда
Ещё не было на свете.
Жил со мной мой дед-бабай
По прозванию Небывай.

Вешним днём, когда теплом
Ветерки повеяли,
Вышли в поле мы вдвоём
и горох посеяли,
Чтоб зимой в пургу-злодейку
Было чем кормиться,
Чтоб и нам на тюбетейку
Села счастья птица.
Возвратились мы во двор,
Дверь закрыли на запор.
Погасили свечку,
Забрались на печку:
Мол, пока горох растёт,
Мы подремлем без забот.

Дед ещё был молодой—
Лет под девяносто,
Я же был уже большой.
Взрослый парень просто!
Перестал уже лет пять
Я у мамки грудь сосать.
Сам я рос, как на дрожжах,
Только весил мало,

И в железных башмаках
Я ходил, бывало.
Чтобы ветры не могли
В бурю сдуть меня с земли.

Ну, так вот: давным-давно,
Вечерком, когда в окно
Звёзды заглянули,
Мы с бабаем Небываем
На печи уснули.
Спим мы день, не больше трёх,
А быть может тридцать.
Не успел ещё горох
К солнышку пробиться.
Вдруг я слышу: «Бах-бабах!»
Точно палкой по лбу;
Кто-то ломится впотьмах,
Дёргает щеколду.
И грохочет, и стучит,
И как будто бы ворчит:
«Трах-тах-тах
Да тук-тук-тук.
Выходи бороться в круг!
А не выйдешь по добру,
Сам войду и поборю...»
Хлопнул, грохнул, как из пушки.
Подскочил я на подушке
И толкаю деда в бок:
— Встань, дедуся, — говорю я, —
Кто-то ходит, озоруя.
Кто-то рвёт дверной крючок!
Ты покашляй понарошку
Да прикрикни на него:
«Кто там бродит по дорожке
Возле дома моего?
Уходи скорей, — скажи, —
Силачом слывёт недаром
Мой родной сынок,
Он тебя одним ударом
Сразу свалит с ног!»

Тот за дверью, в ус не дует,
Над щеколдою колдует,
И грохочет, и стучит,

И как будто бы ворчит:
«Трах-тах-тах
Да тук-тук-тук,
Выходи бороться в круг!..»
А бабая та возня
Не страшит нисколько:
Обернулся на меня,
Усмехнулся только:
— Что же ты, сынок, дрожишь?
Больно ты пуглив, малыш!
Разве люди или звери
К нам ломились ночью в двери?
Нету здесь медведей,
Даже нет соседей.
И джигиту-молодцу
В пору непогоды
Трусить вовсе не к лицу
Пред игрой природы!
Даже пёс во тьме такой
Лаять не захочет.
Успокойся, дорогой, —
Это гром грохочет.
— На кого же он рычит?
Что ж он поднял бучу?
— Это ветру он кричит:
«Пригони-ка тучу!
Пусть быстрее дождь пойдёт,
Землю поливая.
Пусть быстрее горох растёт
Деда Небывая».
— Ну, а что сверкнуло вдруг?
— Это молния, мой друг.
— А зачем сверкает?
— Поле освещает.
Молния-зарница
Хочет убедиться:
Пролила ль водицы вволю
Туча грозовая
На гороховое поле
Деда Небывая?

До рассвета, «грох» да «грох»,
Гром гремел гремучий,
Поливая наш горох

Дождиком из тучи.
То-то радовались мы
С дедушкой-бабаем!
Не боимся мы зимы—
Будем с урожаем!
Туча, вылейся до дна.
Солнце, сделай милость,
Чтоб горошина одна
В десять превратилась:
В десять круглых,
В десять гладких,
Крупных-крупных,
Сладких-сладких,
Золотых горошинок,
По стручкам разложенных.
Чтобы стебель был не слабый
И большой, как деревцо,
А горошина была бы
С журавлиное яйцо.
Урожай-то был неплох,
И на самом деле,
Уродился наш горох
Так, как мы хотели:
Каждый стебель — деревцо,
А горошина любая—
Не простая — золотая,
С журавлиное яйцо.
Только вот какая жалость:
Ни одна нам не досталась...

Вот однажды мы с утра
С дедом слезли с печки,
К бережку сошли с бугра
И умылись в речке,
А потом пошли вдвоём
За горохом в поле.
День идём и три идём,
Или месяц, что ли,
И выходим напрямик
К полю за лесами.
Глянул дед — и в тот же миг
Залился слезами,
У меня же на поле
Слёзы не закапали!

Почему?
Скажу в ответ,
Не кривя душою:
Был я с самых малых лет
Плаксою большою.
Лил я слёзы много раз
И истратил весь запас.
С той поры не плачу я,
Весел и беспечен,
Потому что мне, друзья,
Плакать просто нечем.

Что же в поле мы увидели?
Чем же горько нас обидели?

Оборвал стручки сполна
Кто-то незнакомый,
И осталась нам одна
Жёлтая солома...
Не глядит на белый свет,
Горько плачет бедный дед,
Проклинает вора:
— Ты гори в аду огнём,
Ты гороховым блином
Подавись, обжора!
Что мы будем есть зимой,
Если нет гороха?
Всё украл разбойник злой,
Всё забрал, пройдоха!
Попадись он мне сейчас,
Я б его отделал враз,
Я б намылил шею
Этому злодею.
Только где его сыщу?
Как злодею отомщу?
Пригорюнился бабай,
Я сижу с ним рядом,
Обвожу я поля край
Невесёлым взглядом...
Вдруг я вижу—за кустом,
В закуточке скрытном,
Кто-то встал и кулаком
Будто бы грозит нам:
«Мол, такие-растакие,

Вы ещё ругаетесь?
Вы хозяева плохие,
Вы ещё раскаетесь!»
Что за диво? Что за чудо?
Чей кулак грозит оттуда?
Присмотрелся! — вот так-так,
Это вовсе не кулак!
Я зажмурился.
Потом глянул исподлобья:
Почему-то над кустом
Поднялась оглобля.
Глянул вновь и замер я:
Не оглобля, а змея,
И змея, скажу вам,
Пречудная — с клювом.
Не ползёт, внушая страх,
Среди трав полынных,
А идёт на двух ногах,
Голенастых, длинных!
На ходу качается
Чудище в горохе,
Где стручок встречается, —
Склёвывает крохи...
— Я-то думал, — молвил дед, —
Человек ворует,
А нашёл простой ответ:
Птица озорует!
Журавля узнал, малыш?
Ишь, хозяйничает... Кыш!
Ах, ты, тварь бесстыдная,
Шея серповидная!
Погоди же, за разбой
Посчитаюсь я с тобой —
Прогуляюсь по горбу
Палкою дубовою,
Я тебе перешибу
Ножки камышовые!

Притаились мы за стогом,
Стали думать и гадать:
Как бы с вором длинноногим
Похитрее совладать?
Думал, думал старый дед
И даёт такой совет:

— Соберем горошины,
Что на землю брошены,
В браге вымочим хмельной,
Вдоволь напитаем
И тихонько в час ночной
В поле раскидаем.
Жура-жура-журавель
Поклюёт их с голоду,
И ударит крепкий хмель
Жадной птице в голову.
Как увидим, что ослаб
Пьяный наш воришка,
Мы его за лапу — цап!
Тут ему и крышка.
Так послушай: я в бору
Хмель для браги соберу,
Ты же спрячься поскорее
Над соломою, малыш.

Я лежу, чихнуть не смею,
Притаился, словномышь.
А журавль понемногу
Подходил всё ближе к стогу...
Вот осталось два шага,
Вот передо мною —
Голенастая нога
В добрый шест длиною.
Я смотрю и весь горю:
Ходит рядом птица!
Сам себе я говорю:
«Что ж ты медлишь, — говорю, —
Поспеси вцепиться!»
Не сумел я устоять —
Сам я с вором слажу!
И рукой за ногу — хватать!
Не подумал даже.
А журавль — наутёк,
И меня по кочкам
За собою поволок
Этаким комочком.
Я его не отпустил,
Дескать, остановится.
Он же крылья распустил,
Полететь готовится.

Не боюсь я высоты!
Вот земля над нами,
Задеваю за кусты
Голыми ступнями...

И взлетел журавль со мной
Высоко-высоко.
Уходил мой дом родной
Далеко-далёко.
В синем небе я лечу,
По земле скучаю:
Я домой, домой хочу,
К моему бабаю.
Возвратится с хмелем дед,
Глядь-поглядь — у стога нет
Внука-дуралея!
Кто узнает, где я?
Может быть, я милый край
Не увижу больше,
И сказал себе: «Давай,
Даром время не теряй —
Насмотришь подольше!»
Что творится на Земле,
Вижу острым глазом.
Старый леший-шурале
Прикорнул под вязом;
Вон с зарезанной овцой
Серый волк бежит трусцой —
Чья это овечка?
На ушах насечка.
У лесного озерца
Медвежонок бродит,
От мохнатого ловца
Рыба вглубь уходит.
А журавль летит вперёд,
Мчит напропалую,
И несёт меня, несёт
В сторону чужую...
Дождаться я не стал—
Выказал сноровку —
Из кармана я достал
Крепкую верёвку.
Спутал ноги журавлю,
Повернуть ему велью:

«Хватит, порезвился!»
То-то деда удивлю:
С неба внук свалился!
Журка, пойманный врасплох,
Жалобно курлычет,
Воровавших наш горох
Младших братьев кличет.
И откуда-то с земли
Появились журавли.
Налетели смаху,
Рвут на мне рубаху;
Подлетают со спины,
Клювом бьют по шее,
Норовят через штаны
Ущипнуть больнее.
И хотя я только мог
Действовать ногами,
Отразил я их Наскок —
С неба сшиб пинками.
Сшиб-то сшиб, но в тот же миг
Новая проруха:
Просвистело что-то — «вжик» —
Близко возле уха.

Не звезда ль, огнём дыша,
Страшно прожужжала?
Тут уже моя душа
В пятки убежала...
А журавль сказал:
— Ты зря
Сердишься, братишка.
Откровенно говоря,
Ты и сам воришка:
Утащил у деда грош
И зажал в ладошке.

Закричал я гневно:
— Врёшь,
Я не брал ни крошки!
Крепко правою рукой
Журавля держал я.
Возмущённый клеветой,
Левую разжал я:
Ничего в ладошке нет!

А журавль мне в ответ:
— Узнаю пролазу!
Не поверю я, пока
Ты мне оба кулака
Не раскроешь сразу.
Я взъярился: вот напасть!
У меня чужое красть
Не было привычки.
Что хвастун я — не беда,
Но без спросу никогда
Я не брал и спички.
Говорю я журавлю:
— Я поклёпа не стерплю,
На, смотри, мошенник,
Нет в ладонях денег!

Пальцы рук, сердит и зол,
Разогнул я разом
И... пошёл, пошёл, пошёл
Камнем падать наземь.
«Ну,— подумал я,— погиб,
Кончена охота!»
Бух! — и я по шею влип
В топкое болото.
Ох, и крепко в этот раз
Я в болотище увяз!
Рвусь, тянусь — хоть волком вой.
Никакого толка!
Вдруг и впрямь перед собой
Я увидел волка.
А ему не скажешь «брысь»!
Экая морока!
Может уши он отгрызть
Во мгновенье ока.
Вот уже к болотной жиже
Он подходит ближе, ближе,
Облизал губы,
Показал зубы...
Я сказал себе:
«Дружок, ты пропал, пожалуй.
А ведь хвастался, где мог:
«Я, мол, ловкий малый».
Коль умеешь ты хитрить,

Поразмысли, ну-ка,
Как для деда сохранить
Дорогого внука?»
Я в себя поверил снова:
Уж разбойника лесного
Я оставлю в дураках!
Сила волка в чём? В клыках,
В зверском нраве диком.
Человека сила в чём?
В разуме великом!
Волк — он зверь. Я — человек.
Не сломить меня вовек.
Мой расчёт был очень прост,
Думал я недолго:
Изловчился — и за хвост
Ухватил я волка.
Да присвистнул заодно,
Да прикрикнул: «Серый, ннно!»,
Словно на конягу —
Испугал беднягу,
Волк рванулся что есть силы,
Я вцепился что есть силы,
Я вцепился крепко,
И меня он из трясины
Выдернул, как репку...
Что ж, прощай, неожиданный друг!
Тут я выпустил из рук
Волчий хвост дрожащий,
Бедный, бедный старый волк
Еле ноги уволок,
С воем скрылся в чаще.

Родниковую водой
Смыл я грязь немного.
Углубился в лес густой —
Где домой дорога?
День иду и два иду—
Всё мне незнакомо.
В старом высохшем пруду
Я увидел сома.
Не хочу в лгуны попасть,
Умолчу я лучше,
Как он сам в большую пасть
Взял свой хвост могучий;

Как потом огромный сом
Всё катился колесом
До реки текучей;
Как его я оседлал,
Занузда арканом;
Как на нём я восседал,
Плыл по океанам;
Как искал я много лёт,
Где мой дом родной и дед.
Хвастаться не буду—
Побывал я всюду.
Й по чащам я бродил
С мишками мохнатыми,
И по ягоды ходил
Вместе с медвежатами.
Как-то, в заросли лесной,
Я на зорьке тихой
Познакомился с одной
Тетушкой-лосихой.
Как лосятина на вкус —
Сочинять не стану,
Молоко же, — я клянусь,—
Чистая сметана!
Даже волка я не раз
Загонял в упряжку;
Он ругался, уморясь,
От работы тяжкой:
«Не могу туда-сюда
В хомуте болтаться я.
Это ж волчьего труда —
Экс-пла-та-ция!»
А горох я потому
И люблю, и чествую,
Что благодаря ему
В мире путешествую.
Про того, кто много врёт,
Говорит у нас народ:
«Сыплет, мол, горохом».
Мой горох совсем не тот,
Не с таким подвохом.
Я же вам, товарищи,
Никогда не врал ещё!

Если целый, невредимый

Я вернусь в свой дом родимый,
Под родные небеса,
Я поведаю правдиво
Про другие чудеса...

Перевод Р. Морана.

***ТАТАРСКАЯ ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
1940-1960-х гг.***

Фатих Карим

1909-1945

МЕДВЕДЬ-ГАРМОНИСТ И ОБЕЗЬЯНА-ПЕВУНЬЯ

В круг садитесь, ребятня,
И послушайте меня.
Я вам сказку расскажу.
Может, даже рассмешу.

За высокими лесами,
За далёкими полями,
Там, где горы да холмы,
Есть аул такой — Тавлы.
А в ауле том, ребята,
Жил да был Хайдар когда-то.
И была одна всего
Лошадёнка у него.
Малость на ухо тугая,
Да капризная такая:
Чуть стегнёшь её кнутом,
Девять раз брыкнёт потом.
...День осенний всё короче,
Подмораживает ночью,
Утром — в инее трава...
К холодам нужны дрова.
На заре Хайдар собрался,
И до леса он добрался
Прежде, чем закат погас.
Покурив, не суетясь,
Наш Хайдар распряг конягу,
Но кормить не стал беднягу:
— Обойдётся,— ей сказал,
Лошадь к дубу привязал,
И решил вздремнуть немного,—
До того устал дорогой!
Отдохнул Хайдар, потом
Заработал топором.
От души рубил, умело,
Дело весело кипело.
Топорище он сломал,—
Вот как здорово махал!
Он грузил телегу после.
Еле-еле терпят оси,
А Хайдару — всё равно:

За бревном кладёт бревно.
А голодная коняга
Ржала жалобно,— однако,
Только солнце поднялось,
Потащила этот воз.
Лошадь бедная старалась,
Коромыслом изгибалась.
А Хайдар с кнутом в руках
Так «работал», просто страх!
Лошадь выдохлась, упала,
И тогда уж как попало —
За ударом вновь удар —
Отхлестал её Хайдар.
С ветки видела сорока,
Как Хайдар стегал жестоко,
Как он измочалил кнут,
Выломал покрепче прут.
Но ударить не успел он,
А застыл остолбенело...
Да и как не обмереть?
С обезьяною медведь
По тропе идут куда-то,
Веселятся до упада.
Слышен хохот на весь лес,
Льётся песня до небес.
Гармонист-медведь играет,
А подружка распевает:
— Э-эхма, топтыгин-друг!
Мы сильнее всех вокруг.
Если будет нам охота,
Мы пройдем огонь и воду —
Всё на свете нипочём
Рядом с другом-силачом.
Хитрецам — ежу с лисицей —
Наша удаль и не снится.
Волка встретить бы сейчас,
Вот бы кто потешил нас!
Он поджал бы хвост дрожащий
И быстрее помчался в чашу...
Обезьянка — ножкой топ,
А потом — в ладошки хлоп,
Кружит в пляске то и дело!
А Хайдар — белее мела,
Молча выпучил глаза,

Смотрит, как идут друзья.
Наконец он встрепенулся
И стрелой в кусты метнулся, —
Так тихонько там залёг,
Что не дрогнет и листок.
Тут заплакала сорока.
Сразу — лужа на дороге
Из слезиночки одной —
По колено глубиной.
Обезьяна — молодчина:
Без очков, а различила,
Разглядела на ходу
Птичью горькую беду.
— Что с ней? Ну-ка, глянем, Мишка.
Тот гармошку взял под мышку,
Принял вмиг серьёзный вид:
— Что ты плачешь?— говорит.
Птица быстро затрещала,
Только без толку сначала:
Хоть у нас она живёт,
Всё же нужен перевод.
Но язык тот иностранный,
К счастью, знала обезьяна
И для друга, как смогла,
Весь рассказ перевела.
— На своём веку немало
Дровосеков я видала.
Но Хайдар один такой,
Беспощадный он, плохой.
Все, кто здесь, в лесу, бывают,
Накормить не забывают
Досыта своих коняг
И не бьют их просто так.
Слишком много дровосеки
Дров не грузят на телеги,
И никто за пять минут
Не истреплет новый кнут...
Тут вскипела обезьяна:
— Жалко, нет Хайдара с нами.
А медведь добавил так:
Ох, и чешется кулак...
В драку рвётся косолапый,
Засучил и рукава бы,

Только вспомнил он о том,
Что рубашки нет на нём.
Вот кусты раздвинул Мишка,
Где Хайдар сидел, как мышка.
Зарычал медведь:— Хорош...
Ты за что лошадку бьёшь?
Ох, задам тебе я жару...
Через миг бы у Хайдара
Плохи были бы дела,
Но певунья помогла.
Мишу отвела в сторонку,
Другу шепчет потихоньку:
— Мы, конечно, сладим с ним,
Но давай его простим,—
Пощадим на первый случай.
Может, он и станет лучше?
Друг подумал и вздохнул:
— Ладно,— нехотя кивнул.
Поостыл медведь немного,
И с подругой по дороге
Вместе к лошади пошли —
Поднимать её с земли...
Обезьяна суетится,
На советы не скупится.
Только груз не по плечу
И медведю-силачу.
То он спереди заходит,
Поднимает,— не выходит.
То за хвост берётся он,—
Пробует со всех сторон.
— Навались, ещё немного! —
С высоты кричит сорока.
— Ну-ка, Миша, ну-ка, друг!..
Шум и гам стоит вокруг.
Лошадь всё-таки подняли,
Накормили, приласкали,
После дали отдохнуть.
Всё в порядке, в добрый путь!
Получив урок жестокий,
Поумнел Хайдар настолько,
Что спешить домой не стал,
А подумал и сказал:
— Впереди — гора крутая,
Лошадь — видите какая.

Но стряслась беда с медведем:
Миша с ужасом заметил,
Что гармошку потерял.
Гармонист загоревал,
Не сказав и слова даже,
Побежал искать пропажу.
Обезьяна, хохоча,
За верёвку сгоряча
Посильнее уцепилась,
Не поймёт,
 что приключилось!
Вдруг силач удрал, а ей
В десять раз теперь трудней.
Но верёвку не бросала,
Из последних сил держала
И решила наконец:
— Разыграл меня, хитрец.
Ну и друг!.. — И вслед
 за Мишкой!

Понеслась она вприпрыжку.
И такое началось!
Словно подтолкнули воз,
Он грохочет громче тучи,
Быстро мчится к чёрной круче,
Лошадь скачет во весь дух.
Вдруг телега на бок — бух!
На вершине охнул Мишка:
— Ох, и грустные делишки! —
И себя от злости в лоб
Он могучей лапой — хлоп!
Тут подружка подлетела:
— Слушай, Мишенька,
 в чём дело?

А медведь её молчком
Наградил таким щелчком,
Что мгновенно, как ни странно,
Поняла всё обезьяна.
Вмиг они сбежали вниз,
За работу принялись:
Быстро подняли телегу,
А бедняге-дровосеку,
Огорчённому до слёз,
Вытерли разбитый нос.
Началось у них прощанье.

— Ох, спасибо за старанье,—
Повторил Хайдар подряд
Раз примерно пятьдесят.
«— Но-о!— сказал он и поехал.
Лес ответил громким эхом:
— Ну-у, дружок, счастливый
 путь!

Только впредь умнее будь.
Тем, кто лошадь кормит скудно,
Даже с горки съехать трудно!
...Про Хайдара — сказка вся.
Ну а как живут друзья?
За далёкими полями,
За высокими горами,
Там на тропочках лесных
И теперь встречают их.
Гармонист весь день играет,
А певунья распевает:
— Э-эхма, топтыгин-друг,
Мы сильнее всех вокруг!

Перевод С.Малышева.

Адель Кутуй

1903-1945

ПРИКЛЮЧЕНИЕ РУСТЕМА *

Мальчик исчез

Необычно и быстро развивались события. Стояла весна военного года и Рустему не было еще тринадцати. И вдруг он исчез. Утром он весело позавтракал, собрал учебники и ушел в школу.

И не вернулся. Вот и все.

Так обычное стало необычным. <...>

А в это время мать Рустема, тетя Гайша, бегала по соседям, по друзьям мальчика и везде ее встречало: «нет», «не видали», «не знаем».

Ночью никто в доме не спал. Каждому мерещились шаги в коридоре, стук в окно и первой шла к двери мать, неслышная, кутаясь в платок, и так же неслышно возвращалась назад. <...>

Объявили по радио, что исчез мальчик, и просили помочь каждого, кто может, но успокоительных вестей все не приходило.

В доме поселилась тревога.

Таинственный портфель

Скворешня на высоком тополе жила щебеча. Весенние облака медленно текли по небу.

Скоро упасть первому дождю с грозой и радугой. И солнышко выйдет промытое, как головка светловолосого мальчугана.

Тетя Гайша зашла во двор и ее окатил детский крик. Мальчишки играли в войну, они поверили в свои деревянные ружья, и лица их покраснелись.

Тетя Гайша вздохнула и пошла быстро к дому, а крик летел за ней следом, и от него нельзя было спрятаться.

Но открыв дверь комнаты, она неожиданно просияла и вскрикнула.

* Отрывки из повести.

— Мой мальчик! Он вернулся!

На столе лежал портфель Рустема, лежал по-домашнему, мирно.

Бабушка, бросив полотенце, обернулась на вскрик да так и застыла на месте, тоже увидев портфель на краешке стола.

— Где же он? Или спрятался за дверью?

У бабушки закружилась голова от волнения. — Вот озорник...

Тетя Гайша открыла портфель, порылась в учебниках.

— Кто принес, мама?

— Никто не приносил.

— Как же это никто? Хашим приходил?

— Нет, доченька. Я вот на стол накрывала к твоему приходу, и никакой сумки на столе не было. Да и не заходил никто. Может, сама принесла и смеешься над старухой?

— Перестаньте меня разыгрывать! Говори же, мама, где Рустем? Куда он спрятался?

Рустем любил прятаться, заслышав стук в дверь, и выскакивать с криком из шкафа — вот было смеху-то в доме. И тетя Гайша, зная эту привычку сына, ходила из комнаты в комнату, заглядывая в каждый уголок.

Она тихо звала:

— Ах ты, проказник, вот сейчас найду. Вылезай скорее...

Бабушка не выдержала и расплакалась, а тетя Гайша, точно вспомнив о чем-то, вернулась к столу, чтобы взять из портфеля дневник, но удивительное дело — стол был пуст.

— Мама, ты убрала портфель?

— Я не трогала. Да ты сама, наверное, унесла в другую комнату.

Теперь уже искали портфель. И не находили. Надо же такому случиться! Тетя Гайша ругала себя за то, что сразу не просмотрела тетради и учебники сына. Вот ищи теперь...

Пришел с работы дядя Хашим и тоже принялся искать. Тетя Гайша и бабушка уже притомились и сидели на диване молчаливые, глядя перед собой, думая каждый свое.

Дядя Хашим искал молча. «Очень похудела, — думал он о жене. — Вот и с портфелем придумала. Им обеим показалось... Как-то надо того... успокоить».

— Зачем так убиваться, — сказал он, присев рядышком. — Сердце мое не верит, что Рустем пропал. Возьми себя в руки. Не плачь. У тебя сдали нервы. Портфель Рустема остался с ним. Я сам видел, как он собирался в школу. А ты говоришь: в руках держала. — Дядя Хашим положил ладонь на руку жены. — Тебе показалось. Ты все время думаешь о нем, и тебе показалось.

Но тетя Гайша вдруг бросилась к столу.

— Вот он! Вот!

Портфель лежал на прежнем месте. Откуда он взялся — никто не знал. И это было похоже на какой-то сон, где чудо появляется неожиданно, из ничего. <...>

«Не ищите меня»

Горка учебников и тетрадей образовалась на столе. Все трое: и тетя Гайша, и дядя Хашим, и бабушка растерянно и внимательно перелистывали страницы.

Из учебника химии выпал вдвое сложенный лист.

— Читай скорее...

«Я своего добился. Исполнилась моя мечта. Да здравствует бабушка! В моих руках то, во что никто не поверит. Я стал сильным и могучим. Почему я небольшой? Эх, показал бы я фашистам. Родители подумают, что я пропал, будут плакать. Мама приготовит утром мне сливки, а меня нет. Но...

Не ищите меня, все равно не найдете.

Я есть и меня нет.

Я ухожу. Так надо. Рустем». <...>

Дядя Хашим зашел в кабинет подполковника и рассказал о случившемся, положив на стол записку Рустема.

— Да-аа, — сказал подполковник. — Игра не игра, а тайна. Когда пропал мальчик?

— Двадцать девятого мая.

— Значит, уже четвертый день. А когда нашли записку?

— Сегодня.

Подполковник немного подумал и нажал одну из кнопок на краю стола. И скоро в кабинет зашел человек в очках и в рабочем халате.

— Иван Петрович, — сказал подполковник, — есть срочное дело. Выясните, когда и при каких обстоятельствах написана записка. Написал ее мальчик лет тринадцати. Он пропал четыре дня назад. Поразмышляйте.

— Слушаюсь, товарищ начальник.

Когда снова остались вдвоем, подполковник, поднявшись из-за стола, подошел к дяде Хашиму.

— Я прослежу за всем сам. Думаю, что здесь не просто детская шалость, хотя жажда приключений была наверняка. Но ваш сын жив и значит найдется. А что, если мне к вам зайти домой?

— Я буду очень рад.

— Только не подумайте, что может быть обыск или что-нибудь в этом роде... Нет-нет! Меня интересует портфель вашего сына, его книги. Завтра в восемь утра. Как раз воскресенье.

— Мы будем ждать.

— Всего хорошего.

— До свиданья, — сказал дядя Хашим.

Бабушкина сказка

Когда должна была приехать из деревни бабушка, Рустем радовался и считал дни. Настенный календарь таял на глазах, становясь все тоньше и тоньше. Приближался день приезда. <...>

Прошлым летом он гостил у бабушки. Ах, какое это было лето! Оно запеклось ягодой на губах, солнышком на плечах, — и если выкатится лето из уголка памяти, то крепким розовым яблоком покажется. А деревенские песни! Только спустится вечер, просыплет звезды над деревней, как песня родится где-нибудь на краю деревни. Или бабушка тихонько запоеет и задержит руки на коленях, будто сама свою песню слушает.

Как не любить такую бабушку! Сядут к столу обедать — первая тарелка Рустему, а он:

— Бабушке, сначала, бабушке, мама...

Для нее он оставляет даже конфеты и пряники из школьного буфета. Половину сам съест, половину — бабушке.

А сказки! Каждый раз бабушка привозит из деревни новые сказки. Таких и в книгах нет — заманчивых, таинственных. В один из зимних вечеров, когда тетя Гайша и дядя Хашим ушли в театр, Рустем и бабушка остались дома одни. И Рустем услышал непохожую на другие сказку. Бабушка рассказывала протяжно, негромким голосом.

...Папоротник — обыкновенное на вид растение: ни запаха душистого, ни цвета яркого. Вроде бы как трава, только высокая с широкими листьями. Однако этот самый папоротник чудеса может делать. Невиданные чудеса. Говорят, что не цветет папоротник. Но кто так говорит, еще ничего не знает. Он цветет, но только один из тысячи. И цветок папоротника распускается весной в полночь, всего лишь на несколько секунд. И в момент расцвета молния сверкает, гром выпадает из тучи, черти вылезают из своих нор, лес притихший освещается. А цветок папоротника бывает так красив, что похож на звезду рассвета, и кто глянет на него, глаза рукой закроет — такая это красота. Легкий, будто волшебный запах ударяет в голову дурманом и голова кружится, а темный лес кажется каруселью. Кто успеет сорвать цветок папоротника в полночь и положить его под язык, тот превратится в невидимку и чудесной силой завладеет. Еще издавна люди на земле знали о цветах папоротника и охотились за ними. Кому не хотелось стать невидимкой! Но

оказывается, не так-то легко найти его. Иной человек всю жизнь ищет, ноги в кровь собьет, несколько стран пройдет, а так и не отыщет.

И поэтому отказались люди от папоротника, чтоб себя обмануть — решили, что он не цветет. Но папоротник все равно цвел. А вот нашелся ли такой счастливец, сорвавший красивый цветок и спрятавший его под язык... Может, был, а может, еще найдется... Жил да был в древние времена такой счастливец. Он долгие годы ходил невидимкой...

— Вот сейчас бы такому жить, — воскликнул Рустем. — Проучил бы он фашистов. И война бы кончилась. Бабушка, а скоро кончится война?

— Скоро, мы с тобой еще порадуемся.

— Поскорей бы хотелось.

Потом бабушка уехала к себе в деревню, а Рустем остался вместе со сказкой в городе. И часто, засыпая, сквозь ресницы видел лес, притаившийся, с уснувшими тайнами — и скоро ресницы превращались в тонкие стебли папоротника и уже во сне Рустем шел по ночному лесу.

Весною

Бабушкина сказка о цветке папоротника изменила характер Рустема и спокойное течение его жизни. Он постоянно думал о папоротнике, но никому не говорил об этом, точно овладел какой-то большой тайной, которая потускнеет, если рассказать о ней другим. Рустем хотел стать храбрым, чтоб сорвать цветок папоротника ночью. <...>

Рустем ждал весны. И она пришла — птицы принесли на крыльях тепло. А когда поднялась трава, когда выстрелили почки зеленым залпом листьев, он пробирался на кладбище, где всегда было тихо и безлюдно, скатывался в глубокие овраги, воображал себя открывателем пещер — учился бесстрашию. Раньше он боялся оставаться один дома, боялся тишины и темных окон, и мать с отцом приглашали к нему кого-нибудь из соседей! Теперь, наоборот, он только и ждал случая, чтобы остаться в пустом доме, погасить свет и сидеть в глухой темноте, а потом ощупью пройти к двери и дальше по гулкому коридору пробежать во двор, слыша собственное сердце. <...>

И однажды он отправился в лес, объяснив дома, что задержится на интересном кружке юннатов в школе. <...>

...Темнело быстро. Рустем привыкал к лесной темноте, хотя и побаивался немного. И когда смешался строй деревьев с одной стороны в сплошную ночь, а с другой проглянули огни города, Рустем направился домой, придумывая на ходу рассказ о голубой весенней лягушке, которую показали сегодня юннатам.

Мечта о цветке папоротника сделала Рустема суровым. Он по-прежнему много читал, приносил в дневнике пятерки, но с друзьями стал встречаться реже. Если кто-то звал его на улицу, он отвечал по-взрослому насупясь:

— Разве до игр сейчас. Война... Забот по горло. Не могу.

А во дворе, в саду кричали грачи, празднуя весну. Тополиный лист блестел на солнце, он был липок, и пальцы весело пахли от него клеем весны. Скоро пуху полететь.

Рустем припас все: острый складной нож, спички, кружку и сухари. Он завалил их под деревом в лесу ветками и слегка забросал землей.

Все было готово. <...>

В лесу

Вы бы побывали в наших лесах, побродили бы по просекам, посвистывая, как птица. Российские леса таят в себе заколдованность чащ, лосиные следы на вырубке.

Пройдешь по тишине и, точно испугавшись ее, крикнешь в полный голос:

— Э-эээ-эй! <...>

Сначала Рустем даже забыл, зачем пришел в лес. Стоял, слушал и вдруг, не выдержав, присвистнул легонько и, сложив рупором ладони у губ, крикнул:

— Ого-го-ooo-ooo!

Только вчера на уроке литературы учитель рассказывал о брянских лесах, о партизанах, — они вели в лесах войну, трудную, скрытную. И,

наверное, птицы там поют иначе, спугнутые неожиданными взрывами. Если б не было войны, в брянском лесу ребяташки собирали бы ягоды, гонялись за бабочками с сачками... Да, война, война! <...>

— Надо место приготовить, — сказал он себе, — устроюсь-ка на дереве.

Пока собирал хворост, на случай, если придется развести костер, пока пристраивался на толстых ветвях дерева, упали незаметно сумерки.

— Вот и хорошо. Ни волк меня не тронет, ни змея не ужалит, и папоротник весь на виду.

Неподалеку бил ключ. Спустившись с дерева, Рустем напился студеной воды, поел сухарей. А сумерки уже полонили лес. На дереве было теплее. <...>

Рустем проснулся. Показалось — он спал очень долго, а всего-то час прошел с небольшим. Спрыгнул с дерева. Высоко стояли звезды. Одиноко ночью в лесу. Звезды с тобою, но им-то что, холодным и далеким — не согреют, не помогут, если беда случится ненароком. Шорох пробежал по траве — ветер или ящерица, не поймешь. Засопел кто-то в кустах, два глаза угольком вспыхнули и погасли.

Рустем шептал:

— Не боюсь. Мне что? Совсем не боюсь. А чего бояться? Ночь как ночь. Лес как лес. Дураки пусть боятся...—А сам в два прыжка вскарабкался на дерево, обхватив горячими руками ствол.

Час сменялся часом, но папоротник не зацвечал.

Рассвело.

Рустем спустился вниз и стал ждать солнышка, прислонившись спиной к дереву. Скоро он уже видел сон — сквозь ресницы в глаза входило солнце.

Когда проснулся, решил было идти домой, но взглянул на папоротник и задумался. Один из стеблей был похож на смешного маленького человечка в большой зеленой шляпе. Человечек будто говорил Рустему:

— Трус ты, испугался. Иди домой себе. Для трусишек мы не цветом. А если останешься еще на одну ночь, не пожалеешь...

Рустем отвернулся от папоротника. Прикрыв глаза, он увидел мать.

— Почему ты не возвращаешься? Ведь мы даже не знаем, где ты. Второй день ждем, — сказала она.

Рустем раздумывал. Ну, придет он домой, его, конечно, спросят, где ночевал. Что он ответит? Обмануть, сказать, что играл у товарища в шахматы? Смотреть в глаза матери и бессовестно врать? Нет! Он этого не сделает. Он сразу покраснеет, и все поймут, что он лгунишка. Допустим, он скажет правду дома, а в школе?

— Будь, что будет, — сказал он себе. — Остаюсь еще на одну ночь.

<...>

Волшебные цветы

Проснулся. Спускался вечер.

— Вот и вторая ночь приходит...

Снова проступала сквозь деревья ночь, закрашивая черным просветы неба. Бабушка говорила, папоротник зацветет в полночь. Но когда она наступит? Надо было захватить с собой будильник. Он и звенит красиво, — хоть знаешь, который час...

Потянуло холодом. Далеко прокричала птица и смолкла. Она, наверное, о чем-то предупреждала. И откуда взялись тучи? — Беззвездная ночь страшнее в лесу. А вот и гром. Вымокну весь. Угрозило же именно ночью. Ах, да, бабушка рассказывала, что папоротник цветет обязательно в грозу, озаренный молнией.

Рустем пощупал в кармане спички, пальцы дрожали.

Резкая молния ударила над лесом, бросившись в темноту. Закачал лес вершинами, и такая поднялась карусель шорохов, внезапного света и мгновенно сменяющей его тьмы, что Рустема взяла оторопь. Но он, не отрываясь, глядел на папоротник.

Он боялся, и любопытно было ему стоять вот так, прижавшись к дереву, посередке начинающейся грозы. И никуда он не собирался бежать — он был частью грозы и леса. Он все смотрел, смотрел, как листья будто загорались и тут же превращались в черный пепел...

И вдруг он ахнул, — таинственный запах закружил голову.

Цвел папоротник.

Цвел!

Волшебные белые цветы поднялись в ночь, и лес просветлел и примолк, словно застигнутый врасплох этим светом.

Рустем срывал цветы и целой горстью подносил к губам. О, удивительное ощущение прикосновения к тайне! Цветы таяли во рту. А Рустему казалось все мало, мало, мало... И он, опустившись на колени среди папоротника, наклонив лицо, уже не руками, а прямо губами брал цветы, как воздух.

А что было дальше? Нет, этого он не помнит. Сильно закружилась голова, и он упал.

Кто спрашивает?

<...> Рустем так и не узнал, что всю ночь напролет лил дождь. Потемнели, набрав влаги, стволы деревьев, свежо заблестели листья.

Он спал больше суток, а когда проснулся, почувствовал такую легкость, такое приятное ощущение простора и света, что и не заметил сам, как выбрался из леса, как расступились перед ним деревья, остались за спиной птицы.

Но дойдя до первого дома, остановился. Как он вернется домой? Так хочется есть! Сколько уроков пропущено, пока бегал, как дурак, за цветком папоротника... Что ответить учителю? Соврать? Или, может быть, рассказать все по самой правдашной правде: мол, услышал одну сказку, забрался ночью в лес, ждал чуда два дня, дождался, но ничего не произошло сверхъестественного, — все осталось тем же. Чтоб все ребята смеялись? И больше никто бы ему не верил? А задавака Вали сказал бы: «Не верьте этому

хвостуну. В лесу, видишь ли, он ночевал. Да он бы со страху умер. Ха! Около бабки своей спал и орехи щелкал. Обманщик!» И другие станут приставать: «Невидимкой хотел стать. Завирай да меру знай. Если цветок съел, почему же тебя видно?»

— Эх, бабушка, бабушка, подвела ты меня! — подумал Рустем.

Первым делом, увидев бабушку, он скажет ей: «Никаких чертей не видел. Цветов папоротника досыта наелся. А меня все равно все видят, и я вижу всех».

Он подошел к трамвайной остановке. Который же час? На углу стоял мужчина с портфелем, на его руке поблескивали часы.

— Дядя, сколько времени? — спросил Рустем. Мужчина вздрогнул, огляделся, поморгал удивленно, покачал головой. Немножко прошел дальше и, будто между прочим, посмотрел на часы, приговаривая:

— Восемь часов уже... Померещилось видно. Вроде бы кто-то спросил... Ерунда какая-то...

Рустем отбежал назад и все понял. Радость закричала в нем.

— Я — невидимка! Ура, бабушка!

Желая еще раз убедиться, что это так, что мужчина не ослеп, Рустем подкрался к двум мальчишкам, висевшим на подножке трамвая, и щелкнул одного по носу. Тот заорал на своего приятеля:

— Ты что, окосел, что ли! Как дам вот — слетишь с трамвая!

Завязалась драка. Рустем поддавал тумачков тому, кто был посильнее. Мальчишка кричал и злился и все время держался за свой нос.

Значит, правда! Они меня не видят. Теперь скорее домой. В трамвае не поеду, побегу лучше. Или нет, пока свободно, на второй подножке можно проехать несколько остановок. Скорее!

Дверь была заперта изнутри. Рустем заглянул в окно и увидел бабушку. Сначала он хотел постучать и крикнуть:

— Открой, бабушка!

Но бабушка может испугаться. Надо подождать пока она выйдет во двор вытрясать половики. Сев на завалинку, Рустем ждал. Но не дождавшись, забарабанил в дверь. Очень уж хотелось есть. На одних сухарях далеко не уедешь.

— Кто там? — спросила из-за двери бабушка. Рустем растерялся. Но всего на минуту. Изменив голос, громко сказал:

— Это я... Из школы. Рустем не пришел?

Нет, сынок. Не пришел он. А ты кто? Как звать? Приговаривая, бабушка открыла дверь. Рустем проскользнул в дом.

<...> Следом за бабушкой он вошел в кухню. После мягкого хлеба захотелось воды. Рустем на глазах у бабушки напился из ковшика и легонько стукнул им о ведро. Бабушка, вооружившись сковородником, заглянула под стол.

— Кыш, кыш, проклятые!

Рустем не выдержал и прыснул в кулак. Бабушка села на стул и вздохнула. О чем она думала? О том ли, что постарела слишком и скоро возвращаться в деревню, а внук так и не нашелся. Вздыхала бабушка.

А Рустем писал записку. Он торопился. Аккуратно свернув письмо, вложил его в учебник по химии. Немного почитал учебники. За эти дни, наверно, много интересного было в школе. Войти бы в класс и сказать: «А я невидимка!» — то-то бы всё примолкли, а он бы, спустившись вниз, выкрал у дежурного колокольчик из кармана и кончил бы урок на целых пятнадцать минут раньше.

Когда вернулась тетя Гайша, первое, что бросилось ей в глаза, — это портфель. Рустем, сорвавшись с места, рванулся было навстречу матери, но застыв на лету, едва успел сделать шаг в сторону. «Что же я наделал?..»
<...>

Пока мать выбегала на улицу, надеясь увидеть сына, Рустем принял решение. Надо уходить, нельзя смотреть, как убивается мать. Если он

останется, ему станет ее жалко. Идет война, и он нужен на фронте. Фашистам не поздоровится от него. Они узнают, где раки зимуют. <...>

Скорее! <...>

У партизан

Здесь были и учителя, и рабочие, и научные работники. Они ушли в лес, чтобы мстить. Мирная жизнь осталась далеко.

Взлетали в воздух эшелоны. Рушились мосты. Проселочные дороги поднимали немецкие машины в воздух, оставляя только дым да щепки.

Партизанский отряд был беспощаден. Состоял он всего из пятидесяти человек. Но какой был это отряд!

Каждый взвод располагался в избе-блиндаже. И Рустем долго раздумывал: к какому блиндажу пристать. К лазарету? Но там скучно и пахнет лекарствами. К кухне? Там всегда тепло, но какой партизан будет жить около котла с кашей? Рустем выбрал поменьше избу, где жил Иван Владимирович. Его все звали «дядя Эфир», но «дядя Эфир» был не только радистом, а еще и сапожником, и пулеметчиком. И в его избе всегда звучало радио.

Вот рай-то — Рустем первые два дня только и слушал радио. «Дядя Эфир» был молчалив, и очень скоро, на третий день, Рустем решил перейти к кому-нибудь другому. С утра он ходил по пятам за командиром отряда — Батей. До войны Батя был секретарем райкома, а когда пришли немцы, он ушел в лес. Высокий, веселый, широкоплечий — глядя на него, казалось, что такому все легко, никакая тяжесть не пригнет его к земле.

На командный пункт собрались командиры взводов. Батя отдавал приказы. Он говорил тихо, а в ответ звучало короткое:

— Есть! <...>

Рустем готов был отправиться на задание сразу со всеми. Проникнув в штаб, он бы достал лучшего «языка», хоть генерала. И мост взорвать для него пара пустяков. С кем же пойти?

Ему понравился партизан «Непоседа». Небольшого роста, подвижный, с блестящими глазами, он все время улыбался. И что он тут видел смешного, сидя прямо напротив Бати?

— Куда непоседа, туда и я — решил Рустем. — Ему наверняка мост поручат взорвать.

Не ожидал Рустем, что «Непоседа» пойдет на железную дорогу. Но уж как решил, так тому и быть.

На операцию вышли втроем: «Непоседа», еще один партизан — Тимофей Николаевич и Рустем. Вышли ночью по ярким звездам.

Сливаясь с деревьями, шагали осторожно невидимой тропой. К рассвету за придорожными кустами засеребрились пути. Партизаны залегли за бугорком и стали наблюдать.

Полчаса наблюдал за станцией «Непоседа». Полчаса — Тимофей Николаевич. «Непоседа» ворочался с боку на бок, покусывая травинку.
<...>

Рустем вспомнил дом. Вот к нему подходит мать: «Ты не устал, сынок?» Её теплая рука касается лба. Он закрывает глаза. Что сейчас делают дома? Отец читает газеты, мать смотрит в окно. И каждый думает о нем. И каждый будто спрашивает: «Где ты сейчас?»

Поднявшись с земли, Рустем тихо пошел к железнодорожному полотну. Оттого ли, что вспоминая о доме, он так ясно увидел себя посередине комнаты, среди знакомых вещей, ему стало грустно, и он шел, будто слепой, заложив повзрослому руку за спину. Тропа кончилась, осыпалась хрупким шлаком.

— Один... два... три... — считал Рустем шпалы. Незаметно он дошел до будки стрелочника. Возле нее стоял немецкий солдат с автоматом.

Обгоревшая и разрушенная станция имела плачевный вид. Можно было подумать, что она и существовать то перестала, если бы не часовые, расхаживающие вдоль составов, и танки, танки, уставившие ввысь свои пушки. Рустем пересчитал танки и отправился к коменданту станции. Тот разговаривал по телефону, кричал:

— Когда пройдет тысяча четыреста тридцать первый?

В тетради, лежащей перед комендантом, точной колонкой были выписаны проходящие через станцию поезда. Рустем переписал их номера и, резко вырвав из руки коменданта телефонную трубку, опустил ее на телефон, потом он зашел к телеграфисту, написал ему записку.

«Готовься к смерти. Это говорю тебе я — партизан Расада».

Телеграфист, втянув голову в плечи, прочитал написанное и что-то стал лопотать, закрыв глаза.

— Молитесь! — решил Рустем. <...>

А потом на станции грянул взрыв. Танки доехали до своего кладбища.

Вот теперь бегом к своим.

...«Непоседа», вернувшись в лес, принес «Бате» письмо, которое обнаружил в своем кармане. Письмо кончалось словами: «Сегодня я устроил небольшое крушение. «Непоседа» видел. Расада».

Как ни старался «Батя» разыскать неуловимого Расада, чтоб обнять его, ничего не получалось.

— Слыхали, но никогда не видели, — отвечали все, кого расспрашивали о Расаде.

А на прошлой неделе, когда немцы особенно хвастались, передавая сводку, кто-то крикнул несколько раз: «Не верьте, это ложь!»

Уж не Расада ли это?

Перевод Р.Кутуя.

Усман Бакиров

1896-1982

ДРУЗЬЯ

Первый день занятий... Азата и Рустема, неразлучных друзей, учительница посадила за одну парту. Мальчишки подружились ещё в детском садике. Дружба, конечно, не обходилась без драк и слёз, но обиды быстро забывались.

Школа — не детский сад, всё по-другому. Ребята незнакомые. Учительница Светлана Николаевна, сразу видно, очень строгая. Не то что воспитательница Галина Ивановна, свой человек. Игрушек — никаких. А сколько их в детском саду!.. Заводные автомашины, грузовые и легковые, подъёмный кран, прыгающая лягушка, крокодилы, зайцы. И любимая игрушка — лошадка. Не какая-нибудь — большая, с гривой, очень красивая. Правда, бесхвостая. Сами ребяташки и оторвали. Всё равно все её любили и стояли в очереди, чтобы покататься. Рустем, как сядет, возьмёт деревянную саблю в руку, взмахнёт и крикнет:

— Эй, дорогу! Чапаев едет!..

Всё не как в школе. На уроке надо сидеть спокойно и слушать. Легко сказать. А если поиграть захочется? Всё равно, хочешь, не хочешь, сиди и слушай учительницу. Достать из сумки яблоко и пожевать — нельзя. Сиди и слушай. Сесть верхом на парту, изобразить паровоз, загудеть, запыхтеть... И не думай, нельзя. А уроки длинные-длинные. Еле дождёшься звонка. Только тогда Светлана Николаевна разрешит встать.

Наконец последний звонок. После трёх уроков — домой. Кончился первый день занятий, такой длинный. И трудный.

Как договорились, утром Азат постучал в окошко. Рустем ещё спал. Уже подниматься? Так рано? Глаза у него не разлипались, но мать быстренько растолкала его, собрала, вывела на крылечко, сунула в карман большое красное яблоко и сказала, весело улыбаясь:

— Беги, сынок, догоняй друга. А то в школу опоздаешь!

И закрыла дверь.

Даже запыхался, пока догонял. Некоторое время шли молча. Первым заговорил Азат.

— А вот и не знаешь, что у меня в кармане. Он с таинственным видом похлопал рукой по правому оттопыренному карману, как будто у него там... Интересно — что? Не яблоко, не круглое. Наверно, что-то нашёл на дороге. Загадка.

Любопытство разбирало Рустема, но он виду не подал, сказал небрежно:

— А мне-то что.

— А вот не отгадаешь!

— И не буду отгадывать. Не хочу.

— А попробуй — ни за что не отгадаешь!

— Подумаешь. У меня тоже в кармане...

— У тебя яблоко. А у меня...— Азату самому не терпелось раскрыть тайну.— Гляди!

Он осторожно вынул из кармана свёрток, прислонил портфель к забору, торжественно развернул синюю тряпку, и Рустем увидел у него на ладони кораблик, словно стоящий в море на якоре, с коричневыми бортами, с рубкой из спичечной коробки, трубой — шпилькой — и красным флажком на мачте.

— Из коры вырезал, — почему-то шёпотом сказал Азат.— А ты говоришь — яблоко.

Про яблоко он сам говорил, но... Здорово, ничего не скажешь. Только почему без него мастерил, один? А ещё друг называется.

— Что хмуришься? — обеспокоенно спросил Азат. — Думаешь, утонет?

— Перевернётся, — уверенно заявил Рустем и пренебрежительно махнул рукой.

— Что? Перевернётся?! — кораблестроитель был вне себя.— Спорим? Хочешь, испытаем?

— А где испытаем? — Рустем поднял глаза к небу.— В школе?

— В школе воды нет, — отрезал Азат.— Пошли на речку!

Не раздумывая, вернее, думая только о том, как бы поскорее спустить судно на воду, испытать его — перевернётся или не перевернётся, друзья помчались к речке — через луга, мимо шипящих гусей и гусынь, кричающих уток и желторотых утят, которые писком выражали своё возмущение. Бегают тут всякие, мешают учиться плавать...

— Подержи! — Азат бросил другу портфель и легко прыгнул на камень, торчащий из воды. Рустем нехотя подхватил под мышку второй портфель, пропади они пропадом.

— Давай скорее! — недовольным голосом сказал он. — Всё равно перевернётся.

— Значит, перевернётся? — широко улыбаясь, Азат двумя пальцами расправил флажок, опустил кораблик на воду и легонько подтолкнул его. — Посмотрим!

Кораблик весело заскользил по течению вдоль берега. Стукнулся о камень, развернулся и поплыл дальше боком, кренясь от попутного ветерка. Было ясно, что он не перевернётся, но друзьям не нравилось, что их гордый кораблик плывёт боком. Надо ему помочь, пусть он покажет себя во всей красе — и конец испытаниям.

Азат, не снимая ботинок, залез в воду, повернул кораблик. Совсем другая картина.

Друзья бежали по берегу, раздувая ноздри, напрямик сквозь заросли тальника. Кораблик обогнул небольшой мыс и, подхваченный течением, вышел на стрежень речки. Впереди — необитаемый остров — причалит или нет?..

Они опомнились, когда кораблик скрылся в зелёных джунглях на противоположном берегу.

— Азат, мы же опоздаем в школу! Бежим!

— Что-то не хочется бежать в школу,— вздохнул Азат, не отрывая взгляда от противоположного берега.— Давай не пойдём, а?

— Что ты. Нельзя.

— Почему нельзя? Подумаешь, один день.

В самом деле, что значит один день? Сколько их ещё впереди...

И всё же друзья, словно подхваченные ветром, помчались в школу. Чего только не передумали на бегу. Почему опоздали? Что ответить строгой учительнице? А если отцы узнают? В детском саду всё было бы просто. Рассказали бы всё по порядку...

У дверей класса друзья остановились, переминаясь с ноги на ногу.

— Это ты со своей лодкой,— буркнул Рустем.

— Сам догнал меня! — вспыхнул Азат. — Если бы не догнал, я бы сейчас за партой сидел...

Дверь неожиданно отворилась, и друзья увидели перед собой Светлану Николаевну. Значит, услышала их голоса. Ну, пропали.

— Откуда это вы такие? Мокрые, грязные...— учительница оглядела их с головы до ног. Друзья, опустив головы, молчали.

— Почему не отвечаете? Поссорились, подрались?

И чего она пристаёт!

— Мы не дрались,— мрачно сказал Рустем.

— А почему опоздали?

— Мы за лодкой бежали, за корабликом. По берегу,— объяснил Азат и шмыгнул носом.

— За какой лодкой? Что за кораблик?

— Азат сделал, — Рустем поднял глаза на учительницу и многозначительно добавил: — Сам.

— Ах, вот оно что! — Светлана Николаевна покачала головой. — Всё ясно. Все дети как дети, занимаются в классе, а вы бултыхаетесь в речке.

Друзья теснее прижались друг к другу.

— Ну что ж, на первый раз я вас прощаю,— откуда-то с неба донесся голос учительницы. — Но чтобы этого больше не было, понятно?

— Понятно! — хором ответили друзья.

— Замёрзли? Идите в класс...

С серьёзным видом, как будто ничего не случилось, они сидели за партой, не спускали глаз с учительницы, внимательно слушали её. Украдкой переглянулись и отлично поняли друг друга. Не детский сад, конечно. Но жить можно.

Перевод Л. Файзуллиной.

Ахмет Ерикей

1902-1967

ОСЕНЬ

Наступила осень,
Пожелтел наш сад.
Листья на берёзе
Золотом горят.

Не слышать весёлых
Песен соловья.
Улетели птицы
В дальние края...

Мы с тобою славно
Лето провели:
В лагере мы были,
Плавали, гребли.

Наступила осень,
И нас ждут опять
Дорогая школа,
Книга и тетрадь.

Много знаний в школе
Каждый наберёт,
Как пчела из розы
Набирает мёд.

Кто сказал, что надо
Осенью скучать?
Здравствуй, наша школа,
Книга и тетрадь!

Перевод Л. Гинзбурга

ЧЕТЫРЕ ЯБЛОКА

Четыре красных яблока
Мне папа дал сейчас.
Сказал: «Дели всем поровну!
Ты умница у нас!»

Я протянула яблочко
Братишке своему.
Всем — папе, маме, бабушке —
Дала по одному.

«Спасибо!» — слышу я в ответ.
А мне-то яблока и нет!

И вот, чтоб не завидовать,
Я с куклою своей
Уйти во двор из комнаты
Решила поскорей.

Пока они здесь кушают,
Играть я буду там.
Вдруг вижу — папа яблоко
Разрезал пополам.

Позвал меня — и вот
Пол-яблока даёт.

И мама, бабушка и брат,
Отдав пол-яблока назад,
«Ты — молодец!» — мне говорят.

И я, взглянув, глазам своим
Поверила едва:
У каждого — пол-яблока,
А у меня их — два!

Я съела тут же яблоки.
Довольна вся семья.
Я всем теперь советую:
Делите так, как я!

Перевод В. Сикорского.

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Как мне люб и дорог тёплый день весны!
Утром звонкий дождик хлынул с вышины.
Напились досыта травы на лугах,
Стало нашей речке тесно в берегах.

И откуда только тучи вдруг взялись?
Как они неслышно к нам подобались!
Было небо голубее бирюзы,
Вдруг подкрались эти вестники грозы,
Эти плотные, густые облака,
Что плывут,
 плывут,
 плывут
 издалека.

Я от дождика забрался на крыльцо,
Но и здесь он бросил брызги мне в лицо.
Брызгал, брызгал понемножку, а потом
Как хлестнёт меня серебряным кнутом!

Перевод Н. Саконской

БАБУШКА

Дорогая бабушка,
Бабушка моя,
Мы живём — не ссоримся,
Бабушка и я.

Вместе спать ложимся мы,
Вместе мы встаём.
И всегда гуляю я
С бабушкой вдвоём.

У старушки-бабушки
Множество хлопот:
То чулочки вяжет мне,
То блины печёт.

Пальцами проворными
Что-то мастерит.
Вышитою скатертью
Стол у нас покрыт.

И во всём стараюсь я
Бабушке помочь:
Пол на кухне вымести,
Сахар растолочь.

А ночами зимними,

В сонной тишине,
Бабушка рассказывает
Сколько сказок мне!

И под сказку длинную
Засыпаю я...
Доброй ночи, бабушка,
Милая моя!

Перевод Л. Гинзбурга.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

Выпал мягкий, выпал белый,
Выпал чистый-чистый снег.
Славно вьюга раздела
Берега озёр и рек.

Снег на крышах, на заборах,
В городах и деревнях,
На вершинах гор, с которых
Мы несёмся на санях.

Мы катаем ком за комом
Шумной, пёстрой гурьбой.
Станет ком огромным домом
С крышей, дверью и трубой.

Мы из снега сложим печку.
(Что за хата без тепла?)
Снежный дворник у крылечка,
У него в руках — метла.

И, как в сказке, вырастает
На поляне дивный дом...
Пусть он даже и растает
С первым солнечным лучом.

Огорчаться тут не стоит —
Всё равно пройдёт зима.
Подрастём и будем строить
Настоящие дома!

Перевод Л. Гинзбурга.

Ахмет Файзи

1903-1958

СКАЗКА ПРО АЗАТА МЕРГЕНА

И ПРО ДЕВУШКУ-ЛАНЬ*

Давным-давно в стране Булгар в охотничьем племени жил батыр Азат Мерген. Был он бесстрашный, как тигр; зоркий, как сокол; быстрый, как олень; руки силы железной — взятого не выпустят. Идёт — земля под ним вздрагивает, ногой ударит — искру из камня выбивает. Гордился народ своим батыром, девушки славили его в песнях, а юноши старались во всем сравняться с ним. Вот каким был охотник Азат Мерген!

Однажды Азат Мерген, прыгая со скалы на скалу, пробивая тропы в непроходимых местах, поднимался в гору. Вдруг заметил он неподалёку лань невиданной красоты. Смотрит на неё батыр — не налюбуется, забыл и про лук, что висел за спиной. А как вспомнил да потянулся к колчану, чудо-лань легко, точно играючи, прыгнула и исчезла за скалой.

«Напрасно спугнул я её», — подумал Азат Мерген, спрятал в кустах лук со стрелами и поднялся на скалу. Долго искал он глазами лань, но её нигде не было видно. Час прошёл, два прошло, много-много часов прошло, день медленно угасал, а соколиные глаза Мергена не высмотрели ничего, кроме уток на небе да диких коз, резвившихся у подножия горы. Повесил голову охотник. Взял он свой лук и нехотя побрёл домой. Охота уже не радовала его.

На другой день снова пришел Азат Мерген к скале. На этот раз он был без лука. Спрятался в кустах и стал ждать. Час прошёл, два часа прошло, прошло много-много часов, вот уже усталое солнце уплыло за высокие горы, а лань всё не появлялась.

* Отрывок.

Печальный спустился с горы Азат Мерген, ещё раз взглянул наверх—что за диво! — лань стоит на прежнем месте и смотрит ему вслед. Бросился к ней джигит, но не успел сделать и шага, как пугливое животное исчезло.

Дома Азат Мерген не прикоснулся к еде и прилёг на шкуру медведя. Сон, однако, не шел к нему. Забылся джигит лишь перед рассветом.

Наутро, едва вошло солнце, Мерген снова поспешил в горы. На этот раз он обошёл скалу и спрятался на той её стороне, откуда появлялась лань. Долго просидел он в укрытии и, только когда солнце стало клониться к вершинам гор, услышал наконец лёгкий шорох: она!

Радостно забилося сердце джигита, но он сидел тихо, боясь вздохнуть. Лань прошла совсем близко, поднялась на скалу и остановилась на краю глубокой пропасти.

«Сейчас я выйду на тропу, — подумал Мерген, — ей не уйти от меня!»

Осторожно раздвинул кусты охотник и замер: по горной тропе бесшумно крался молодой тигр. Жёлтые немигающие глаза его неотрывно следили за ланью, а та и не чувала опасности. Ближе, ближе подбирался зверь, вот уже приготовился к прыжку, но первым прыгнул Азат Мерген и придавил собой тигра.

Страшный бой завязался на узкой тропе.

Лань метнулась в одну сторону, в другую и застыла на месте. Её прекрасные глаза с надеждой смотрели на юношу.

На миг удалось Мергену вывернуться из цепких лап тигра. Припав на одно колено, сильными руками сдавил он горло хищника. Тут и лань будто ожила, нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

Отчаянно извиваясь, хлестал тигр джигита хвостом, царапал лапами. Но таяли силы зверя, он задыхался и хрипел.

Нелегко давалась победа и Азату Мергену. С трудом переводил он дыхание, кровавый пот застилал ему глаза.

Наконец зверь затих и вытянул лапы. Не знал Азат Мерген, что это была только уловка. Едва разжал он руки и повернулся к лани — ещё яростнее

набросился на него тигр, теперь внизу был Мерген. Однако бесстрашный джигит быстро пришёл в себя.

Собрав последние силы, схватил он острую палку и с размаху вонзил её в раскрытую пасть... Зверь рухнул на землю, но и охотник остался лежать неподвижно.

Много ли, мало ли прошло времени, вот поднял джигит голову, огляделся. Увидев лань, он вспомнил вдруг, что произошло с ним, медленно встал и отошёл в сторону, уступив ей дорогу. Но лань не уходила, только по-прежнему смотрела на него.

Ласково улыбнулся джигит:

— Не бойся меня, милая лань, ступай своей дорогой!

И лань точно поняла его: легко спустилась с уступа скалы и доверчиво подошла к джигиту. Послышался тихий, взволнованный смех.

— Кто смеётся? — удивлённо огляделся Мерген по сторонам. — Неужели лань?!

Охотник шагнул ближе. Думал он, что напугается лань, умчится, как прежде, но она не двигалась с места. Прекрасные умные глаза, каких не встречал он раньше у лесных зверей, смотрели на него. Невольно протянул он руку, осторожно коснулся мягкой шелковистой шерсти и отступил в изумлении: юная красавица стояла перед ним, золотые пряди струились по плечам.

— Отчего ты смеёшься? — спросил поражённый Мерген.

— От радости... — ответила красавица нежным, как звуки курая, голосом.

— Какая же у тебя радость?

— Когда я была маленькой, злой хан покорил нашу страну. Спасаясь от врагов, убежала я в лес. Меня приютили лани. Десять лет прожила я среди них и сама превратилась в лань. Родные пробовали вылечить меня, обращались к колдунам и знахарям, но не помогли ни травы, ни заклинания... Только один, самый старый и мудрый человек нашего племени перед смертью сказал:

«Девочка снова примет человеческий облик, если полюбит храброго джигита, который спасет её от гибели»... Как видишь, сегодня сбылись его вещие слова.

— Я спас тебя от тигра, выходит, ты любишь меня! — воскликнул Мерген.

— Да...— девушка опустила голову, по щекам её разлился румянец.

Нежно к груди прижал её Мерген, поцеловал в глаза.

— С этого дня я не расстанусь с тобой! — твёрдо сказал он.

Девушка ласково отстранила его.

— Джигит, выслушай меня до конца... Ещё сказал старик: «Жизнь их будет полна невзгод. Много горя выпадет на их долю, а радость и счастье придут слишком поздно.

— Не бойся, милая лань! У меня хватит сил побороть любую беду! — воскликнул Мерген. — Храброго сына подаришь ты мне, а втроём мы победим все невзгоды.

— Хорошо, если он будет смел и отважен, как ты! А если он будет робок, как лань?

Мерген весело рассмеялся:

— Не печалься! Я сумею пробудить отвагу в его сердце...

— Хорошенько подумай, джигит, чтобы потом не пожалеть об этом.

— Этого не будет никогда! — поклялся Азат Мерген. С этого дня они зажили вместе.

Перевод А. Бадюгиной.

КЫРЛАЙ*

В Новой слободе, в Казани, Габдулла встретил много хороших людей и доброе к себе отношение, но скудная природа и вся обстановка городской слободы были чужды ему. В Училе местность красива, но люди суровы. Так и

* Отрывок из романа «Тукай».

получалось, что до сего времени Габдулла был не в ладу то с людьми, то с природой.

В Кырлае он нашёл и то и другое. Выйдет из дому — прекрасная и щедрая природа широко раскрывает ему свои объятия, вернётся домой — его встречают приветливые лица, тёплое слово.

В такой обстановке и взрослый человек быстро забывает свои невзгоды, а ребёнок тем более.

Габдулла быстро привык к новому отцу и к новой матери. Как радовало его в первые дни пребывания в семье Сагди это ласковое отношение! Теперь он воспринимал это отношение к себе со стороны приёмных родителей как нечто самое обычное, такое, каким оно и должно быть.

В детской своей безмятежности он забыл о своём сиротстве, но жизнь ещё раз напомнила ему об этом...

Была пора сбора орехов. Габдулла и его друзья отправились в казённый Шабардинский лес.

Это был старый, дремучий лес. Он предстал перед глазами ребят во всём своём летнем величии и встретил их очень приветливо.

Когда приходит гость, дети выбегают на улицу и встречают его раньше отца. Маленьких гостей леса встретила его молодая поросль — тоненькие осинки, берёзки, дубки, ёлочки, сосенки. Дальше ребят приветствовали, кланяясь, стыдливые берёзы-девушки, за ними гордо высились стройные клёны-джигиты. Потом пошли ещё более высокие хвойные и лиственные деревья. Но и это был ещё не сам хозяин-лес, а только его родня.

Пройдя перелесок, ребята вышли на поляну, и перед ними встала сплошная стена лесной чащи. Могучие дубы, ели, сосны, лиственницы вытянули ровные, почти без сучьев стволы высоко вверх, раскинули свои кроны шатром, — под ними таинственный сумрак и тишина. Дремучий лес и пугал ребят этой своей таинственностью и неудержимо притягивал.

Чем дальше углублялись они в чащу, тем более влажным и прохладным становился воздух, тем меньше лежало солнечных пятен на шуршащей под ногами бурой прошлогодней листве.

Вначале Габдулла испытывал страх и пугливо озирался по сторонам, ожидая появления зверя или страшного шурале, но деревенские ребята держали себя так свободно, что и он в конце концов набрался смелости. Каждый красноголовый гриб привлекал его своей необычайной красотой, и он был очень удивлён и разочарован, когда ему сказали, что в грибном царстве свои порядки: самый красивый гриб — самая ядовитая поганка. Наткнувшись на большую, усыпанную сухими сосновыми иголками муравьиную кучу, Габдулла в недоумении остановился перед ней — первый раз в жизни он увидел таких крупных жёлтых муравьев.

— Белка! Белка! — закричал самый остроглазый из ребят — Ахтари.

Все посмотрели вверх, куда указывал Ахтари. Габдулла никак не мог отыскать глазами белку, на такой же по цвету коре ели она была совсем незаметна. Кто-то бросил в неё сосновую шишку. Белка прыгнула на другое дерево, и тут только увидел её Габдулла.

— Держи! Держи! — радостно закричал он. — Ловите её!

Ребята засмеялись.

— А ты попробуй поймай!—сказал Сафуш и снисходительно добавил: —Эх, ты... городской!

Наконец они выбрались на поляны, густо поросшие кустами орешника.

Орешины оказались слишком высокими, снизу были видны на ветках орехи, сросшиеся в гроздья по несколько штук, но рукой их не достать. Однако это ничуть не смутило деревенских ребят. Двое прыгнули на орешину, пригнули её почти к самой- земле, остальные начали обирать.

Не сразу научился Габдулла вышелушивать орехи из зелёных гнёздышек-лунок, но это оказалось совсем простым делом: спелый орех легко вынимался из лунки, а зелёный и обдирать не стоило. Сначала каждый пожелтевший,

спелый орех отправлялся в рот. Трескалась скорлупа, хрустел сочный орех на крепких мальчишечьих зубах... Не скоро насытились ребята, а насытившись, подоткнули рубашки за пояс штанов и начали собирать орехи за пазуху. Не возвращаться же домой с пустыми руками!

Мальшей одолевала усталость. Всё труднее становилось пригибать высокие орешины, да и мало уже оставалось таких, которые поддавались их усилиям. Может быть, следовало бы перейти на другую поляну, но Сафуш решительно заявил:

— Дальше не пойдём, хватит! Надо выбраться отсюда до захода солнца, а то пропадём в лесу.

Большинство согласилось с ним, и все повернули домой.

Сафуш оказался прав — нелегко было выбраться из большого леса. Сначала шли как будто правильно, держа направление прямо на закат солнца. И рассудили правильно: раз восходит солнце всегда над Шабардинским лесом, значит, зайти должно за Кырлаем. Сбила с пути неожиданная встреча.

— Лесник! — крикнул вдруг Тимери.

Ребята замерли на месте, прислушиваясь. Где-то совсем близко треснула хворостинка, потом зашумело в кустарнике, потом опять что-то затрещало ближе... Все испуганно присели на корточки: кто-то идёт — но кто? Зверь какой или, может, лесник? Если лесник, то он отберёт собранные орехи, спросит имена ребят, а потом на отцов наложат штраф... Деревенский мальчуган в этих случаях рассуждает, как взрослый — он больше всего боится штрафа... Ещё минута — и все бросились бы наутек, но Ахтари предупредительно поднял руку и зашептал:

— Тише! Это не лесник, это лось... Вон, видите? Действительно, в кустарнике на поляне, рядом с большим дубом, стоял высокий стройный лось и, вскинув голову с большими ветвистыми рогами, грустными глазами смотрел на ребят. «Почему вы загородили мне дорогу?» — словно говорил его взгляд.

Как он был красив, этот невиданный зверь! О лосе ребятам только приходилось слышать от взрослых, и они, затаив дыхание, восхищённо смотрели на него... Но вдоволь наглядеться на диковинного зверя они не успели. Лось игриво тряхнул ветвистой головой, как бы подзадоривая ребят: «А ну, ловите меня!» — и, прыгнув за дуб, исчез в чаще.

Ребята, поддаваясь охватившему всех порыву, кинулись в чащу, в надежде ещё раз увидеть красивое животное. Может быть, ещё долго бегали бы они по лесу, гонясь за лосем,— остановил всех встревоженный голос Сафуша:

— Стойте, ребята! А что, если это не лось, а оборотень? Если это шурале заводит нас?

Все настороженно огляделись по сторонам. Как будто ещё сумрачнее стало в лесу. То ли были они в низине, то ли солнце низко склонилось к закату, — даже вершины высоких деревьев не просвечивались больше солнечными лучами. Где же закатная сторона? Куда идти?

Они побежали наугад и несколько минут спустя выбежали на лесную опушку, залитую красноватыми лучами. Впереди расстилалось золотистое поле, за ним виднелся Кырлай.

Перевод А. Садовского.

Бари Рахмат

1897-1957

КОЛЯ-НИКОЛАЙ

К нам в татарскую деревню
Из колхоза «Урожай»
Часто ходит русский дядя,
А по-нашему агай.
Вместе с ним приходит мальчик,
А по-нашему малай.
Он два имени имеет —
Как тут хочешь понимай:
У малая имя — Коля,
А другое — Николай,
Хоть он сам не два малая,
А всего один малай!

Перевод Г.Абрамова.

В НОВОМ ГОДУ

Года Старого
Не стало:
Новый год родился.
В том году
Я спать улёгся
В этом — пробудился.
Праздничного угощенья
Дети долго ждали.
В том году
Пекли печенье.
В этом — доедали.
Дни летели
И летели.
С каждым днем — быстрее.
Стал я старше
На год целый,
Стану ли умнее?

Перевод Г.Абрамова.

В ЛЕСУ

Девочки ищут грибы.

Одна девочка:

Ой, грибок, грибок, грибок,
Покажись хотя б разок!

Грибок:

Не ленись,
Оглянись,
Пошустрее наклонись,—
Сорвешь грибок.
Положишь в кузовок.
А домой придёшь —
В пирожке испечёшь.
Я съедобный грибок,
Бесподобный грибок,
Духовитый грибок.
Знаменитый грибок!..

Девочки:

(все вместе)

Ну, и хитрый грибок,
Покажись хотя б разок!

Грибок:

(высовывая шляпку из-под листа)

Покажусь немножко я:
Вот и шляпка моя,
Вот и ножка моя...
Ну и ловкий я.

Девочки:

Ты не прячься под листом:
Всё равно тебя найдём,
Унесём в кузовке,
Испечём в пирожке!

Кукушка:

Ой, ку-ку, ку-ку, ку-ку!
Я сижу
На суку,
Сверху
Вниз
Я гляжу,
На деревья и пеньки...
А под ними есть грибки.
Вот вам, девочки, подсказ:

Нужен только глаз да глаз!

Девочки ищут.

Перевод Г.Абрамова.

ГАЛИ И ДОЖДИК

Тучи близко подошли.

Просит дождика Гали:

— Дождик!

Литься

Не жалея —

И всего себя пролей!

Травы вырастут шелковы —

Будут сытыми коровы!

Радуйся, родимый край:

Молока — хоть отбавляй!

... Тут и дождику пора:

Хлынул, словно из ведра!

А мальчишка припустился —

Под навесом притаился.

Дождик пуще литься стал.

Засверкал,

Захотел:

— Что же, братец, ты залез

Под навес?

Разве ты не сам просил,

Чтоб я землю оросил?!

Перевод Г.Абрамова.

КОЗА И ГОРШОК

Влезла на кухню

Коза и — молчок:

Видит у печки

С тестом горшок!

Ткнулась башкою:

— Вот это еда! —

Только горшок —

Ни туда, ни сюда...

Бродит бедняга
По кухне шажком —
Машет башкою
С порожним горшком.

Скачет от печки
До уголка:
— Эх, пропадет
Дурная башка!

Уши все слышат,
Не видят глаза...
Дверь отыскала
Насилу коза.

Вышла на улицу.
Смотрит народ:
— Что за умора?
Что за урод?

Смеху-то было!
Невпроворот!
Фыркает, прыскает
Громко народ.

В страхе упала
Коза на бочок —
И расколола
О камень горшок.

Свет увидала —
И стала скакать:
— Больше не буду
Чужого таскать!

Перевод Г.Абрамова.

СКВОРЕЦ

Превеселая
Весть:
Прилетел,
Наконец,
Новосел —

Долгожданный скворец!

С первых всплесков
Весны,
Только солнце взойдет,
В перелесках,
В лесах
И в садах он поёт...

Свой вливает мотив
Он в весенний разлив —
Неустанный
Певец,
Долгожданный
Скворец.

Звуки
Чудной мелодии
Чутко
Будем ловить!
Нашу милую Родину
Будем крепче любить!

Перевод Г.Абрамова.

Наки Исанбет

1899-1992

ПОЧЕМУ У ЛАСТОЧКИ ХВОСТ РВАНЫЙ

Это очень старая история.

Когда-то на земле змея появилась. Не знала еще змея, чем ей кормиться, даже вкус крови был ей тогда неведом. Вытянулась она на траве и притихла, а раздвоенный язык на землю выложила. Пролетал тем временем комар. Увидел он змею, и любопытно ему стало, захотелось поближе ее разглядеть. Сел возле змеи да прямо на язык к ней и угодил. Зажала его змея языком и говорит:

— Мне бы проглотить тебя, да я вот не спешу, на языке тебя держу. А захочу, так и вовсе отпущу, если ты послушаешься меня да волю мою исполнишь. Ступай отведай кровь всех живущих на земле тварей и доложи, чья кровь вкусней, чтобы я знала, кого мне есть.

А комар в то время мало чем на теперешнего походил — болтлив и угодлив был. Ничего ему не надо, лишь бы посудачить да сильным мира услужить.

С радостью взялся комар за поручение змеи, всюду побывал, всякой крови насосался и на человека сел. Больше всех понравилась ему человеческая кровь. Пил он ее, пил и надулся, как пузырь. Торопится змею обрадовать.

Летит навстречу ему ласточка. А надо сказать, ласточка в те далекие времена тоже по-другому выглядела — хвост у нее большой и пышный был. Она пока еще не умела вить гнезда под крышами жилищ, а только обдумывала, как бы ей поудобнее гнездо для своих птенчиков устроить.

— Ага,— обрадовалась ласточка,— вот и корм мой! — и поймала комара в клюв.

А комар-болтун не растерялся, кричит из клюва:

— Отпусти меня, послов не убивают!

— Что же ты за посол такой? — спросила ласточка.

— Меня змея с поручением отправила,— похвастался комар,—

спешу доложить ей, у кого среди живущих на земле кровь самая вкусная. Я вот с каким делом лечу. Змея, бедняжка, наверное, уж заждалась меня, с голоду умирает, чем кормиться, не знает.

А ласточка уж успела узнать, сколь жестока и коварна змея,— видела, как та доверчивых пташек глазами завораживала и проглатывала. Невзлюбила она злую змею.

— Ну и чья же кровь самая вкусная? — спросила ласточка.

— Кровь человека всех вкусней. Я только что ее отведал,— сказал комар,— она все еще у меня на языке.

— Вон как! — усмехнулась ласточка.— Покажи-ка мне свой язык, очень любопытно узнать, какого цвета у человека кровь.

— Пожалуйста, гляди.— И комар с готовностью высунул язык, желая угодить ласточке. А та как долбанет по нему клювом, язык и оторвался.

— Ну вот, теперь можешь отправляться к змее,— засмеялась ласточка.— Попробуй доложи ей о своем деле!

И отпустила комара.

Торопится комар, а ласточка следом летит.

Завидев комара, приказывает змея:

— Ну, говори, чья кровь самая вкусная?

Раскрыл комар рот, хочет обрадовать змею, а ни слова сказать не может, только писк один и слышится: бз-з-з!

— Ты чего пищишь? — рассердилась змея.— Говори толком! Но сколько она ни билась, ничего другого не услышала. Увидела ласточку на ветке, которая прислушивалась к их разговору, к ней обратилась:

— Эй ты, до мух да комаров охотница! Тебе-то их язык понятен должен быть. Не растолкуешь ли, что этот дурачок сказать хочет.

— Отчего же не растолковать,— отозвалась ласточка,— он говорит, что много всякой крови насосался, а вкусней, чем лягушечья не нашел. Даже кровь человека не так вкусна.

Зашипела злая змея:

— Лягушки от меня никуда не уйдут, их я всегда съесть успею. Сдается мне, хитришь ты со мной — человека, злейшего врага моего, выгородить стараешься! А потому раньше я проглочу тебя!

Набросилась она на ласточку, а та взвилась вверх. Во рту у змеи лишь часть ее хвоста осталась.

С той самой поры змея и ест одних только лягушек. А ты представляешь, что могло бы случиться, если бы ласточка не повстречала тогда комара-хвастунишку? Змеи теперь на людей охотились бы.

Вырвавшись от змеи, ласточка прямехонько к жилью человека полетела и свила там под крышей гнездышко.

Вот с каких еще пор ласточка с человеком дружит.

Жаль только, хвост у нее так рваным и остался.

А комар, змеиный холуй, отведав человеческой крови, дня без нее прожить не может. Зато ласточка строго следит за ним, не дает спуску. Едва завидит комара, тут же его и схватит. А он и сказать уж ничего не может, знай пищит: бз-з-з, бз-з-а! Вот и пойми его.

Перевод А. Бадюгиной

ОТЧЕГО ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ ДНЕМ НЕ ПОКАЗЫВАЕТСЯ

Известно, что в очень давние времена звери и птицы враждовали друг с другом. Что тогда делалось — словами не скажешь! А если и сказать, так всё равно не поверите. С одной стороны — соколы с крыльями железными, грозные орлы с лапами когтистыми, сплетницы-сороки, цапли-долгоноги, коростели-возчики, чибисы-доносчики, совы, на кошек похожие, а с другой — львы косматые, тигры полосатые, увальни-медведи, волки-зануды, хомяки-проныры, хорьки-задиры — словом, всё четвероногое воинство, даже кошка, похожая на сову, была с ними. И такие случались между птицами и зверями схватки, что только перья да ключья шерсти летели!

Летучая мышь там же была. Увидела она как-то, что птицы зверей одолевают, стала в небе носиться и кричать:

— Наша взяла, наша!

Но вот звери потеснили птиц. Тут летучая мышь, как на парашюте, на землю опустилась, крылья-перепонки убрала и давай среди зверья бегать да покрикивать:

— Мы победили, мы!

Долго ли, коротко ли длилась эта война, только и она в конце концов утихла. Заключили звери и птицы вечный мир и стали вспоминать, кто жив, кого нет, кто как на войне отличился. Всё им вроде ясно, лишь одного понять не могли: на чьей стороне летучая мышь воевала. Одни говорили, что она с птицами была, другие уверяли, что видели её среди зверей.

Решили звери и птицы позвать летучую мышь да послушать, что она сама скажет. Прилетела мышь, смотрит, а на поляне по одну сторону звери, по другую — птицы сидят. Спрашивают они:

— Ты, говорят, на стороне птиц воевала. Правда ли это?

— А с кем мне ещё быть? — удивилась летучая мышь, взглянув на птиц.
— У меня ведь крылья.

— Ну, а если ты птица и у тебя крылья, почему ты победе зверей радовалась, кричала: «Мы победили?».

Покосилась летучая мышь на зверей и сказала:

— Как же мне было не радоваться, если я никакая не птица? Где вы у меня перья видите? А то, что у меня между пальцами, — это не крылья, а перепонки. Вон, среди вас сестра моя сидит, полевая мышь, она всё объяснит.

Однако полевая мышь ничего объяснять не стала. Рассердились звери:

— Так вот ты какая! О себе только думала, туда, где выгодней, бежала! Знать тебя не желаем! Ступай прочь!

— Нам ты тоже не нужна! — закричали птицы.

Так летучей мыши и звери, и птицы доверять перестали.

— Как же быть с ней? — ломали они голову. — Разве можно жить спокойно, зная, что в трудное время она предать нас может?

После долгих споров-разговоров решили: птицы сторожем к летучей мышке сову приставят, что так похожа на кошку, а звери — кошку, похожую на сову. Чтобы приглядывали за ней, за каждым шагом следили.

С тех пор не стало летучей мышке житья ни светлым днём, ни тёмной ночью. Днём кошка её подстерегает, ночью сова схватить норовит. Вот и приходится ей по чердакам прятаться. Только в сумерки, когда солнце уже село, а ночь ещё не пришла, в тот самый час, когда кошка с совой обе плоховато видят, выбирается она из своего укрытия и бесшумно кружит в воздухе. Но стоит выглянуть луне, летучая мышка спешит спрятаться на чердаке и ждёт там следующего вечера.

Перевод А. Бадюгиной

ОТЧЕГО У СОРОКИ ПЛАТЬЕ ПЕСТРОЕ

В старые времена не было у сороки видного, как теперь, наряда: рубаха белая, камзол чёрный, на спине разводы зелёные, на голове бархатная тюбетейка. Раньше у неё две рубахи были — белая да зелёная. Она их, как заяц, меняла — то одну, то другую наденет. Зимой белую поверх зелёной носила, а летом — зелёную поверх белой. Ну и пусть бы себе наряжалась на здоровье, раз у неё две одежды — не в этом дело. Вся беда была в нраве сороки. Уж до чего вредная — и сказать невозможно!

Мало ли зверей и птиц на свете, чего у них между собой не бывает! О чём бы они ни говорили, что бы ни делали сорока уж тут как тут, за всеми подглядывает, всюду подслушивает, зимой в белой рубахе в снег зарывается, летом в зелёной листве прячется. Что ни увидит, ни услышит, тут же и растрезвонит, всех обойдёт, никого ни пропустит; всех перессорит. И такая в лесу кутерьма поднималась, что никто уж ничего толком понять не мог.

Пришёл, к примеру, охотник в лес. Сорока сверху его видит и кричит лисе:

— Шыкыр, шыкыр! Прячься, лиса, охотник идёт. Радуетя лиса:

— Спасибо, добрая сорока! — и бежит прятаться.

Она ещё в норку юркнуть не успеет, а уж сорока навстречу охотнику спешит, стрекочет у него над головой:

— Шыкыр, шыкыр! Спряталась лиса, застрели её! — и дорогу к лисьей норе показывает.

Так мерзкая птица и лисе укрыться не дала, и охотнику дело испортила.

Наябедничает, всё запутает, а сама рада-радёшенька, над всеми потешается. Никому житься от неё нет.

Жаворонку кричит:

— Вон муха, лови её!

Не успеет жаворонок муху поймать, сорока уж сыча зовёт:

— Хватай, хватай скорее жаворонка!

Видит ястреба, издали стрекочет:

— Сюда, сюда! Догоняй сыча, он за жаворонком полетел!

Погнался ястреб за сычом, сорока тем временем охотника заметила, на небо ему показывает:

— Подстрели их! Видишь, во-он летят!

Охотник прицеливается, а сороке уж и ему помешать не терпится:

— Спасайся, сыч! Спасайся, ястреб! — кричит. —

Охотник погубить вас хочет!

И не только в лесу — в деревне тоже сорока народ баламутила. Больше всех от неё козе с котом доставалось. Стоило козе в огород зайти, сорока уж во всё горло людей скликает:

— Караул! Коза за капустой полезла!

Только люди с копьями в огород кинутся, сорока кричит:

— Беги, коза, пока шкура цела! Мышь в доме завидит, кота зовёт:

— Кот, кот! Давай сюда живее! Примчится кот, а она уж мыши удрать помогла.

Словом, не стало из-за сороки покоя ни в лесу, ни в деревне. Куда бы она ни явилась, там всё наперекосяк идёт.

Стал народ бояться всего — ни поговорить, ни делом заняться. А вдруг сорока узнает? Ведь и разглядеть её нельзя: летом она зелёная, в листве прячется, зимой белая, в снег зарывается. Тут вот рядышком притаилась, во все глаза глядит, а поди различи ее.

Надоело это зверям и птицам. Собрались они на совет, дескать, что с сорокой делать будем. Позвали балаболку, спрашивают:

— Бросишь ты народ баламутить?

— Это я-то баламучу? — удивляется сорока. — Да я сил не жалею, без устали хлопочу лишь бы вас всех из беды выручить!

— Нет, — говорят ей звери и птицы, — еще никому от твоих хлопот легче не стало. Тебе бы только вредить да сплетничать. Горе нам с тобой: кто из-за тебя без обеда остаётся, а кто и с жизнью расстаётся.

Судили они рядили, да так решили:

— Надо, чтобы сороку отовсюду видно было, а для этого из двух её рубах одну сделать — и белое, и зелёное на ней оставить. Вот тогда мы её и летом, и зимой разглядеть сможем, осторожней будем.

Стащили они с сороки обе рубахи, а трещотка-балаболка не даёт, караул кричит, да только никто не посмотрел на это. Коза зелёное платье пожевала, в лоханку выплюнула — зелёная краска получилась. Кот белое платье размочил — белую краску приготовил. Схватила коза сороку, в зелёную краску головой окинула, после и хвост туда же. Красит, а сама приговаривает:

— Вот тебе, сплетница негодная, не будешь больше вредничать!

Кот её грудкой и спинкой в белую краску обмакнул.

— Так её, так! — приговаривал петух. — Впредь неповадно будет чужие яйца таскать. — И добавил сороке сажи под крылья.

С тех пор и стала сорока заметной птицей, из-за пёстрого наряда её теперь и летом, и зимой увидеть можно. На снег сядет — зелёное да чёрное видать, на дерево взлетит — белое сквозь листву светится.

Скверную свою привычку сорока, правда, не бросила. Да только не страшна она никому! Охотники, звери и птицы её нрав хорошо знают, издали её видят.

Перевод А. Бадюгиной.

Дарджия Аппакова

1898-1947

РОЗА И СОЛОВЕЙ

На самом краю аула стоял одинокий домик, а в нем жила Марьям апа с маленькой дочерью Халимой. Во дворе росли кусты роз. Девочка очень любила цветы и всегда играла возле них. Ранним утром собирала она розовые лепестки, сушила их на солнце, а потом, заварив в чайнике, вместе с матерью пила душистый цветочный чай.

Мать с дочерью заботились о кустах: на зиму закутывали камышом, и розы не гибли от холодов.

Но вот однажды мать и дочь стали укладывать свои вещи — они переезжали в новый дом.

— Мама, а розы останутся?

— Хотя около нашего нового дома очень много роз, но мы и эти туда пересадим.

Они с корнями выкопали маленькие кусты, а один — самый большой — не осилили.

— Ладно, пусть этот останется, — сказала мать. — Мы так можем ему корни оборвать. И к холодам он уже привык.

Что же делать? Так и уехали, оставив его среди опустевшего двора.

Куст тяжело вздохнул.

— Теперь я никому не нужен, — печально прошептал он и, чтобы хоть немного успокоить себя, подумал:

— Но я все же не одинок: рядом со мной старый домик и высокая ограда, в случае чего они постоят за меня.

Но напрасно он утешал себя. Вскоре наступила холодная осень, налетел резкий ветер, и Куст затрепетал от страха.

— Ой, тише, тише! Я так могу сломаться!

Не очень-то тронула ветра эта мольба: он буйствовал, рвал пожелтевшие листья и безжалостно гнул сучья. Потом пригнал тяжелую тучу, и по веточкам полились крупные капли дождя, словно оплакивая одинокий, заброшенный Куст.

А однажды ночью ударил мороз, да такой сильный, что все его ветки покрылись ледяной корой и зазвенели, точно стеклянные. Он почувствовал, как в самое нутро проникает мороз, и подумал, что теперь настал его конец.

А наутро небо заволокли снежные облака, полетели, закружились белые бабочки, и бедный старый Куст вмиг был укутан толстым пушистым одеялом.

Шли дни. Проходили недели, месяцы. Кончилась зима. Пришла улыбающаяся, солнечная весна. Зазеленела молодая травка, приветствуя весну, запели птицы. Давно уже под щедрым солнцем раскрылись розы, только одинокий Куст не улыбался весне. Он стоял почерневший, голый и ничего не слышал, лишь где-то глубоко-глубоко в корнях еще теплилась жизнь.

Как-то мимо него проходили Марьям апа с дочерью. Девочка, увидев Куст, воскликнула:

— Ой, мама, мама! Наша роза погибла!

— Да, кажется, и вправду пропал Кустик, — сказала мать.— И ручеек, что рядом протекал, тоже высох. Надо бы вычистить его и воды пустить. Может быть, еще расцветет наша роза.

— Ох, мама! Как бы я хотела, чтобы наш Куст зацвел!

Девочка с матерью прочистили ручеек и пустили чистой воды.

К вечеру прилетел Соловей. Он сел на сухую ветку Большого Куста и громко запел:

— Привет тебе, Весна! Я знал, что ты соскучилась по мне. Как хорошо жить! Утром я пел в сказочном цветнике девочки Халимы. Как прекрасно там!

Куст еле заметно вздрогнул, словно по нему пробежал легкий ветерок.

Соловей снова запел. Его чистый голос поднимался до небес, будил спящих людей, наполнял прелестью жизни утро земли.

— Да, да, как прекрасно жить! — присоединялись к его песне люди.

Куст вдруг тряхнул ветками. Он почувствовал, как по его стебелькам заструилась живительная влага и стали наливаться почки.

Еще долго пел Соловей, и, наконец, устав, задремал.

Он не увидел, как лопнули почки, как голые сучья ожили и покрылись нежной листвой, как распустились первые бутоны.

Вот в листьях зашуршал предутренний ветерок, зарозовело небо, и первый луч солнца коснулся Куста. Он шумно вздохнул, и всеми своими ветками потянулся к солнцу. Бутоны, шелестя, стали разворачиваться, и весь Куст покрылся душистыми розами.

Проснулся Соловей и удивился:

— Какие пышные розы! Как же вчера-то я их не заметил?

— Это ты пробудил меня к жизни! — хотел сказать Розовый Куст, но, смутившись, загорелся румянцем.

Опьяненный запахом цветов, Соловей залился так нежно, так страстно! Потом вспорхнул и улетел.

Вот однажды к Кусту подошли Халима с матерью.

— Мама! — радостно воскликнула девочка, захлопав в ладоши, — смотри! Наш Куст зацвел и стал красивей, чем раньше!

— И правда! — изумилась мать. — Доброе дело, труд никогда не пропадают даром.

Она сорвала самую красивую розу и приколола к волосам маленькой Халимы.

Перевод М. Махмутова.

СЮМБЮЛЬ

Посмотри-ка на удода — какая нарядная птица! Приветствует каждого, идет важнее важного. Головой кивает, крыльями помахивает, по сторонам поглядывает. А хохол на голове красивый-красивый, словно царская корона. Да не простая корона, а волшебная. Она то распухнет веером, то, не успеешь и глазом моргнуть, сложится.

Не корона — просто загляденье!

А вот люди говорят, что в старину не было на удоде такой красивой короны. Вы спросите, откуда, мол, появился у него этот роскошный хохолок? Потерпите, не спешите. Это только начало сказки. Пока мы дойдем до конца, и хохол успеет вырасти.

Сказывают, давным-давно жила-была девочка. Она была круглой сиротой. Звали ее Сюмбюль. Сюмбюль знала много хороших песенок и очень хорошо пела. У нее были длинные, до самого пояса, и черные, как смоль, волосы. Девочка заплетала их в сорок блестящих косичек. А жилось ей трудно-трудно. Никто не жалел сиротку. Работала у кого придется. Сегодня у одного, завтра у другого хозяина. Что зарабатывала за день, едва хватало один раз покушать.

И вот как-то к Сюмбюль зашла одна богачка. Туфли со скрипом, шелковое платье шелестит, на пальцах перстни блестят.

Не успела войти, как начала притворно ласковым голосом хвалить Сюмбюль и заманивать ее:

— Идем ко мне! Кормить, поить буду. У меня ты заживешь по-новому. Пойдешь — не покаешься. Голосок у тебя певучий. Работать не заставлю. Только песнями своими развлекать будешь меня.

Обрадовалась Сюмбюль такому обещанию и согласилась. Да и как же не согласиться? Ведь у этой байбики даже собаки и те плов едят. А куры у нее, говорят, каждый день яйца несут.

И пошла Сюмбюль к ней работать. Шли-шли они и пришли к богатому дому. Вошли в просторный двор. Посмотрела девочка вокруг и рот раскрыла

от удивления. Уж очень красиво там было. Росли кусты красных роз. В тени, под зелеными листьями орехового дерева, было земляное сэке¹. На нем разостланы ковры, а на них, словно крылья бабочки, — желтые и голубые одеяла. На одеялах — атласные подушки.

Увидела это Сюмбюль и прошептала:

— Эх, вот где рай-то! Тут уж я поживу, отдохну, порадуюсь.

А на ветвях фруктовых деревьев висели клетки с перепелками. Увидели они девочку и все враз пропели такую песенку:

Потеряли волюшку,
Видим только горюшко!

Вот байбикя сняла свою накидку и приказала Сюмбюль:

— На, повесь в комнате!

Девочка отнесла накидку в дом.

— А ну, разуй меня! — снова крикнула хозяйка.

Сюмбюль исполнила приказание.

— Теперь полей на руки!

Девочка принесла воды и полила байбике на руки.

— Иди, ставь самовар!

И самовар был подан на сэке. Байбикя забралась с ногами на одеяло, облокотилась на атласные подушки и стала пить чай. А Сюмбюль стояла возле нее — песнями развлекала. Тут она и поняла, что значит:

Потеряли волюшку,
Видим только горюшко!

Так все и пела, пока злая хозяйка полный самовар чаю не выпила.

— Свари плов! — снова приказала байбикя.

Девочка сварила плов и поставила его перед хозяйкой. Набегавшись, Сюмбюль и сама кушать захотела, но злая байбикя знай покрикивала:

¹ Сэке – в комнате – нары. Во дворе – насыпь, возвышение.

— Пой, пой. Когда я ем, люблю слушать песни. Хозяйка все ест да ест. А девочка-сиротка перед ней стоит и песни поет, развлекает. И так до самого вечера.

Вот уже и солнце закатилось. Совсем стемнело. Поела байбикя и опять пить захотела. Снова — самовар. А когда чай весь был выпит, байбикя спать захотела.

— Я сейчас спать лягу, а ты мне пой колыбельную песню. Пой до тех пор, пока не усну. Плов отдай собакам. А что от них останется, сама съешь.

И вот хозяйка захрапела. Сюмбюль быстренько отнесла плов собакам. От непрерывного пения, беготни и криков девочка так устала, что, несмотря на страшный голод, сразу же повалилась на землю и уснула крепким сном. А назавтра опять весь день пела и прислуживала.

Проходили дни, недели, месяцы. Сиротка работала до упаду. Она уж совсем из сил выбилась. Еле-еле на ногах держалась.

Однажды Сюмбюль стала упрашивать хозяйку:

— Байбикя, отпусти меня на могилу отца-матери. Посижу я там немного, отдохну. Может, силушки наберусь.

— Что ты там не видела? Знай свое дело. Сиди дома! — резко ответила та и ушла в гости.

Оставшись одна, Сюмбюль собралась помыть голову. Она расплела свои чудные косы и, собрав их узлом, закрепила гребенкой. Потом села и запела песни о нерадостном житье своем. А на крышу дома сели удода.

— Ой, пташки-пташечки, — обратилась с песней к птицам Сюмбюль, — у вас есть крылья, чтобы улететь, широкие просторы, — есть где порезвиться. У вас есть друзья-товарищи, — есть с кем поиграть. Какие вы счастливые!

И как раз в эту минуту над головой маленькой Сюмбюль загремел голос вернувшейся байбики:

— Ты еще смеешь жаловаться на свое житье? Вот я тебе покажу, как жаловаться!

Она схватила тяжелый чугунный кумган¹ и стала размахивать им.

«Эх, если бы я была птицей, улетела бы от злой хозяйки»,— подумала Сюмбюль.

И только успела подумать, как вдруг превратилась в птицу. А большая гребенка, которой она волосы закрепила, стала красивой короной.

— Ты никуда от меня не скроешься! Я тебя везде найду. Узнаю по щегольскому хохлу! — кричала байбикя, гоняясь за девочкой-птицей.

Куда удода, туда и байбикя. Так и гонялась все время, — искала птицу с красивой короной.

И вот однажды старая и мудрая птица сказала:

— Эх, кабы и у нас были такие короны, как у Сюмбюль! Тогда старая ведьма не могла бы найти нашу сестричку Сюмбюль.

— Да, да! В самом деле! — закричали удода.

Щебеча, они полетели к речке. Думали, думали и, наконец, придумали. Каждая птица смочила себе голову водой и стала ерошить перышки на макушке. Долго трудились, и к вечеру перышки у них стали топорщиться. Всю ночь напролет трудились, и к утру на голове у каждого удода выросло по красивой-красивой короне.

Старая птица обрадовалась:

— Удивительно хорошо, удивительно хорошо!

— Очень даже хорошо! Очень даже хорошо! — дружно пропели остальные.

Вот как появились на головах удодов хохолки. А злая байбикя, говорят, ходила-ходила по лесу с кумганом в руке, да так и не нашла Сюмбюль.

Перевод М. Махмутова.

¹ Кумган – кувшин для умывания.

НАХОДЧИВЫЙ ДЖИГИТ *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ахмед.
Гали - брат Ахмеда.
Девушка Зухра.
Шайхулла бай.
Акбай – собака Ахмеда.
Шурале - лесной царь.
Старые шурале.
Шуралята.
Юнус бай.
Латыф бай.
Ибрагим бай.
Байбикя – жена Шайхуллы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лес. Щедро освещая окрестности своими лучами, улыбается луна. Стоит Зухра с ведрами на коромысле, вокруг нее пляшут звезды. Кланяются цветы. Кругом все ликует. На переднем плане, под деревом дремлет Ахмед. Он улыбается во сне... Вдруг начинается темнеть, порыв ветра, вой, визг. Звезды с Зухрой исчезают. Через сцену, прыгая, свистя и гогоча, проносится группа шуралят во главе с лесным царем. Снова все затихает.

А х м е д (*проснувшись, вскакивает*). Кажется, я немного вздремнул... Какой чудесный сон прервали эти проклятые шурале. А где же мой братишка? Как бы на этих окаянных не напоролся. (*Зовет.*) Гали... а-а-у-у... Гали... Гали — эй, слышишь? Акбай!.. Где вы? (*Раздается близкий лай собаки и ответ Гали: «Ау-у, Ахмед абый!»*) Бегите скорее!.. Не видите разве, как разбесновались эти черти?

На сцену с лаем вбегают собака Акбай, а за ней Гали с двумя маленькими ведерками, в которые он собирал малину.

Г а л и. Ахмед абый! Смотри-ка, сколько у меня малины! А ягоды-то какие! (*Показывает.*) Каждая — почти с куриное яйцо! Эх и много их вон в том кустарнике! (*Свистит.*) Не соберешь... Попробуй-ка, абый! Язык проглотишь!

* Отрывок из поэмы- сказки.

А х м е д *(собаке)*. Акбай, а где твои ягоды?

А к б а й. Ам... ам! *(Шлепая себя по животу.)* В красном кузове, дядя Ахмед. Надежно — не рассыпятся.

Г а л и. А как он там шуралят пугал, у-у-у-у... хватъ, хватъ за ноги и за бока!.. *(Смеется.)*

А х м е д. Я беспокоился за вас — уж очень эти шурале разыгрались, всех тут спугнули... Обломать бы за это им рога.

Собака завывала, глядя на луну.

Г а л и. Акбай, что ты увидел?

А х м е д. Дружок мой, Акбай, не лай на луну! Не надо. *(Садится на бревно и гладит собаку.)* Вон, видишь девушку на луне?

А к б а й. Да, да. Вижу.

Г а л и. Это же девушка Зухра, дядя Ахмед.

А х м е д. Да, верно. Слушайте: я расскажу грустную историю про эту девушку. Давно, очень давно это было. Зухра жила со своей мачехой. Мачеха очень не любила девушку. Она давала ей огромные ведра и гнала на реку. Зухра должна была наполнить водой бездонную бочку. А ведь в такую бочку воды не натаскаешь! Но Зухра не могла перечить мачехе. Она таскала и таскала воду.

А к б а й *(всхлипывая)*. Бедная девочка...

Г а л и. Эту историю я тоже очень хорошо знаю, абый...

А х м е д. *(продолжая)*. Таскала до тех пор, пока не смогла двигаться. Но вот однажды обратилась девушка к луне: «Луна, сказала она, плача, — милая моя, далекая моя луна! Возьми меня к себе. Пожалуйста. А то я умру от усталости».

Г а л и. И добрая луна взяла ее к себе. *(Указывая на луну.)* Во-он она стоит. Вон ее коромысло на плечах и огромные ведра.

А х м е д. Она пожалела сироту.

А к б а й (*жалобно*). Посмотрю я на нее, и сердце мое песье сжимается. Подкатывают слезы и начинаю выть. Я ж не умею петь так, как ты, Ахмед абый. Обязательно начинаю выть... Ахмед абый, ты всегда смотришь на луну и поешь. Спой-ка, Ахмед абый.

Г а л и. Эту песню я тоже знаю. Абый, абый! Хочешь спою? А ты сыграй. (*Дает свистульку.*)

А к б а й. Нет, нет, пусть Ахмед абый поет.

А х м е д. Я устал, пока рубил лес для своего Шайхуллы бая. Ну-ка, Гали, спой ты. Гали (*поет*).

Полная в небе

Смеется луна.

Мысль мою, видно,

Знает она.

Звездочки тоже

Мигают, дразня,

Тоже чего-то

Ждут от меня.

Слушайте, люди,

Внимайте, друзья!

Полон сегодня

Думами я.

Слово даю я

При всех — на миру —

В том, что достану

С неба Зухру.

А х м е д. Смотри-ка, как ты хорошо поешь, малыш.

Г а л и. Сыграть Акбаю плясовую?

А х м е д. Нет. Поздно уж теперь. Иди домой, Гали.

Г а л и. А ты, абый?

А х м е д. Я не пойду. Нужно еще нарубить дров хозяину.

Г а л и. Абый, тебе, наверно, страшно одному? Пусть Акбай остается с тобой. Он шурале будет пугать. Ладно, Акбай? (*Акбай рывкает, выражая согласие.*) Ну скажи — ладно. Ладно?

А к б а й. Ладно, ладно, ладно. Я не боюсь шурале.

А х м е д. Ну хорошо... Гали, видишь там людей, они тоже за ягодами пришли, теперь собираются домой. Иди догони их. С ними вместе пойдешь.

Г а л и. Абый, я продам ягоды, ладно? Ведь у нас дома хлеба нет. Сменяю на хлеб.

А х м е д. Ладно, Гали, отнесешь Шайхулле баю. Смотри, чтоб не надули.

Г а л и. Пусть только попробуют! Пока, абый, я пошел. (*Убегает.*)

А к б а й (*вскочив, указывает на луну*). Смотри-ка! Смотри, абый! Что это? Что?

Вскочил и Ахмед. Медленно открывается лунное окно и оттуда высовывается З у х р а. Она поет. Ахмед стоит и слушает, как зачарованный.

З у х р а (*поет*).

В лампе масла нет, чтобы зажечь,

Хлеба нет, не вытоплена печь.

Трудится джигит на богача,

Не имея времени прилечь.

Если б в небе я была и днем —

Свет сиял бы мой на пути твоём,

Я б тогда трудилась для тебя

Со звездой-соседкою вдвоем.

Лунное окошко закрывается.

А х м е д (*встрепенувшись*). Зухра, друг мой! Потерпи немного. Скоро и у меня будет свой участок земли. Земля хлеба родит, тогда я тебя возьму к

себе. *(Собаке.)* Пойдем, Акбай, дров нарубим Шайхулле баю. В руках — силища. В душе теперь ярости больше. Горы ворочать могу. Ну-ка, дружок, шагай!

Быстро уходят. Через небольшой промежуток времени с разных сторон появляются: Шурале — лесной царь, старый шурале и два шураленка. Начинается танец. Старые шурале щекотят шуралят, последние кружатся, кувыркаются по земле, затем сами принимаются щекотать старших.

Шурале *(перестав танцевать)*. Кто-то идет. После будем вас учить. Уходите. Если это человек, я один его встречу. Оди-и-ин, хи-хи! Давненько никого не видал. Ха-кха-ха... *(Старый шурале и шуралята удаляются. Шурале потирает руки.)* До смерти защекочу-у... Хо-хо! Запрыгает у меня, завертится, хи-хи-хи... Ах-ха-ха... *(Прыгает в кусты.)*

С топором в руках входит Ахмед. Поет.

Пойте, птицы,
Позвончей пойте, птицы,
Пойте вешнюю зарю-заряницу.
Чтобы песня правды птицею взмыла,
Оглашая черный лес, лес дремучий.
Чтобы кровь огнем струилась по жилам,
Силой новой — молодою, кипучей.

А х м е д. Подкрепиться пора. *(Не успел он поднести кусок ко рту, как незаметно подкравишийся Шурале вырывает у него краюшку из рук.)* Вот тебе на! Тьфу... Тьфу... Тьфу... Напугал как, чучело лесное! *(Разглядывая Шурале со всех сторон.)* Что за страшилище? И хвостатый, и волосатый, и рогатый. Тьфу! И совсем голый, противный! *(Шурале в это время начинает хихикать.)* Мастер ты хохотать. Кто ты? Шайтан? Джин?

Ш у р а л е (*растопылив длинные когтистые пальцы и играя ими очень искусно*):

Пальцы длинные имею,

Ими я владеть умею.

Если только захочу,

Хоть кого защекочу:

И невесту, и мальчонку,

И слепого старичонку,

Хоть кого защекочу.

Даже бай мне по-плечу.

Не боюсь ничуть джигита,

Без оглядки побежит он.

— Хо-хо — заставлю кричать.

— Ту-ту! — заставлю плясать.

Ну, узнал меня, молодец?

А х м е д. Как не узнать: Шурале бай, лесное чудовище.

Ш у р а л е. Струсил?

А х м е д. Мы не из трусливого рода. Если хочешь знать, мой пра-пра-пра-прадед сам до смерти защекотал твоего пра-пра-пра-прадеда.

Ш у р а л е. А ты видал?

А х м е д. Я каждый день вижу рога и копытца твоего пра-пра-пра-прадедушки. Мой пра-пра-пра-прадедушка на память мне их оставил. Я их в змеином соку храню: не испортятся.

Ш у р а л е (*смеется*). Ты, парень, видать, мастак пыль в глаза пускать.

А х м е д. Мы и пылью богаты, и песком, и за словом к соседу не пойдем. И избушка у меня есть, огороженная ветром, да и та покосилась. До сих пор не знает, в какую сторону свалиться, и до сих пор стоит. Повалится влево — обидится ветер, повалится вправо — боится придавить крапиву.

Ш у р а л е. Ай, как замечательно! Ай, твою смерть некому оплакивать. Ну, тогда давай в «кити-кити» поиграем, в щекотульки! *(Хихикая.)* Посмотрим, как ты ловок в этом деле!

А х м е д. Поиграем, поиграем, Шурале бай! Давай сперва расколем вот это бревно. Оно очень толстое, а тележка моя маленькая — не поместится.

Ш у р а л е. Зря стараешься, парень. Все равно этих дров тебе домой не везти. *(Хихикая.)* Разве вырваться тебе из когтей лесного джина? Эх ты, дуралей, дуралей!

А х м е д. Ну, ну!.. Помолчи, чучело лесное. *(Подмигнув.)* Если бревно ляжет в телегу, телега сама и покатится домой. Эй, ну-ка! Помоги! *(Всадил клин в щель бревна.)* Теперь вот клин выну, ты засунь сюда пальцы. Да смотри, поглубже. И старайся, чтоб щель не замкнулась. Понял, лесной черт?

Ш у р а л е *(смеясь)*. Ай, джигит! Плохо ты силу мою знаешь! Я не только сомкнуться не дам... Я руками это бревно могу разодрать. Вот, смотри! *(Сунул руки в щель, Ахмед моментально выдернул клин. Шурале успел выдернуть одну руку, а пальцы другой застряли в щели. Он заорал.)* Ай, ай!..

А х м е д. Попался, лесной черт! Вот, как со мной в щекотульки играть! Ха-ха-ха!..

Ш у р а л е. Ай-а-а... Погиб, пропал. Сжался, не погуби.

А х м е д *(смеясь)*. Не погуби? Ведь ты сам хотел меня до смерти защекотать.

Ш у р а л е. Ай-а... Нет, нет... После этого я тебя и пальцем не трону. И детей твоих не трону. И детей твоих детей не трону. Спаси, освободи!

А х м е д. Пой-пой. А мне некогда тебя слушать. Ну, прощай!

Ш у р а л е. Постой. Не уходи, бессердечный... Скажи только, кто ты? Как тебя зовут? Когда придут мои друзья, чтоб я им мог назвать имя моего врага.

А х м е д. Ладно уж, так и быть, скажу. Меня зовут Прошлогод. (Слышится собачий лай.) Сейчас, сейчас, Акбай. (Достает из кармана сверкающий нож, подходит к Шурале.) Мне нужен кончик твоего рога. Народ говорит, что вся сила твоя в рогах и если у тебя хоть кончика рога не будет — пропал ты тогда совсем... (Отрезает.) Чудесно! Теперь ты не можешь быть властелином лесов. Твои черти перестанут бояться тебя. (Быстро уходит.)

Шурале начинает свистеть. Вбегает старый шурале и смотрит, пораженный от удивления. Шурале старается скрыть, что у него отрезана половина рога.

Ш у р а л е. Что ты остолбенел, дурак?! Помоги скорей!

С т а р ы й ш у р а л е (опомнившись, свистит. Вбегают шуралята). А нуте-ка, выручим лесного царя. (Хватает за хвост Шурале.) Держитесь за мой хвост. (Цепляются за хвосты, друг друга, образуя длинную цепь.) Крепче! Вот, вот, так! Сильнее тяните. Хорошенько старайтесь, не то я вас поколочу! Давайте нашу песню завоем, легче будет. Начинаем! (Все поют.)

Пики дубов.

Хай! Хай!

Суп из грибов.

Хай! Хай!

Ш у р а л е (визгливо кричит). Караул! Хвост трещит. Оторвете, эй!

Старый шурале выпускает его хвост из рук, и вся цепь падает на землю.

С т а р ы й ш у р а л е (поднимаясь на ноги). Да, да, ты прав! Хвост оторвем, а пальцы останутся в щели. (Пробует раздвинуть щель, но безуспешно.) Ой-ой... Слушай-ка. А кто тебя прищемил?

Ш у р а л е. Один человек по имени Прошлогод.

С т а р ы й ш у р а л е. Человек?! Если тебя прищемил человек, то мы ничем тебе не поможем... Тебя освободит только он, человек.

Ш у р а л е. Но не всякий человек согласится спасти меня. Освободит тот, кто любит золото.

С т а р ы й ш у р а л е (смеясь). Золото для всех людей приятно. (Уходя, говорит шуралятам.) До моего возвращения дуйте на пальцы царя нашего, чтобы не ныли.

Уходит. Шуралята подходят к чурбану и начинают дуть на прищемленные пальцы Шурале. Через некоторое время возвращается старый шурале, шуралята уходят.

Ш у р а л е. Где? Что? Ну?

С т а р ы й ш у р а л е. Пастуха встретил. Милый, говорю, всю жизнь будешь есть бялиши, пойдем в лес, освободи, говорю, нашего лесного царя из капкана.

Ш у р а л е. Ну, ну?

С т а р ы й ш у р а л е. А он говорит: пусть подышает твой лесной царь. И без бялишей, говорит, проживу.

Ш у р а л е. Ах, погибну я!..

С т а р ы й щ у р а л е. Не спеши, не спеши-ка... Бедного крестьянина встретил. Эй, любезный, говорю. Хочешь всю жизнь пить кумыс и молодой кобылятиной закусывать? Хочу, говорит. Я обрадовался и зову его: пойдем лесного царя от смерти спасать.

Ш у р а л е. Где он? Давай его сюда!

С т а р ы й ш у р а л е. Замахнулся он на меня своей косою и закричал: Проваливай ты вместе со своим лесным чертом. Душа моя не продажная!

Ш у р а л е. Ах, настал мой конец...

С т а р ы й ш у р а л е. Погоди-ка, погоди. Не реви. Встретил я еще одного, бая, он возвращался из мечети. Шайхулла бай, говорю, хочешь разбогатеть?..

Ш у р а л е. Ну, ну, ну?..

С т а р ы й ш у р а л е. Ах! — вздохнул Шайхулла бай. Мечта моя — разбогатеть. Мне золото дороже души, говорит он. (Проходит Шайхулла, опираясь на палку. На его голове большая чалма.) Вот он и сам пришел. Теперь и без меня договоритесь. (Уходит.)

Ш у р а л е (заметив, что Шайхулла боится). Не бойся, я же Шурале — лесной царь.

Ш а й х у л л а. Шурале, говоришь? Так вот какие они, эти шурале. Да-а, кто ж тебя в такую ловушку заманил?

Ш у р а л е. Злодей по имени Прошлогод... Ах, дорогой, если спасешь меня от ужасной смерти, я озолочу тебя, дам несметные богатства.

Ш а й х у л л а (изменившись). А?! Что ты сказал? Озолочу, говоришь? Обогащу, говоришь? Богатства... Хе-хе-хе... (В сторону.) Да, дело говорит он! И правда, почему бы не попробовать? Неплохо было бы, если б золотой клад попал ко мне в руки. (Ближе подойдя к Шурале.) Да... Как там тебя защемили? Крепко сидишь?..

Ш у р а л е. Будь добрым, ласковым...

Ш а й х у л л а. Где пахнет золотом, там Шайхулла бай и добр, и мил, и ласков. Хе-хе-хе! Ай-яй, люблю я бялиши. Люблю я масляные блинчики. Люблю молодую кобылятину, кумыс и крепкий медок. Скажи-ка, моя пташечка, что обещаешь своему избавителю?

Ш у р а л е. Верным другом буду.

Ш а й х у л л а (смеется). Хе-хе-хе! Э, насмешил. Деньги будут — друзья будут, душа моя. Денег нет — и друзей нет, мой жаворонок. Брось-ка ты говорить о пустяках. Шайхулла бай любит дело. Да, да, да... Вот что, мой липовый медок! Иди ты ко мне в работники. Будешь послушен, как пес. (Загибает палец.) Раз.

Ш у р а л е. Ладно, ладно, скорей, умираю!

Ш а й х у л л а. Еще вот что. Служба — бесплатная. Это — два.

Ш у р а л е. Говори скорее, что еще?

Ш а й х у л л а. Есть не проси. Это — три.

Ш у р а л е. Дальше.

Ш а й х у л л а (*почесывая бороду*). Старуха моя терпеть не может болтливых работников. Если согласен — это четыре.

Ш у р а л е. Согласен же, согласен, ох...

Ш а й х у л л а. Ну и я согласен. (*Освобождает Шурале.*)

Ш у р а л е (*прыгая по сцене*). Ох-ох-ох-ох... Погубил он мои пальцы, этот злодей... погоди, я тебе еще покажу...

Ш а й х у л л а. Ну-ка, не реви. Подставляй-ка плечи да и марш ко мне домой.

Шайхулла садится верхом на Шурале. Скрываются.

ЗАНАВЕС

Перевод С.Ибрагимовой.

Ахмет Исхак

1905-1991

КАК СЮМБЮЛЯ УЧИЛАСЬ СЧИТАТЬ

Сюмбюля у нас взрослеет,
до пяти считать умеет:

Раз,
 два,
 три,
 четыре,
 пять! —

Стала правильно считать.
— Ну, теперь — до десяти!

Она спросила:

— От шести?

И закричала весело:

— Шесть,
 восемь,
 семь...

И — десять! Вот!

Тут Восьмёрка-тараторка
вышла, радуясь, вперёд:
— Я теперь перед Семёркой
встану, не наоборот!

А Семёрка грустила:

— Странные порядки!

За Шестёркой я стояла,
не перед Десяткой...

Плача горькими слезами,
им Девятка смотрит вслед:

— А меня-то не назвали,
мне — и вовсе места нет...

Эти жалобы услышав,

Мы сказали цифрам:

— Тише!

Станьте, как должны стоять,
мы поучимся считать.

Побежим, как с песенкой,
вприпрыжку по лесенке:

— Шесть,
семь,
восемь,
девять,
десять —
И всё будет правильно!

Перевод Н. Беляева.

Ибрагим Гази

1907-1971

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ*

В солнечные дни капали с крыш тяжёлые холодные капли. Ожили наголодавшиеся и намёрзшиеся за долгую зиму воробьи: собирались стаями и шумно чирикали, рассевшись по веткам, по нагретым солнышком застрехам, либо прыгая по кучам навоза. Коровы выбирались на улицу и грели на солнце спины. В один такой тёплый и ясный день Халим прибежал из школы раньше обычного.

— Мама!

— Что случилось? Чего ты кричишь?

— Мама, к нам в деревню приехали какие-то люди... на паре лошадей! А кнут у ямщика... ну, прямо отсюда до самой улицы длиной, честное слово, не вру! Тянулся по снегу, как змея. Мам, смотри, что у меня есть.

Он показал приколотую у него на груди с левой стороны красную ленточку.

— Вот! Всем ребятам дали.

Фатима в это время расчёсывала свои длинные волосы; они закрывали ей лицо. Раздвинув обеими руками густые чёрные пряди, мать поглядела на сына.

— Ну, что там у тебя? Что это за лоскут? Халим гордо выпятил грудь.

— На, потрогай!

— Ай, погоди ты! Стой спокойно, не толкай меня... Ленточка хорошая, красивая.

— В школе дали. Правда, красиво? А царя прогнали.

— Что?! Что ты болтаешь? Кто тебе сказал?

— Прогнали. Учитель сказал. Мама, ну, правда, красивая лента?

* Глава из повести.

— Да, подходящая. Можно волосы завязать. Может, дашь мне? — Фатима потянула ленточку за конец.

— Ай, какая! — Халим попятился. — Не велели снимать. У тебя другие есть.

— Ну, ладно, не приставай. Снимай бешмет.

— Пустишь поиграть?

— Иди, только не надолго.

Халим убежал. От его лаптей остались на полу мокрые, грязные следы. Фатима заплела волосы, закрутила косы в узел. Потом подтёрла тряпкой пол, ворча: «Сорок дел не переделано, а он, гляди, ещё работы прибавил».

Мальчишки играли возле моста в снежки. Все разгорячились, запыхались. У каждого на груди красный бант. Мальчуган в ушанке бросил из окопа «бомбу», остальные с криком «ура!» пошли на него в наступление.

Халим наскоро скатал из снега несколько «бомб» и тоже ринулся в бой. По нему тотчас открыли «беспощадный огонь». Но он и не думал сдаваться, наоборот, палил по врагу ещё яростней. «Ур-ра-а!» Твёрдый ком снега угодил ему в щеку. Ничего, в пылу сражения боли не чувствуешь! Враги выскочили из окопов и бросились на него. Забрали в плен и повели на расстрел. На его счастье подоспела подмога с нижнего конца деревни. Спасли его от неминуемой гибели.

Сражение кончилось, но тут кто-то предложил:

— Давайте играть, как царя скинули.

— Давайте!

— А кто будет царём?

Царём быть никому не хотелось: ясное дело, и в снегу изваляют, и тумачков хороших надают. Явился, однако, в это время вынужденного безвластия черномазый мальчишка с верхнего конца. Его и сделали царём. Обещали, что по-настоящему бить не станут. Усадили на снежный трон. Малый выкатил глаза и пошёл ругаться почём зря...

Недолго пришлось ему шуметь. Халим первый бросил в него «бомбу», а за Халимом и все остальные.

— Ах вы, голоштанники! — завопил царь, полагавший, что ругаться надо без передышки.

«Бомбы» сыпались дождём.

— В Сибирь всех упеку! Вы что делаете?

Ребята вошли в азарт и забыли о своём обещании. Чем громче кричал и грозился «царь», тем больше ему доставалось. Пошли в ход «тяжёлые снаряды». Кто-то вlepил царю в лоб ледяным комком. Царь расsvирепел, соскочил с трона. Отшвырнул попавшую под ноги мелюзгу и, не успев отречься от престола, спрятался под мостом.

Долго ещё галдели у моста ребяташки. Синяков друг другу наставили немало, кто разбил колено, кто шапку потерял и не мог найти, потому что уже совсем стемнело. Но всем было весело, у всех горели щёки. Нехотя расходились по домам. Из освещенных окон тянулись по снегу жёлтые полосы.

Когда Халим вернулся, отца ещё не было. Впрочем, скоро звякнула в сенях щеколда, заскрипели половицы под ногами Галиуллы. Он вошёл в избу, внеся с собой струю холодного воздуха. Разделся, потёр озябшие руки, присел возле Халима на нарах.

— Что это у тебя со щекой?

— Бомба попала.

— Бомба?

— Ага. Мы сегодня царя прогоняли. Одному парню нос разбили до крови.

— Глупец ты... А если бы в глаз попали? — Галиулла повернулся к жене.
— Скоро там чай у тебя? Замёрз я.

Фатима вытерла руки о фартук, подошла к мужу.

— Стало быть, правда?

— Да вроде бы... Эти, что из волости на паре лошадей прикатили, сказывают, уж неделя прошла, как без царя живём.

— Ну и дела...— протянула Фатима.— Может, теперь-то, без царя, и война кончится, переменится всё к лучшему?

— Кто его знает... Народ всё забирают. Думаешь, вместо этого царя другой не найдётся?... <...>

Перевод Л. Лебедевой.

Гариф Галеев

1903-1985

ЛЕТОМ В НАШЕМ ДВОРЕ

Жаркое июльское утро. Я выхожу на крыльцо, оглядываюсь. Двор кажется безжизненным, его обитатели прячутся в тенистых уголках. Я не спеша обхожу свои владения. У стены сарая на траве лежит пёс Актабан. Глажу его по загривку, он открывает глаза, чуть шевелит хвостом. Шерсть у него горячая. И тень не спасает от жары.

Под навесом дремлет курица Пеструшка. Весной мама посадила её на утиные яйца. Пеструшка вывела утят и старалась добросовестно выполнять свои обязанности матери. Но дети оказались непослушными — их, как магнитом, притягивала речка. Пеструшка, наверно, лежит сейчас и думает: «У всех дети как дети, а у меня — одно наказание».

Есть во дворе и курица с настоящими цыплятами. Она косо посматривает на Пеструшку и её странное семейство, наверно, осуждает: что это за дети, которые совсем не похожи на мать. Маме очень хотелось развести уток, и она своего добилась таким необычным способом.

Я обнаруживаю в разных укромных местах ещё восемь куриц и петуха с огненно-красным гребнем, яркими перьями. Мама говорит, что он приносит большую пользу — будит людей по утрам.

Есть в нашем дворе и гусиная семья, она весь день проводит у речки. Гусыня гордая, важная, никого к своим детям близко не подпускает.

— Актабан! — кричу я. — Пойдём на речку!

Актабан нехотя поднимается, трясёт головой. Ему не хочется выходить на солнце, но я знаю, что от меня он не отстанет.

Вечером, когда спадёт жара, наш двор начинает оживать. С пастбища возвращается телёнок. Мама наливает в корыто воду, подбелённую, молоком. Телёнок жадно начинает пить. С другой стороны к корыту подходит Актабан, начинает лакать. Это телёнку не нравится, он сердито машет хвостиком,

бодает непрошенного гостя, Актабан отскакивает, беззлобно лает. Потом направляется к воротам, ложится у калитки и внимательно смотрит на прохожих, на коров, возвращающихся с пастбища домой. Раздаётся его весёлый лай — значит, показалась наша корова. Актабан её побаивается, держится в сторонке. Зато телёнок не отходит от неё ни на шаг. Корова вечером много ест и много пьёт. Потом мама начинает её доить. Наш серый кот тут как тут — ждёт парного молочка.

Наша корова даёт много молока, его хватает всем: мне, папе, маме, бабушке, телёнку и коту.

— Не дам тебе сегодня молока, разбойнику,— ворчит мама, обращаясь к коту.

Кот провинился: опрокинул вчера кувшин с молоком. Он осознаёт свою вину, подходит к маме, ластится, трётся о её ногу, будто прощения просит.

Недавно наш кот прославился на всю деревню. Всё началось с того, что на птицеферме стали пропадать цыплята. Пропадали они ночью, когда все двери были закрыты. Вскоре выяснилось, что их крадут крысы. На ферме поставили капканы, в них попало несколько крыс. Но цыплята всё равно пропадали. Тогда птичница Салима пришла к нам и попросила кота на время.

— Он у вас такой крупный, всех крыс переловит, — говорила она.— Вся надежда на него.

Мы, конечно, дали ей кота. На ферме он прожил несколько дней. Нагнал на крыс страху, задание выполнил, но птичница однажды застала его на месте преступления: он сам съел на её глазах цыплёнка. Салима принесла его к нам обратно и сказала:

— Возьмите своего разбойника. Я-то на него понадеялась...

Мы с мамой долго сердились на кота, но в конце концов простили его. Всё же он принёс птицеферме больше пользы, чем вреда. Мама боялась, что после своих подвигов на ферме он захочет полакомиться нашими цыплятами и утятами. Но её опасения оказались напрасными. Кот на эту живность не

обращал внимания. Его больше привлекали воробьи и голуби. За ними он охотился упорно, старательно, но безуспешно.

После дневного безделья Актабан носится по двору, старается втянуть в игру то телёнка, то кота, то куриц. Но в игру с ним вступает только телёнок. К коту не подступиться: выгнет спину дугой, угрожающе поднимает лапу, глаза вспыхнут, как угольки. Я сижу на ступеньке крыльца, наблюдаю за их поединком. Сердито взглянув, Актабан подбегает ко мне, лает. Я его прекрасно понимаю. «И что это за кот в нашем дворе! — возмущается он.— Я хочу с ним поиграть, побегать, а он смотрит на меня как на врага, того и гляди глаза выцарапает».

— Да, глупый у нас кот, — утешаю я Актабана. — Простых вещей не понимает. А ты у нас очень умный. Оставь его в покое. Полежи рядом со мной.

Актабан послушно ложится у моих ног, лижет мне руку. Ему нравится, когда я его хвалю. По-моему, он понимает каждое моё слово. Но лежать ему уже надоело, он вскакивает, носится по двору, пугает кур. — Ко-ко-ко! — возмущается петух.

Курицы громко жалуются петуху, а Актабан уже лает на шипящую гусыню. И снова подбегает ко мне. «Сам видишь, что происходит, — читаю я в его глазах. — Корова того и гляди стукнет меня копытом по голове или подденет на свои страшные рога. К телёнку меня не подпускает. Съем я его, что ли? А про куриц и говорить нечего...»

— Ничего, Актабан, успокойся. Завтра опять пойдём с тобой на речку. Будем бегать, купаться. Ты мне будешь приносить в зубах из воды палку. На берегу соберётся много ребят, они все тебя любят и с удовольствием будут играть с тобой...

Заходит солнце, и на дворе становится тихо. И мне пора спать. «Жаль, что животные не умеют говорить,— подумал я.— Всё понимают, а не говорят...»

Я сижу на крыльце и не могу понять — утро сейчас или вечер. Из сарая вышла корова, увидела меня, приветливо взмахнула хвостом. Подошла ко мне и сказала:

— Доброе утро. Я научилась говорить. У меня к тебе большая просьба. Скажи, пожалуйста, своему Актабану, чтобы он не пугал моего телёночка.

Странно, но меня совсем не удивляет, что корова заговорила. Как будто так и должно быть.

— Ладно, корова, я поговорю с Актабаном. Не бойся за своего телёночка. Актабан с ним просто играет.

— Я знаю, что играет, но мне всё равно страшно. Ведь Актабан очень похож на волка. Мне всё кажется, что он хочет съесть моего сыночка.

— Он этого не сделает, успокойся. Волки живут в лесу. Актабан охраняет всех нас. Если волки подойдут к нашему двору, он залает, папа проснётся, возьмёт ружьё, убьёт всех волков. Актабан — собака, и собаки телят не трогают.

— Спасибо, ты меня успокоил...— Корова ушла на пастбище. Из дверей сарая выбежал телёнок.

— Привет! — весело сказал он.— А где Актабан? Я хочу с ним поиграть! Я его совсем не боюсь. А мама боится. Говорит, что он волчьей породы.

— Он собачьей породы, а не волчьей, — говорю я. — Актабан! Где ты? Иди сюда!

Актабан подходит и говорит обиженно:

— Какой же я волк! Теперь ты убедился, что ко мне относятся несправедливо. Я всё слышал, что говорила корова.

— А ты в самом деле похож на волка.— Я ласково глажу Актабана по голове.— Но я всё объяснил корове, теперь она не будет бояться за своего сыночка. Можешь играть с ним сколько угодно.

Телёнок и Актабан начали бегать по двору, смотреть на них было приятно. Нашли общий язык. На душе у меня спокойно, весело. Подошла Пеструшка и сказала:

— Я знаю, что мне подсунули утиные яйца. Знаю, что вывела утят, а не цыплят. Но всё равно люблю их как мать и очень боюсь, что они утонут в речке.

— Не утонут, Пеструшка, не волнуйся. Ведь они с рождения умеют плавать. Ты лучше следи за тем, чтобы их не утащил коршун.

— Я слежу. В обиду их не дам... Подошла курица с цыплятами и заявила:

— Пеструшка со своими утятами позорит весь наш двор!

— Нет, не позорит! — горячо возразил я.— Она совершила настоящий подвиг. Вся деревня хвалит её за это.

— А я остаюсь при своём мнении! — сказала упрямо курица и увела своих цыплят в тень.

Я поговорил со всеми курицами по очереди, они тоже жаловались на Актабана, успокоил их, как мог. И вот появился кот.

— Старался, старался, ловил и разгонял крыс по ферме, — сказал он.— Можно сказать, спас всех цыплят от верной гибели, и меня же опозорили на всю деревню, назвали разбойником.

— По-моему, несправедливо,— посочувствовал я коту.— Но ведь это дело прошлое. Не надо было тебе самому есть цыплят.

— Не удержался,— вздохнул кот.— Очень они аппетитно выглядят, эти цыплята...

«Почему ко мне не подходит петух? — забеспокоился я. — Неужели он не умеет говорить?» И в тот же миг я услышал звонкий голос нашего красавца-петуха:

— Ку-ка-ре-ку!

Я проснулся и рассмеялся — какой смешной сон мне сегодня приснился.

Перевод Л. Файзуллиной.

Мирсай Амир

1907-1980

ПЛУТ-ТЕЛЕНОК

Вот и лето пришло. Распустились на яблонях листочки. А меж листьями — маленькие яблочки, точно шарики, зелёные-презелёные. И на вишнях листья развернулись. А меж ними — вишенки, как горошинки, тоже зелёные. И сливы листвою оделись, а меж листьями сливки виднеются, маленькие, как овсяное зёрнышко. Растут яблочки, сливы и вишенки. Вырастут и покраснеют, сладкие станут и вкусные.

Ирек с родителями из города переехали на дачу. Хорошо жить на даче.

Поголял Ирек по саду и на улицу вышел. Видит, девочка стоит маленькая. И телёночек лежит пёстренький у самых ворот, на Ирека смотрит.

Подошёл Ирек к девочке и спрашивает:

— Тебя как зовут?

— Нэля. А ты кто?

— Я Ирек. Я тут живу. Давай пойдём по улице, до самого конца?

Девочка подумала и не согласилась.

— Вдруг заблудимся?.. Улица во-о-он какая длинная. Я боюсь...

А Ирек был храбрый, говорит:

— Вот ещё! Мы пойдём всё прямо, прямо и назад всё прямо. И не потеряемся.

— Да-а, а как мы наш дом узнаем? Домов же много.

Ирек даже рукой махнул: до чего ж недогадливая!

— Ну как ты не понимаешь! Где телёнок лежит? У наших ворот. Значит это и есть наш дом.

— Правда, правда! — обрадовалась Нэля. — Ну, побежим, кто скорее!

И они побежали. Наперегонки. И назад ни разу не оглянулись. А тут собака из соседних ворот выскочила, залаяла на телёночка, тот испугался и убежал.

А Ирек и Нэля этого не видели. Они бежали наперегонки, пока не устали. Потом потихоньку пошли и так дошли до самого конца улицы.

Когда улица кончилась, повернули назад. Идут обратно той же дорогой и видят: дома очень похожи один на другой — все бревенчатые, на окнах цветы в горшочках, и ворота как будто одинаковые.

Ирек успокаивает Нэлю:

— Ничего, ещё немного пройдем, и будет пёстренький телёночек. Около телёночка — наш дом. У нашего дома — ваш дом.

Идут они, смотрят, а пёстренького телёнка всё нет и нет. Встретилась им на пути рыжая корова с большими рогами, а пёстренького телёночка нет. Повстречалась белая коза — длинной бородой трясёт, на них сердитым жёлтым глазом косит. А телёночка всё нет. И улица скоро уже кончится.

Тут гусак из чужого двора вышел, вытянул шею, да как зашипит... Хорошо, бабушка из дома выбежала и хворостиной его обратно на двор загнала.

А когда ещё откуда-то лохматая дворняжка выскочила и громко на них залаяла — не только Нэля, но даже Ирек сильно испугался.

Взялись дети крепко за руки — всё-таки вместе не так страшно. Ох и устали они! И есть хочется. И солнышко вот-вот за лес спрячется.

Нэля тихонько заплакала. Иреку тоже плакать захотелось. Что же делать? Как свой дом найти?

И вдруг... Ой, да это же мама Ирека бежит! И Нэлина мама тоже. Зовут своих деток и соседей спрашивают — не видал ли кто, куда Ирек и Нэля подевались.

Тут уж Ирек не выдержал — заплакал во весь голос и кинулся навстречу своей маме. А потом вытер глаза и сказал:

— Это плут-телёнок виноват. Почему нас у дома не подождал?..

Перевод С.Радзиевской.

Шайхи Маннур

1905-1980

ПОЖАР, СОБАКА И ПОДСОЛНУХИ*

Странное выдалось тогда лето: всё время случалось что-нибудь плохое. Только придёшь в себя от одной беды, как вдогонку уже новая торопится.

Однажды ночью разбудил нас стук в окно и голос Мактый бабая:

— Гайша, Гайша, проснись! Поднимай детей, Юнусы горят!

Он выговаривал всё это спокойно, наверное, чтобы мама чересчур уж не перепугалась.

Из почтения женщина должна молчать перед стариками; вот и получилось, что мама, ни слова не говоря, уже сестру подняла, а Мактый бабай всё ещё стучал в окно. Меня же больше всего поразили бегающие по потолку яркие блики.

— Сынок, — прошептала мама, — скажи Мактый бабаю, что встали мы.

— Бабай! — крикнул я. — Мы проснулись! Встали!

Наскоро собравшись, мама перекинула через плечо большой узел, взяла на руки Шамиля, дала по узлу и мне с сестрой. И все мы вышли во двор. Тут же Мактый бабай и Габдулла абый вбежали в дом и принялись вытаскивать на улицу громоздкие вещи.

У ворот стояла запряжённая лошадь. Мы уложили в арбу наши пожитки. Габдулла абый посадил туда же меня и сестру, и мы поехали в верхний конец деревни. Мама пошла следом.

За околицей Мактый бабай и Габдулла абый торопливо сгрузили наши вещи и поспешили возвратиться назад, туда, где полыхал пожар.

А по всей деревне уже шум, переполох. У околицы собрались женщины, ребятки. Кто плачет, кто аллаха молит, кто ругается.

* Отрывок из повести «Глядя на текущие воды».

Оцепенело сижу на куче вещей и не отрываясь смотрю на зарево. Юнус абый — это ведь отец горлопана Зинната, и горит его дом — совсем рядом с нашим, недалеко от мечети.

Сбившись в кучку, переговариваются между собой старушки:

— Хорошо ещё ветра нет. Тихо, слава аллаху! А не то и мечеть бы сгорела, и половины бы деревни не стало.

А тут что-то ухнуло, затрещало, и большие, величиной с чайник, красные ошмётки взлетели в небо, а потом со свистом стали падать вниз.

Женщины заволновались:

— О, аллах, спаси и защити нас! — произнёс кто-то из них. — Упадёт такая вот на крышу — считай, пропало! Кругом ведь одна солома!

Я теснее прижимаюсь к маме. Вскидываю глаза и вижу над собой облака, а в разрывах между ними — звёзды. Такие красивые и равнодушные, спокойно глядящие, как мечутся внизу красные всполохи.

На рассвете, когда огонь утихомирился, мы возвращаемся домой. Всё тот же Мактый бабай доставляет нас обратно. А там, где ещё вчера стояли надворные постройки соседей, торчат обугленные чёрные столбы. К ним подойти — и то страшно. Хотя зачем подходить, если и так всё видно? Даже черёмуху, ещё вчера шумевшую возле дома, съел огонь. Хорошо ещё, что другие не пострадали. Вон и дом Хадиуллы, ближе всех стоявший к пожару, тоже остался цел.

Хуршит апа ввела меня в наш дом. Измученный, усталый, я сразу завалился спать. Но и во сне преследовал меня пожар, нагоняя ужас: я видел шапку взметающихся искр, огненные столбы, клубы дыма... Ну, разве ж это сон?..

Потом в деревне говорили, что огонь занялся от окурка. Очень может быть. Ведь не зря же все твердят, что курить опасно. Сколько ни слюнявь окурочек, он, говорят, не тухнет, а только зажмуривается и ждёт, когда люди спать лягут. А как только они уснут, окурочек «раскрывает глаза», загорается

жадным огнём. В деревне Дусай, рассказывают, так целая улица сгорела. Осталась одна зола.

Время шло, и пожар потихоньку забывался. Да и ягодная пора настала.

— Ох, и крупные же! — хвастается кто-нибудь из мальчишек. — Прямо — с птичью голову!

Увязался как-то с мальчишками за ягодами и я. Вообще-то малышня вроде нас за ягодами ходит на деревенское кладбище. Настоящий-то лес — в нескольких верстах от деревни, и одних нас туда никто не отпустит. Но и кладбище наше — как всё равно лес, самый настоящий. Правда, тоже не близко, от деревни идти да идти. Вдобавок и страшновато конечно, но ничего, ходим, собираем ягоды на взгорках. Кто сколько наберёт и —домой.

День этот выдался жаркий, и мне очень хотелось пить. Вот и решил я завернуть к Хипжамал апа, маминой подруге, что жила на самом краю деревни. Ну, а мальчишки пошли дальше.

Во дворе у Хипжамал апа — конура, и живёт в ней на цепи серый пёс. Даже гладить себя позволяет, когда мы приходим сюда с мамой. А зовут его Четырёхглазым, — наверное, потому, что прямо над глазами у него по чёрному пятну. Со стороны посмотришь — ну, точно четыре глаза.

Вот и сейчас Четырёхглазый встретил меня спокойно. А чего ему беспокоиться, ведь мы же друзья! Я присел на корточки и протянул левую руку, чтобы погладить.

— Здравствуй, Четырёхглазый! Как дела? Жарко тебе?

И тут он как цапнет меня за руку! Я взвизгнул и метнулся к крыльцу. А пёс, не отпуская мою руку, ползёт за мной и рычит.

На шум из дома выбежала Хипжамал апа. Поняв, что к чему, она подскочила к псу и отодрала его от меня.

— Ах ты, исчадие ада! — погнала его пинками в конуру, где и закрыла.

— Дразнил ты его, детка, что ли?

— Нет. Я хотел только погладить.

Она подвернула у меня рукав рубахи, вытерла проступившую от собачьих зубов кровь. Узнав, зачем я пришёл к ней, принесла из погреба холодного айрана. Потом, взяв меня за руку, повела к нам домой.

Идём мы по улице, рукав подвёрнут, из нескольких ранок сочится кровь. На расспросы встречных отвечаю:

— Собака-а-а покуса-а-а-ла-а-а!

И реву.

О ягодах, которые так старательно собирал, и думать забыл. Мама, увидев меня, заохала:

— Да как же это, сынок? Разве ж можно трогать собаку на привязи? Цепные собаки всегда злыми бывают. Они и хозяев укусить могут. Помни об этом всегда.

Промыв ранки, она чем-то смазала их, перевязала, уложила меня. Рука всё-таки распухла и долго болела.

С тех пор я не люблю собак. Никаких. Так и осталась у меня неприязнь, даже враждебность, к этим четвероногим. Впрочем, жизнь не раз потом корректировала мои отношения не только к четвероногим, но и к двуногим...

И ещё один невесёлый день пришёлся на это лето...

Играли мы во дворе Хади. А здесь у них так много интересного. В садике ульи, и, конечно, хочется понаблюдать за пчёлами. Но зато и жалятся они очень больно. От них, правда, можно спрятаться в лабазе, а оттуда, распугивая кур, залезть на голубятню. Можно потом сбегать к жеребёнку. Ох, и красивый же он у них! Каурый, с тёмной полоской-ремнём по всему хребту. А грива и хвост — светлые. У них и лошадь такая же красивая...

И вот я, не отрываясь, смотрю на жеребёнка. Пробую даже приманить, но он и не смотрит в мою сторону. Гордый! Не помогает и трава — не берёт. Хади тут же начинает важничать:

— Он только хлеб ест. И то если я дам!

Вот хвастун! Ясное дело, тут ничего не скажешь — и лошадь у них есть, и замечательный жеребёнок. Такой, что глаз не отвести. Но зачем же вредничать?

— Хватит тебе, — заявляет Хади, — не смотри больше, а то сглазишь!

И тащит меня на картофельный усад. И снова приходится только рот раскрывать от удивления! Вот это картошка у них так картошка! Стебли такие, что я мог бы запросто в них спрятаться. А про подсолнухи и говорить нечего. Прямо как деревья стоят. Головки огромные, со сковородку, сплошь в жёлтых цветах. У нас не такие.

— Пойдём к Аюпам, нарвём подсолнухов! — шепчет Хади в самое ухо. — У них, знаешь, уже и семечки чёрные!

И тянет меня за рукав, а сам всё что-то говорит, говорит. И мы идём в конец усада, перелезаем, царапаясь о прутья, через плетень и оказываемся в чужом огороде. И, не теряя времени, кидаемся к подсолнухам:

Я стараюсь изо всех сил, кручу жёлтую головку подсолнуха, а она никак не хочет отрываться от ствола, будто привязанная сыромятным ремнём. И тут слышится окрик:

— Ах, разбойники! Ну-ка, это кто же тут? Гремит сердитый голос самого Аюпа абзый. Кажется, что и его огромные усища вот уже совсем рядом.

Оставив так и не сорванный подсолнух, бросаюсь к плетню. Хади уже там. Одним прыжком он перемахивает через изгородь, но не к себе в огород, а к Юныс абый. Я, понятное дело, следую за ним. Не разбирая дороги, мчимся по недавнему пожарищу, выбегаем на улицу, сворачиваем во двор к Гайнетдинам и залетаем в саманный¹ сарай.

Задыхающийся, со стучащим где-то возле самых ушей сердцем, я падаю на земляной пол. И со страхом жду: вот откроется сейчас дверь, войдёт Аюп

¹ Саманный – сделанный из глиняного горшка.

абзый, схватит нас за уши и через всю деревню, на виду у всех, потащит в караулку.

И меня бьёт озноб, будто выбрался я только что после долгого сидения из холодной воды. А Хади спокоен. Хотя, может, и притворяется только. Но вид у него такой, будто ничего не случилось. Да и подсолнух ему сорвать удалось, и теперь, вытащив его из-за пазухи, он соскребаёт, цветы. И начинает выщипывать совершенно белые семечки. Было бы ради чего принимать такой позор — лезть в чужой огород.

В это время открывается дверь и входит, к счастью, не Аюп абзый, а... Гайнетдин. Увидев нас, удивляется: — Чего это вы здесь делаете?

Рассказывая, что с нами приключилось, Хади отламывает кусок подсолнуха и протягивает Гайнетдину. Тот выщипывает несколько самых крупных семечек, давит их пальцами и отшвыривает в сторону, презрительно бросив:

— Мусор!

Потом спрашивает:

— А вы слышали, к старосте казаки на конях приехали! Какого-то аристана ищут. Пойдём посмотрим.

От этих его слов у меня внутри всё оборвалось. Не Аюп абзый, казаки ищут нас! Я стрельнул глазами на Хадия, а ему хоть бы что! Он убежал с Гайнетдином. И я остался один. Раздавленный, несчастный, всеми покинутый. Тут уж я дал, наконец, волю слезам, давно меня душившим. И зачем только позарился на чужое? Ведь мама всегда говорила: «Никогда не трогай чужого, не бери даже щепки чужой!» Что же теперь будет со мной? Теперь никто не захочет даже посмотреть в мою сторону. Кому я теперь нужен такой? Ни маме, ни сестре — никому не нужен. Ведь не ищут же они меня, чтоб спасти. Да и зачем я им —огородный вор?.. Сколько я так просидел, проливая горькие слёзы, не знаю. Только вдруг услышал прямо над собой:

— А-а-а! Вот он где, этот аристан!

Я вздрогнул, открыл глаза и увидел маму. Лицо хмурое, сердитое.

— Ты чего это тут разлёгся? А ну вставай! — мама хорошенько тряханула меня и вывела на улицу. — Как теперь людям в глаза-то смотреть будешь, а? Куда стыд подевал? Вот погоди, придём домой, уж я тебя и прутомогрею, да и отцу напишу. Порадую его: вырос, мол, наш сын, по чужим огородам лазить научился. Стыд-то какой!

Я молча плетусь за ней, не смея поднять головы. Провалиться бы мне, да где там — земля под ногами твёрдая, плотная.

А яркий день на улице уже сменился вечером. Вон и стадо вернулось, и гуси важно вышагивают к своим дворам друг за другом; солнце село. Выходит, заснул я, переживая случившееся.

Дома никто меня прутом не охаживал. Наоборот, даже поесть дали. Правда, всё молча, не замечая, будто и нет меня вовсе. А на другой день сестра рассказала по секрету, как мама, узнав, где я прячусь, не велела идти ко мне и забирать оттуда. Пусть, говорит, просидит весь день, пусть помучается! Надо, говорит, проучить негодного мальчишку! Мама знала, что говорила, — на всю жизнь я запомнил её науку, навсегда усвоил.

Перевод С. Гильмутдиновой.

Сибгат Хаким

1911-1986

РАССКАЗ МОЛДАВАНИНА

Горы, доли и деревни
Потонули в дымной мгле.
Наши части в наступленье
Шли по вражеской земле.

По местам боев жестоких
Я по делу, налегке,
По проселочной дороге
Шел от фронта вдалеке.

Вечерком договорился
С молдаванином седым —
На ночевку попросился,
За столом вдвоём сидим.

На повозке вдоль пригорка
Мальчик ехал не спеша.
— Молодец, видна сноровка, —
Похвалил я малыша.

— Паренек у нас известный,
Не гляди, что ростом мал.
Был тут случай интересный...
Вот что дед мне рассказал:

*

— Рядом здесь у нас граница,
И лесок невдалеке.
Раз поехал наш возница
За дровами на быке.

Ехал по хлебам сгоревшим.
У дороги за селом —
Танк немецкий,
 почерневший,
С искореженным стволом.

Что ж, привычная картина.
К лесу мальчик повернул.
Бык плетется, выгнув
 спину,
Низко голову нагнул.

Оглянулся мальчик,
 вздрагнул:
Незнакомец позади.
К лесу вдруг свернул
 с дороги,
В оба, стало быть, гляди.

Может всякое случиться.
Вдруг лазутчик, враг,
 шпион
Пробирается к границе?
Неспроста тут бродит он.

*

Тот с повозкой поравнялся,
Говорит: беда, в бою
От своих я оторвался,
Догоняю часть свою.

И плутаю уж немало,
Нет на свете горше дня.
Подустал, скажу я,
 малость,
Проводил бы ты меня.

*

Остановка у опушки,
Впереди видна гора.
Там, вдали, грохочут
 пушки.
Полдень близится, жара.

Там граница...
 Что же делать?
Как проверить?
 Вдруг шпион,
Враг смертельный,
 оголтелый,

Проберется сквозь заслон?

*

— Проводить могу,
 конечно,—
Мальчик кротко отвечал, —
Понимаю, вы нездешний,
Я таких уж провожал.

Только дело вот какое,
Мы уйдем, а как же бык?
В доме нас с бабусей двое,
Я в семье — один мужик.

Если что с быком случится.
Нет, уйти я не могу.
А зачем вам торопиться?
Я не против... помогу.

Хворосту сейчас нагрузим,
Мигом справимся вдвоем.
Дома, кстати, перекусим,
Есть картошка. И пойдем.

Станет к вечеру прохладно,
А дорога нелегка...
Согласился путник:— Ладно,
Отведем домой быка...

*

Вновь плетется бык упрямый,
Без тропинок, без дорог.
Путник лег на хворост прямо
И сказал: — Вздремну чуток.

Ловко в хворост сам зарылся,
Не видать со стороны.
Мальчик тоже притомился,
Тоже вроде видит сны.

Но в душе его тревога:
Этот путник — враг, шпион.
Выезжает на дорогу.
Путь к заставе держит он.

Ничего ему не снится.
Молодец, не сплеховал,
Расторопный наш возница,
Не гляди, что ростом мал.

*

Дело, стало быть, не в росте,
У границы мальчик рос.
Пограничникам он гостя
Вместе с хворостом привез.

Оказалось — враг, лазутчик,
Очень опытный шпион.
Слез с повозки — туча тучей.
К слову, был вооружен.

Перевод Р.Хакимова и М.Скороходова.

Мухаммед Садри

1913-1999

НА ЖЕЛЕЗНОМ ЖИРАФЕ

Высоко под небом синим,
Где дымок над стройкой сиз,—
Крановщик стоит в кабине
И на стройку смотрит вниз.

Перед ним стальную шею
Протянул над домом кран:
— Управлять тобой умею! —
Говорит ему Рушан.

— Твой упрямый знаю нрав,
Покоришься мне, жираф! —
И пошёл,

 пошёл по тросу
Опускаться толстый крюк.
Назиря, поправив косу,
Закричала громко вдруг:

— Хабиря, давай раствора,
Бригадир Матвей

 велит! —
И флажком, как светофором,
Показала:

 путь открыт!..

Отряхнув сперва спецовку,
Хабиря глядит на кран
И рукою машет ловко:
— Опускай-ка блок, Рушан!

Дорогой подарок наш
На четвёртый ставь этаж!

И Рушан в своей кабине
Повернул тяжёлый кран.
Хорошо под небом синим,
Молодец у нас Рушан!

Перевод Г. Люшнина.

КРАСОТУ Я НАВОЖУ

По весне приходит к нам
Ясноглазая Марьям.

У неё ведро в руке,
Кисти с краской в котелке.

— Красоту я навожу,
Ну, глядите, покажу.—
Опускает мел в ведро
И вода — как серебро.

Кисть макнёт,
 потом слегка
Начинает с потолка.
Побелить пора теперь
Новой кисточкою дверь.
Водит тихо
 сверху
 вниз,
В дверь, как в зеркало, глядись!

Сколько в доме белизны,
Так работать все должны!
Руки в краске у Марьям,
Капли мела по щекам.

Улыбнётся:
 — Не беда!
Так случается всегда.

Мыло есть,
 под кран скорей!
Мойся,
 воду не жалеи! —

Нет красивее Марьям,
Что весной приходит к нам.

Перевод Г. Люшнина.

ОТЦЫ-КАПИТАНЫ

Мы плавали тихо,

Мы плавали долго,
Мы видели, как
Разливается Волга.

Над самою Волгой
От нас за версту
Работали краны
В Казанском порту.

Пришли теплоходы
Сюда отдохнуть
И с грузом обратно
Отправятся в путь.

Отсюда в любые
Моря, океаны
Ведут пароходы
Отцы-капитаны.

Нам машут матросы:
— Учитесь, ребята!
Вам шьют мастерицы
Морские бушлаты.

В порту пароходы
Большие стоят.
И порт вас Казанский
Приветствовать рад!

И каждый здесь будет
Заботой согрет! —
А мы отвечаем
Салютом в ответ.

Перевод Г. Люшнина.

Гумер Баширов

1901 - 1999

РЫЖИЙ ЗВЕЗДКА*

Я сплю в снях, по-мальчишечьи раскинув руки и ноги, весь разметавшись на постели, и вдруг чувствую сквозь сон, как мама шершавой своей ладонью поглаживает меня по голове.

— Вставай, сынок, вставай,— будто издалека доносится её ласковый голос, — больно уж ты заспался. Твои дружки давно на улице, и Хакимджан там...

Немного погодя мама снова окликает меня. Я и сам малость очнулся ото сна и наострил уши. На улице всхрапнула лошадь, проскрипела чья-то телега. И совсем рядом, во дворе, фыркнула наша кобыла. Это она всегда так — вроде бы говорит «спасибо», когда ей корм задают. Только с чего она среди бела дня дома оказалась?...

Я смотрю из-под опущенных век в отворённую дверь. Вон прошёл отец.

— Хи-и! Неужто малый до сих пор в постели валяется? — раздался его голос. — Чего не разбудишь? И не ведает, небось, что кобыла жеребёнка ему привела!

Жеребёнка? Вскочив мигом, я выбежал во двор и от радости чуть языка не лишился. Вот он! Мой жеребёнок! Растопырил тонкие, как палки, длинные ноги и, едва удерживаясь на них, сосёт матку. Жеребёнок был рыжий, а по хребту у него тянулась узкая, с палец шириной, бурая полоса. Передние ноги белые до колен, и на лбу — пятно белое, звёздочка. Отец стоял рядом со мной, заложив за спину руки, и тоже радовался, глаз с жеребёнка не сводил.

— Наша-то вороная давно подыскивала подходящего жеребёнка,— проговорил он, улыбаясь.

— Что же так долго?

* Отрывок из повести «Родимый край — зелёная моя колыбель».

— Ишь ты! Думаешь, легко? Часто ли эдакие красавцы попадают? А вчера в ночном встретил этого, в белых чулках, и порешил на нём остановиться...

На душе у меня сразу потеплело, и я ласково взглянул на вороную. А то она не очень-то была доброй; случилось, и близко не подпускала к себе. Да вдобавок ещё у неё бельмо на глазу. И соседские ребята прямо задрознили: у вашей, мол, лошади глаз отмёрз!

Теперь уж я им рта раскрыть не дам. И с отмёрзшим-то, скажу, глазом вон какого жеребёнка привела!

Но ворона оказалась не столь отходчивой. Только шагнул я к жеребёнку, хотел по спине его погладить, как она разозлилась и, оскалив крупные жёлтые зубы, дёрнула головой, точно укусить меня собралась.

— Чу! — Отец потянул меня к себе. — Не вздумай подходить к ним! Видишь, серчает.

Прошло несколько недель. Уммикемал-апай, старшая моя сестра, сшила жеребёнку ожерелок из голубого сатина, и мы повесили ему на шею бубенчик. Качнёт жеребёнок головой, и бубенчик заливаётся, будто звенят, сыплются серебряные монетки. Я забросил все игры и целыми днями с ним возился.

По утрам просыпался переполненный радостью, хватал ломоть хлеба и бежал к нему, к Звёздке рыжему. Первое время, завидев меня, он испуганно жался к матке, но потом привыкать стал. Позовёшь его, окликнешь: «Бахонька, бахонька!» — он ушами поведёт, оглянется. А там, вижу, ноздри у него начинают шевелиться, к хлебу принюхивается. Дальше и вовсе осмелел, приучился мягкими серо-сизыми, как пепел, губами хлеб с ладони схватывать.

Месяца через три он у нас стал резвее резвого. И в оглобли, как прежде, не тыкался, и пёсего лая не пугался. Куда там! Теперь он, заметив собак, грозно опускал голову, точно собирался учинить над ними расправу, и, взбрыкивая, носился за ними.

А как выезжаем со двора, Звёздка первый рвётся на улицу, всех опережает. Какое всё-таки удовольствие смотреть, когда он, разметав хвост и гриву, скачет, резвится! Вот он выгибает шею и, постукивая круглыми копытцами, мчится рысью вперёд.

Хвост трубой, уши наострены! Пробежит немного и вдруг, совсем как взрослые жеребцы, всхрапнёт, раздув ноздри, или вскинет голову да заржёт залиvisto. Ну чисто серебряный колокольчик!

Отец щурит зеленовато-голубые глаза и беззвучно смеётся.

— Эх, мокроносый, эх, кривляка! — говорит он. Потом дёргает вожжи и ворчит на кобылу: — Ты что ноги еле волочишь? Слушаешь, как твоё дитя хвалят? Добрый конь из него выйдет...

А я в мечтах уже представлял себе Звёздку стригуном, воображал, как будущим летом стану ездить с ним на выпас в Оброшную или Мунчалкову поляну, как поскачу наперегонки с мальчишками, а в жару я поведу его купать к мельничной запруде, что за кладбищем. Да это ли только? Весной в день сабантуя въеду на нём прямо на майдан... К той поре у него уже будет кожаная уздечка, нарядная, с медными бляшками. А к зиме, глядишь, начнём приучать его к запряжке. Отец смастерит маленький хомут, санки.

Но поздней осенью, когда я с нетерпением дожидался первой пороши, отец съездил на базар, Звёздка же не возвратился... Отец на своей телеге ещё до нашего порядка не добрался, а я уже почувал недоброе: вороная кобыла ржала на всю деревню. Она и во дворе никак не могла уняться. Повернётся к калитке, насторожит уши, ждёт. Не дождавшись жеребёнка, ржёт во всю мочь...

— Где Звёздка?

Отец, ничего не ответив, стал распрягать лошадь. Было видно, что тревожное ржание вороной выводит его из себя, и он несколько раз со злостью на неё замахнулся. Я не смог удержать слёзы.

— Перестань! — крикнул отец, хватаясь за вожжи.— Похнычь-ка ещё!

Я не знал, куда деваться от горя. Весь мир померк теперь в моих глазах. Без Звёздки всё для меня, казалось, потеряло смысл.

Тут вышла мама.

— Не плачь, сынок, будет ещё у тебя жеребёнок,— сказала она и по голове меня погладила, по спине ласково похлопала.— Вот увидишь, кобыла другого Звёздку приведёт.

— Когда? — только и смог я выговорить, судорожно всхлипнув.

— Весной, коли будет суждено. Не нынче, так тем годом...

Горе, кажется, немного отпустило меня. В душе загорелась и долгие годы теплилась надежда: а вдруг в одно ясное утро вороная приведёт такого же, как Звёздка, красавца жеребёнка?

Я так и дожил до взрослых лет, ожидая этого счастья.

Перевод Р. Фаизова.

ГУСАК, ГУСЫНЯ И ДЮЖИНА ГУСЯТ

Вот и весна пришла. Зажурчали по санному следу ручьи. Вернулись из дальних стран птицы и с весёлым гомоном стали вить гнёзда.

Забеспокоилась и наша гусыня. Теперь она часто подходила к самому крыльцу. Наклонит голову и глядит на дверь, повторяя одно и то же:

— Га-га-га! Га-га-га!

Узнать бы: чего она хочет?

А мама понимает.

— Гусыня говорит: «Я снесу яйца. Приготовьте мне гнездо. Птенцов выводить пора!»

И откуда мама всё знает?

Набила она соломой доверху старое лукошко и поставила под нары.

Села гусыня в гнездо, но почему-то не могла успокоиться, долго шуршала соломой.

Чего ей не сидится? Я тихонько подошёл ближе... Вон оно что! Гусыня перекладывает клювом соломинки и уминает их то одной, то другой лапкой, будто пляшет. Это она, наверное, поудобней устраивается. Вот какая умница наша гусыня!

Мама смотрит и улыбается:

— Ишь, какая разборчивая! По-своему гнездо себе налаживает!

Мне захотелось помочь гусыне. Я подобрал с пола упавшие соломинки и хотел положить в лукошко. А гусыня вдруг как зашипит да как цапнет за руку. От боли я закричал.

Когда прибежала мама, рука моя покраснела и распухла.

— Вот видишь! — сказала мама. — Говорила тебе, не подходи близко. Ну, не плачь. Дай-ка подую на больное место. Сейчас приложим тесто, и всё пройдёт. Больше не подойдёшь к гусыне, а?

Конечно, не подойду. Только как же я увижу маленьких гусят, когда они вылупятся из яичек?.. Придумал! Раньше в доске был сучок. Потом он выпал, и на его месте — дырка. В неё и стану смотреть. Только надо быть начеку: зазеваешься — гусыня вмиг ущипнёт!

А гусыня раскрыла крылья над гнездом и затихла. Недели две сидела не шелохнувшись.

Но вот гусыня снова зашуршала соломой. Что ей опять не нравится?

Я посмотрел в дырочку и увидел: она клювом яйца переворачивает — одно так, другое эдак, а те, что лежат подальше, гонит к серединке. Щиплет на себе пух, конопатит им стенки гнезда. И приговаривает:

— Гу-гу-гу...

Мама понимает гусыню.

Это она разговаривает с гусятками. Знаешь, что она им говорит? «Поскорее выходите из скорлупок. На дворе вас ждёт тёплое весеннее солнышко и вкусная зелёная травка».

Каждый день, когда поднимется солнце, кто-то подходит к двери и стучит, но войти не решается. Мама выходит в сени и приглашает гостя в дом:

— Заходите, пожалуйста!

Но никто не отвечает. Открываем дверь, а там стоит гусак! Уставился на маму одним глазом и твердит:

— Га-га-га-га!

— Уходи, бездельник! — говорит мама. — Нечего её беспокоить! Пусть себе сидит.

Гусак обиженно опускает голову и делает вид, что идёт под навес. Но он хитрит. Не так-то легко отделаться от него. Только закроем дверь, он опять стучится. Если мама не выпустит гусыню и теперь, бежит к окну и начинает громко возмущаться, словно его сильно обидели. Покричит, покричит и, наклонив голову, слушает. Если гусыня отзовётся, радости его нет конца. Он захлопает крыльями, пробежится несколько раз перед дверью и загопочет на весь двор: «Гага-га! Го-го-го!» Как бы говоря: «Выйди, пожалуйста, хоть на минутку. Уж очень хочется повидаться».

Гусыня торопливо прикрывает яйца соломой и выходит во двор. Гусак при виде её пускается в пляс. Подходит к ней то с одной стороны, то с другой, выгибает шею дугой и ласково что-то приговаривает. Потом они вместе клюют корм и дружно моются в большом корыте.

Но как ни хорошо под ясным солнышком, а гусыне нельзя надолго оставлять лукошко.

Если гусак не отпускает её, гусыня начинает сердиться:

— Будет тебе! В гнезде остывают яйца! — и бежит в дом.

Каждый день, просыпаясь, я прислушиваюсь, не вывелись ли птенцы.

— Уже скоро, — улыбается мама.

Как-то раз гусак пришёл опять. Гуси стали переговариваться. Видно, гусыне очень хотелось выйти. Она вся истомилась, бедняжка, и сильно похудела.

Гусыня выбралась из гнезда и пошла к двери. И тут из лукошка раздался тоненький, слабый голосок:

— Пи-пи-пи...

Гусыня услышала писк — и скорее в гнездо. Ласково стала что-то говорить по-своему и хлопотать вокруг разбитого яйца.

— Гы-гы-гы,— зовёт она гусёнка, колупает скорлупу и помогает ему выбраться наружу.

И вот гусёнок на свободе. Мать гладит малыша по спинке и по грудке клювом и, чтобы не простудился, заталкивает себе под крыло...

Гусята вылупляются один за другим. Гусыня заботливо хлопочет над каждым и целый день, не умолкая, разговаривает с птенцами.

Смотрю, через день-другой гусятки уже высыпали на пол — жёлтые, пушистые, как верба весной. Катаются маленькие шарики по полу. Так и хочется потрогать!

Поглядели бы вы на гусака в эти дни! Только рассветает, а он уже у крыльца. Услышит писк — и кидается к открытому окну. Начинает переговариваться с детками. Его радостное гоготание разносится по всему двору.

Вот гусята немного подросли, и настала пора выводить их на волю. Однажды, когда солнышко особенно пригревало, мама выпустила их на травку

Впереди всех, гордо закинув голову, вышагивал гусак. Всем своим видом он как бы говорил: «Знай наших!» За ним вперевалку друг за дружкой семенили двенадцать гусят. А сзади, замыкая шествие, шла гусыня, похудевшая, но счастливая.

Когда они вышли на лужайку, все домашние птицы замолкли от удивления.

Первыми опомнились болтливые утки.

— Гля-гля, глядите-ка! Кря-кря-кря! — зашумели они. Пятнистый телёнок у забора взмахнул хвостиком и протянул:

— Ну и ну, му-у-у!

А петух-щёголь на высоком заборе глядел, глядел то одним, то другим глазом, потряхивая ярко-красным гребешком, и не выдержал:

— Ку-ка-ре-ку! Вот так чудо на лугу!

Перевод Э. Салеховой.

Абдурахман Абсалямов

1911-1979

СКАЗКА СТАРОГО ЛИ ЧЕН ЧАНЯ

1

Давным-давно, когда еще нога завоевателей-японцев не осквернила родную землю, когда монахов Будды в широкополых шляпах в каждом доме принимали как святых, в некоем царстве, в некоем государстве Сан-пара жил бедный слепой старик со своей старухой. Старика звали Сим-понс, а старуху — Кван-си-тун.

Не дал им бог детей, а потому пребывали они в великой печали.

Но вот родилась у них дочка Сим-чен. Радость стариков не знала предела.

Однако на восьмой день после родов старуха умерла, оставив слепого Сим-понса с маленькой дочкой на руках.

Старик брал девочку и шел по деревне. Женщины, у которых были грудные детки, кормили Сим-чен грудью.

Так и растили ее всей деревней.

Подросла девочка и стала красавица да умница, каких земля не знавала.

Люди рассказывали старику, как хороша собой Сим-чен, но Сим-понс отвечал им:

— Я слеп и не могу видеть то, о чем вы говорите.

И вот однажды мимо дома старика проходил монах. Увидев слепца, он сказал:

— Что дашь великому Будде, если он вернет тебе глаза?

— Я дам ему триста мешков риса,— отвечал Сим-понс.

— Ты беден и слеп, где возьмешь ты столько риса?

— Я сказал правду, потому что никому в голову не придет обмануть Будду.

— В таком случае доставь рис в монастырь, и прозреешь. Ушел монах, а старик стал думать, как это его угораздило посулить столько риса. Где его взять теперь?

Но сколько Сим-понс ни ломал себе голову, ничего придумать не мог.

Печаль старика была так велика, что кусок не лез в горло.

— Отчего ты не ешь, отец? — спросила Сим-чен за обедом.

— Я не могу сказать тебе, дочка, отчего.

Сим-чен заплакала.

— Разве я плохо забочусь о тебе, отец? Разве не готова сделать все, чтобы тебе было радостно? — причитала она.

Сим-понс не удержался, рассказал дочери, что произошло.

— Не горюй, отец,— успокоила его Сим-чен,— ешь и пей на здоровье. Будда сам подсказал тебе такие слова, он же все и устроит.

Вскоре в доме старика остановились купцы, которые собирались за море, в Нанси, за товарами. Решили они купить какую-нибудь девушку, чтобы задобрить ею владыку морей, если он разбушуетя.

— Купите меня за триста мешков риса,— предложила им Сим-чен.

Подумали, посоветовались купцы и согласились.

В путь было решено выйти четырнадцатого дня третьего месяца.

Последнюю ночь Сим-чен провела возле спящего отца, тихонько плакала, глядя на него.

Одна слезинка скатилась со щеки и капнула на лицо старика. Тот проснулся.

— Отчего плачешь, доченька? — спросил он.

— Не спрашивай, отец! — испуганно воскликнула Сим-чен.

— Нет, я желаю знать. Я твой отец, и ты должна поведать мне все.

— Ах, отец, заклинаю тебя, не спрашивай.

— Вот как ты старших считаешь! Пусть люди так же относятся к тебе! — рассердился старик.— Отойди от меня.

Еще больше испугалась девушка и во всем призналась отцу. Слезы полились из слепых глаз Сим-понса.

— Ах, доченька, что ты натворила! Ведь я не давал на то согласия.

Старик тотчас пошел к торговцам.

— Забирайте свой рис,— сказал он,— не отдам вам дочку.

— Рис мы уже отправили в монастырь,— ответили те.

Упал старик на землю и стал рвать на себе волосы:

— Зачем отбирают у меня дитя? На что мне на старости лет глаза?

Не для того ли, чтобы снова ослепнуть от горьких слез? Ведь она так молода, а я совсем старый.

Сим-чен обняла старика:

— Ах, отец, не надо так говорить, ведь старое дерево нередко так щедро покрывается цветами, а на молодом цветов не бывает... Такова, видно, воля Будды...

Сим-чен пошла с купцами. Подружки плакали, провожая ее.

— Не плачьте, милые подружки,— говорила им Сим-чен. — Если любите меня, не оставляйте отца, смотрите за ним, как я смотрела. Не плачьте, смерть не страшна мне: умру, радуясь за отца.

Вся деревня вышла проводить Сим-чен. Люди слышали, что говорила она подружкам. Старейшина, который годами был старше отца девушки, сказал:

— Ты, Сим-чен,— великая дочь. Ты не умрешь никогда. Вечно ты будешь с народом: имя твое все поколения назовут первым. И ты, почтенный, не плачь,— обратился он к Сим-понсу,— ты всегда будешь там, где твоя дочь.

Так сказал древний старец, самый мудрый в деревне человек. А если он сказал это, значит, так тому и быть...

Все слышали слова мудреца, и ни один человек не смог сдержать слезы.

Сели на корабль купцы и увезли Сим-чен с собой.

Вначале они плыли благополучно — море было милостиво к ним, морские девы мирно плескались в нем. Они кланялись Сим-чен, полные жалости к ней. Девушка с грустью смотрела на них и тоже кланялась украдкой. «Скоро мы увидимся»,— думала она.

А потом разыгралась буря. Солнце спряталось в золотой свой дворец. Черные ставни на окнах с грохотом затворились. Стало очень темно. Сердитые волны подбрасывали корабль высоко-высоко.

Сим-чен попросила сосуд со священной водой, поставила его перед собой и принялась читать молитвы, выпрашивая у Будды удачи для путников.

Помолившись, девушка поднялась и, закрыв лицо руками, бросилась в яростно клокочущее море.

— Оторвался от ветки самый прелестный ее цветок,— сказал один из путников, видевший это,— и безжалостные волны унесли его далеко...

Купцы дрожали от страха.

Однако вскоре буря стала утихать. Вот распахнулись окошки золотого дворца, где пряталось солнце. А там и само оно выглянуло из-за золотисто-красных, желтовато-розовых башенок. А вскоре солнце уже приветливо улыбалось с бирюзовой выси вслед бегущему по зеленоватым волнам кораблю.

2

А Сим-чен спряталась в подводном царстве. Там было так красиво, что она тут же забыла про землю.

Минуло три года.

Тяжело загрузив корабль тюками, купцы пустились в обратный путь. Проплывая мимо того места, где Сим-чен бросилась в море, они увидели на волнах прелестную розу.

Купцы сорвали цветок.

— Это прекрасная Сим-чен превратилась в розу,— решили они. Вернувшись домой, купцы услышали, что их юный правитель тяжело заболел, и помочь ему может только чудесная роза. Пошли они во дворец и продали розу за большие деньги.

Тогда владыка морей посадил Сим-чен на радугу и опустил ее прямо к юному правителю в сад.

Девушка прилегла на траву и уснула. Во сне явилась ей мать.

— Девочка моя,— сказала она,— ты станешь женой правителя.
Открыла Сим-чен глаза, а к ней идет юноша с нежной розой в руке.

— Кто ты? — спросил он.

— Не знаю,— ответила Сим-чен. И это была правда, потому что она все забыла.

— Мне в жизни не приходилось видеть девушки прекрасней, — сказал юноша.— Я сделаю тебя своей женой.

После пышной свадьбы Сим-чен вдруг вспомнила отца и обо всем рассказала мужу.

Если бы она вспомнила это до свадьбы, ей не пришлось бы стать женой правителя, ведь она была очень низкого сословия.

Но дело сделано, и правитель послал за отцом жены.

Сим-чен радостно бросилась навстречу старому Сим-попсу.

— Скажи,— спросила она,— твои глаза видели всегда?

— Нет,— возразил он,— не всегда был я зрячим. Моя дочка отдала жизнь за то, чтобы я мог видеть.

Сим-чен не могла удержаться от слез.

— Ведь я дочь твоя, отец! Неужели по голосу не узнаешь? — вскричала она.

Ах, сколько тут было радости! Правитель назвал старого Сим-понса отцом, и они втроем были очень счастливы, прожили долгую жизнь.

Только иногда, вспоминая про обычай бросать юных девушек в море, Сим-чен грустила, а правитель в такие минуты утешал жену, говоря, что эти несчастные, возможно, будут так же счастливы, как она.

Перевод А.Бадюгиной.

***ТАТАРСКАЯ ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
1960-1990-х гг.***

Джавад Тарджеманов

1920-1995

ШУКТУГАН

Взошло солнце, согрело землю. В лесу, на полянах распустились цветы: синие, жёлтые, розовые. И вот уже кружит, жужжит над цветком неугомонная пчела, и бабочки кувыркаются в прозрачном воздухе.

Белка запрыгала с ветки на ветку, орехи собирает. Притаилась за кустом лиса — подстерегает зайца. В густых зарослях малины косолапый мишка ягодами лакомится.

На высокой сосне возле озера проснулся старый дятел Тук-Тук-бабай. Клюв у Тук-Тук-бабая острый и тяжёлый. Гнездо он себе устроил в дупле старой сосны. Живёт здесь зимой и летом.

Тук-Тук-бабай лечит деревья в лесу. Клювом долбит кору, вытаскивает из-под неё жучков-короедов, собирает гусениц.

Вместе с Тук-Тук-бабаем живёт его маленький внук — дятел Шук-туган.

Каждое утро, как только поднимется солнце и улетает спать летучая мышь, Тук-Тук-бабай принимается за работу: простукивает деревья, смотрит, не заболело ли какое-нибудь из них, не завелись ли в нём жучки-точильщики да короеды.

До самого вечера трудится дедушка Тук-Тук-бабай. А его внук Шук-туган весь день играет: с ветки на ветку перепрыгивает, за бабочками гоняется, ящериц пугает. А станет жарко — искупается в озере.

Устанет Шуктуган, проголодается — и летит домой, к старой сосне. Там его ждёт обед; ягоды и жирные гусеницы, которых приносит в клюве Тук-Тук-бабай.

Однажды вернулся Тук-Тук-бабай из леса встревоженный и огорчённый.

— Плохи дела, внучек. Напала на лес целая туча жуков и гусениц. Не справиться мне с ними одному. Полетим со мной, иначе погибнет лес.

— Что ты, дедушка! — удивился Шуктуган. — Как же могут маленькие

жучки погубить целый лес?

Однако спорить с дедом не стал и полетел вместе с ним спасать липы и берёзы.

Выбрали они старую липу. Уселся Шуктуган поудобнее, хвостом в ствол уперся и давай долбить старый сук. Полетели куски коры в разные стороны.

Тук-Тук-бабай внука похваливает:

— Ай да Шуктуган! Ай да умник!

Скоро надоело Шуктугану работать. Стал он жаловаться деду:

— Устал я, не могу больше! И клюв болит, и шейка болит! Отпусти меня искупаться!

— Ладно уж, — кивнул головой Тук-Тук-бабай. — Лети к озеру, окунись разок. Только быстрее возвращайся. Нужно дотемна управиться с жуками.

Обрадовался Шуктуган, вспорхнул с ветки и, забыв про усталость, тут же погнался за бабочками.

Долго он так забавлялся, в конце-концов и в самом деле устал. А тут ещё есть захотелось. Полетел Шуктуган к своей поляне. Там он нашёл несколько ягод и мигом их склевал. Потом искупался в озере и, забравшись в дупло, крепко заснул.

Разбудил его старый Тук-Тук-бабай.

— Ах, внучек, внучек, что же ты не вернулся ко мне? Весь день я работал один, так и не покончил с жуками. Летим скорее, пока совсем не стемнело.

— Опять долбить кору!..— захныкал Шуктуган. — Лучше я к летучей мышке слетаю, она меня научит, как на лету жуков ловить. Утром увидишь, сколько я их принесу.

Прилетел Шуктуган к заброшенному дому, где жила летучая мышь. Спрятался за куст и ждёт.

Наступила ночь. Загорелись светлячки. Сова на охоту вылетела. Запорхала бесшумно над полянами летучая мышь.

Увидел Шуктуган, как быстро ловит она майских жуков и ни разу в темноте на дерево не наткнулась. Подлетел к ней и говорит:

— Научи меня так же быстро жуков в темноте ловить!

— Попробовать можно,— сказала летучая мышь.— Да только твой длинный клюв для этого не годится. Ты лучше жуков в коре ищи. Да и ушей у тебя нет, как у меня.

— А зачем тебе такие большие уши? — спросил Шуктуган.

— Как — зачем? — сказала летучая Мышь.— Вот лечу я над лесом и тоненько попискиваю. Летит мой писк в темноте. Как наткнётся на что-нибудь — на жука или на дерево, — я тут же услышу своими чуткими ушами. Если это жук — поймаю. А если это дерево или сучок — сверну в сторону.

«Ну, — думает Шуктуган, — попробую и я».

Взлетел он над лесом, громко запищал и прислушался. Ничего не вышло. Тут он ударился в темноте о верхушку ёлки и упал.

Светать стало. Полетел голодный Шуктуган домой.

Летит по лесу. Видит: жаба сидит в канаве под лопухом, не шевельнётся. Ползёт мимо муравьишка. Жаба выбросила свой язык, проглотила муравьишку и опять замерла. Ползет мимо червяк-слизняк, стрельнула жаба языком, прилип червяк-слизняк к языку. Жаба проглотила его и снова сидит— ждёт добычи.

Думает Шуктуган: «Попробую и я».

Видит: ползёт улитка по мухомору. Хотел он схватить языком улитку, да не успел: спряталась улитка в раковину. Не достать её.

Спросил Шуктуган у жабы, как это она так быстро муравьев да червяков ловит.

— Потому,— сказала жаба, — так быстро их ловлю, что язык у меня длинный, липкий и быстрый, не то что у тебя. Ни одна муха, ни одна улитка не успеет спрятаться.

Так и полетел дальше Шуктуган голодный.

Видит он: по краю болота ходит лесной кулик — вальдшнеп. Воткнёт вальдшнеп свой длинный клюв в землю, прислушается и вынимает из земли жирных червяков и личинок.

«Ну,— думает Шуктуган,— у меня тоже клюв длинный. Я тоже так смогу».

Сел Шуктуган недалеко от вальдшнепа, воткнул свой клюв в мягкую землю, но ничего не нашёл. Только клюв свой испачкал.

— Скажи мне, вальдшнеп,— спросил Шуктуган,— как ты находишь червяков и личинок? Вот у меня клюв тоже длинный, а поймать я их не могу.

— Э-э,— сказал вальдшнеп,— я своим клювом под землёй слышу, где какая личинка или червяк зашевелился. А ты разве так умеешь?

«Нет,— подумал Шуктуган, — не умею я под землёй червяков и личинок ловить. Нет у меня, как у вальдшнепа, такого удивительного клюва, который под землёй червяков слышит. Не умею я, как летучая мышь, на лету майских жуков ловить. Не умею я, как жаба, языком стрелять. Стану я лучше долбить деревья, доставать жучков и личинок из-под коры, а то есть хочется».

И полетел Шуктуган к своему дому.

Вот уже недалеко родная сосна и озеро, да только не узнаёт он своего леса. Листья на деревьях пожелтели, свернулись в трубочки. Берёзы совсем голые. Птичьих песен не слышно. На кустах ни листочка. Даже зайцу негде спрятаться.

Совсем тихо стало в лесу. Слышно только, как сухие, мёртвые листья падают на землю.

Закричал Шуктуган, стал звать дедушку, но никто ему не откликнулся. Только ёж услышал Шуктугана.

— Эй, чего ты кричишь? — спросил ёж.

— А где мой дедушка? Где все звери?

— Напали на наш лес жуки - древооточцы да гусеницы, поели всю листву на деревьях. Ушли из леса все звери — нечего им стало здесь есть да и тени нет, где спрятаться? А дедушка твой полетел птиц собирать, лес спасать, клевать жуков да гусениц. А ты, Шуктуган, где был, почему не помогал?

Ничего не сказал Шуктуган. Молча полетел к своему дому.

Подлетел он к сосне, вдруг видит: летит дедушка Тук-Тук-бабай, а за ним огромная стая птиц — и синички, и пеночки, и поползни, и мухоловки.

И сразу ожил лес. Дятлы застучали клювами по коре — личинок и жуков достают. За дятлами с писком летят синички и осматривают деревья: не притаился ли где-нибудь жучок-короед? Поползни вниз головой по деревьям лазают, достают из глубоких щёлок жуков-древоточцев. Пеночки и мухоловки на лету склёвывают с веток и листьев гусениц.

Увидел Тук-Тук-бабай Шуктугана и закричал:

— Скорей лети сюда, помогай лес спасать!

Подлетел Шуктуган, сел рядом с Тук-Тук-бабаем на сосну, упёрся хвостом в дерево и стал клювом кору долбить. Вытащил одного жучка-короеда, съел — вкусно! Вытащил второго — и его проглотил.

Весь день трудились птицы, и к вечеру не осталось в лесу ни одного жучка-вредителя, ни одной прожорливой гусеницы.

А утром снова ожили берёзки, и ветерок зашелестел в зелёной листве. Снова запорхали бабочки над цветами. Прибежали зайцы, стали играть, кувыркаться на полянах. Пришла к озеру медведица купать своих медвежат, и ёж вытащил на своих колючках большой гриб-боровик — ежатам на завтрак.

— Ну, вот,— сказал Тук-Тук-бабай Шуктугану,— ты теперь уже большой. Сам научился корм находить, деревья лечить. Будем теперь вместе искать вредителей, охранять лес.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕРЕБРЯНОГО ХВОСТИКА

Случилась эта история в древнем городе Казани с девочкой Гульнар, Серебряным хвостиком и Колюшкой.

У девочки Гульнар был аквариум. В нём жили Золотая рыбка, Колюшка и Серебряный хвостик.

Каждое утро Гульнар делала зарядку и рыбки тоже: ложились на бок, расправляли плавники, выпрыгивали из воды, ныряли, а потом Гульнар кормила их вкусными красными червячками, и рыбки завтракали. Как позавтракают, вытирали усики и махали плавничками — благодарили Гульнар.

Хорошо жилось рыбкам в аквариуме Гульнар, но всё же они мечтали о широких реках, бескрайних морях: какие удивительные травы растут на дне морей, какие вкусные червячки живут на дне реки.

Золотая рыбка родилась в аквариуме и ничего не видела — ни речных просторов, ни заводей, и Колюшка любила её поддразнивать:

— Эх ты, ни речки, ни даже пруда не видела, а ещё рыбкой называешься!

— Мне и в аквариуме хорошо,— отвечала Золотая рыбка.—Ты на себя посмотри, одни колючки торчат!

Колюшка обижалась, растопыривала иголки и подплывала к Золотой рыбке.

Серебряный хвостик всегда вступался, чтоб Колюшка не обидела Золотую рыбку...

— Послушайте, послушайте, что я вам расскажу,— успокаивал рыбок Серебряный хвостик.— Раньше я с другими рыбками плавал в быстрой речке. Вода была тёплая, прозрачная. Мы резвились в солнечных лучах и, ах, какая там росла вкусная травка. Но однажды речка вдруг обмелела, вода куда-то схлынула, все рыбки успели уплыть в большую реку, а я остался в тёмной холодной яме. Там бы я умер от голода и страха, но Гульнар поймала меня сачком, принесла домой и пустила в аквариум...

Так бы и жили рыбки в аквариуме и ничего с ними не приключилось, но аквариум стоял недалеко от телевизора, и рыбки сначала думали, что телевизор тоже аквариум, в котором живут маленькие человечки. Так вот, весной, когда солнышко освещало аквариум и рыбки всё чаще мечтали о речных просторах, по телевизору показывали фильм о двух рыбах. Как одна семга уплыла из речушки, где она родилась из икринки, в море и выросла в большую рыбку, а вторую поймали и держали в бассейне, и она так и захирела, больше не росла, да так и осталась карликом.

С тех пор рыбки потеряли покой. Показался им аквариум тесной лужей, червячки совсем не вкусными. «Не вырасти нам в такой тесноте, надо выбираться на речные просторы!» — подумали Колюшка и Серебряный хвостик. Пропал у них аппетит, плавают они по аквариуму скучные, вялые.

Гульнар была умная девочка, она поняла, что затосковали рыбки по воле.

Посадила она в банку Колюшку и Серебряного хвостика, отнесла на реку и выпустила, только сверкнули они на прощание серебряными чешуйками. Золотая рыбка осталась жить в аквариуме, она ведь здесь родилась и не знала лучшего места.

Так вот она, воля! Сначала рыбки испугались — куда плыть, где искать корм? Но дул ветерок, плескались волны, пуская солнечные зайчики сквозь толщу воды, и течение несло рыбок всё дальше и дальше, аж дух захватывало от такого простора.

Подплыли Серебряный хвостик и Колюшка к берегу, а из камышей метнулись рыбки, спасаясь от щуки, отдышались и стали рассматривать Серебряного хвостика и Колюшку.

— Откуда вы такие заморённые, малюсенькие?

— Совсем не вырос,— сказала одна рыбка-плотичка,— да еще плавают с каким-то малышом-уродом колючим!

Разозлился за своего друга Колюшку Серебряный хвостик:

— Хоть он и мал, да не труслив, как вы, никакой щуки не боится, пусть только нападёт, мой друг Колюшка растопырит иглы — щука сама испугается!

Удивились речные плотички и стали упрашивать:

— Возьмите нас с собой, давайте вместе плавать, а то мы боимся больших рыб!

Не стали злиться на плотичек Серебряный хвостик и Колюшка, только сказали:

— Поплывём вместе, да смотрите, не зевайте, чтоб щука сзади не подплыла, а то всех проглотит!

И поплыли все дружной стайкой по течению. Пригреет солнышко, стайка в глубину опустится, а в глубине темно, как в аквариуме ночью, и страшно с непривычки.

Однажды плыли рыбки у самого дна и вдруг видят темный холмик. «Ну,— думает Серебряный хвостик,— вот и горка, сейчас поиграем, порезвимся».

Только рыбки подплыли к горке, только хотели поиграть, а горка вдруг зашевелилась, задвигалась, рыбки во все стороны метнулись — оказывается, это совсем не горка, а огромная Рыбина.

Посмотрела на них Рыбина и говорит:

— Откуда вы, малявки? Куда плывёте?

Мы,— сказал Серебряный хвостик,— вниз плывём, хотим синее море увидеть!

— Ох,— вздохнула Рыбина,— я тоже когда-то была мальком, в этой реке из икринки родилась, жить бы мне спокойно в реке, да наслушалась про чудеса морские, не стало мне покоя, только про море и думала, как бы туда попасть!

— И мы, и мы хотим,— закричали малявки.— Расскажи нам, какое оно — море, и как до него доплыть?

— Доплыть-то легко,— сказала Рыбина, — река вас вынесет. А там резвитесь на просторе, в море всем места хватит, а какие там рачки

вкусные! Только...

— Что только? — закричали рыбки.

— Только захотелось мне домой,— вздохнула большая Рыбина,— да так захотелось, что пристала я к стае рыб и поплыли мы назад вверх по течению.

— А потом, потом что было?— спрашивают рыбки.

— А потом доплыли мы до высоченной стены, у стены этой водопады гремят, белой пеной река бурлит, и нет нам дороги домой...

Испугались рыбки, притихли.

— Испугались мы,— говорит Рыбина,— а назад не хотим, только вперед, на родину. Стали мы прыгать, да разве через высоченную стену перепрыгнешь, совсем из сил выбились, да вдруг поток нас подхватил и поволок наверх, через эту стену. Не успели мы от страха передохнуть — стена оказалась позади, а на берегу люди. Стоят, руками машут, смеются: «Не пугайтесь, рыбки, мы вас на водяном лифте подняли через плотину, плывите к родным местам, счастливого пути!»

— Ну спасибо за рассказ,— сказал Серебряный хвостик.— Поплыли к морю!

Плыли рыбки день, ночь наступила, опять солнце взошло, а страшной плотины всё не было, и боязно рыбкам и любопытно, что за водопады, какой он — водяной лифт?

Однажды Серебряный хвостик чуть не погиб. Когда рыбки продирались у самого берега в густых зарослях, Серебряный хвостик запутался в тине и его опутала трава Пузыристая кусачка, да так присосалась, что Серебряный хвостик думал — никак не освободиться ему и уж стал задыхаться. Но Колюшка бросилась на помощь, изо всех сил тянула Серебряного хвостика, да ничего не помогло, только выбилась из сил маленькая Колюшка. Так бы и погиб Серебряный хвостик, но выполз из гущи водорослей преогромный Рак. Подполз к пузырьчатке — раз! Клешней, как ножницами, разрезал её пополам, потом ещё — раз! И освободил Серебряного хвостика.

— Как вы попали в мои владения, малявки? — спросил Рак. А Серебряный хвостик и Колюшка от страха никак отдышаться не могут.

— Не сердитесь на нас, дяденька Рак,— сказала Колюшка,— мы спешим к воротам, где гремят водопады, чтобы выплыть в море.

— В море? — удивился Рак.—Жили бы себе тихо-мирно... Зачем вам море?

— Мы так много слышали о море,— сказал Серебряный хвостик,— что хотим его сами увидеть.

Старый Рак задумался и сказал:

— Ну что ж, плывите к морю, счастливого вам пути!

— Спасибо, дяденька,— крикнули Серебряный хвостик и Колюшка и поплыли дальше, вниз по течению.

Река всё расширялась и была так глубока, что дна не видно, только чёрная пучина внизу. Рыбки всматривались вперёд, но стены не было видно. Наконец послышался гул: у-у-у!!!

— Смотри, Колюшка! Смотри! — радостно закричал Серебряный хвостик, да тут же замолчал и подпрыгнул над водой от удивления. Это была совсем не стена, а длинный мост через реку, и опять загудело: у-у-у!!, и по мосту с грохотом промчался поезд.

Рыбки так перепугались, что нырнули поглубже, забились в водяные травы и просидели там до утра.

А утром Серебряный хвостик заплыл за большую корягу и увидел пещеру. Вот куда можно спрятаться!

Колюшка кинулась в пещеру за Серебряным хвостиком, и вдруг пещера захлопнулась! Это была совсем не пещера, а сомовья пасть.

— Не робей, Серебряный хвостик! — закричала Колюшка, распустила колючки и ну метаться в сомовьей пасти и колоть её острыми иглами.

Сом не выдержал, раскрыл пасть и крикнул:

— Убирайтесь, убирайтесь вместе с вашими колючками!

И рыбки выскочили целы и невредимы из сомовьей пасти. Проплыли они под мостом, и мост им показался теперь совсем не страшным.

— Спасибо тебе, Колюшка! — сказал Серебряный хвостик.— Если б не ты, проглотил бы нас Сом!

И опять поплыли рыбки вниз по реке к морю. Впереди храбрая Колюшка, с жёлтым брюшком и зелёной спинкой.

К вечеру впереди показались огоньки, всё больше их, больше... И гул и грохот всё больше, ближе...

Рыбки испугались, их несло течением прямо к огонькам. От огня на плотине было светло как днём. От удивления рыбки забыли страх, сильный поток схватил их и... закрутило, завертело, и рыбки промчались в струю водопада и оказались за плотиной на широкой реке.

— Ну вот,— сказал Серебряный хвостик, — не такая уж страшная эта плотина, как рассказывала большая Рыбина!

Ещё день плыли, ещё ночь. Дальше, дальше - и вот оно, море!

Волны блестят на солнце, над волнами летают белые чайки. Вода морская солёная, не то что в реке. На дне морском растут водоросли и плавают не знакомые Серебряному хвосту и Колюшке рыбы.

Серебряный хвостик сначала не мог привыкнуть к морской воде, к высоким волнам над головой, а когда привык, море ему понравилось. Но каждый день Серебряный хвостик и Колюшка вспоминали свою жизнь в аквариуме, девочку Гульнар и были благодарны ей, что она выпустила их на волю.

ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА

(По Пьеру Гамарра)

Если уж я начну об этом рассказывать, может быть, не смогу сегодня и закончить. И всё же послушайте.

Это случилось в одной из школ. Уже свечерело, дети разошлись по домам. Красный журнал и перочинный ножик учительницы, которым она точит карандаши, убраны. Чёрная доска вытерта, окна закрыты. На столе остались

маленький кусочек мела, старая чернильница и обломанное перышко, застрявшее в щели между досками стола.

Как раз вот в этот вечер сломанное перо, которому всё хотелось знать, повернуло свой нос к чернильнице и спросило: — Госпожа чернильница, вы ничего не слышите?

— Подождите немного, я прислушаюсь,— сказала чернильница. Она была очень старая и уже плохо слышала.

— Какие-то голоса в библиотеке,— прошептало перо.

— Да, и я слышу,— подтвердила чернильница. — Это книги шепчутся. Что-то случилось. Они после работы всегда очень тихо стоят.

И правда, книги шевелились. Их картонные переплёты скрипнули и распахнулись, а вот и страницы зашелестели и, наконец, уже явственно, послышался чей-то тоненький голосок.

— Уж не собираются ли они убежать? — промолвило перо. — Может быть, они решили отправиться в путешествие? Вот интересно-то было бы!

— Да нет! — возразила чернильница, — им никуда не уйти: дверь библиотеки крепко заперта.

— Тогда что же там происходит?

Однако ответить чернильница не успела: вдруг какие-то белые и чёрные маленькие штучки бойко запрыгали в комнату через замочную скважину двери.

— Ой, что это? Что это такое?! — вскрикнуло перо. — Я, кажется, их знаю. Я...

— Подожди-ка, — перебила его чернильница. — Я тоже где-то их видела...

Перо опять не выдержало:

— Ух, и много же их! Целая куча!

— Ну посмотри ты на этих крошек, — продолжала чернильница.— Я их узнала. Конечно, это — слова.

— Слова?!

— Да, слова, которые пишутся мелом, карандашом, чернилами и пером.

Уж мы-то с тобой должны их знать.

— Да, да! — воскликнуло перо. — Как же я сразу их не вспомнило: я ведь и осталось без носа — так много слов пришлось писать и переписывать. Посмотрите, сколько их наскakало. Неспроста. Интересно, что это они задумали?

— Сюда, сюда идут,— сказала чернильница.— Прямо к учительскому столу... Ой, по ножкам стула вверх лезут, да как проворно. А что говорят — понять невозможно. Все разом, хуже чем школьники в классе.

— А какие это слова? — спросило перо.—Я посмотрело бы хорошенько, да не могу выбраться из щели.

— Подожди немного,— ответила чернильница, и ещё шире открыла свой единственный глаз. — Я некоторые уже узнала. Вон то слово «СУП».

И правда, жирное и толстопузое, еле ползет. А вот и «УКСУС». Но их не спутаешь, смотри какие у него острые плечи, и волосы, как иголки!

— А нет ли там слова «КОНФЕТА»? — спросило перо и облизнулось, сразу видно—лакомка.

— Есть, конечно. Приятное слово: золотистые волосы, руки белые-пребелые, а на голове — шапка из сахарной пены.

Пока они так разговаривали, слова уже взобрались на учительский стол и ещё пуще зашумели. Но тут же одно слово вскочило на тряпку для вытирания доски и пронзительным голосом закричало:

— Успокойтесь, успокойтесь же! Не то я вас...

— Это слово «НАКАЗАНИЕ»,— прошептала чернильница. Тонкое тельце бедного перышка задрожало от испуга.

«НАКАЗАНИЕ» было в чёрной длинной одежде и железных очках. Волосы у него были синие и редкие, и торчали как старая метла.

— Эй, не шумите! — сказала оно строго.— А то швейцар услышит, и нам придётся снова спрятаться в книжки — каждому на своё место.

— Швейцар нам ничего плохого не сделает,— возразило слово «ДОБРОДУШИЕ».— Он очень хороший человек.

— Не верьте ему,— пробурчало «КОВАРСТВО». Это слово было худое, некрасивое, с зелёными свалывшимися волосёнками.

— Ладно, хватит,— спокойным, приятным голосом проговорило «БРАТСТВО».— Мы ведь собрались здесь не для споров: хотели выбрать председателя. Давайте сразу и приступим. Согласны?

— Согласны, согласны,— раздался целый хор голосов.

— Так торопитесь,— сказали «ЧАСЫ».— Кто хочет стать председателем?

— Я не смогу,— сказала «РОБОСТЬ».— Если кто скажет мне хоть словечко — сразу покраснею, как вишня.

— Я хочу! — выкрикнуло вдруг «ЖЕЛЕЗО».— Я выносливо, у меня сильные руки. Кто будет голосовать за меня?

— Не торопитесь,— возразило «ЗОЛОТО». — Вы видите, на мне всё сияет: волосы, одежда... Люди от меня глаз не могут оторвать. Для всех я самое желанное любимое слово.

— Нет, неправда,— вмешался в разговор спокойный голос. Это сказало «СЕРДЦЕ». Круглое, яркое, оно всё светилось приятным алым светом.

— Что?! Ты скажешь, что не я самое любимое слово каждого человека? — рассердилось «ЗОЛОТО» и засверкало так, что смотреть на него стало трудно.— Каждый, кто хочет стать богатым, любит меня.

— Нет, самое милое человеку слово не ты, а вот оно! — сказало «СЕРДЦЕ» и показало рукой на слово с лучистым лицом и нежными руками, в легком простеньком платье.— «МАМА»! Это слово самое близкое и самое дорогое для каждого. Я хочу, чтобы слово «МАМА» стало нашим председателем.

В это время поднялось слово «ЦВЕТОК»: маленькое и нежно-душистое.

— Есть ещё чудесные нежные слова,— сказало оно чуть слышным голосом.— Что если мы выберем председателем «ЛЮБОВЬ», «НЕЖНОСТЬ» или «ПРАВДУ»?

— Нет, нет!— закричало «КОВАРСТВО», трясая зелёными волосами.— Другого, другого! Я предлагаю слово «КНУТ». Он здорово хлещет. И ещё хорошее слово «КИНЖАЛ». Такое тонкое, острое — каждый, кто его увидит, испугается.

Вдруг, всех расталкивая, на середину выбралось круглое, жирное слово «СУП».

— Послушай-ка и меня,— сказала оно, шлёпая губами.— Я предложу того, кто всех нужнее. Это слово «ХЛЕБ». Его всякий любит, он каждому нужен. А кто не любит слово «УРОЖАЙ» в золотой одежде?

— И мне пришла в голову одна мысль! — сказала «ДОБРОТА» и подошла к столу.— Что скажете о слове «ДОМ». Его каждый любит. Как многие мечтают о том, чтобы иметь свой дом, но не могут этого добиться. Ну что, разве не лучше слово «Дом»?

— Нет, нет! — крикнул «ВЕТЕР», и от его голоса, казалось, вокруг стола забушевала метель.— Дом мне противен, он укрывает людей, мешает мне щипать их за нос и уши...

— Дайте мне сказать! — произнёс очень сильный голос. Это было самое большое и круглое, как шар, слово.

— Вот какое оно, оказывается, слово «ЗЕМЛЯ»! — поразился «ЦВЕТОК».

Слово «ЗЕМЛЯ», действительно, было изумительным. В его одежде соединялись и коричневый цвет только что вспаханного поля, и цвет золотого спелого хлеба, и цвет зелёного леса и белого-белого снега.

— Друзья!— сказала «ЗЕМЛЯ», немного умерив свой мощный голос.— Я предлагаю слово «ДРУЖБА». У него честные надёжные руки. Или слово «ЕДИНСТВО» — оно тоже желает и советует народам жить мирно, в согласии.

Голоса в комнате звучали всё громче. Говорили и кричали все разом и никак не могли прийти к общему мнению.

Наконец слово «МАМА» подняло вверх нежную руку. И сразу в комнате установилась тишина. Чернильница и перо, чтобы лучше слышать, затаили дыхание.

— Друзья, дорогие мои слова, которые люди произносят и пишут в книгах, — начала «МАМА». — Я нашла слово, достойное быть председателем. Его любит весь мир. Оно дороже всех каждому: мужчинам, женщинам и детям, хлеборобам и каменщикам. Это слово состоит из трёх букв, но в нём слиты все лучшие слова, какие мы знаем: «ЛЮБОВЬ», «ХЛЕБ», «ДОМ», «ЕДИНСТВО» и много других... И тут раздался дружный хор:

— МИР! МИР! — кричали и пели слова.

И от этого дружного хора вся комната наполнилась светом, как будто солнце внезапно выглянуло из-за тучи.

— «МИР», пусть «МИР» будет нашим председателем! — разом вскричали слова. Но не все: некоторые молчали, стиснув зубы. Слово «КОВАРСТВО», вместе с некоторыми другими, такими же отвратительными, как само, отступило в угол, и там они стояли, не решаясь пошевелиться, в страхе перед дружной семьёй чистых светлых слов.

«МИР» приблизился к столу. Он был прекрасен. Какие только краски не сияли на его одежде! Белый, как мука. Синий, как море, по которому плывут корабли, несущие товары из одних стран в другие, ярко-зелёный, как заливной луг, на котором растут душистые травы, жёлтый, как золотистые колосья хлеба. Все, все краски вобрала в себя его одежда.

...И «МИР» стал председателем. От его одежды, взора, волос лились лучи света...

— А теперь, друзья мои, все на свои места — сказал «ТРУД», потирая руки. — Уже рассвело, скоро придут сюда мальчики и девочки. Они хотят узнать из книг многие, очень многие вещи. Мы должны позаботиться о них и подготовиться к урокам.

И тут же слова, как капли, посыпались на пол. Через замочную скважину в двери они проникли в библиотеку. Переплёты книг распахнулись и слова мгновенно оказались на своих местах.

А в школе остались лишь тонкий аромат цветов и солнечных лучей сияние.

БАБОЧКА-ВЕТРЯНОЧКА

С неба в ручей солнечный лучик упал и запрыгал в воде, заиграл.

Развеселился и ручеёк. Бежит себе к колхозному саду и журчит, и поёт.

А в саду-то, в саду глаз не отведёшь: груши, яблоки поспели, помидоры покраснели, тут капуста точно кочка в чистой беленькой сорочке.

— А это что за молодцы?

— Огурцы мы, огурцы. Бочки в сад скорее несите и солите нас, солите!

Тыква толстая созрела, вся как солнце пожелтела.

— Ну быстрее меня снимайте, да семян не растеряйте. Кашей сделаться хочу! Всех на славу угощу!

А на поле колос зреет: то колхоз наш богатеет.

— Надо, надо поспешать, мной амбары загружать, ведь на то и осень. Осень золотая, полная даров!

Но кто же в воздухе летает, кто луч солнца обнимает ярким радужным крылом? То листочек? Не листочек. То цветочек? Не цветочек. Ой, да это ж бабочка, по прозвищу Ветряночка.

— Бабочка-Ветряночка, весь народ на поле, весь народ в заботе. Помоги нам, милая, помоги в работе!

— Нет,— Ветрянка говорит, — труд меня не веселит. Солнца луч меня ласкает, ветерочек обнимает. Вот и вся моя забота, вот и вся моя работа!

И над цветами и травами бабочка кружится, порхает, ничего другого не зная. Увидав на тыкке пчёлку, говорит ей:

— Мало толку от работы. Это ли твоя забота? Брось, подруженька, трудиться, будем вместе веселиться! Очень уж денёк хорош, лучше, право, не найдёшь.

Пчёлка словно не слыхала, что Ветрянка ей сказала: по цветкам себе летает, зобик мёдом наливает. Тут Ветрянка разозлилась:

— Ах, ты вот как? Все хлопчешь, мне подружкой быть не хочешь? Ну, стой же ты, стой: рассчитаюсь я с тобой! — И толк крылом! Пчёлка свалилась, глазки, лапки — всё слепилось, перепачкалось в меду.

— Вот какая ты малявка! Но мне тебя ужалить жалко, хотя и нужно бы показать, что нельзя никому в работе мешать. Осень стоит на пороге, холода спешат по дороге. На полях хлеба уже зреют, скоро стужею повеет. Закрутит, завьётся вьюга и тебе, лентяйка, будет худо. А давно пора, Ветрянка, знать: когда работать, когда играть!

А та смеётся всё, хохочет, пчёлке верить никак не хочет.

— Неужели ты забыла, как сама играть любила, как резвилась и летала, о зиме и не гадала? Да и сейчас-то снега нет! Солнце греет в полный свет. Будем веселиться! В день такой чудесный глупо бы трудиться.

— Нет,— ей пчёлка отвечает,— я ведь на год припасаю и без дела не могу. Как наступят холода — ты покаешься тогда. И к тебе придет забота. Торопись, иди работай!

Но Ветрянка, как беглянка, добрый совет не послушала и, не простившись, в путь пустилась.

Долго-долго, резвясь и играя, она летала, очень устала. У большого дерева присела, туда-сюда поглядела — где найти воды напиться? Можно б дальше веселиться. Слышит — тонкий аромат, а из травы едва глядит синий лепесточек, маленький цветочек. Наклонилась к серединке, жадно выпила росинку.

— Ах, как вкусно, — говорит, — маленький цветочек! Но мне жаль тебя, дружок: ты совсем один растёшь, никого не знаешь. Даже мелкая букашка пролетает стороной. Побежим играть со мной!

Отвечает ей цветок:

— Я совсем не одинок. И человек и зверь лесной — все всегда довольны мной. И за цвет и аромат все меня благодарят. А когда видишь радостные лица, так и хочется трудиться, так и хочется цвести, людям счастье принести.

Старый дуб к цветку нагнулся, зашумел и улыбнулся.

— Молодец, малыш, — сказал. — Ты заботлив, я это знал.

А Ветрянка рассердилась, порх — и дальше в путь пустилась. Видит, на лужайке муравей хлопочет; большущую соломинку с места сдвинуть хочет. К нему другой подбегает и изо всех сил тащить помогает.

Ах, как весело играют! И зима их не пугает! Эти, право, трудиться не хотят и, конечно, со мною играть полетят!

Тут Ветрянка развеселилась, к муравьям скорей пустилась.

— Здравствуйте, затейники! Я бабочка, зовут меня Ветряночка. А вас как звать? Давайте вместе играть!

Но муравьям не до игры; до самой вечерней поры они всегда торопятся, тащат соломинки к муравейнику. Некогда им болтать с незнакомым бездельником.

Смеясь, подошла Ветрянка поближе, за соломинку взялась и давай её к себе тянуть, давай хлопотать, без толку силы напрягать.

А толк в работе нужен: шлёп — и свалилась в лужу. С головой бедняжка в воду погрузилась да и чуть не утопилась. Прибежали гурьбой муравьи из муравейника, пожалели — вытащили бестолкового бездельника.

— Глупая ты бабочка, бабочка-Ветряночка! Разве мы шалим, играем? Мы соломку собираем. Нам ведь надо спешно чинить избушку, а то лютая зима поймает в ловушку. Закрутит, завьётся вьюга, тогда всем бездельникам станет туго.

Муравьи за соломинку снова схватились и проворно в муравейнике скрылись, а Ветрянка еще пуще рассердилась, разворчалась:

— Глупы и пчёлка, и цветок, и скучные муравьи: в этот солнечный денёк их не радует игра. Все с утра уже копошатся, строят, носят, точно их об этом просят.

Вдруг высоко в небе закричали дикие утки. Обрадовалась им Ветрянка:

— Эй вы, странницы-утки! Вы, наверное, любите смех и шутки. Подождите-ка меня! Будем вместе мы летать, будем весело играть!

— Нет-нет! — отвечают Ветрянке утки.— Осень нам не смех не шутки. Осень — страдная пора, собираться в путь пора! Стужи ждать мы не хотим, в тёплый южный край летим! — Сказали и скрылись.

Вновь Ветрянка без подруг. Оглянулась, видит, речка весело струится, солнца луч в волнах резвится. И она развеселилась, к речке радостно пустилась.

«Вот с кем буду я плясать и кружиться и играть!»

Слышит, волны зашептали:

— Отдохнули, луч, с тобой, поиграли-поплясали, а теперь давай работать: осень нас не будет ждать, надо все дела кончать.

Рассердилась вновь Ветрянка:

— Ты не речка, а стекляшка, почему ты всё хлопчешь и со мной играть не хочешь?

Налетел сердитый ветер, глупой бабочке ответил:

— Ты, Ветрянка, вздор болтаешь, а сама того не знаешь, что играть и лениться речке вовсе не годится. Ведь не зря течёт она, а с грузом баржи и суда доставляет нам всегда. И вовремя успеть ей надо. А уже зима в дороге. Дохнёт — и отнимутся у реки ноги, покроется льдом вода. А тогда не дойдут, замёрзнут в пути плоты и суда. Вот это уж будет большая беда. Потому река торопится бежать и с тобой ей некогда играть.

Но вон там, посмотри, в саду тенистом, мальчик что-то замышляет. Он забот ещё не знает и с тобою поиграет.

Тут Ветрянка оживилась, сразу в сад лететь пустилась.

Мальчик обрадовался бабочке, стал с ней играть, на ножке скакать...

Долго вместе они по саду носились, мальчик устал и спросил:

— Бабочка-Ветряночка! Весь день ты летаешь, весь день ты играешь, а как не устаёшь?

Бабочка повыше взлетела и, сверкая на солнце крылышками, пропела:

— На полях я живу, на лугах и в лесу, но работы я не знаю и забот не несу. Потому никогда мне резвиться не лень, потому и люблю я играть целый день.

Но вскоре мальчугана мать позвала:

— Уже домой пора, сынок. Ты ведь школьник, а урок приготовить надо в срок.

Наступил и вечер, делать больше нечего. Солнцу спать пора до утра. И опять Ветрянка осталась одна. Мёрзнут крылья, мёрзнут ножки, где ж тепла найти хоть крошку? Вот присела на цветочек.

— Ты согрей меня, дружок!

Но цветочек говорит:

— Видишь, там костёр горит? Только грейся у него осторожно, от огня сгореть ведь можно.

Глупую Ветрянку это насмешило, не ответила цветку, к костру поспешила.

— Ой, светло! Ой, тепло! У огня-то лучи, как у солнца, горячи! Не страшны мне теперь ни снега, ни вьюги, у костра и зимой не будет худо. А огонь, смотри, мигает, это он со мной играет. Я кружусь, я лечу, с ним играть сама хочу!

Ветер строго ей в ответ:

— Не шути с огнём, не балуй, а не то сгоришь, пожалуй.

Но Ветрянка всё хохочет, ветра слушаться не хочет. А огонь опять мигает, каждым бликом подзывая.

— Я кружусь, я лечу, я с огнём играть хочу!

Так Ветрянка вновь запела, ещё ближе к костру подлетела. Не послушала она ветра напрасно. И вот...

Ох, как страшно! Ах, ужасно! Пламя мигнуло, глупую бабочку притянуло...

Ярко вспыхнули её крылья и... щепотка пепла осталась от Ветряночки!

Заки Нури

1920-1994

СЕГОДНЯ ПАПА МНЕ СКАЗАЛ...

Сегодня папа мне сказал:

— Ты, сынок, всезнайкой стал.

Кажется, вопросов трудных

Для тебя на свете нет,—

На любой сию минуту

Можешь ловко дать ответ.

Папе сразу же ответил:

— Разве знаю всё на свете?

Так какой же я всезнайка!

И к тому же не зазнайка.

Так что, папа, называй-ка

Поскромнее — многознайкой!

Перевод С. Малышева.

ДОМА НЕТ!

С рынка мама пришла домой

И просит помочь сынка:

— Камиль, ты посуду на кухне помой,

А я пельмени сварю пока!

Но слышит в ответ: — Нет дома меня!

Ох, трудно мне в эту минуту!..

Неужели ты, мама, не можешь понять,

Что я в стране Лилипутов!

От дома сейчас я за тысячи миль!

Ты мною должна бы гордиться...

— И в книгу опять уткнулся Камиль,

Опять шелестят страницы.

Время летело. Настал обед.

От книги Камиль оторвался.

Прибежал на кухню — обеда нет!

Голодный герой растерялся:

— Мама, поешь мне дай побыстрей! —

Но мама Камилю сказала:

— Сынок! Ты ли это стоишь у дверей?
Ты дома? А я и не знала!

Перевод Ю. Островского.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СТАТЬ БОЛЬШИМ

Хоть и маленький Фарит,
Я иногда играю с ним...
Вчера малыш мне говорит:
— Хочу быстрее стать большим!

И я совет мальчишке дал:
— А ты представь, что ты — большой.
Когда игрушки разбросал,
Сам убирай их за собой.

Не порти книжки никогда.
За чистотою сам следи.
И Ваську, вашего кота,
Спать на подушку не клади.

Не бегай больше от гусей
И не кричи:
«Ой, ущипнут!»
Не обижайся на друзей,
Когда в игре тебя толкнут.

И уж, конечно, не реви:
Большой мальчишка не ревет...
Во всём с меня пример бери,
Ведь старше я на целый год!

Перевод С. Малышева.

ЗАГАДКИ

1. Птица та
невелика,
в ней великая
река!

(Иволга и Волга)

2. Пищу в море ищу
в свой дом я тащу.
И вдвоем —
я и дом —

через горы идем!
(Черепаша)

3. Кто всем —
командир
и семь...
в нем дыр?
(Голова)

4. В марте он
еще лежал,
а в апреле
побежал!..
(Снег)

5. Два в комнате братца,
тут век ими прожит.
Но братец добратся
до братца
не может.
(Потолок и пол)

6. Они достанут
до Луны,
а не достанут
до спины.
(Глаза)

7. Они без ног,
а всё идут,
без рук,
а бой дадут!..
(Часы)

8. В глухой чашобе
над водой
построил дом
бабай седой.
(Бобер)

9. Нету в Африке во всей
зверя выше и сильней.
Лев бы съел —
удар копыт

отбивает... аппетит!
(Жираф)

10. Ткет—
тончайшие шелка—
в них достиг он... потолка!
(Паук)

11. У других такой наряд
вы увидите навряд:
носит сразу
без застежек
белоснежных сто одежек.
(Капуста)

12. Зеленый шар,
а в шаре — жар!
(Арбуз)

13. В темной комнате сидит,
а на улице — коса.
Выйдет —
зорькою глядит
эта девица-краса.
(Морковь)

14. В огороде росла,
в земле яйца снесла.
(Картофель)

15. На грядке зеленый,
а в кадке соленый.
(Огурец)

16. Срежу в роще
не груздей —
сто рубиновых гроздей
и в морозец
я дроздам
это лакомство раздам!
(Гроздь рябины)

17. Взлетел ты до небес —
он с глаз почти исчез.

Спускался ты все ниже —
он был все ближе,
ближе.

(Горизонт)

18. Из рода сычей.
Известно всем — чей.
Два уха
имеет
и ухаты
умеет...

(Филин)

19. Часы заводит
и, сидя, ходит!..

(Шахматист)

20. Два папы и два сына,
деля три апельсина,
берут по одному.
Кто скажет:
почему?

(Дед, отец, сын)

21. Люди гонят со стола —
мнит, что ей
радушно машут:
— С нами ешь —
вот пастила,
вот кисель тебе,
вот каша!

(Муха)

22. В темноте дупла иль крыш
полуночица живет.
И поймать такую мышь
может лишь
летучий кот.

(Летучая мышь)

23. Она без пасти,
а всех зубастей!

(Пила)

Перевод И.Законова.

Рафаиль Тухватуллин

1924-1992

ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА

Звонок на последний урок уже прозвенел.

— Ну, бежим, что ли, в класс? — сказал Харис, обращаясь к другу.

— Что-то не хочется. Давай не пойдём, а? — прогнусавил Рафис, почёсывая пальцем затылок.

— Что ты, разве можно так?

— А почему нельзя? Ничего не будет, если пропустим один урок...

— Учительница заругает, да ещё родителей позовёт. Что тогда?!

Харис вроде бы уговорил Рафиса, хотя и самому тоже не хотелось идти в класс.

Стоял тёплый весенний день. Солнце уже сдёрнуло с завалинки накинудое Дедом Морозом белое покрывало, ласково разбудило перезимовавшую под снегом зелёную травку и сейчас светило по-особому приятно.

Оно с утра успело тёплыми лучами погладить мелкие веснушки на лице у Рафиса, не забыло прикоснуться и к жёстким, как щетина, волосам Хариса. Может, поэтому у друзей было отличное весеннее настроение.

Но урок есть урок, и пропускать его нельзя. Едва Харис успел прикоснуться к ручке входной двери, Рафис моментально схватил его за рукав.

— Гляди, какая громадная птица! — потянул он назад. — Откуда, интересно, такая гостья прилетела? В наших краях вроде бы таких нет?

Приоткрыв рот от удивления, Харис застыл как зачарованный. На палисаднике дядюшки Хакимуллы, по ту сторону улицы, сидела большая птица, изредка помахивая саженными крыльями.

— Рафис! Что это за птица? Откуда она пожаловала к нам?

— Может, коршун такой громадный, а?

— Что ты, разве она на коршуна похожа. Знаешь, кто это?

— Кто?

— Должно быть, огромный горный беркут. Вот кто. А таких, как ты, он может запросто утащить на крыльях! Ясно?

Рафис не нашёлся, что ответить, смолчал.

— Загляделись мы тут с тобой на чудо-птицу и совсем забыли про урок,— напомнил Харис.— Открывай дверь, потом узнаем, что это за птица.

— Да не спеши, успеем, никуда не денется твой урок, — отмахивался Рафис — Давай лучше перебежим улицу и поближе подойдём к птице, тогда и разглядим, какая она.

— Нет уж. Бежим скорее в класс, заругает учитель. Бежим!

— Постой, постой...

Рафис явно не был настроен идти на урок.

Вдруг он заметил, как у Хариса стали раздуваться ноздри. Кто-кто, а он-то уж знал своего друга. Если у него раздуваются ноздри, то что-то он задумал. Лучше к нему не подходи: будет настаивать на своём. А то ещё, вдобавок, шею может намылить, если перечить ему.

Рафис на этот раз уже двумя пальцами поскрёб затылок.

— Давай хоть кинем камень или палку,— решил он.— А?..

— Надень лучше мою шапку, если боишься,— поморщился Харис.— Ладно уж, бежим к птице.

Друзья только успели перейти улицу, как птица поднялась и улетела.

— Ага! Испугалась! — обрадовался Рафис.

— Гляди, гляди! У неё же золотые крылья! — воскликнул Харис.

Действительно, мальчикам показалось, что крылья неизвестной птицы блеснули золотом.

— Знаешь, это не просто беркут, — заговорил Харис, прикрывая ладонью глаза от солнца.— Это какая-то южная птица. Точно южная!

Может, павлин, а?

— Какой тебе павлин? Это получше павлина...

Рафис стал приглядываться.

— Смотри, смотри, — нетерпеливо закричал он, — села за огородами!

— Бежим скорее...

У Хариса ещё шире раздувались ноздри, а Рафис тремя пальцами почесал затылок, и, как бы читая друг у друга мысли, они разом сорвались с места и поспешили за золотокрылой птицей.

Не разбирая дороги, мальчишки бежали напрямик, разбрызгивая лужи мутной воды. Разом перескочили через забор — и... провалились по самый пояс в жидкий, как кисель, снег. На этот раз они не стали обращать внимания на такие пустяки. Стоит ли, когда охотишься за такой необыкновенной птицей!

— Рафис, давай быстрее! А то снова она улетит.

— «Быстрее, быстрее»... Как же быстрее, если я ноги не могу вытащить из этой каши.

— Так я и знал, возишься, как черепаха! Давай скорее руку.

Харис шагнул к другу и сам провалился в грязь.

— Не вешай носа! Чур, не хныкать! — сказал он, вытаскивая руками свои прилипшие сапоги.

— А я и не думаю хныкать. Не сдаваться же из-за этого... — приободрился Рафис и хотел было по привычке почесать свой затылок, да вовремя спохватился: все пальцы были испачканы грязью.

— Ну что ж, не сдаваться так не сдаваться, — повторил Харис.

Друзья были по уши в грязи, только зубы да глаза блестели на солнце. Они напоминали негрятят или жителей южных стран, откуда прилетела эта таинственная птица.

С большим трудом выбрались мальчишки из вязкого весеннего болота, но не отступились от птицы.

— Тсс! Давай теперь идти потише, чтобы не спугнуть птицу, — предложил деловито Харис и стал подбираться на цыпочках.

— Не надо подходить близко,— высказал свои опасения Рафис.

Подул ветерок. Солнце на миг спряталось за облака. Стало прохладно. Харис и Рафис зябко поёжились, взглянули друг на друга. Но тут золотокрылая птица вспорхнула и снова улетела.

Мальчики удивились: отчего она вдруг снялась. Но что поделаешь? Раз птица, так она и должна летать. И никто ей не прикажет сидеть на месте. Но вот что было удивительно: на этот раз у птицы крылья не отливали золотом, а были окрашены в серовато-коричневый цвет, Почему-то и облик свой она изменила: куда-то спрятала голову, и ноги куда-то подевались, крылья тоже стали другими — обвисли...

— Знаешь, что это за птица? — пытался разобраться Харис.— Заколдованная. Вот какая! Я тебе точно говорю. Раз посмотришь— золотокрылая, другой раз глянешь — какая-то другая, совсем не похожа на себя... Заколдованная она. И всё тут.

Рафис стоял в недоумении, лишь пробормотал, гнусавя:

— Не знаю... Не может...

Но Харис уже не слушал его.

— Гляди, опять села за овином! — закричал он.— Бежим!..

— А может, не пойдём, как ты думаешь, а? Нам и так попадёт уже...

— Эх ты, сам же предлагал, а теперь назад. Сказано — черепаха! Беги скорее к своей мамочке, а я и один могу пойти,— Харис решительно шагнул вперёд.

Рафис никак не хотел оставаться на положении черепахи и поспешил за другом.

Голодные и уставшие, мальчики опять вместе шли за волшебной птицей, которая была очень обманчивого оперения. Теперь они знали это точно.

Когда они возвращались домой, солнце уже закатывалось за Чупайскую гору, а тени невысокого палисадника Хакимуллы-абзы протянулись через всю улицу до ворот школьного двора.

Мальчики едва волочили ноги. Да как же иначе! На каждой ноге было по пуду грязи...

Но что это! Они, никак, поймали волшебную птицу и несут её! Она в руках у Хариса. Должно быть, тяжёлая, еле волочит её по земле...

Друзья шли молча, понутив головы, злясь друг на друга. Первым прервал молчание Харис.

— Всё из-за тебя. Тоже мне глаза...— ворчал он.

— Да это ты во всём виноват. «Бежим, поглядим да поглядим...»

— Теперь поздно ныть, лучше помолчи...

— А я и не ною. Пусть так...

В это время Хакимулла-абзы разбрасывал во дворе не успевший растаять в тени снег. Услышав разговор, он облокотился на лопату и стал поджидать, когда мальчики подойдут ближе.

— Здравствуйте, ребята! Никак рыбы наловили где-то?

Харис и Рафис остановились около изгороди Хакимуллы-абзы, боясь поднять на него глаза. А он, рассматривая черномазых ребят, чтобы не рассмеяться, поглубже надвинул на брови шапку с торчащими в разные стороны ушами.

— Нет, не рыба это...

— Может, сом? — не отступал Хакимулла-абзы.

— Нет,— шмыгнул носом Харис. — Птицу поймали...

— Птицу, говоришь? Какая же это птица?..

— Не настоящая, конечно... Да всё из-за Рафиса... Вон, говорит, на заборе сидит какая-то странная птица... Вначале и мне показалась настоящей... Огромная такая. И крылья золотыми показались... А потом...

—В-о-н оно что...— протянул Хакимулла-абзы и совсем надвинул свою лопухую ушанку на самые глаза. — Сдаётся мне, что ваша птица вроде напоминает тряпку, которой тётушка Хупджамал моет пол. Сейчас я припоминаю слова своей старухи, будто бы вывесила она поутру половую тряпку, а её неизвестно куда сдуло ветром... Да тряпку-то совсем не жалко, сдуло так сдуло. А вот ваше время...— Хакимулла-абзы на минуту замолчал, что-то обдумывая, а потом предложил: — Почему бы нам не зайти в дом и не потолковать там?

Мальчики молча пошли за ним.

...А через час Хакимулла-абзы провожал их до ворот. Теперь шагать было совсем легко: грязь с сапог смыта, одежда почищена. Если бы на улице было чуть светлее, то можно было рассмотреть и чистые ноздри Хариса и жёлтые веснушки Рафиса, выступившие на его лице утром.

— Вот так, ребята,— сказал на прощание Хакимулла-абзы.— Сегодня вы не подумали, прежде чем догонять золотокрылую птицу. А главное в том, что упустили другую очень ценную птицу, которая была в ваших руках. Она называется Время. Ох, и дорогая же эта птица, ребята. Слишком дорогая...

Мальчикам стало стыдно, они опустили головы. А Хакимулла-абзы, погладив друзей по голове, добавил:

— Вы ещё маленькие, ребята. Но научитесь не выпускать из рук эту чудесную птицу — Время, тогда в жизни сумеете многое сделать... Запомните мой совет, он вам пригодится.

Перевод Л. Файзуллиной.

Лябиба Ихсанова

1923-2010

В ЛЕСУ*

Дорога как вырвалась из города, так и пошла петлять между поросшими лесом холмами. Каких только деревьев нет в лесу! Листики крошечные, едва выбрались из почек и раскрывают ладошки навстречу весеннему солнцу. Лес еще прозрачный, его словно насквозь видно. Но черемуха, калина вот-вот зацветут, Тонкий аромат их уже разнес по лесу слабый ветерок. А на липах листочки только еще собираются развернуться, черные стволы их хорошо видны в прозрачном лесу. Липа цветет поздно, в середине лета. А теперь самая пора ее пересаживать.

Грузовик остановился у лесной опушки. Ребята так и посыпались из кузова и остановились, зачарованные красотой леса. Но не на долго. Вот уже и смех, и веселые голоса. Еще момент, и они всей гурьбой кинулись от дороги к лесу. Около машины остались Константин Петрович и Аня.

— Твоей команде тут не на один день работы, Аня, — заговорил Новиков. — И не только сейчас — липки выкопаем и в город отвезем. Местами тут такая гущина, молодые деревца друг другу жить не дают, теснят. Их разрядить надо. И сухостой убрать, мертвые, значит, деревца. Сухие. Это как раз забота ваша — кружка любителей природы.

Мы так и думаем, Константин Петрович, — отозвалась Аня. — Я с лесником уже договорилась. Он нам и это место показал, где липки выкапывать. И дальше, что надо, покажет.

Тем временем ребята вернулись обратно и теперь доставали из кузова лопаты.

— Аня, мы вот что придумали, — заговорил Фоат. — Пусть каждый посадит столько лип, сколько у них в семье ребят.

* Отрывок из рассказа «Улица космонавтов».

— Мне, значит, больше всех сажать достанется, — отозвался Камиль. — Ну, я даже с удовольствием.

Камиль после воскресника как-то присмирел и погрузился. Он все время старался быть ближе к Фоату, а заговаривать с ним как будто стеснялся. С Аликом у него дружба и вовсе разладилась. Алик Камиля утром больше не ждет, один в школу отправляется и за партой будто чужой сидит, в его сторону и не посмотрит. Сейчас Камиль нарочно сказал про братишек погромче и на Алика покосился. Может быть, тот скажет: «А я, мол, один и тебе помогу». Но Алик и виду не подал, что услышал, повернулся и отошел: видно, за чулан простить не хочет.

Но тут заговорил отец Алика. Он рядом стоял и, оказывается, все слышал и понял.

— С Аликом вместе будете сажать, — сказал он просто, — какая же это дружба, если другу не помочь.

Алик взглянул на отца, а тот ему чуть заметно, одними глазами улыбнулся. Как хорошо, что они теперь так друг друга понимают! Он подошел к Камиллю и, как будто ничего не было, сказал:

— Пошли саженцы подбирать, на двоих.

Камиль даже вспыхнул от радости.

— Пошли, — отозвался он, тоже как будто ничего не случилось. Может, он все сможет объяснить Алику?

А молодая роща звенела ребячьими голосами.

— Константин Петрович, можно эту липку выкопать?

— Аня, а вот эту можно?

— Не мешай, говорю.

— Выбирайте деревца помоложе и там, где тесно, они мешают друг другу расти, — говорили взрослые.

Постепенно голоса затихали. Ребята увлеклись работой и сами уже стали разбираться, где лучше выкопать молодую липку так, чтобы и соседние деревца не повредить, и дать им больше простора, света и воздуха. Негромкий говор

уже не пугал птиц, он словно вплетался в их веселые голоса, в весеннюю лесную жизнь.

Алик и Камиль молча выкопали несколько молодых деревцев, молча отнесли их к машине. Но как можно выдержать это молчание, когда чуть заметный ветерок скользит по щекам и доносит аромат черемухи, а молодая шелковистая трава мягко расступается под ногами.

На обратном пути к роще Камиль первый не выдержал, сделал стойку и ловко прошелся на руках.

— Алик, давай кувыркаться, кто больше подряд, — предложил он, став на ноги, и просительно заглянул ему в глаза. Может быть, согласится?..

— Не хочется, — сдержанно ответил Алик (Все-таки ответил).

Но Камиль не отступал.

— Давай тогда, кто выше! — и, подбежав к высокой молодой сосне, ловко стал на нее взбираться.

И Алик не устоял. Он выбрал ветвистую старую березу и легко стал перелезать с ветки на ветку, все выше и выше. Вот уже и тонкие упругие верхние ветки. Они качаются под ним, как качели, вот-вот оторвешься и взлетишь вверх, прямо в голубое небо.

— Камиль! — кричит Алик в восторге. (Все ссоры забыты.) — Камиль, лезь сюда, вместе качаться будем.

Но Камиль не слышит. Он добрался уже до самой верхушки сосны, глянул вниз и вдруг почувствовал: голова кружится, вот-вот он сорвется вниз...

Алик не боится, раскачивается все сильнее, чувствует себя чуть ли не космонавтом. Вот он летит на космическом корабле, преодолел околосемное притяжение, он уже в невесомом состоянии. Еще, еще... Ему кажется: если отпустить руки, он поплывет, полетит... А ветка раскачивается все сильнее.

— Эй, что ты там делаешь? — слышит ой чей-то испуганный голос.

Светлана. В ярком платье, точно цветок на зеленой поляне. Она протянула вверх руки, словно хочет поддержать Алика, и повторяет испуганно:

— Не качайся! Слезай! Упадешь!

Алику захотелось ее попугать, подразнить, он качнулся еще сильнее, и... ветка не выдержала, треснула, сломалась, и Алик стремительно полетел вниз.

Светлана вскрикнула и закрыла лицо руками. А Камиль, сам рискуя свалиться, соскользнул с сосны и кинулся к лежащему на земле другу. Он опустился около него на колени, вдвоем со Светланой попытался поднять его, но Алик стонал от боли при каждом прикосновении.

На крик Светланы сбежались остальные ребята, прибежал и отец Алика. Не тратя времени на расспросы, он осторожно поднял сына и понес к машине, стараясь причинять ему меньше боли. Уже около машины положил Алика на траву и разорвал на нем рубашку. Одно плечо мальчика вспухло и посинело.

— Вывих, а может быть, и перелом, — сказал отец. — Ребята, сгружайте липки, — распорядилась Аня, — мы повезем Алика в больницу. Фоат, ты остаешься за старшего, приведешь группу в город.

— Аня, Камиль, Светлана, в кузов, вы будете поддерживать Алика, — сказал Константин Петрович. — Поехали.

Ребята молча провожали машину глазами, пока она не скрылась за поворотом. Затем также молча, не сговариваясь, сложили саженцы в ряд, присыпали корни землей и тоже двинулись по дороге. На этот раз не было песен и переговаривались все сдержанно, словно боялись потревожить кого-то.

Алика увели в кабинет хирурга. Аня с ребятами остались в коридоре. Ждали. Аня волновалась и за Алика, и за других ребят. Лес, правда, небольшой, и до города рукой подать. И все же...

Алик закричал в кабинете. Еще и еще. Светлана не выдержала, распахнула дверь, но человек в белом халате быстро загородил ей дорогу.

— Нельзя, — сказал он строго, но тут же смягчился: — Ну, не плачь, все кончено, слышишь, не кричит твой товарищ. Вывих ему вправили. Легко отделался. Могло быть хуже.

Дверь опять закрылась, но уже не надолго. Константин Петрович вывел Алика, осторожно его поддерживая. Алик был очень бледен, но старался держаться молодцом. Плечо и грудь в бинтах, сверху накинут пиджак отца.

— Отвезу его домой и съезжу за саженцами, — сказал Константин Петрович. Камиль подошел к нему, губы его дрожали.

— Я, мне можно с вами? — сказал он. — Я виноват, я научил Алика на дерево влезть.

— Ничего ты не виноват, — слабым голосом проговорил Алик. — Я все сам. Папа, можно ему?

— Можно, — сказал Константин Петрович и едва не улыбнулся, заметив, каким взглядом обменялись мальчики. Старое было забыто.

Перевод С.Радзиевской, С.Ибрагимовой.

ИСКОРКА*

Газиза проснулась от грохота. Это мать принесла из сарая и сбросила у печки дрова. Сна как не бывало. Сладко потянулась, полежала тихо-тихо. В доме тепло, немного сумеречно, как бывает в ранние часы. Вкусно пахнет печеной картошкой. Отец, видно, только что ушел на работу. На столе его миска. Попискивает неостывший самовар. Колченогий, с вмятиной на медном боку.

Фатыха повесила на гвоздь свою латаную-перелатаную кацавейку и, полено за поленом, стала бросать дрова в догоревшую печку. Пусть подсыхают до завтра. Услышала — дочка не спит.

* Отрывок.

— Вставай, Газизабике, хватит валяться. На столе картошка. Поешь, пока горячая, да попроворнее. Козу опять кормить нечем.

Их дом на Варлаамской улице приютился рядом с шумным базаром. День-деньской там толкутся подводы богатых мужиков из ближних и дальних аулов, груженные мешками с фуражом, навьюченные сеном, соломой. С наступлением темноты возчики становятся на постой. Выбирают, у кого дом покрепче и двор попросторнее. У таких постояльцев всегда можно разжиться сеном или мерой овса. А вот их двор совсем маленький. Против низких, вровень с землей окошек — сарай для дров, справа — стена трактира с вывеской «Дунай», слева вплотную к дому — глухой забор медресе. Повернуться негде, не то что поставить коня. Голодная коза с обломанными рогами, единственная их живность, вечно торчит перед глазами, ходит за девочкой по пятам.

Каждый день спозаранок Газиза с подружками уже на базаре. Там клок, тут клок — собирает осыпавшееся с возов сено. Мальчишки тоже шныряют между подводами. Они смелые, не боятся ни лошадиных копыт, ни свирепых ямщиков. Зазевается какой-нибудь дядя — они тут как тут. Слетятся к возу, как воробьи, надергают по охапке сена — фрр! — и разбежались.

При случае — до чего отчаянные — даже в ясли к лошади могут руку запустить. А «на орехи» чаще перепадает девчонкам. Со свистом взвьется плеть, тонкий конец, прочертив в воздухе круг, полоснет по голым коленкам. Визжа и подпрыгивая от боли, кинутся они кто куда. А мальчишки — такие задаваки — отбегут в сторону и дразнятся, изводят до слез.

Пока насобираешь козе на корм, много раз обойдешь базар из конца в конец, отведаешь досыта плетей, наслушаешься обидных слов. Зато потом подружки отправляются куда-нибудь поиграть. Чаще всего собираются у Колобка, что живет неподалеку, на краю базарной площади. Его мать давно умерла, отец, рассказывают, где-то на войне. Мальчик живет у тетки, угрюмой косоглазой женщины — родной сестры его матери. Чтобы свести

концы с концами, она приторговывает на базаре домашними лепешками. Колобок любит похвастать:

— Вот придет с фронта отец и женится на тетушке Сабире. Поэтому она меня не бьет. Даже если лепешку стяну, слова не говорит. Чтоб мне лопнуть!

Ему никто не верит. Только вчера все видели, как она крутила ему уши, а Колобок заливался отчаянным ревом. Частые трепки так выдубили ему кожу, так ожесточили сироту, не знавшего родительской ласки, что мальчик совсем одичал.

Никто никогда не звал его по имени. Лишь тетушка Сабира скажет иной раз при людях, жеманно растягивая слова:

— Минлемухаметгали, подойди сюда.

А на улице для всех он — Колобок. Эта кличка крепко пристала к круглому, как шарик, короткому, как березовая чурка, сорванцу. Кажется, поддай ему под коленом — и покатится он, как тот колобок из сказки. Мальчик не обижается, когда его так зовут. Ведь прозвище есть у каждого. В Пороховой слободе живет замужняя сестра Газизы. Она намного старше Газизы, так что ее дочка Закира Газизе ровесница. У Закиры длинные ноги, голос грубоватый, все ухватки мальчишеские. За озорство ей и кличку дали: Закира-два атамана. А приятель Колобка — Габсаттар запросто отзывается на кличку Сова. Глаза у него и вправду совиные — большие, круглые, того гляди выкатятся. Вот с этой компанией и дружит Газиза. Иногда к ним присоединяется соседская девочка Галя. Но ее редко выпускают на улицу. Чтобы не водилась с мальчишками. Зато уж если ей удастся вырваться на волю — обо всем на свете забудет, вдоволь наиграется и тогда только вспомнит: без взбучки не обойдется.

Сегодня друзья собрались перед домом Колобка. На дверях висел огромный, с бычьей головой замок. Тетушка Сабира, зная, еще не приходила с базара.

— Пошли в сарай, там теплей,— на правах хозяина предложил Колобок.— Кто хочет играть в приказчика?

Это его любимая игра. Как-то у старьевщика Колобок выменял небольшой ларец. В нем — все богатство мальчишки: разноцветные лоскутки, черепки от чашек с золотыми ободочками по краям, блестящие пуговицы с выкрошенными камешками, сломанные деревянные расписные ложки. Все, что угодно для души, как в лавке купца Салим-бая. Даже пахнувший духами шелковый дамский платочек и пудреница, невесть где раздобытые Колобком и бережно уложенные на дно сундучка.

Мальчик поставил ларец на земляной пол сарая, старательно разложил свой «товар» — и игра началась. Покупательницы быстро вошли в роль. Подражая взрослым, они сначала степенно раскланивались с приказчиком, потом долго, самозабвенно торговались. Яркие тряпки Колобка овладели всеми их помыслами. Стоило одной из девочек сделать удачную покупку — и она сияла неподдельной радостью, а ее подружка прямо-таки сгорала от зависти.

Игра захватила ребят. Они не обращали внимания на промозглый октябрьский ветер, гулявший в щелях сарая. Что им ветер и стужа. Пусть зуб на зуб не попадает от холода, никто и не подумает идти домой. Благо искать их некому, хоть день-деньской пропадай на улице. У взрослых и без них забот хватает. Не просят дети есть и тем довольны.

Лишь девочка Галия не может насладиться вольным житьем. А подумать, ведь тоже не байская дочка. Отец до войны служил конторщиком в мануфактурном магазине. Уходя в окопы, оставил своей жене тетушке Бадригильзямал целый выводок дочерей. Потеряв голову от горя, она решила, что лучший способ отвести от них беду — это держать в четырех стенах. И не пускала за порог даже меньшую дочку Галию, не только ее старших сестер, считавшихся уже невестами.

Игра увлекла девочку.

— Мне надо ситца на занавески. Не слишком дорогого. Не могли бы вы, почтенный, отмерить аршина три? — говорит Галия.

— Колобок! А мне цветных ниток. Я полотенце вышиваю,— перебивает Газиза.

— Что-о? Какой я тебе Колобок. Я дядюшка Минлемухаметгали, вот кто, понятно? — сердится продавец и собирается захлопнуть драгоценный сундучок.

— Понятно, понятно,— пугается Газиза.— Дядюшка Минлемухаметгели, как на грех денег у меня не хватает, окажите милость, поверьте в долг.

— Вам поверишь, потом дождешься своих денег назад, как же! Когда выпадет красный снег,— ворчит продавец.— Ну ладно, поверю. Вот только в книжку запишу. А ты тем временем наноси-ка дров из сарая вон к тому крыльцу. Пока тетушка Сабира не вернулась.

Газиза, конечно, сразу разгадала его уловку. Какой хитрый! Самому неохота дрова таскать, хочет ее заставить. Но Газиза не могла глаз оторвать от ярко-красных ниток. Целый моток висит на откинутой крышке сундучка. И где только он их достает! Вздохнула, но все же набрала охапку дров и понесла их через двор к крыльцу. А к «прилавку» мелкими шажками, подбоченясь, с важным видом опять приблизилась Галия. Подражая молодой жене муллы, затянула елейным голосом:

— Я к тебе, братец мой Минлемухаметгали. Кисея мне спонадобилась. Отмерь-ка, голубчик, аршин десять, да поживее.

Колобок угодливо засуетился, будто перед ним в самом деле стояла жена муллы, ловко завертел в руках прутиком, делая вид, что отмеривает товар.

Но вдруг в воротах раздается пронзительный крик тетушки Бадригильзямал:

— Вот ты где, негодница!

Галия хотела спрятаться за поленницей дров, но длинные костлявые руки матери уже схватили девочку.

Когда ее, горько обиженную, увели домой, игра как-то сразу потеряла интерес. Колобок начал укладывать в ларец свои сокровища.

Откуда ни возьмись в воротах показался Габсаттар. Одной рукой он поддерживал падающие штаны, другой, в которой был зажат гибкий прут, лихо рубил воздух над головой.

— Айда на улицу, ребята! Солдаты идут. Ух и много, целая тыща! Хлебом побожусь. Уже до мечети дошли.

Издав разбойный клич, он повернулся и, будто пришпорив горячего коня, ускакал на улицу. Горе Галии забыто. Следом за мальчиком бросилась Газиза, за ней — Колобок. Но, вспомнив про сундучок, который он все еще держал в руках, вернулся в сарай, сунул его в темный угол и кинулся со всех ног догонять товарищей.

Что там творилось, ну и чудеса! Запрудив из конца в конец улицу, шли солдаты. Над их головами веяли по ветру красные полотнища, а сапоги с подковками так гулко отбивали шаг, что позванивали стекла в старых домах. Толпы горожан встречали солдат, махали им руками, что-то кричали. Кто-то над самым ухом Газизы оглушительно свистнул. В рядах идущих заиграли на гармонике. Дружные голоса подхватили песню.

Сыт солдатик от войны,
Что затеял царь-злодей.
До родимой стороны
Ах, вернуться б мне скорей.

Где вода в ключе светла
И крушина под окном...
До родимого угла
Дошагал бы я пешком.

Стоустое пение сотрясает стылый осенний воздух. Знакомый мотив томит и волнует душу, наполняет ее неизъяснимым восторгом. Только бы не смолкла песня. Идти бы и идти за нею...

Но песня звучит уже дальше, тише. Зажатый толпой Колобок увидел хвост колонны. За колонной, мяся ногами грязь, топала увязавшаяся за

солдатами ребятня. Сияли от счастья чумадые лица. В окружении мелюзги важно маршировали Габсаттар и Газиза. Они тоже заметили его.

— Колобок, чего отстал? Айда с нами! На лугу за вокзалом солдатская сходка.

Мальчик кое-как пробрался к ним, и друзья прибавили шагу.

Чем ближе к вокзалу, тем плотнее толпы людей. Со всех улиц стекаются колонны солдат в серых шинелях. На поднятых древках, как крылья — алые полотнища. На них, маслом, какие-то письма, а что — не понять.

Работая локтями, ребята тщетно пытались пробиться сквозь толпу. Куда там! Это не базар, где можно чувствовать себя как рыба в воде. Неужели они так ничего и не увидят, кроме чужих спин.

От этой мысли стало нестерпимо обидно.

— Идемте к складам, там можно проскочить к вокзалу,— сказал Колобок.

— Пошли! — воспрянули духом ребята.

Вышли на Большую Мещанскую улицу. Долго плутали по проходным дворам среди ветхих деревянных строений и мусорных ям, опасливо держась подальше от собачьих конур. Наконец, узкая тропинка вывела их к железнодорожному полотну. На путях стоят вагоны, теплушки, платформы. Хоронясь за ними, побежали туда, где впереди, приглушенное расстоянием, гудело и волновалось человеческое море. Миновав два длинных состава, остановились. Дальше все было забито народом. Хватаясь за железные поручни, подсаживая друг друга, друзья взобрались на крышу товарного пульмана. И глазам не поверили: вагоны, как мухи, облепили люди.

Ребятам с трудом удалось найти место, где можно было стоять, держась друг за друга, чтобы не упасть. Зато какой простор открылся перед ними! Весь луг, начинавшийся прямо за вокзалом, виден как на ладони. Сколько раз Газиза приходила сюда собирать щавель для супа. Только летом луг был весь усыпан веселыми ромашками, а сейчас хмурился,

покрытый, точно облаком, серыми шинелями и такими же, под стать им, солдатскими шапками. Лишь иногда в лучах холодного солнца на трубах музыкантов вспыхивали яркие блики, оживляя картину осени.

Ребята быстро заоченели. Наверху ветер пронизывал до костей. Особенно доставалось Газизе, самой худенькой и плохо одетой. На ней простенький ситцевый платочек и старенький бешмет, из которого она давно уже выросла. Из-под коротких рукавов выглядывают посиневшие, не гнущиеся от холода руки.

Рядом с детьми примостился какой-то усатый дядька. Он покосился на девочку, притянул ее к себе и прикрыл спину полой широченной шубы. Его сосед с перевязанной щекой сердито проворчал:

— И куда носит эту мелкоту. Сидели бы на печке тихо, смирно. Что им тут делать?

— Сейчас не такое время, чтобы на печке сидеть,— вступился за ребят усатый. — Пускай смотрят, как отцы власть у буржуев отбирают. Вырастут — детям своим расскажут. Так я говорю, дочка?

— Так,— прошептала Газиза, едва разжав побелевшие губы.

Над лугом раздалось «ура». В первую минуту — негромко, потом возглас, вырвавшийся из сотен глоток, обрел мощь и силу. Достигнув волжских круч, многократно повторенный эхом, он превратился в сплошные раскаты. Едва стихло, кто-то зычно крикнул: «Долой войну!» С другого конца поля откликнулись: «Вся власть — Советам!» Снова грянуло «ура». Газиза, Колобок, Габсаттар тоже кричали сколько было духу. А усатый смешно размахивал сдернутой с головы шапкой...

И вдруг стало непривычно тихо, так тихо, что ребята тревожно переглянулись. Люди переговаривались вполголоса, видно, чего-то ждали.

— Товарищи! — разнесся над полем чистый звонкий голос.

«Ершов говорит, Ершов!» — пробежало по крышам вагонов. Все задвигались, вытянули шеи, чтобы лучше слышать.

— Ершов. Он самый. Я его из сотни человек узнаю, — громко сказал: усатый, поправляя на Газизе сползшую шубу. На него со всех сторон зашикали:

—Тихо! Эй, усы, не мешай слушать.

Ершов говорил уверенно, взмахивал рукой в такт словам. Его голос, заглушаемый время от времени криками одобрения, звучал то ровно и спокойно, то гневно и насмешливо.

«Кто он? Почему так внимательно его слушают?» — думала Газиза, с любопытством наблюдая за оратором. Многие слова до нее не долетали. Ей мешала шуба, но девочка: пригрелась под ней и высовываться на холод не хотелось.

— Солдаты должны понять... быть готовы... Революция не закончена...— летело над лугом.

— Вот ведь, из офицеров, золотопогонник, можно сказать, а как говорит! — восхищенно причмокнул языком человек с перевязанной щекой. — Видно и офицеры разные бывают. Я два года в окопах вшей кормил. Знаю. Другой, как клещ, кровь из солдат сосет, а этот, Ершов, за таких, как мы, сам немало пострадал.

— Он большевик. Большевики, брат, за простой народ жизни не жалеют,— назидательным тоном, заметил усатый.

На базаре, среди разношерстного люда, в разговорах Газиза слышала иногда незнакомые слова — «большевик», «Советы», «революция». Едва коснувшись уха, они, тут же забывались.. Но сейчас она вспомнила, как однажды спорил какой-то торговец с раненым солдатом. Торговец был одет хорошо, толстый, а солдат худой, на костылях, в старой обтрепанной шинели. Ух, как они друг на друга кричали! Газиза ничего не могла понять из их спора, но сердце девочки почему-то лежало к хрому солдату.

— Большевики мне глаза открыли. Они хотят войну кончить, чтобы кровь наша за буржуев не лилась,— говорил он. Но торговец в бешенстве замахнулся на калеку. Солдат тоже поднял костыль.

—Ах, ты так... Я ногу на фронте оставил, а ты, боров, отъел шею и еще руки распускаешь. Вот я тебе покажу...

Набежала толпа, поднялся галдеж, от угла уже спешил и, надув щеки, дул в свой свисток будочник. Бормоча ругательства, потирая вздувшуюся на лбу шишку — след костыля, торговец убежал, спрятался за возами, а вслед ему неслись злые насмешки.

Слова солдата о большевиках надолго запомнились девочке. А сытый самодовольный барышник напомнил богача Хакимзяна. Ее мать у него в доме работала поденщицей. Иногда она брала с собой и дочь. Газиза всякий раз робела и терялась в чужом доме, а тут еще мать поминутно ее одергивала: здесь не стой — хозяйка заругает, туда не ходи — собака укусит. Она не отпускала Газизу от себя ни на шаг, и, пока сама стирала в черной избе, склонясь над корытом, девочка сидела обычно на приступках покосившегося крыльца и с тоской и завистью смотрела на высокие окна господского дома. В одном из них висела клетка с крохотными заморскими птичками. Они чирикали, чистили перья, прыгали по жердочкам, и ей так хотелось потрогать рукой их разноцветные крылышки.

Эта незнакомая чистая и красивая жизнь манила к себе, и в то же время в душе девочки пробуждалось первое, еще не осознанное чувство своей враждебности к ней.

Так далеко увели Газизу ее детские думы. А всему виной — владелец теплой шубы, что называл Ершова большевиком.

Очнулась от резких толчков. Это Габсаттар тыкал ее и бок и показывал знаками — мол, пора домой. Газиза встрепенулась и, даже забыв сказать усатому спасибо, пошла за своими приятелями.

—Тебе хорошо было под шубой. Не дует. А мы мерзни,— шмыгая носом, ворчал на нее Колобок, когда они шагали по путям в сторону вокзала.

—Что я сама, что ли, напросилась?— обиделась Газиза.

Уж такой он, Колобок. Завистник. Вот Габсаттар, тот никогда ни на кого не ворчит.

—Эх, стянул бы я сейчас лепешку у тетушки Сабиры,— мечтательно произнес он. И хитро посмотрел на Колобка.

У Газизы даже слюнки потекли. Вспомнила, что с утра, кроме трех картошин, ничего не ела. И вот опять день на исходе.

Опустив головы, они молча плелись домой. Бедняги очень устали и были страшно голодны.

Шаукат Галиев

1928 -2011

СЛАДКИЙ ДОМ

Диковинок в нашей кондитерской тьма!
Там пряники есть и мороженое,
Но самое дивное — это дома,
Искусно из сладостей сложенные.
Сверкают их сахарных стен уголки,
Из сладкого торта у них потолки,
Ворота, и двери парадные,
И окна у них шоколадные,
Крыльцо целиком из бисквита,
А крыша конфетами крыта!

Если ли бы в домике жил ты таком,
Что бы ты делал тогда?
Стены разгрыз, закусил потолком?
Дверь бы попробовал, да?
В рот отправляя окно за окном,
Домик разрушил бы, да?
Хорошо, что дома из камней у нас сложены,
Хорошо, что поэтому съесть их не можем мы!

Перевод Р.Морана.

МОЛОКО УБЕЖАЛО

— Смотри, Ахмет, за котелком
Да пригляди за молоком. —
И мать ушла,
А дома сын
Остался у печи один...

А молоко:
— Буррсти, буррсти!
Скорей на волю отпусти! —
Ахмет притих и — ни гугу.
А молоко:
— Ой, не могу!
Здесь горячо, буррсти, буррсти,
Сними же крышку, отпусти!
Я не желаю больше ждать!.. —

И стало крышку поднимать.

И тут Ахмет как завизжит:
— Ой, мама, молоко бежит!
Потом он выскочил во двор,
Туда, сюда — во весь опор!

В тревоге носится Ахмет —
Соседей слева дома нет!
Бежит он, подтянув штаны,
К соседям с правой стороны,
Стучит-стучит — один ответ:
— Здесь мамы нет...
— Здесь мамы нет...

Ахмет помчался в магазин —
Вот тут и встретил маму сын.
И, запыхавшись, говорит:
— Ой, мама, молоко бежит!

Они домой спешат вдвоём,
Они уже вбегают в дом
И видят:
Лужа на полу
И сытый кот лежит в углу.

Перевод А.Никифорова.

ЯБЛОНЯ

— Гляди, какое дерево!
— Ты что нарисовал?
— Как — что?
 Конечно, яблоню!
Неужто не узнал?

— Ну скажешь тоже — яблоня!.
Нашёл, чудак, ответ!
Какал ж это яблоня?
На ней и листьев нет!

— Не торопись, пожалуйста,
Гляди сюда:
 раз-два —
Ну, вот тебе и яблоня,

Густа её листва!

— А вот и нет, не яблоня!
Поспорить я готов!
Какая ж это яблоня,
Раз нет на ней цветов?
— Не торопись, пожалуйста,
Цветы увидишь ты.
Ну, вот тебе и яблоня —
Как бабочки, цветы!

— И всё равно — не яблоня!
Зачем смешить людей?
Какая ж это яблоня —
Ведь яблочек нет на ней!

— Не торопись, пожалуйста:
Есть поздние сорта;
Ну, вот тебе и яблоки.
Не яблоки — мечта!

Скажи, тебе понравилось?
Точь-в-точь рисуя я.
— Какая ж это яблоня,
Ведь яблочек есть нельзя!

— Ах, вот что —
яблочек хочется!
Ну что ж, тогда смелей
Бери лопату с граблями
И в сад беги скорей!

Перевод А.Гангова.

С ПАПОЙ В КАБИНЕ

Столбы
Вереницей
Бегут
Назад.

Машина —
Как птица,
И сам я
Крылат.

Вот озеро
С тиной,
Вот сад,
Гумно...

Мелькают
Картины,
Как кадры
В кино.

Обоз
На дороге...
Быстрее,
Быстрее!

Ленивые
Ноги
У всех
Лошадей.

Ветер
Догнали!
Ветер
Отстал.

Мы
Не устали,
А он
Устал!

— Сынок,
А не рано ль
Сидеть
За рулём?..

И держим
Баранку
Мы с папой
Вдвоём.

Перевод Г.Ярославцева.

Я

Я — Шавали!
Я — шаловлив,
я — смел,
я — ловок,
я — сметлив!

Находчив я,
трудолюбив,
я...
я...

...правдив.
Не скрою я,
что очень
скромен —
Я!

Перевод В.Баширова.

ПОДКОВКИ

Башмачки, башмачки
Очень мало ношены,
А уже асфальт погрыз
Каблучки с подошвами.
Папа медлить не любил,
Взял мои обновки
И винтами прикрепил
Крепкие подковки.
Я иду по тротуару
Улицей широкою.
Я по твёрдому асфальту
Каблуками цокаю.
— Эй, асфальт,
Страшный зверь,
Если и захочешь,
Каблуки мои теперь
Ты не скособочишь.
Зря ты нынче мне
Грозишь:
Я— подкованный
Малыш!

Перевод Р.Морана.

МОЙ РЕЖИМ

Всем известно,
что полезно
в жизни
соблюдать
режим.
Я, к примеру,
в это верю.
Я режимом одержим!

Соблюдать-то
соблюдаю,
только пользы
что-то нет...
Никогда
не пропускаю
ужин,
завтрак
и обед,
и поспать
не забываю,
успеваю
поиграть...

Почему же
продолжаю
двойки
в школе
получать?

Может, мало
я играю?
Может, надо
больше спать?

Перевод В.Баширова.

КАМЫРША

Тимерша у нас силач —
Это знает всякий.
С ним не справиться двоим —
Вот какой он в драке!
Видел мускулы его?
Плечи — во! Ручищи — во!

Молвит с видом бравым:
— Слабаки... Куда вам!..
Тимерша кричит Вафе:
— Подойди-ка, малый!
Хочешь, двину? Полетишь
Кубарем, пожалуй.—
Погрозит — и отойдёт:
Видно, силу бережёт.

Колют школьники дрова,
Тимерша — в кровати.
— Мне родители мои
Имя дали кстати.
Тимерша-то как-никак
Означает — железняк.
Я дрова колоть могу,
Только силу берегу,
Полежу немножко,
Погляжу в окошко.

Дружно класс сгребает снег —
Помогать не стал он:
Силу тратить на пустяк
Сильным не пристало.
— Праздник сабантуй придёт—
Будет мой тогда черёд.
Я любого в схватке
Брошу на лопатки!

За зимой пришла весна...
Отучившись в школе,
Класс колхозу два часа
Помогает в поле.
Отдыхая от наук,
Заявляет классу вдруг
Тимерша усталый:
— Не пойду, пожалуй...

Сев весенний завершён.
В праздник день так ясен!
Полотенцем Тимерша
Туго подпоясан.
Вот сейчас он выйдет в круг.
Всех поборет он вокруг.

Он, силач могучий,
Первый приз получит.

В круг выходит паренёк
Небольшого роста.
Обхватил он Тимершу
И... легко и просто
Приподнял да наземь — бряк!..
Тимерша! Да как же так?
Что всё это значит?
Железняк, а плачет!

Тимерша — и на земле!
Подошли ребята,
Кто-то тронул за плечо:
Мускулы — как вата.
И раздался дружный смех:
На виду лежит у всех
Тимерша не Тимерша,
А скорее Камырша...

По-татарски камырша
Просто-напросто — лапша.

Перевод Г.Ярославцева.

ЗАДАЧИ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Восемь яблок
по два в ряд
перед зеркалом
лежат...

Вот задача —
в ней дано:
от восьми
отнять одно...

Надо съесть
и посмотреть —
сколько станет?..

Стало — шесть!!!

Что такое?

Непонятно!
Я ошибся,
вероятно?

Ставлю новую
задачу:
(дожевав
едва!)
если от шести
я дальше
вычту два?..

Осталось — два!!!
Подтвердилось
подозрение —
есть ошибка
в вычисленьях!

Если взять
ещё одно?..

Быть такого
не должно!
Съел одно,
а двух не стало!
Где еще одно?
Пропало?

Что творится, сам не знаю!
Видно, я
не так считаю?..

Где, скажите,
вы читали,
чтобы так вот
вычитали?

Вы ответить мне
сумейте-ка —
что случилось
с арифметикой?

Перевод В.Баширова.

КТО ИГРАЕТ НА КУРАЕ?

Жаворонок по-татарски
называется - тургай,
дудочка - курай,
а дедушка бабай...
Запомнил?
Ну, давай,
за мною повторяй:

На весёлом курае
играет
бабай,
а ему подпевает
весёлый тургай.
Прекрасно поётся
тургаю,
когда на курае
играют...

На весёлом курае
играет
тургай,
а ему подпевает
весёлый бабай.

...Забыл,
кто кому подпевает,
а кто на играе тургаёт?..

Перевод В.Баширова.

ГДЕ КАПУСТА?

Надо снять с капусты листья! —
Альфя решила так,
И с капусты листья чистит,
Не дочистится никак.

Долго чистила капусту,
Листья все уже сняла...
Где капуста? Нету! Пусто!
Что искала — не нашла!

Перевод Э.Блиновой.

КЛЕЙКАЯ БУМАГА

— Сдую, сдую всё на свете,—
говорил хвастливый ветер.
Но на этот раз
он ошибся —
раз!
и к бумажке прилепился...
Прилепился
и верхом
прокатился
с ветерком.

Перевод В.Баширова.

СКОЛЬКО КОШЕК?

Много у бабушки
кошек в доме.
А сколько всего,
я никак не пойму!

Я буду показывать,
ты не зевай!
Пожалуйста,
всех до одной сосчитай:

Сидит у окошка —
серая кошка,
лежит на рогожке —
рыжая кошка,
залезла в лукошко —
белая кошка...

Серая кошка —
ленивая кошка,
рыжая кошка —
пуглива немножко,
белая кошка —
совсем ещё крошка...

Кошка ленивая —
очень строптивая,
кошка пугливая —
страшно прыгливая,

кошка-малышка —
игривая слишком...

Очень их много...
Не сбейся, смотри!
Сколько же ты насчитал?
—Только...!

Перевод В.Баширова.

УРОК ВЕЖЛИВОСТИ

Щенок поздоровался
с тётей: - Тяв-тяв!
Куда вы идёте, тяв-тяв?
Давайте, тяв-тяв,
погуляем.
А, может, тяв-тяв,
поиграем?..

А тётенька
так закричала,
что пёс зарычал
от испуга...

Я сам испугался
сначала —
кричат и рычат
друг на друга...

Потом и меня
отругала...
За что же
мне всё же
попало? —
Я так
и не понял,
однако
воспитывать начал собаку:

— Когда на тебя
начинают
кричать,
старайся

рычанием
не отвечать!..

Перевод С.Малышева.

ЦЫПЛЯТА ЛЕТЯТ

Цыплята летят!
Цыплята летят!
Цыплята летят над кручами,
Цыплята летят над тучами,
Летят над лесами дремучими.

Цыплята летят!
Цыплята летят!
Цыплята летят над плотами,
Цыплята летят над прудами,
Летят над садами с плодами,
Над сёлами и городами.

Цыплята летят!
Цыплята летят!
Цыплята летят над солдатами,
Цыплята летят над ребятами
И над пионервожатыми.

Цыплята летят!
Цыплята летят!
И коршун их не догонит,
И злая сова не тронет,
Ворона их проворонит.

Цыплята летят!
Цыплята летят!
Цыплятам легко в полёте.
Цыплята летят — не сами летят,
Летят они... в самолёте!

Перевод Р.Морана.

ОТЧЕГО НЕ ХВАТИЛО САПОГ

(Задача-шутка)

Работал Медведь в магазине,

продавал сапоги на резине.
Сначала решил он вопрос —
по сколько на каждый нос
резиновой обуви надо
везти в магазин со склада?
— Считаем: у каждого
две пары ног!
По столько же каждому
надо сапог?

Открыл замок
продавец поутру.
Прыжок,
прыжок —
прискакал Кенгуру.
Медведь ему:
— Выбирай, — говорит. —
Никто босиком
не уйдёт, — говорит.
Надел Кенгуру
пару сапог,
и за порог —
скок...

За ним приполз Осьминог.
Медведь и ему помог:
— Давай,
налетай,
выбирай, — говорит. —
Никто босиком
не уйдёт, — говорит.
Обулся клиент восьминогий
и запыхал по дороге...

Притопал потом Носорог.
Медведь продолжает торг.
— Любой сапог
надевай, — говорит. —
Никто босиком...
И умолк.
Потому что на полке
увидел только
одну
последнюю

пару сапог.

Шутки такого рода
не приводят в восторг
Носорога.
Нос у него — дёрг!
То есть не нос, а рог.

А Медведь — шажок,
шажок,
и — вбок,
за порог,
наутёк..

Бежит Медведь, и ему невдомёк —
отчего получился такой итог:
— Я же брал из расчета на нос,
лишней пары никто не унёс...
Как же так?
Почему?
Ничего не пойму!

Кто умеет считать,
помогите ему!

Перевод В.Баширова.

ОГУРЦЫ В ТЮБЕТЕЙКАХ

«Утренние заморозки!»
— Радио сказало.
Надо огород спасать
Во что бы то ни стало.

Из газет мы делаем
Колпаки бумажные
И поспешно закрываем
Помидоры влажные.

А газеты кончились —
Отыскали где-то
Шляпы старые отца,
Тюбетейки деда.

Грядки в белом инее,

В ледяных узорах,
Щеголяют овощи
В головных уборах.

В тюбетейках огурцы,
На томатах — шляпы.
Только не попало бы
Нам за них от папы!

Целый день до вечера
Он работал на поле,
А пришёл, сказал: — Хвалю:
Дело не прошляпили!

Перевод Р.Морана.

ВКУС ЗЕМЛИ

Редька,
черешня
и репка
нередко
спорили
крепко
о вкусе
родимой
земли...

Не приходили
к единому
мнению,
друг друга
никак убедить
не могли...

Горька!
Без сомненья,
горька!—
редька
черешне
твердила...

— Конечно,
сладка! —
свысока
черешня

В ОТВЕТ
говорила...

— Спорить
об этом —
нелепо! —
репа
им возражала.
— Земля-то?
Она — сладковата!
И — горьковата,
пожалуй!..

Копал огород
огородник,
возделывал сад
садовод.
— Пот, —
говорил он, —
горек!
Но сладок
работы
плод!

Перевод В.Баширова.

ПЕРЕШАГНУЛ Я ВОЛГУ

Штанины закатал.
Перешагнул я Волгу!
Ты думаешь — соврал?
Не обманул нисколько!
Я Волгу пересёк у самого истока,
где Волга — ручеёк
не очень-то широкий...

Перевод В.Баширова.

О ЧЁМ ШЕПТАЛ ДУБ?

Дуб на поляне
растёт одинокий...
Ватага мальчишек
пришла босоногих
и расположилась
в его тени.

Играют, кричат
и смеются они.
А дуб по плечам
их похлопывает
и что-то им тихо нашёптывает...
На ветках качались —
то вверх, то вниз,
устали мальчишки,
домой собрались.
А дуб
словно хочет
им что-то сказать,
он будто не хочет
ребят отпускать.
И чтоб задержались,
прислушались чтоб,
он жёлудем —
хлоп!
одному из них
в лоб.
«Какой озорник, —
хохочет
мальчишка, —
поставить он хочет
жёлудем — шишку!»
А дуб умоляет:
«Я так одинок!
Ах, — если бы только
кто-нибудь смог
мой шёпот понять,
мой жёлудь поднять
и в землю поглубже
его закопать!»
Мальчишки ушли,
и никто не узнал,
что дуб одинокий
печально шептал...
А дуб терпеливо
надеется, ждёт,
что кто-нибудь вновь
на поляну придёт.
Услышит его
и поймёт...

Перевод В.Баширова.

ЗАЯЦ - ФИЗКУЛЬТУРНИК

Заяц проснулся:
— Отличный денёк!
Зевнул,
потянулся,
скок —
на пенёк...
Раз —
оглянулся...
Два —
всё в порядке...
Вдох —
начинает...
Выдох —
зарядку...
С кочки
на кочку —
вприскокку,
вприсядку...
Вдруг! —
Что такое? —
Охотник! —
Украдкой!..
Заяц —
вприпрыжку
прочь
без оглядки!
Только сверкают
заячьи пятки...
Охотник!
Охотник
несётся по следу.
Догонит!
Догонит? —
А зайца-то — нету!..

Этот охотник,
надо признаться,
без тренировки,
без подготовки —
слишком неловкий,
чтобы угнаться
за вот таким
физкультурником-зайцем...

Горе-охотник
теперь по утрам
с ружьём на охоту
не ходит.
Выходит
во двор он
и делает там
зарядку,
и даже находит,
что это полезней,
чем бегать с ружьём
за бедным лесным
безоружным зверьём.

Перевод В.Баширова.

БУКВА ВИНОВАТА

Я людям
В назидание
Открыл закон
Природный:
Тот месяц,
В чьём названии
Есть буква «Р»,—
Холодный.

Январь, январь —
Мороз трещит,
Лесная тварь
В норах дрожит.

Февраль, февраль —
Пурга бела,
Закрыла даль
Седая мгла.
Умерил март
Зимы азарт,
Весна — на старт!

Апрель, апрель
Прогнал метель,
Звенит капель.

Без буквы «Р»
Куда теплей!
Тем, например,
И май милей.
Светло в июне,
Тепло в июле,
И даже в августе
Не знаешь зябкости.

Но вот хотя б
Возьмём сентябрь:
Багрянцем пышет,
Прохладой дышит.

А в октябре,
А в ноябре
Деревья с ночи
В серебре,
То снег, то морось
Сыплется,
То злой морозец
Щиплется.
А тут же и декабрь —
Ох, стужа и крепка! Брр!

Наверно,
Месяцы морозные
От буквы «Р»
Такие гр-р-р-озные...

Перевод Р.Морана.

ПУСТАЯ КОРЗИНКА

Пустую корзинку несу,
а люди глядят и судачат,
мол, что же он делал в лесу,
куда он смотрел, неудачник?

Не встретил в лесу ни грибов,
ни ягод, ни даже орехов?
А вон побежали гурьбой
Мальчишки — корзины доверху...

Но разве в лукошко мое

кукушкины песни уложишь?
Лужайки цветное шитье —
хотел бы забрать, да не сможешь!

И как унесу я с собой
дубы-великаны, тропинку,
Ручей со студеной водой,
росинку на тонкой травинке?..

Но можно прилечь на траву,
смотреть, как струятся стрекозы,
и в солнечную синеву
земля излучает березы.

Во всем разлита красота.
Смотрю — не могу насмотреться.
Ну что ж, что корзинка пуста?
Зато переполнено сердце.

Перевод В.Баширова.

Вахит Манасыпов

Родился в 1928

СИНИЧКИНО СЧАСТЬЕ

Староста кружка юннатов, чистенький, пухлощекий мальчик в очках, бойко вел заседание. Он очень старался походить на взрослого.

— Прошу тишины! — сказал он.— Сегодня мы обсуждаем животрепещущий вопрос. Даже очень животрепещущий! А вы там шепчетесь... Так на чем мы остановились?

— Чем питается синичка, что любит, что не любит,— подсказали с задней парты.

— Совершенно верно! — Он повернулся к окну. — Слышите, как вьюга воеет, вихри снежные крутя? И не щадит никого! Ни медведей, ни волков. А каково бедной синичке?

— Ее счастье, что мы есть на свете! — прозвучал чей-то тонкий голосок.

— Правильно! Мы, юные натуралисты, друзья птиц, должны помочь синичкам и прочим птицам зиму одолеть. Для этого нужно знать, чем же питается синичка, чем кормится? Кто хочет сказать?

Дружно взметнулись руки.

— Синичка семечки любит...

— Верно!

— И кашу едят синички. Хоть пшеничную, хоть манную. Прямо тучей слетаются, если в тазике вынести...

— А я вот слышал, что синички морковь клюют.

— И это верно. Только вначале морковь надо протереть на терке, добавить белые толченые сухарики плюс муравьиные яички.

— Смотри-ка! — удивился молчавший до сих пор тихий мальчик. — А я и не знал. Надо намотать!..

Тут скрипнула дверь, вошел опоздавший ученик. Снял с головы шапку, начал шумно дуть на руки, тереть щеки и нос.

— Ну и холодище! Чуть нос не отморозил.

— Почему опаздываешь?— строго заметил староста. Тут, понимаешь, обсуждается животрепещущий вопрос, а он является с опозданием. Садись и слушай!.. Так на чем мы остановились?.. Совершенно верно! На муравьиных яичках. Кроме яичек, чем еще питается синичка?

— Тут говорили о пшенной и манной каше, но почему-то никто не сказал о просе. А ведь синички просо тоже любят...

— Верно!..

— Смотри-ка! А я и не знал! Надо намотать!..— сказал тихий мальчик.

С места поднялась девочка:

— Некоторые мальчишки кормят синичек заплесневелыми семечками. А это очень вредно! Этим можно погубить птиц. В одном научном журнале я прочитала, что...

— Совершенно верно!

— Смотри-ка! А я и не знал! Надо намотать!..— сказал тихий мальчик.

— Не перебивайте меня! Я еще не кончила. Некоторые юные натуралисты увлекаются коноплей. Нельзя увлекаться! Так как от этого синички слепнут.

— Смотри-ка! А я и не знал!..

— Еще синички любят белую булку, размоченную в молоке.

— Вот именно! Непре...

Староста не договорил: до его чуткого уха донесся посторонний шум.

— Кто это там в окно стучит? Тут, понимаешь, животрепещущий вопрос обсуждается, а кто-то, понимаешь, по стеклу царапает, отвлекает... Итак, продолжаем... На чём остановились? Совершенно верно: на булке, размоченной в молоке...

В приоткрытую дверь неслышно, на цыпочках, вошла уборщица с ведром и щеткой. Замерла у порога, прислушиваясь к разговору.

— И еще нужно знать каждому юннату: голодная синичка может прожить не более четырех-пяти часов. Не более!

Староста покосился на вошедшую уборщицу:

— Гм, гм... Вы же видите, у нас диспут. Очень важный, животрепещущий...

— Вижу, хорошо вижу, — сказала уборщица. — Я ведь коноплю не кушаю... Хочу вам показать эту самую живо... трепещущую, вернее уже не животрепещущую...

Она вытащила из ведра мертвую синичку.

— Что это за птица?— удивились юннаты.

— Неужели не признали? Обыкновенная синичка. Околела, как видите. Прямо на оконном карнизе... Не достучалась до вас...

ШАПКА САЛАХУТДИНА

Всем в деревне знакома шапка Салахутдина. Каждому встречному и поперечному. Даже одноглазый Актырناق, собака колхозного пожарника Давлета, за версту чует заячий дух этой ушанки.

Шапка очень старая, и Салахутдин уже давно хочет избавиться от нее.

А мать Салахутдина – ни в какую. И слушать не желает насчет обнови.

— Сначала двойки исправь. Тогда и поговорим.

А двойки исправить — дело не простое, тут старание нужно, упорство.

Загрустил Салахутдин, не знает что делать.

Вот идет он как-то школьным коридором. Уроки уже закончились, ребята галдели во дворе, в коридоре ни души.

«Возьму-ка и заброшу шапку куда-нибудь в темный угол, а маме скажу: — Потерял!»

Он прошел в дальний конец коридора, где под лестницей дворник хранил метелки и лопаты, пригнулся и ловко сунул шапку между метлами.

«Уфф! Наконец-то избавился!»

— А ну-ка, вернись! Подбери! — раздался голос тети Нурии, уборщицы. — Чай, шапка это у тебя, а не мяч футбольный.

Пришлось вернуться и подобрать ушанку.

Но домой Салахутдин вернулся все-таки без шапки.

Не успела мать выяснить, как это случилось, как в дверь постучали.

— Можно к вам? Салахутдин дома? — спросили две девочки. Одна из них что-то держала за спиной.

— Дома, дома, — сказала мама. — Проходите, пожалуйста.

— Спасибо. Мы на минутку... В пришкольном саду сейчас были. Смотрели, нет ли где заячьих следов, а то прошлой зимой зайцы много яблонь погрызли... Глядим, лежит вот эта шапка. Уж очень знакомая. Не Салахутдина ли?..

— Чья же еще! — сказала мама. — Салахутдин, не прячься! Выйди из-за печки...

На другой день, возвращаясь из школы, Салахутдин заглянул в пожарку — к дяде Давлету. Салахутдин приходился ему племянником.

Обрадовался дядя приходу мальчика. А одноглазый Актырнак даже лизнул Салахутдина в подбородок. Он крутился возле него, заглядывал в глаза, словно хотел сказать: давай поиграем!

Салахутдин трепал мягкие собачьи уши, а сам присматривался: куда бы деть ненавистную шапку?

Укромного уголка в пожарке не оказалось, и Салахутдин сунул шапку в ящик с песком.

Вернувшись домой, на радостях он хотел было помочь маме принести дров, как вдруг на дворе залаяла собака.

Салахутдин открыл дверь на крыльцо и — ахнул!

На ступеньке лежала его злополучная шапка! А рядом, дружески помахивая хвостом, стоял одноглазый Актырнак. Он посмотрел на Салахутдина и негромко пролаял, что, должно быть, означало:

— Эх ты, растеряха! Скоро не только шапку, но и голову потеряешь!

— У, проклятая! — пнул ее Салахутдин.

— Опять тебя притащили!

...На излучине реки, у самой мельницы, росла высокая береза, на которой любили гнеститься вороны.

На другой день туда и направился Салахутдин. «И как я раньше не догадался! — думал он. — В ее густых ветвях не только шапку замаскировать, но и самому можно спрятаться!»

— Ну, прощай! — весело крикнул Салахутдин и метнул шапку кверху. — Вот так. Готовь, мама, обнову! Покупай новую шапку.

На березе вдруг поднялся невообразимый шум. Похоже, вороны затеяли драку.

— Ну конечно! Дерутся из-за моей шапки. Еще бы! Из нее может получиться такое замечательное гнездо. Вон как ссорятся, бедняжки.

Погоди... Что-то непонятно: вороны налетают на шапку, бьют по ней крыльями, все норовят столкнуть вниз...

С ветки на ветку, все ниже и ниже... и, наконец, шапка мягко упала на землю, у самых ног Салахутдина.

А наверху все еще гомонили вороны, будто предупреждали Салахутдина:

— Запомни, двоечник: подарков от таких, как ты, никогда не примем!.

Гульшат Зайнашева

1928-2005

В НОВОМ ГОРОДЕ

Папа с мамой
строят город,
очень молод
этот город.
Мне знаком
в нём каждый дом —
вместе с городом
растём.
Мне сказал
отец однажды,
что у нас
строитель каждый.
И водитель,
и учитель
на своём
рабочем месте
новый город
строят вместе.
Скоро вырасту,
тогда
буду строить
города.

Перевод С. Малышева.

ПРО ДЕТКУ-КОНФЕТКУ

Жила-была детка,
Девочка-конфетка.
Тоненькие ножки,
Крошечные ручки,
Маменькина дочка,
Бабушкина внучка.
Лёжа в колыбельке,
И зимой и летом
Девочка-конфетка
Ела карамельки,
Шоколад,
мармелад,

леденцы,
ириски,
«Петушки», «Кис-киски».
Не ходила в детский сад.
Не училась в школе.
Не умела петь, плясать,
Ни читать и ни считать,
А писать — тем более...

В нашем доме детвора
Сядет завтракать с утра:
Кашу ест и бутерброд,
Молоко пьет и компот.
За столом капризных нет!
Нагулявшись, дружно
Все садятся за обед.
Вечером — за ужин.
Ну а наша детка
Плачет: «Дай конфетку!..»
Хлеб не ест, картошку,
Мясо и окрошку,
Морщит нос на бутерброд,
Молоко не пьет, компот,
Леденцы одни сосет,
Карамель,
ириски,
мармелад,
шоколад,
«Петушки», «Кис-киски» —
Сладким лишь питается
В росте уменьшается,
Плачет в колыбельке...

Скоро станет детка
Ростом с карамельку!

Перевод Р. Хакимова.

БАБУШКА-СПОРТСМЕНКА

Речь бабуля повела, —
Верить трудновато! —
Что спортсменкою была
В юности когда-то.
И каталась на коньках,

И в мишень стреляла.
Часто бабушка в горах
С рюкзаком гуляла.
Мяч с мальчишками порой
Во дворе гоняла.
Говорит, одной рукой
Гирю поднимала.
Храброй бабушка была.
От неё я слышал,
Как она однажды шла
По реке на лыжах.
Падал тихо мягкий снег,
Чуть морозно было.
Вдруг над Волгой в тишине
Солнце появилось.
Истопило лёд и снег
Взглядом своим жарким.
Только страха в сердце нет:
Бабушка — волжанка!
За крылатый метеор
Ловко уцепилась,
По воде во весь опор
Лыжи устремились.
То ли вправду говорит,
То ль хитрит немного,
Что без усталости три
Всё неслась по Волге
Повстречалась наконец
С астраханским портом!
Да, бабуля молодец—
Занималась спортом!..

Перевод Р. Кожевниковой.

ПОДСОЛНУШКИ

Посадила в огороде
Я весной подсолнушки.
Выросли подсолнушки —
Маленькие солнышки.
Каждый день их поливала,
Долго время поджидала —
Ну, когда ж в подсолнушках
Почернеют зёрнышки.
Их поджарю в печке я,

Позову подружек,
Сядем на крылечке,
Щёлкать будем дружно.
Подошла к подсолнушкам,
Глядь, а в них ни зёрнышка...
Всюду лишь скорлупки,
Чьи же это шутки?
На заборе в этот миг
Раздалось вдруг: «Чик-чирик!
Любим мы, воробушки,
Поклевать подсолнушки!..»

Перевод Р. Хакимова.

СПИЧКИ — НЕ ИГРУШКА

Знали мы с подружкой —
спички — не игрушка.

Удержаться не смогла,
спичку всё-таки зажгла.
На огонь глядела,
дунуть не успела —
пальцы обожгла.

Говорю подружке я:
— Очередь теперь твоя.

Отвечает мне подружка:
— Спички — это не игрушка.

Перевод С. Малышева.

Марзия Файзуллина

Родилась в 1930 г.

РЯБИНА

На дворе
Гроза гремела,
Ливень лил как из ведра.
А рябина
Всё горела
Ярче жаркого костра.

Ветер дул,
Шумел и злился,
Изо всех старался сил, —
Но рябину,
Как ни бился,
Всё равно не погасил.

С ветки
Ягодка упала...
Я её в ладонь взяла:
Огоньком
Она пылала,
Но руки совсем не жгла!

Перевод С.Малышева.

КУВШИНКИ

Когда мы по озеру
С папой катались,
На волнах от лодки
Кувшинки качались.

Они были белые,
Словно из инея.
Я рвать их не стала —
Такие красивые!

Цветов белоснежней
На свете не знаю!..
Я часто зимою

О них вспоминаю.

На стёклах окошка –
Узоры из инея,
А небо за ним —
Словно озеро синее.

Перевод С.Мальшева.

РЕПЕЙ

За что меня мама
Репьём называет?
Как будто не знает,
Какой он бывает!

От платья репей
Не отцепишь словами!
А если пристану
С вопросами к маме,
И если устанет
Она отвечать
И скажет: «Отстань!» мне —
Ну как не отстать?

Перевод С.Мальшева.

ЛЕНИВАЯ МУХА

Муха проснулась
И зажужжала:
— Мне бы ещё отдохнуть
Не мешало.
Стоя дремлю всё,
Не выплюсь никак.
Где полежать бы?
А вон и гамак!
Ну молодец,
Паучок-добрячок!
Прямо под боком
Он сплёл гамачок.

И в паутину легла,
Закачалась...
Больше подружкам

Она не встречалась.

Перевод С.Мальшева.

ЛУЧШИЕ ПОДРУГИ

С подружками этими
Дружно, живём.
Они мне вдвоём
Помогают во всём:
Умыться, одеться,
Постельку прибрать.
Позавтракать
Любят они помогать!
Умеют подружки
Стирать, вышивать.
Но больше им нравится
В куклы играть.
И могут они
Нашалить иногда...
Зато не боятся
Любого труда!
Вокруг столько дел
И для маленьких рук —
Моих самых лучших
Умелых подруг!

Перевод С.Мальшева.

СИЛЬНАЯ МАМА

Мамы
Сильнее моей не найдёте,
В сказках
Таких силачей не бывает!
Грузы любые
Весь день на работе
Краном подъёмным
Она поднимает.

Там не нужна ей
Помощница-дочь.
А дома всегда я
Готова помочь!

Перевод С.Мальшева.

Резеда Валеева

Родилась в 1930 г.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Праздник особенный
Мы отмечаем:
День нашей радости —
Он и печален,
Доблестью нашей
Навек озарен,
День нашей гордости —
Горестен он.

Мы вспоминаем
В сражениях павших,
Землю родную
От гибели спасших,
Мир от беды
Заслонивших собой —
Наших героев
Войны мировой.

Нам не забыть,
Что в земле опаленной —
Двадцать миллионов,
Двадцать миллионов!
Наших людей
Так и не встретили
Радостный день.

Разве забудем
Блокадные ночи?
Подвиг колхозников,
Подвиг рабочих,
Подвиг детей
У бессонных станков —
В памяти нашей
Навеки веков...

Праздник особенный
Мы отмечаем,
День нашей радости

Он и печален.
Память о подвиге
Болью полна,
Вечным огнем.
Обжигает она.

Перевод С.Мальшева.

НЕТ-ВОЙНЕ!

Небо над нами
Сегодня спокойно.
Но мы забывать не должны,
Что на планете
Не кончились войны,
Нет на земле тишины.
Где-то снаряды
По-прежнему рвутся,
В каждом —
 десятки смертей.
Танки и пушки —
В руках у безумцев,
Что им до прочих людей!
К бою готовые
Бомбы, ракеты,
Лишь приказания ждут.
Хватит на всех,
Уничтожат планету,
Если им волю дадут.
Злобные помыслы
Нам ненавистны.
Этой тягчайшей из бед —
Новой войне
Всею мощью Отчизны
Скажем решительно:
— Нет!

Перевод С.Мальшева.

КРАЙ МОЙ РОДНОЙ, ТАТАРСТАН

Край мой родной,
Ты сегодня известен
Чудом подземных своих кладовых —
Трудно дающимся золотом нефти,

И красотой городов молодых!

Край мой родной,
Где становятся былью
Дерзкие взлеты крылатой мечты,
Подвигом — песней поэта Джалиля
Целой планете запомнился ты!

Перевод С.Мальшева.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Первый учитель...
Его позабыть не сумею
Нас он учил доброте
Добротою своею.

Он не сердился,
Когда на уроках шалили —
Сами потом
У него мы прощенья просили.

С ним и бедою, и радостью
Часто делились...
Только теперь понимаю,
Чему у него мы учились.

С палочек
В первой тетрадке на первой странице
Он обучал нас
Уменью упорно трудиться.

С ним по слогам
Прочитали мы главное слово:
Родина, —
Стало оно нам
Дороже любого другого.

Первый учитель...
Часто его вспоминаю.
Что для меня означал он, —
Только теперь понимаю...

Перевод С.Мальшева.

ЧТО, ЕСЛИ...

В этот солнечный денек,
Только я раскрыл тетрадь,
Захотелось на каток
Или просто погулять.

Но представил, что случится,
Если все начнут лениться.
Вдруг в один ужасный день
Всем работать станет лень?

Мне уроки лень учить,
А врачу — больных лечить,
Письма некому носить,
Некому трамвай водить.

Нет воды в водопроводе,
Нет рабочих на заводе,
Нет ни хлеба, ни конфет,
А в домах погаснет свет,
Потому что целый день
Всем работать было лень!

Но не бросили работу
Люди в солнечный денек...
Даже если неохота —
Все же выучу урок!

Перевод С.Мальшева.

КОСТЕР

В лес, где кроны до небес,
Жарким днем пришли ребята...
Встретил их тенистый лес
Птичьим пенем и прохладой.

Было весело играть
Между сосен в догонялки.
Интересно собирать
Землянику на полянке.

Но наскучила игра,
И устали все немножко.

Посидели у костра,
Испекли в золе картошку.

А потом, пошли домой,
По дороге песни пели.
В это время под золой
Незаметно угли тлели...

Ночью дунул ветерок, —
И тотчас костер проснулся.
Над углями огонек
Красной ленточкой взметнулся!

Вот он краешком задел
На земле сухую хвою.
Разгорелся — и взлетел
Дымным смерчем под сосною!

Вьются искры над сосной,
Вот уже горит другая...
Двигается огонь стеной,
Все, что встретится, сжигая!

Словно факелы, дубы
Полыхают страшным жаром,
Дыма черного клубы,
Озаряя над пожаром.

Пляшет пламя до небес,
Ветром в чащу его гонит.
Погибает в муках лес,
Плачет он, кричит и стонет!..

...Там, где лес стоял вчера,
Где ребята веселились
И походного костра, —
Только пни к утру дымились...

Перевод С.Малышева.

СПОЙ, СОЛОВУШКА, МНЕ

Как люблю я эти песни,
Мой соловушка родной.

Нет красивей и чудесней,
Чем мотив печальный твой.
И в мелодии заветной
В синеве ночной дали
Слышу мамины напевы
И язык родной земли.

Птички певчие проснутся
Ранним утром над рекой.
В каждом сердце отзовутся
Звуки песенки простой...
Словно ландыш серебристый,
Словно звонкие ручьи
Голос нежный твой и чистый
Над землю прозвучит.

Спой, соловушка, ты мне...

Перевод Е.Муравьева.

КАЗАНСКИЕ САПОЖКИ

Я купил себе на праздник
Вот какие ичиги!
Крепко сшитые из кожи —
Из Казани сапоги.

Я не знаю, что случилось,
И какое чудо тут:
Стоит мне надеть сапожки —
Ноги сами в пляс идут.

Эх! Раз, два, притоп,
Правый, левый сапожок...
Удержаться невозможно,
Я танцую и пою,
В этих новеньких сапожках
Никогда не устаю.

Лихо топают сапожки,
Не жалею каблуки —
Настоящие, из кожи,
Из Казани сапоги!

Перевод Е.Муравьева.

КУКУШКА

С давних пор,
Я не скрою,
Сказка бродит по свету,
Вспоминаю порою
Сказку грустную эту,
Если вдруг я случайно,
Проходя по опушке,
Слышу голос печальной,
Одинокой кукушки...

...У избушки ярится
Белогривое море,
А в избушке вдовица
С неудачами в споре.
Пять сынков у рыбачки —
Луноликие дети;
Но одной среди качки
Нужно вытащить сети;
Не жалея нимало
Сил в труде безотрадном,
Всю себя отдавала
Мать сынкам ненаглядным.
Одинока под кровом,
Одинока в работах,
Никогда ни полсловом
Никому о заботах.
Рыбу в море ловила,
Недоспав свою ночку,
Продавала, коптила —
Все сама, в одиночку...
Соль морская и копоть...
А веселые детки
Не желают работать,
Хоть и не малолетки.
Мать на них не сердита:
Что ей хлопоты эти,
Лишь бы ели досыта
Ненаглядные дети!

Шла недель вереница.
Детки пили и ели.
Но однажды вдовица
Вдруг не встала с постели:

Одолело заботы
Непосильное бремя,
Ослабеть от работы
Вдруг пришло ей время.
На лице проступили
Капли смертного пота,
Нет в руках больше силы,
В теле боль и ломота;
Как подбитая птица,
Ждет с рассветного солнца,
Кто б принес ей напиток
Хоть воды из колодца.

А сынкам что за дело,
Им печаль не знакома,
Видят — мать заболела,
Но уходят из дома.
Им важнее забавы,
Все, как прежде, беспечны,
Круглолицы, кудрявы
И совсем бессердечны.

Забавлялись, резвились,
Похвалялись отвагой.
На закате явились
Братья шумной ватагой.
В море кануло солнце.
Потемнела округа.
Старший глянул в оконце —
Онемел от испуга...

С неослабной тоскою,
С бесконечной печалью
Мать больная рукою
Потянулась за шалью, —
От безвыходной муки,
От большого усилия
Материнские руки
Превращаются в крылья...

Дверь открыли несмело —
Опустела избушка:
Через дверь улетела,
Упорхнула кукушка.

Гневно море волнами
Плещет перед избушкой...
— Братья!
Что будет с нами?!
Мама стала кукушкой!

Испугавшись заклятья,
Присмирив, друг за дружкой
С плачем тянутся братья
Вслед за серой кукушкой:

— Злым сиротством и горем
Не казни нас,

родная!

Мы идем по-над морем,
Горько-горько рыдая!
Возвращайся ты к дому
Человеком,

не птицей,

Угостим по-родному
Ключевою водицей!
Все одна ты хлопчешь,
Подадим мы напиток,
Если только захочешь,
И медовой водицы!
Сами сети поставим,
Сами рыбы наловим,
Сами к дому доставим,
Накоптим и насолим!
Не услышишь отныне
Поперек ни словечка.
Мы одни, как в пустыне,
Близ родного крылечка!
Мама,

Где же ты?

Ма-ма!

Но безмолвны просторы,
Только море упрямо
Волн ворочает горы...

...Лесом или горою
Сказка бродит по свету,

Вспоминаю порою
Сказку грустную эту,
Если вдруг я случайно,
Проходя по опушке,
Слышу голос печальной,
Одинокой кукушки:
— Ку-ку!
 Ку-ку!
 Ку-ку!

Перевод Р.Бухараева.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ*

Знает сегодня
 весь мир восхищенный,
Память о подвиге свято храня:
Узник,
 к смерти приговоренный,
Муки прошедший,
 непокоренный,
Пишет стихи до последнего дня.
Зря ожидали
 враги от поэта
Слов о пощаде
 и слезной мольбы.
В схватке —
 за ним остается победа,
Песни полны
 и отваги и света,
Песни его —
 продолжение борьбы.
Бой против нечисти,
 гнушной,
 жестокой,
Песня ведет,
 окрыляя сердца.
Мужеству учат
 чеканные строки,
Вере,
 что мы побеждаем в итоге,
Если Отчизне верны до конца.
Сердце товарища

* Отрывок из поэмы «Песня о поэте».

Адлер Тимергалин

1931 -2013

ЧУДЕСНЫЙ КАМЕНЬ ШАНГЕРЕЯ*

...Жил в давние времена человек по имени Шангерей. Встал он однажды засветло и пошел рыбу ловить.

Время шло, а сети Шангерей, в которые он для крепости вплел конский волос, каждый раз, как назло, оставались пустыми. Обидно рыбаку. Чтобы лов был удачным, дорогой к реке он перебрал в памяти все молитвы и заклинания, какие только знал, загадывал по звездам желание. Знать, напрасно старался. Только не могла же пропасть рыба в Меше? Это все равно как если бы деревья в лесу разом сквозь землю провалились. Нет, такого не может быть!

А рыба Шангерейю нужна. Теперь самое время ею заняться — сушить, солить, вялить. Скоро с запада придут христианские купцы. Они в эту пору рыбу на зиму закупают.

После уж Шангерейю не до того будет. У него других забот хватает. В лес за медом идти надо. Высоко на деревьях примечено у него шесть бортей — гнезд диких пчел. Шангерей уже два раза брал из них душистый мед. Надо бы и теперь поспеть, пока другие не опередили да медведь-сластена не пронюхал. Этот разбойник куда угодно вскарабкается, головы своей не пожалеет, лишь бы медком полакомиться. А там возьмет Шангерей лук со стрелами и отправится на охоту, чтобы зимой было чем кормиться.

Еще избу, двор, сарай к холодам подготовить надо, липового лыка надрать. Зимой станут они с сынишкой Рахимкулом легкую обутку плести. Этому Шангерейя мужики из Субаша, соседней деревни, обучили. Рахимкул уже большой стал, годится в помощники. Вдвоем они, глядишь, на каждого по три пары лаптей изготовят. Вот и хватит им на зиму. Сапоги, пожалуй, не выдержат до весны, прохудятся.

* В сокращении.

Баньку бы еще срубить! О такой, как в Булгаре, понятно, и мечтать нечего. Но и без бани никак нельзя. Стоит попариться березовым веничком, сразу силы в тебе прибывают, молодцом себя чувствуешь! Да и детишкам чистота нужна.

Так помаленьку и обживутся на новом месте.

Вот уж два года, как бежали они из Булгара. Не стало житья от лихих людей. То белый князь с дружиной набег учинит, то хазары грабят, то ладьи с разбойниками нежданно-негаданно к берегу пристанут. Каждый год повадились. Сколько уж Булгар огню предавали. <...>

Размышляя так, Шангерей растянул сети в устье небольшого притока. <...>

Рыбы поймалось негусто. Шангерей обрадовался большой щуке, остальное была мелочь: плотва, язь.

Но почему сети поддаются с трудом? Неужели за корягу зацепились? Вот возни не хватало.

Осторожно выбрав сети, Шангерей увидел в них нечто темное. На корягу вроде не похоже.

Тяжелая темная штукавина в сетях в длину была не больше локтя. Очистив ее от ила, Шангерей увидел нечто похожее на кирпич, только янтарного цвета. Сердце его учащенно забилося, а вдруг это клад?

Рыбак вымыл находку в воде и теперь совершенно ясно видел, что она — творение человеческих рук. Желание посмотреть, что у нее внутри, было так велико, что Шангерей решил приняться за дело тотчас, не откладывая. <...>

Дрожащими от волнения руками он достал какой-то сверток. Откинув податливую шуршащую «бересту», увидел прямоугольный камень. На нем были начертаны неизвестные Шангерее загадочные знаки. Нечто похожее ему приходилось видеть на солнечных часах, которые привозили в Булгар багдадские купцы.

Находка была нелегка, все же рыбак решил взять ее с собой. Он снова вложил ее в янтарный короб и сунул в мешок.

Солнце уже скатилось за лес, надо было спешить. Шангерей торопливо развесил сети в густых зарослях кустарника, чтобы не попались на глаза злему человеку, выволок на берег лодку и закидал ее ветками. Потом, перекинув через плечо мешок и вершу с рыбой, зашагал к дому. <...>

Оставив рыбу возле крыльца, Шангерей вошел в дом и сунул мешок под нары. <...>

Хозяин поел, потом не спеша достал находку и показал ее домашним.

Когда он развернул таинственный камень, по избе разлился слабый мерцающий свет. Глаза Рахимкула загорелись.

— Что это, отец? — он с опаской дотронулся до отцовской находки. — Это золото, да?

— Нет, на золото не похоже... — Шангерей задумчиво посмотрел на сына.

Иртагуль возилась возле печи.

— Что если там сидит нечистая сила? — подала она голос. — Ты говоришь, оно в коробе лежало?

— Да как тебе сказать, вроде и коробом назвать нельзя... Я по нему камнем — а оно вдруг и открылось...

— Осторожно бы надо, после беды не оберешься...

— Какой беды?

— Забыл разве сказку про рыбака? Нам ее в Булгаре Алпамыш рассказывал. Ну тот, что у арабов в услужении был...

— Знаю, знаю, — закричал Рахимкул, — это сказка про джинна, который сидел в горшке!

— Ну да, про него.

Шангерей всегда прислушивался к словам жены. Что ни говори, она грамоте училась, целую зиму к бике ходила.

Странный камень снова убрали под нары.

Тут проснулся Алмыш. Он выпил молока и снова задремал. Тело мальчика горело. Ему дали выпить настой полыни с медом. Однако легче ему не стало. Алмыш стонал...

Когда все смолкло, Рахимкул, который спал в сенях, прокрался в дом и юркнул под нары. Он нашарил в темноте сверток и притих, прислушиваясь. Потом осторожно выбрался во двор.

В небе стояла полная луна, и за лабазом было светло. Мальчик развернул камень и ощутил его тепло. Рахимкул повертел камень в руках, надеясь вскрыть его, но из этого ничего не получилось.

«Вот бы вышел теперь из него джинн,— подумал Рахимкул,— и сказал бы: «Приказывай, о господин, проси все, что тебе надо! Хочешь белого коня — будет тебе белый конь! Хочешь серого в яблоках — будет серый! Если велишь, построю тебе дворец до самого неба, в тысячу куполов...» Интересно, чего бы я у него попросил?.. Ни золота, ни серебра мне не надо. Я бы, наверное, янтарные бусы для мамы попросил. Для отца топор и косу попросил бы. А для Алмышаша...»

Размечтавшись, мальчик не заметил, как странный камень начал мало-помалу оживать у него в руках. Сияние, исходившее от него, становилось все ярче, а внутри явственно слышалось теперь легкое жужжание, будто там сидела муха. От неожиданности мальчик выронил камень на землю.

Однако мальчик из города Булгара не был трусом, он снова подобрал непонятную вещь и принялся внимательно разглядывать ее со всех сторон. Среди затейливых знаков он увидел сбоку нечто вроде пуговки. Она светилась голубым светом. Что же это могло значить?

Рахимкул ткнул в пуговку пальцем и зашептал страстно:

— О могущественный джинн! Если ты добрый, то дай Алмышу хорошие сапоги, кожаные, с круглыми носками, крепкими каблуками... Мне шей бешмет и теплую шапку... Маме дай бусы янтарные, а отцу косу и топор, да такие, чтобы всегда острые были. А еще

дай ему долото. Ты не жадничай, джинн, за добро я сумею отплатить тебе добром... Ягод тебе наберу. А если грибы любишь, то грибов...

Тут послышался вой, как в морозную пору бывает в печной трубе, откуда-то сверху подуло ветром — «камень» сам оттолкнул его от себя! Вернее, мягко отстранил, но устоять под его напором было невозможно. Мальчик отступил на два шага, но не убежал.

Вот перед ним появилась пара чудесных сапожек. Мальчик спокойно ждал, нисколько не сомневаясь, что все его желания будут исполнены. Вслед за сапогами возник бешмет, замечательная пушистая шапка, бусы — такой красоты, что от них глаз оторвать было невозможно, топор, коса, долото...

— Нет, нет, не к добру это,— сказала Иртагуль мужу. Мне страшно! Где это видано, чтобы такие подарки давали просто так, даром?

— Так ведь не совсем уж и даром, — спокойно возразил Шангерей, — я же из воды его вытащил. Может, спас...

— Да ты не бойся, мама,— поспешил Рахимкул на выручку отцу.— Эта штука добрая! Дает, что ни попросишь. Ты посмотри, какие красивые бусы!

— Да откуда все это взялось? — нахмурилась Иртагуль, — Ведь штукавина, если поглядеть, совсем малюсенькая...

— Из воздуха, мама! Все из воздуха.

— А как?

Вот этого-то Рахимкул не мог объяснить матери. Такая задача была бы не по силам даже величайшим из мудрецов Востока и Запада. Воздух... Его и разглядеть-то нельзя, а вот попробуй побегика против ветра!

— Нет,— решительно стояла Иртагуль на своем,— ничего этого мне не надо, и бусы не нужны! Колдовство это принесет нам несчастье...

— Эх, мать, что ни говори, а топор у меня хоть куда! Таким топором не то что деревню — целый город срубить можно! А коса! Ты погляди, сама ведь косит!

— Мам, а мам,— сказал Рахимкул,— давай снадобье для Алмыша попросим! <...>

Рахимкул, как заправский колдун, уверенно нажал на пуговку сбоку.

— О добрый дух,— зашептал он,— дай нам немного снадобья, чтобы мы могли смазать Алмышу ногу. Сделай так, чтобы нога у него поскорей зажила. А еще дай нам средства от головы: Алмыш весь горит, а целителей и знахарей у нас нету...

Не успели они дважды сосчитать до десяти, как лекарства уже стояли на крыльце.

— О, Аллах милостивый! — прошептала Иртагуль, бледнея. Одно лекарство было в неглубокой баночке, другое — в посуде, похожей на китайскую чашечку.

— А, это, должно быть, питье,— догадался Шангерей. Малышу смазали ногу, дали попить из чашечки — ему сразу же стало легче. Прошло немного времени, и Алмыш: выбежал к ним на крыльцо. Мальчика обули в новые сапожки. Лицо его так и просияло от радости.

— Шангерей...— робко заговорила Иртагуль, понизив голос до шепота,— а не попросить ли нам ведерко для молока и новый казан? Ты ведь уже устал латать его, правда?..

— Хе! — весело крякнул Шангерей и взглянул на старшего сына.

Тот важно приосанился.

— Раз, два, три,— пропел он,— все могу я — посмотри!

Однако на этот раз все получилось как-то нескладно. Вместо привычных ведра и казана на крыльце появились какие-то несуразные вещи.

— Это еще что за диковины такие?! — удивилась хозяйка.

— Погоди, мама,— сказал Рахимкул.— Ведро ты попросила, а какое оно, не объяснила. И казаны всякие ведь бывают, наверное. Одни с ручкой, чтобы над очагом вешать, другие — в печку заделывать.

— Пусть ведерко будет легким, чистым и прочным. Да чтобы молоко не прокисало в нем... А казан нужен без ручки.

—А ведро тебе деревянное нужно?

—Лучше жестяное или медное...— подсказал Шангерей.

— Ну вот,— сказал парнишка,— теперь все будет как надо. Диковинные казан и подойник вдруг растаяли у всех на глазах, будто растворились в воздухе, а на их месте появились другие.

Ведро было просто загляденье: внутри беленькое, снаружи небесно-голубое. А поверх голубого яркие цветочки. А казан не медный был, а из тяжелого черного металла — из чугуна, как видно.

Шангерей, не мешкая, вынул из печи старый казан, а на его место приладил новый. А Иртагуль не могла наглядеться на свое новенькое ведерко.

Маленький Алмыш крутился возле старших, но на него теперь никто не обращал внимания. Мальчик не на шутку был обижен на старших и уж подумывал, не прищемить ли ему палец дверью, чтобы его снова пожалели, но представив, как это больно, отказался от своей затеи.

— Отец, отец,— теребил он Шангерей за полу,— хочу меч или кинжал. Я буду воин — ювари! Или мерген — охотник! Врагов бить стану... Пусть не суются к нам никогда!

Однако Шангерей отогнал его, говоря:

— Ишь, чего выдумал! Век бы глаза мои все эти мечи да кинжалы не видали!

Но от малыша отделаться было не так-то легко. Пришлось попросить для него маленький карманный ножик. Зато для себя Шангерей попросил чудесный охотничий нож.

Таков человек: слишком скоро привыкает он к хорошему, а потребности его не знают границ... Освоившись с чудом, Шангерей, его жена и дети наперебой стали выпрашивать для себя разные вещи. Вскоре крыльцо и сени заполнились множеством нужных и не очень нужных предметов. Чудесный камень безотказно выдавал все. <...>

Перед воротами остановились всадники.

— Эй, хозяин! — закричали они.— Встречай гостей!

Один из прибывших, как видно, самый важный, спрыгнул с коня и накинул уздечку на плетень.

Шангерей выглянул из лабаза, где коптил рыбу, и внутри у него все похолодело. «Не иначе как сборщики ясака из Булгара,— подумал он.— И сюда добрались...» Он двинулся к непрошеным гостям, вытирая на ходу руки о холщовый фартук. Выдернув из ворот шест, он отворил их и, сложив руки на груди, поклонился, приветствуя пришельцев.

Трое незнакомцев были в кольчугах, вооружены луками, стрелами, булавами и бердышами, четвертый же — в обычной одежде из дорогих тканей. Он остановился перед Шангереем.

— Я сборщик ясака из Булгара,— сказал неизвестный господин.— Нам сообщили, что ты живешь тут уже несколько лет и пользуешься всеми благами земли нашей... а ясак не платил еще ни разу. Как твое имя? Сколько душ у тебя в доме? Сколько голов скота? Сеешь ли хлеб?

— Зовут меня Шангерей, родом из Булгара,— ответил хозяин дома, всем видом своим выражая послушание и покорность.— Нас четверо душ. Есть две лошади, две коровы... <...>

Гости, утолив жажду айраном, выпили по два ковша медовухи, положив перед тем в рот что-то белое. Сборщика, впрочем, не интересовала медовуха. Он все время озирался по сторонам, разглядывая жильё и утварь.

— А ты богато живешь, как тебя... Шангерей,— сказал он наконец, покашляв для важности.— Дом у тебя, вижу, полная чаша.

— Слава Аллаху... Тружусь день и ночь.

— И окна больше, чем у других. Где стекло взял?

— Стекло? А что такое? А-а... Что в окна вставлено? Возле сухого ручья среди камней нашел,— соврал Шангерей.

— Так. Известно ли тебе, что силикатное стекло не встречается на этой планете?

— Откуда мне это знать? Мы люди темные, неученые. Усмехнувшись в усы, сборщик кивнул на ведро.

— Ну а это откуда?

— Куплено. Еще в Булгаре...

— Ты неправду говоришь мне, Шангерей,— нахмурился гость.— Сам небось и понятия не имеешь, что ведро твое изнутри покрыто эмалью, а снаружи нитролаком. А ведь подобные синтетические вещества земной цивилизации пока неизвестны.

Услышав столько мудреных слов, хозяин дома вовсе пал духом. Напрасно старался он заслонить собой топор, прислоненный к печи. Проницательный гость давно его приметил.

— И топор у тебя очень хорош. А ну-ка покажи! Так... Так... Сталь высшего качества, и черенок не деревянный, а из ударо-прочной пластмассы... Да, вещи прямо-таки удивительные, Шангерей! Придется обыскать дом. Слышал небось, что разбойники на ханский караван напали?

— Нет, не слыхал. Да и что тут, в глухом углу, услышишь? Сборщик сделал знак своей охране, и та принялась рыться во всех углах. Не прошло и минуты, как из-под боковых нар вытащили чудо-камень. Сборщик развернул его и довольно улыбнулся.

— Материализатор,— сказал он сам себе и облегченно перевел дух.— В полном порядке. Так где ты взял его? — обратился он к Шангерю.

Тут из-за занавески послышался голос Иртагуль:

— Расскажи ему всю правду, Шангерей. Повинную голову меч не сечет. Пусть заберет, не жалко. Подальше от беды.

Рахимкул на печке шепнул брату на ухо:

— Эх, хорошая была штука...

— Ага,— согласился Алмыш с братом и крепче прижал к себе сапожки.

Шангерей уж и сам собирался выложить все как есть.

— Я вытащил это сетью из воды,— сказал он, глядя сборщику прямо в глаза.

— Далеко отсюда?

— Версты три будет. Надо на восток идти, к притоку Меши...
Сборщик тут же послал туда своих слуг.

— Радиомаяк надо уничтожить! — сказал он.— Камень этот, похоже, из ханского каравана, я заберу его с собой.— Он посмотрел на Шангерей.— Ты можешь поклясться, что никому ни словом не заикнешься о нем?

— Клянусь... Не узнает ни одна душа.

— Клянись солнцем и хлебом!

— Солнцем клянусь! Не видать мне хлеба, если нарушу клятву!

— Ладно, Шангерей. Пусть и жена твоя помнит про эту клятву.

И дети.

— Запомнят на всю жизнь, милостивый господин!

— Ну, коли так, я, пожалуй, порву твой ярлык.— И сборщик, вынув из кармана давешнюю бумагу, порвал ее на мелкие клочки и выбросил в печь.

— Спасибо, господин! Очень благодарен вам, да будет вам место в раю!

— Гм-м... В раю, говоришь? До того мне еще предстоит пережить трепку директора О'Нейро! Так-то, брат...— Взгляд гостя внезапно угас, и весь он будто стал меньше ростом.

Шангерей взгляделся в белое как мел лицо сборщика, в его темно-лиловые волосы, зеленые глаза, изнеженные руки с тонкими, как у музыканта, играющего на сазе, пальцами, и ему показалось, что перед ним чудное, сказочное существо... Как зачарованный смотрел он в нечеловеческие глаза, и его будто затягивало в бездонный омут.

— Ну, давай прощаться, друг Шангерей,— прервал молчание странный человек, возвращая хозяина на землю.— Желаю тебе удачи. Отсюда мы пойдем пешком. Лошадей оставим тебе. Одну отдашь соседу. Прощай. Помни о клятве!

Дверь за гостем закрылась, а Шангерей все еще стоял, глядя перед собой остановившимися глазами. Очнулся он только после того, как из-за занавески показалась жена. <...>

Вскоре во двор влетели мальчики. Они так задохнулись, что едва могли говорить:

— Отец! Мама!

Шангерей поспешил им навстречу, на душе у него все еще было беспокойно.

— Что случилось?! — Тут и Иртагуль подросла.

— Ох, что мы видели! Что видели!

— Страшно так! — вставил маленький Алмыш.

— Ну, ну,— торопила их мать,— рассказывайте скорее!

— Что же вы видели? — спросил Шангерей.

— На поляне, где ты волка в прошлом году поймал...

— Ну зачем же в такую далищу вас понесло, ведь сено совсем рядом?

А мы за теми дяденьками потихоньку... Шангерей недовольно покачал головой.

— Они на той поляне под старой ивой остановились, вздох рассказывал Рахимкул, блестя глазами.— У одного длинная палка в руке, как копьё...

— Что же дальше-то было? — Шангерей не терпелось узнать, что так всполошило ребят.

— Мы в кустах спрятались...

— Ох и испугался же я! — снова перебил брата Алмыш.

— Да не мешай ты! — прикрикнул на него Рахимкул. Лежим мы, глядим, а те раздеваться стали. Все с себя сняли — кольчугу, одежду, голые почти остались...

— Ну а дальше что?

— Потом они достали из дупла какие-то узлы, переоделись.

Так сверкало все на них! Как чешуя на рыбе. Развели они костер и бросили туда все, что сняли с себя. Оружие тоже...

— А ты не врешь? — прервала его мать. — Где же это видано, чтобы железо в огне горело? — Она с сомнением покачала головой.

— Они чего-то подсыпали в огонь — муки, что ли... Искры выше деревьев взлетели.

— Ка-ак вспыхнет все! — вмешался Алмыш.

Рахимкул торопился рассказать удивительную новость:

— Тут они кадушки какие-то на спины вскинули, ремнями пристегнули...

— Опять ка-ак вспыхнет! — не удержался Алмыш, который не спускал с брата горящих глаз.

— Из-под кадушек сперва огонь показался, после повалил дым и они полетели прямо в небо!

— Так уж и прямо в небо!

— Ну да, прямо в небо, мама. Такой грохот стоял, что я глаза зажмурил!

— Я тоже, я тоже! — закричал Алмыш, не желая отстать от Рахимкула.

— А когда открыл глаза, они уж высоко были, малюсенькие, как птички...

— Вот так чудеса... — проговорила Иртагуль.

— А костер вы осмотрели? — поинтересовался Шангерей, глядя сыновей по голове.

— Чтобы эти двое да не осмотрели, — усмехнулась мать.

— Там, отец, зола одна. От одежды и оружия ничего не осталось...

— И кола железного возле речки уж нет, — прошептал Шангерей, потирая лоб.

Но сколько бы он ни ломал голову, сколько ни морщил лоб, ему, древнему охотнику и землепашцу, трудно было понять то, что он увидел и узнал. Все было темно, как в лесу, обступившем их со всех сторон, все загадочно.

Откуда было ему знать, что страна волжских булгар, добившись значительного расцвета, идет навстречу грядущим событиям, что впереди у нее жестокие испытания, что предстоит ей быть затоптанной и сожженной дикими полчищами, что после веками будут стонать ее потомки под властью царей и мулл?..

Лошади, еще не привыкшие к стойлу, беспокойно заржали. Шангерей поспешил к ним.

Перевод А.Бадюгиной.

Рафаиль Мустафин

1931 -2011

ПОЛИТРУК ДЖАЛИЛЬ*

Прошло много лет. Муса окончил университет, стал журналистом, поэтом.

22 июня 1941 года на нашу страну напала фашистская Германия. Муса Джалиль ушёл защищать Родину. Политрук Джалиль получил назначение на Волховский фронт, в редакцию армейской газеты «Отвага».

...Качаются на лугу ромашки. Сердечки у всех жёлтые, а лепестки белые-белые. И лишь у одной ромашки, стоящей в стороне от подруг, лепестки алые, словно капли крови.

Подивились ромашки такому невиданному чуду, спрашивают у подружки:

— Почему ты красная? Ведь только вчера ты была такая же белая, как и мы все!

— Ночью здесь кипел жестокий бой, — отвечает им красная ромашка. — Советский боец один сражался против пятнадцати фашистов. Много врагов уложил он меткими выстрелами, но и его самого настигла вражья пуля. Брызнула из его груди алая кровь и окрасила мои лепестки в красный цвет...

— Товарищ политрук, опять немцы!

Муса встрепенулся. Раздвинул стебли осоки.

— Подпустим поближе и ударим сбоку, чтобы уж наверняка, — сказал Муса лежавшему рядом пулемётчику.

Больше двух месяцев Вторая ударная армия, в рядах которой воевал Муса Джалиль, сражалась в окружении. Фашисты оттеснили армию в болотистую, залитую водой долину недалеко от реки Волхов. У окружённых кончились продукты. Ели кору деревьев, траву, редко попадались ягоды. Немцы день и ночь бомбили долину, обстреливали из орудий и миномётов. С самолётов

* Рассказы из сборника «Красная ромашка».

разбрасывали листовки, призывая советских солдат сдаться на милость победителей. Но лучше уж смерть, чем фашистский плен. Так думали советские солдаты.

Фашисты уже совсем близко. Муса долго целился в бежавшего впереди долговязого фашиста. Нажал курок. Немец выронил автомат и, вскинув руки, медленно осел на землю. В ту же секунду заработал пулемёт. Пули настигали врага за невысокими кочками и редкими кустиками. Фашисты не выдержали — повернули обратно, оставив посреди болота убитых и раненых.

В этот день немцы трижды пытались атаковать позиции наших войск, но так и не смогли продвинуться ни на метр.

Вечером командиры собрались на совет. Как быть? Как пробиться к своим? Как это сделать, если фашистов в несколько раз больше? У них танки, артиллерия, миномёты, а у наших — на счету каждый патрон. И тогда совет решил: ударить по немцам там, где они ожидают этого меньше всего — со стороны топей, считавшихся непроходимыми.

Всю ночь окружённые валили лес; по пояс, а то и по грудь в болотной воде прокладывали гать — настильную дорогу из скреплённых друг с другом брёвен. Погрузили на машины раненых, и перед рассветом машины одна за другой, не зажигая фар, медленно поползли через болото.

Вначале всё шло по задуманному плану. Вот одна машина выбралась на сухое место и проскочила мимо немецких позиций, за ней другая, третья. Но тут фашисты заметили колонну и открыли ураганный огонь.

Муса ехал в кузове редакционной полуторки. Под колёсами дробно стучали брёвна, машину кидало из стороны в сторону.

Вдруг перед самой машиной взвился столб пламени. В глазах у Мусы потемнело. Его ударило обо что-то твёрдое, и он потерял сознание.

БУДЕМ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ

1942 год. Оккупированная Польша.

Колонна советских военнопленных, подгоняемая окриками гитлеровцев и хриплым лаем овчарок, медленно двигалась по замёрзшей дороге.

Джалиль шагал почти в самом конце колонны.

От голода кружилась голова — вот уже третьи сутки во рту не было ни крошки. Ныло вывихнутое плечо. От истощения тело Мусы покрылось нарывами. Каждый шаг причинял невероятные мучения. Стиснув зубы, крепко прижав к груди забинтованную руку, Муса старался не отставать от товарищей.

Вдруг перед глазами Мусы поплыли кроваво-красные круги. Он судорожно глотнул воздух и пошатнулся.

— Ты чего это, браток?

Джалиль ощутил, как чьи-то руки подхватили его под локоть.

— Ничего, ничего, — забормотал он, — я сейчас... Я сам...

— Ишь ты, сам. Обопрись на меня. Покрепче.

Муса хотел взглянуть на незнакомца, но не смог — от резкого движения острая боль в левом плече пронзила, как удар электрическим током.

— Кто ты? — еле слышно прошептал он.

— Я военный фельдшер. Толкачёв моя фамилия. Родом из Запорожья. Будем держаться вместе.

Колонна приближалась к лагерю-крепости Демблин. С трёх сторон крепость омывала река Висла. С четвёртой был вырыт глубокий ров, заполненный водой. Крепость окружали толстые кирпичные стены. Поверх них была протянута колючая проволока. Зловещими силуэтами темнели на фоне неба вышки с пулемётами.

Муса совсем обессилел и еле-еле волочил ноги. Толкачёв, перекинув его здоровую руку через плечо, почти нёс Мусу на себе. — Ничего, ничего, браток, — подбадривал он, — осталось совсем немного. Ещё чуток потерпи...

Наконец они миновали узкий сводчатый коридор и оказались внутри крепости. Едва за ними закрылись железные ворота, как Муса без сил рухнул на землю.

НА «СЛУЖБУ» К ФАШИСТАМ

Как-то хмурым утром военнопленных выгнали на плац — площадь в центре лагеря. На трибуну, наскоро сколоченную из необструганных досок,

вскарабкался человек в огромных очках и начал что-то выкрикивать, размахивая руками. Муса прислушался. Очкастый призывал пленных вступить в легион и воевать против Красной Армии на стороне фашистов. Военнопленные нетерпеливо переминались с ноги на ногу и хмуро поглядывали на оратора. Очкастый пообещал всем, вступившим в легион, хорошее питание, тёплое жильё и новое немецкое обмундирование.

Когда тщедушный человечек слез с трибуны, немецкий офицер скомандовал:

— Кто желает записаться в легион, три шага вперёд! Строй не шелохнулся.

Каждый записавшийся получает паёк по полной норме немецкого солдата, — добавил очкастый.

— Жрите сами! — выкрикнул кто-то из строя. — Лучше подохнуть с голоду, чем стрелять в своих!

По знаку немецкого офицера конвоиры выволокли кричавшего из строя. Раздался сухой щелчок выстрела.

— Есть ещё желающие? Военнопленные угрюмо молчали.

Вернулись в барак Муса что-то начал писать. Вокруг сгрудились друзья.

— Какую ещё затею придумали фашисты? Что это за легион?

— Разве не ясно? — Джалиль обвёл товарищей быстрым внимательным взглядом. — У фашистов после сокрушительных ударов нашей армии просто-напросто не хватает солдат. Вот они и хотят пополнить свою армию за счёт предателей.

— Вот гады! Неужели удастся?

— Думаю, что нет. Во всяком случае, мы должны помешать этому. Я написал текст листовки. — Муса протянул Курмашу свёрнутый трубочкой листок бумаги. — Её надо переписать и подкинуть во все бараки. Пусть знают, что кроется за обещаниями фашистов.

Вскоре в лагерь приехала «медицинская комиссия». Она отбирала тех, кто посильнее и помоложе. Их грузили в эшелоны и везли в польское местечко Едлино.

В этот день Курмаш, Баттал и Муса долго не ложились спать. Они были мрачны, подавлены. Первым нарушил молчание Курмаш.

Фашисты оказались хитрее и коварнее, чем мы думали. От верных людей я узнал, что в Едлино формируют первый батальон легиона — свыше тысячи человек. Тех, кто отказывается надеть фашистскую форму, расстреливают на месте. Остальных готовят к отправке на фронт.

— Оружие выдавали? — спросил Муса.

— Нет, винтовки им выдадут лишь после приезда на фронт. Записать-то записали, а доверять — не доверяют...

— Да, выбор у нас небольшой, — задумчиво сказал Абдулла Баттал. — Либо — смерть от голода. Либо — пуля в лоб. Либо — ещё хуже! — идти воевать против своих.

Помолчали.

— Ясно одно, — негромко сказал Муса, — на стороне фашистов — сила. А что, если воспользоваться этой силой и сохранить наших людей?

— Что ты предлагаешь, Муса? Идти на службу к немцам?

— Да, идти. Только «службу» эту понимать по-своему. Дождаться удобного случая, получить в руки оружие и затем повернуть его против фашистов.

— Думаешь, удастся перейти к своим?

— Даже если не удастся, — спокойно продолжал Муса, — смерть с оружием в руках в честном бою почётнее и полезнее для Родины, чем бессмысленная гибель здесь, в лагере, от голода и тифа.

— Но сумеем ли мы убедить всех? Нас не так уж много...

— Пора расширять подпольные группы, — сказал Муса. — Надо, чтобы в каждой роте, в каждом взводе легиона у нас были свои люди. А поддерживать связь с подпольным центром

они будут через связных. Вот тогда в нужную минуту можно поднять всех!

КТО ЖЕ ПРЕДАТЕЛЬ?

Каждый раз после концерта капеллы легионеры находили в бараках листовки. В них говорилось о том, что нельзя верить ни одному слову фашистов, и как только легионеры получают в руки оружие, надо тут же повернуть его против немцев и переходить к своим.

В середине февраля 1943 года фашисты отправили на фронт первый батальон легионеров. А через две недели пришло сообщение, что, едва прибыв под Витебск, батальон поднял восстание, перебил немецких офицеров и в полном составе, с оружием и боеприпасами, перешёл на сторону белорусских партизан. Это была первая серьёзная победа подпольной организации.

После этого случая гитлеровское командование решило не посылать на фронт части легионеров.

Десятого августа 1943 года артисты музыкальной капеллы собрались на очередную репетицию. Под видом репетиции проходило заседание подпольного центра.

— Раз фашисты не хотят посылать нас больше на фронт,— говорил Джалиль, — надо поднять восстание в Едлино. Захватим оружие, перебьём охрану и с боями будем пробиваться навстречу наступающим частям Красной Армии. Тебе, Гайнан, поручается перерезать телефонный провод и нарушить связь с Берлином. Тебе, Баттал, захватить орудия и лошадей. Надо создать боевые группы, которые уничтожат немецкий штаб и перебьют охрану. Медлить больше нельзя!

В это время за дверями барака раздался условный свист. Подпольщики вскочили на ноги.

— Всем быстро расходиться! — скомандовал Джалиль.

Но было уже поздно. Ворвались гестаповцы.

Всех арестованных жестоко избили, надели наручники и под усиленным конвоем отвезли в Варшавскую тюрьму. Начались допросы, жестокие пытки.

Во время допросов Джалилия не покидала одна мысль: «Кто же предатель?» Но вот однажды он получил от Абдуллы Баттала маленькую записочку. На ней было написано одно только слово «Махмуд» и рядом был нарисован фашистский знак.

«Махмуд? Новый легионер? Он выдавал себя за комсомольца... Правда, он был слишком любопытен, — думал Муса. — Да, должно быть, именно Махмуд Ямалутдинов — предатель. Гестапо, наверное, его завербовало и специально подослало к нам!.. Больше никому. Все остальные — проверенные, свои люди».

МОАБИТ

Вскоре Джалилия и его друзей перевели в берлинскую тюрьму Моабит. Это было мрачное серое здание с толстыми каменными стенами, длинными полутёмными коридорами и глухими подземными казематами. Здесь пытали и мучили узников. Фашистские палачи добивались от поэта и его друзей, чтобы они выдали своих товарищей. Муса стойко переносил пытки и не назвал ни одного имени.

Теперь у него оставалось единственное оружие — слово, и Джалиль продолжал борьбу с врагом этим оружием. Возвращаясь после мучительных допросов в сырую, холодную камеру, он сочинял стихи. Один из заключённых подарил ему огрызок карандаша. Другие товарищи, которых водили на работу, собирали и приносили ему обрывки бумаги. Из этих обрывков поэт сшил крохотную, размером с детскую ладошку, тетрадь — чтобы удобнее было прятать во время обысков. Сюда он записывал свои пламенные стихи:

Не преклоню колен, палач, перед тобой,
Хотя я узник твой, я раб в тюрьме твоей.
Придёт мой час — умру. Но знай — умру я стоя,
Хотя ты голову отрубишь мне, злодей.
Увы, не тысячу, а только сто в сраженье
Я уничтожить смог подобных палачей.
За это, возвратясь, я попрошу прощенья,
Колени преклонив, у Родины моей.

Фашисты сковали поэту руки и ноги железными кандалами. Он мог передвигаться только мелкими шажками, вытянув вперёд онемевшие руки. Щёки его ввалились, глаза лихорадочно блестели. Всё лицо было в ссадинах и кровоподтёках.

Как-то раз Джалиля вели по длинному тюремному коридору на допрос. Один из заключённых узнал поэта и окликнул:

— Как дела, Муса?

Муса усмехнулся и, гремя кандалами, ответил:

— Во всяком случае, лучше, чем у Гитлера!

Однажды в камеру Джалиля втокнули высокого черноволосого человека.

— Андре Тиммерманс, бельгиец, — представился он поэту.

Вначале Муса отнёсся к нему недоверчиво — уж не провокатор ли? Но когда узнал, что Тиммерманс вёл подпольную работу против фашистов, изменил к нему отношение.

Постепенно они подружились. Рассказывали друг другу о своих странах, вспоминали родных и близких, поровну делили скудный тюремный паёк.

И вот настало такое утро, когда за дверями раздался грохот кованых сапог, послышался лязг отпираемой двери.

— Это за мной, — сразу понял Муса. — Сейчас поведут на казнь.

Они обнялись. Муса протянул Тиммермансу тетрадь, густо исписанную мелким бисерным почерком.

— Здесь мои стихи. Постарайся сберечь их и после войны перешли на мою Родину.

Андре Тиммерманс выполнил просьбу друга. Он вынес стихи Джалиля из тюрьмы и передал их в советское консульство в Бельгии. Так о подвиге Джалиля узнала вся наша страна, весь мир.

За исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Мусе Джалилю было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А его «Моабитская тетрадь» была

удостоена высшей литературной награды нашей страны — Ленинской премии. Вырвавшись из мрачных стен Моабитской тюрьмы, стихи Джалиля облетели весь мир. В чеканных строчках бьётся мужественное сердце поэта, звучит его непокорённый голос:

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

МАЛЕНЬКИЙ РЫЖИЙ ПОНИ

— Не за синими морями,
не в далеком царстве,
в стольном городе Казани,
в нашем государстве...
Врать не буду, не умею...
Сказку сказываю? Брось!
В наше время, в наши двери
постучал копытом гость!
Как вам объяснить попроще...
Не коза — без бороды.
Лошадь — вроде бы не лошадь,
правда, очень уж похоже...
— Так кого ж увидел ты?
— Не спешите... Я-то понял,
что увидел не коня:
это — Пони, мама-Пони
ищет, бедная, меня.
Смотрит грустными глазами...
— Здравствуй, — говорит, — Гани,
чуть нашла тебя в Казани.
Ты не занят? Извини...

Обнял я ее за шею.
Врать не буду, не умею:
я — единственный — знаком
со звериным языком!
Слава по земле за мной,
видно, ходит... Я домой
маму-Пони пригласил,
что случилось расспросил.
— Что же Пони рассказала?
— Что пришла ко мне с вокзала,
что приехала в вагоне,
обо мне услышав, Пони.
Что пустилась в путь нелегкий
из Шотландии далекой,
зная, веря: только тут
Пони бедную поймут.

Да, Шотландия не близко...
И хромает мой английский.
Но — понятен твой язык,
врать не буду. Не привык.
Так скажи мне, сделай милость,
что ты плачешь, что случилось?
— Милый, дорогой Гани,
помоги мне, не гони!
Жизнь была сплошной мукой:
в шахте я возила уголь,
обзывая клячей тощей,
больно бил меня погонщик.
В голоде жила, в обиде,
света белого не видя.
Вагонеток — без числа —
гору я перевезла!
Поскользнулась — услышала:
«Эх, стара коняга стала!»
Даже тут не пожалели:
выгнали меня в три шеи.
А малютку-жеребенка,
несмышлениша, ребенка,
Рыженького моего —
ой, далеко-далеко
продали... Родной мой, где ты? —
кричу, — в каком краю
какие треплют ветры
гриву рыжую твою?

И опять у мамы-Пони
слезы потекли из глаз...

— Успокойся, все устроим,
я в беде не брошу вас,
я в дорогу хоть сейчас!
За тобою брат присмотрит,
позаботится, накормит.
Я же — к Пони-малышу
На подмогу поспешу.

И пошла пылить дорога!
И в дороге понял я:
если гонит вас тревога,
от заката до восхода,

как ни велика земля,
всюду есть у нас друзья!
Я прошел леса и горы,
слушал птичьи разговоры,
видел Рысь, Шакала, Волка,
шел по свету долго-долго,
а на карту посмотрел —
путь с иголку одолел!

Врать не буду — не обучен.
Но скажу на всякий случай:
потихоньку из Европы
я до Азии дотопал.
Там растут под небом синим
чай, бананы, апельсины.
Сами просятся они:
— Нас отведай, друг Гани!
Самым сочным и красивым
закусил я апельсином,
вижу — прямо на меня
страшная ползет змея!
Так неспешно, величаво,
голову подняв из трав...
Замер я, узнав Удава.
Слишком был велик Удав!
Эх, забыл сказать, ребята,
что я был вооружен
«Сменой» — фотоаппаратом.

Тут и пригодился он.
Я навел его на змея...
Но — бесстрашно весела,
вдруг Пантера подошла
и — взяла его за шею.
И Удав послушно сник,
виновато голову
опустил, как ученик,
опоздавший в школу.
А она его слегка
побранила: «Дожил...
Или друга от врага
отличить не можешь?»
Тут я тоже осмелел,
пригрозил Удаву:

— Жаль, немного не успел...
Я ведь над тобой хотел
учинить расправу!
Разрубил бы на куски,
разбросал по лесу,
разложил бы на пеньки —
ешьте, птицы и зверьки,
тысячу бифштексов!
Впрочем, ладно, я шучу...
Я тебя спросить хочу:
ты о Пони Рыжем
ничего не слышал?

— Тш-ш...
Мне Рыжий был дружком.
Все скажу я на ушко...
Наклонись-ка надо мной!
— Говори. Я — не глухой.
— Рыжий снится мне во сне...
Он уехал на Слоне.
Вон по той тропе иди,
в Африке Слона найди.
Обо всем, что знает он,
все расскажет добрый Слон...

Попрощался я, пошел.
По степям, саваннам.
Рыжий, долго ли еще
мне по дальним странам
за тобой скитаться, друг?
В небе коршун, сделав круг,
улетел... Смотрю — клубится
туча грозная... Лисица —
словно пламя на ветру —
пронеслась и — юрк! — в нору.
И ударил гром! И дождь
хлынул, как из бочки!
Где укрыться — не найдешь:
ни куста, ни кочки...
Мне бы мамин зонтик взять.
По спине — мурашки...
Что по свету щеголять
в вымокшей рубашке?!
Только вижу — впереди...

Разве так бывает?
Рядом, метрах в десяти —
радуга сияет!
Двигается навстречу мне, —
или это снится? —
в оперенье, как в огне...

Что это? Жар-Птица?
Колокольчиком звенит
голосок приятный:
«Я — не радуга, Гани,
я — Павлин нарядный.
Мне на днях сказал скворец:
ты в дорогу вышел,
чтобы к маме, наконец,
возвратился Рыжий.
Вспомни и меня потом —
подскажу дорогу,
стану я твоим зонтом,
провожу немного...»
Вновь Павлин расправил хвост,
и от удивленья
я на миг к земле прирос:
что за оперенье!
И под зонтиком таким —
дождик льет — не страшно! —
шел я с другом дорогим,
выступая важно...

Долго ль, коротко ль,
но вот,
не устав ни капли,
мы добрались до болот,
до болотной Цапли.
Цапля высока, стройна
и глядит серьезно.
Шею выгнула она,
словно знак вопроса:
кто такой? Зачем? Куда
Что ищу на свете?
Понял я и без труда все,
как есть — ответил.
А Павлин сказал: «Пути
дальше нет. Не так ли?»

До свиданья. Дальше — ты
полетишь на Цапле».
Сел на птицу я верхом,
Цапля разбежалась —
и взлетели мы легко,
полетели высоко —
даже сердце сжалось!
Рядом облачко плывет —
я не сочиняю! —
над просторами болот
песни распеваю!
Вдруг —
высокий, до небес,
преградил дорогу лес:
не дубы и грабы —
стеной — баобабы!

Сели мы, как на лужок,
на болотный бережок.
Попрощалась Цапля тихо:
— Это — Африка, дружок.
Это джунгли пред тобою.
По тропинке к водопою
осторожнее крадись —
в когти чьи не попадись!

Джунгли? Я с дремучим мраком
в бой вступаю без ножа.
Вдруг — не то чтоб сразу в пятки —
чую — вниз летит душа!
Это тигра повстречал я,
не добравшись до реки.
Морда страшная рычала,
скаля белые клыки.
Полосатый и огромный,
думал — разорвет сейчас!
Вдруг меня, как кран подъемный,
кто-то поднял вверх
и — спас!
И, уже на ветке сидя,
друга нового узнав,
я сказал ему:
— Спасибо,
уважаемый Жираф!

Вы спасли меня от смерти,
дайте щелкнуть — ваш портрет,
напечатанный в газете,
облетит весь белый свет.
Так... Нельзя ли чуть левее,
метров на пять отступив...
Извините, ваша шея
не влезает в объектив.
Щелк! Спасибо. Очень мило...
Вижу — с верхней ветки мне
улыбается Горилла:
— Человек! Привет родне!
Побежим со мной по веткам,
раз уж встретиться пришлось!
Здесь когда-то нашим предкам,
нашим общим, славным предкам
дружно, весело жилось!

— Все ты путаешь, Горилла!
Тоже — предка мне нашла!
Мама как-то говорила:
предок — дед мой Ярулла!
— Хочешь, я тебя бананом
самым спелым угощу?

— Да, спасибо... Но — пора нам,
извини, ведь я спешу,
в джунглях я Слона ищу.

Как Тарзаны, врать не стану,
как с качелей на качели
мы с лианы на лиану —
через джунгли полетели.
А деревья расступились —
мы на землю опустились,
и предстал пред нами Слон.
В цепи был закован он.
Нас увидев, закивал он,
чтоб поближе подошли.
Уши — словно одеяла,
на спине — втроем пляши!
— Здравствуй, Слон Большие бивни!
Самый добрый, самый сильный,
ты-то знаешь, как я слышал,

где живет малышка Рыжий.
Слон, кивая головой, мне ответил:
— Друг ты мой!
Ты по всей земле скитался,
до меня с трудом добрался,
продираясь через лес...
Но малыш живет не здесь.
Мы в одном служили цирке.
Нас плясать и есть опилки
злой хозяин заставлял.
Пони — очень тосковал.
Часто плакал:
— Мама, мама,
дрессировщик так жесток!
И однажды утром рано
убежал он на восток.
Я вдогон ему в оконце
протрубил:
— К восходу солнца
пробирайся в дальний край,
где и нам, по слухам, — рай!
Где, как добрые соседи,
Зайцы, Волки и Медведи
все в одной лесной квартире
проживают в дружбе, в мире...
Сквозь леса, пустыни, степи
я пошел бы сам, но — цепи...
Так спеш и ты, дружок,
вслед за Пони на восток.

Вновь пошел я, напевая,
через Африку — домой.
Путь хвостами подметая,
Львицы шли передо мной.
Проходил я мимо Нила,
сделал снимок Крокодила.
Испугался Крокодил —
и нырнул обратно в Нил!
Повидал полмира с лишком.
Думаете, я — врунишка?
Видел я лицом к лицу
и Медведя, и Лису.
И Верблюда, и Оленя
видел в это воскресенье.

Шел, порою сам не зная:
где я — в дебрях Уругвая,
в Гималаях иль в Карпатах
слышу пение пернатых?
Свистнул —
Пони прибежал,
тихо, ласково заржал.
Он катал детей в тележке,
дети щелкали орешки,
веселились от души
взрослые и малыши.
Рядом, в бархатной попоне,
улыбалась мама-Пони
и сказала:
— Друг, Гани,
ты меня уж извини...

Захотите вслед за мною
обойти весь белый свет —
я и вам секрет открою,
хоть секрета вовсе нет!
Не летал я на ракете
и на кораблях не плыл,
не в машинах по планете
по дорогам колесил.
Я ходил не больше часа —
обошел весь шар земной!
Кто сказал, что я — заврался?
Кто на спор готов со мной?
Сказки сочиняйте сами,
я на сказки — не мастак.
Правда — проще: мы в Казани
посетили Зоопарк.
Птицы там живут и звери.
И слоны, и снегири.
Врать не буду.
А не веришь —
сам сходи и посмотри!

Перевод Н.Беляева.

Мухаммет Магдиев

1930-1995

ДО-РЕ-МИ-ФА-СОЛЬ-ЛЯ-СИ

Так поёт худая тётенька, наша учительница по пению. Она бьёт посинелыми пальцами по клавишам пианино, и особенно часто по белым. Может, они ей больше нравятся? В классе ужасно холодно, так что легко, наверно, отморозить нос. На дворе и сегодня буран. Ух, злобный! Ноги в лаптях сильно стынут, и есть ещё здорово охота — хоть бы корочку пососать... Все очень ждут двух часов. Скорей бы! В два часа в столовке будут давать по тарелке супа из мёрзлой капусты; в нём иногда плавают блёстки жира. Завстоловой говорит, что на каждого ученика положено пять граммов подсолнечного масла. М-м-м... М-м-м... Так и маячат перед глазами эти блёстки в жидком супе! И сам супец из мёрзлой капусты... Вкусный. А учительница всё жмёт одеревенелыми, скрипучими от холода ботинками на пеальки фортепьяно, давит на них для пущей громкости, распевает:

— До-си-ля-соль-фа-ми-ре-до-о...

— До-си-ля-соль-фа-ми-ре-до-о...

Мальчишки и девчонки послушно ей вторят. Вторят, немного удивляясь, потому что им не совсем понятно, какое такое отношение к бурану, холоду и супу из мёрзлой капусты имеют вдруг все эти «до», и «ре», и «ми»; но они поют — девчонки в грубых, суконных чулках, мальчишки в грязных истоптанных лаптях, всего-то пару месяцев как оторванные от привычных им дел: от огородов с картошкой и работы в лесном питомнике, от заготовки дров и утомительного труда на колхозном току. Они поют:

— До-ре-ми-и!.. До-о... Ре-э...

— До-о-о!! — пищит кто-то изо всех сил, забираясь куда-то в такую октаву, какой и на фортепьяно нет.

В этом году в педучилище приняли очень много подростков. Правда, кое-кто из них, кажется, позарился на дармовую хлебную карточку — третий год

войны каждого научил смотреть на вещи просто и трезво. Поэтому никому не смешно глядеть на эту худую тётеньку-латышку, которая сидит у пианино со впалыми щеками и поёт, раскрывая бледные бескровные губы: «До-ре-ми-фа-соль...»

Тетенька-учительница — жена коммуниста-латыша; от мужа её, говорят, третий год нету писем. В сорок первом она была эвакуирована сюда, на татарскую землю, и в тонком чёрном пальто, в чёрных тонких ботинках встречает третью свою горькую зиму...

А школьной программе ни до чегошеньки нет дела.

Сегодня урок пения сдвоенный: значит, два урока подряд, не переставая — до-ре-ми... ля-ля-ля!.. Маятно.

...На переменке ребята играли в «жучка». Гизатуллин водил и никак, бедняга, не мог угадать, кто да кто его по руке лупцует, наконец ударили так, что Гизатуллин носом клюнул. Теперь уж он точно угадал: Альтафи! Девчонки стояли, прислонив спины к чуть тёплому боку большой небелёной печи. Потом звякнул хриповатый школьный звонок. Промёрзшая до дрожи, до синевы латышка снова перебирала клавиши старенького пианино и говорила нам тусклым голосом:

— По программе мы с вами сегодня должны выучить русскую народную песню «Ах ты, зимушка-зима»...

Воет за окнами озлобленный, колючий буран. До столовки, до капустного навара, ещё целый час. В холодном классе от холодных парт поднимаются несмелые, насытые голоса — разные: и «до», и «ре», и «ми» — сливаются в один общий, не слишком уверенный хор:

Ах ты, зимушка-зима,
Белоснежная пришла...
Эй, эй, ай да люли,
Белоснежная пришла!

От этой песни, братцы, на душе ещё холоднее. Эй, эй, ай да люли... Не-ет, ёлки зелёные, эту песню не нам петь. Её, видать, всё больше в прежние времена

пели какие-нибудь краснорожие ямщики в тулупах да полушубках, наевшиеся жирного, горячего борща, летящие от одной почтовой станции до другой на резвых упряжках, щёлкая кнутом и покрикивая: «Эй, эй!..» Или ещё сытый, гладкий гусар с пылающей, обильной кровью в молодых жилах вскрикивал восторженно, мчась на тройке: «Аи да люли!..» Ну, эта школьная беспощадная программа! Нет, не хочется нам чего-то петь эту песню в холодном классе, на голодный желудок... Не идёт. Поёшь, а буран со двора вот-вот, кажется, ворвётся прямо сюда, в холодный класс. Но петь надо. Велят.

Белоснежная пришла,

Все дорожки замела.

Эй, эй, аи да люли,

Все дорожки замела!

В столовой тётка Поля, наверное, уже шурует длинным половником, размешивает в казане оттаявшие лоскутья капусты. С потолка, наверно, капли каплют... Ах и вкусная эта похлёбка! Она, похлёбка, даже красивая, если подумать: блёстки сияют, как рыбы глазки...

Все дорожки да пути —

Ни проехать, ни пройти.

Эй, эй, аи да люли,

Ни проехать, ни пройти!

— Эта песня входит в программу начальных классов, — сообщает учительница, а сама украдкой снимает ноги с педалей и постукивает ими друг о дружку, чтобы согреться.— Давайте повторим с вами ещё раз.

— Ах ты, зимушка-зима...

Может, она и вправду снова и снова запекает эти слова не по собственной охоте, а только потому, что так указывает обязательная программа? Ей, наверно, легче от этого. Тогда меньше времени остаётся думать о своих застывших ногах, о сведённых от холода пальцах, о недоедании и пропавшем без вести муже. Наверно, распевая, видит она родную Латвию и сосновый бор,

где густой запах свежей смолы, где идут они с мужем-латышом по осыпавшейся рыжей хвое, поют свою песню. Может, в мечтах она ступает по жёлтому, крупному, такому приятному песку Рижского взморья — босиком, радуясь мирному шороху набегающих волн. И, может ещё быть, что гул и посвист вьюги за окошком напоминают ей как раз этот самый шорох длинных валов с белыми от пены верхушками, шорох осеннего, но тёплого пока моря. Да, может быть, всё так... Буран бросает в окна мелкой и жёсткой снежной крупой, злится. По школьной программе в конце урока полагается закрепление пройденного материала... Поэтому давайте повторим ещё раз:

— До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до-о...

— Д о-си-ля-со ль-фа-ми-ре-до-о...

Перевод Р. Ахунова.

Габдельхай Сабитов

1931 - 1995

ЛЕСНАЯ ФАНТАЗИЯ*

Странный он, Газизулла абзый... Вся жизнь у него в лесу прошла. В молодости на Иртыше плоты сплавлял. Потом лесоводом работал. С фронта вернулся с пустым рукавом и опять — в лес: устроился сторожем в детском лагере да так здесь и остался... Салима апа, жена его, нет-нет и сейчас порой вздохнет:

— Прямо-таки в шурале превратились!.. Не дал ты мне по-человечески пожить, не дал...

Газизулла абзый молчит. Из репродуктора тихо льются звуки курая.

Салима апа не успокаивается:

— Среди людей бы пожить, по-соседски. А тут и словом не с кем перемолвиться. И что ты к лесу привязался?! Ведь не за тридевять земель ушли бы. Вон, как Сабир с семьей, по выходным бы приезжали...

Муж в ответ и ухом не ведет, лишь прибавит громкость у радио и опять уходит в себя.

— Хоть бы прислушался, старый, к моим словам,— продолжает Салима апа, — о сыне немного подумал. Школа-то у лешего на куличках. Изодня в день мальчонка три километра взад-вперед отмеривает. А у других в городе дети только на трамвае ездят.

Газизулла абзый, посмеиваясь, смотрит на Булата. Тот понимающе ловит отцовский взгляд:

— Если дело за мной, мама, то не волнуйся,— озорно улыбаясь, вступается он за отца.— Скоро трамвай прямо мимо наших дверей будет ходить, в город на прогулки сможем выбираться.

* Отрывок из рассказа.

— Вот, мать, слыхала?! — смеется отец.

— Да уж, оба вы одним лыком шиты...

— Ты, мать, тяжелый человек. И леса не понимаешь, и слушать его не умеешь. А жаль... Пойдем-ка, сынок, пройдемся немного.

Булату этого и надо. Он тут же вскакивает и торопливо одевается. Салима апа лишь разводит руками:

— Чудаки! Куда вас понесло в такую погоду? Тучи-то какие надвигаются — под дождь попадете...

— Не сахарные — не растаем, — следует дружный ответ.

И вот уже Булат с отцом молча идут узкой тропинкой. За Круглым озером тропинка сворачивает в сторону и прячется в листьях борщевика, сныти, лютика.

Неожиданно Газизулла абзый останавливается:

— Тс-с! Не шуми!

Мальчишка удивленно смотрит на отца. Тот, чуть подавшись вперед, прислушивается. Лицо светлеет, морщинки на лбу разглаживаются, кончики усов подрагивают.

— Слышишь?

— Слышу... Осина шумит.

— Не только. Это, сынок, Карурман бабай¹ поет.

— А почему его самого не видно?

Газизулла абзый лукаво улыбается:

— Ты, сынок, еще не все лесные тайны знаешь. Просыпаешь зарю. А значит, и лесную девушку Тансылу² не видел... Идем-ка обратно, дождик уже крапывает. Мать, наверное, беспокоится...

Лег Булат спать, а сна ни в одном глазу... Эх, увидеть бы разок этого певца-бабая! Понять его песни! Хотя бы Тансылу увидеть... Она, может, и дедушку своего показала бы, Карурмана. Булат согласен и три ночи ждать...

¹ Карурман бабай – Дедушка Дремучий лес.

² Тансылу – Красавица Заря.

В окно заглядывают верхушки деревьев, с неба подмигивают звезды. Летняя ночь — не длиннее воробьиного носа, уже тает. Вот дунул утренний ветерок, дунул и погасил последнюю звезду. На макушку ели упали солнечные лучи. Булат тихонько встал, оделся и, крадучись как кошка, выскользнул за дверь.

Лес на заре — волшебный! Под деревьями — густые тени: темно, как в пещере. А там, куда падает солнце, деревья ясно-зеленые. Каждая ветка унизана бусинками росы. И каждая бусинка переливается разными цветами. Лужайки, залитые солнцем, белые-пребелые, словно в инее, а в тени — голубые. Как будто ночью кто-то ходил и разбрызгивал синьку!

Тропинку, которую вчера отшлифовал дождь, словно оселком, избороздили дождевые черви: везде кучки рыхлой земли. В ложбинках еще не сошли лужи. Капли падают с веток за ворот и по телу пробегает дрожь.

Булат вышел на полянку. Не решаясь идти дальше, прислонился спиной к дереву. И тут же расслабился, веки стали слипаться...

Где-то рядом зажурчал родник. Нет, не похоже на родник... Это за кустами жимолости кто-то смеется: — Хи-хи-хи... Уж не спит ли?

— Нет, не сплю, — отвечает Булат, — а ты кто? Чего смеешься?

— Я Тансылу.

— Ты... Ты внучка Карурман бабая? — обрадованно вскрикивает Булат и бежит туда, откуда доносится голос. Никого... А голос уже слышится из-за другого куста.

Булат бегом за него. Но девчонки опять нет. Смех ее звенит теперь откуда-то сверху.

— Эй, почему ты убегаешь от меня? — поднимает голову Булат.

— Не убегаю, я здесь.

— На дерево зачем забралась?

— Слушаю, как в почках просыпаются молодые листья.

— И ты слышишь их голоса?!

— Конечно. Хочешь послушать — полезай сюда.

Мальчишка быстро забирается на липу. С ветки на ветку — вот и вершина. Только... где же она, внучка Карурман бабая?

— Хи-хи-хи... Я здесь.

Булат оглядывается, разводя ветки, смотрит вниз, пытаясь увидеть эту озорницу... Ага, вон она! Прильнула к березе и не шелохнется.

— Я вижу тебя, Тансылу! Ты за березу спряталась!— кричит он.

— И не думала!

— А что же ты там делаешь?

— Слушаю, как сок березовый струится внутри ствола. Хочешь послушать?!

Булат торопливо спускается, подбегает к березе... Но ничего не слышит. Только сердце гулко колотится «дюп-дюп-дюп»...

— Обманываешь ты меня, лесная девчонка...

— «Обманываешь»? Что это за слово? Я не знаю его.

— Не знаешь, так сейчас узнаешь! Изловчившись, Булат хватает шутницу за волосы.

— Ой, отпусти, больно! — шепчет Тансылу.

— Ничего, потерпишь!

Он огибает ствол березы... Опять никого!.. Вконец пораженный мальчишка разжимает горсть и видит на ладони лишь несколько оторванных березовых листочков...

— Вот как! Значит... Значит, эта Тансылу не похожа на обыкновенных девчонок. Значит, она совсем другая. Захочет — покажется, нет — тут же исчезает, думает Булат.— И, наверное, обиделась на меня. Откуда ей знать, что я только понарошку схватил ее за волосы...

Рядом опять раздается смех Тансылу:

— Хи-хи-хи... Я знаю, ты не злой мальчик.

— Откуда?

— Синички сказали. Зимой они голодали, а ты их подкармливал. Потом и Карурман бабай говорил. Оказывается, вы с отцом любите его песни.

— А разве такие люди не могут быть злыми?

— Конечно, нет!

— Тогда почему же ты прячешься от меня?

— А ты мне сначала принеси жемчужные бусы.

— Где же я возьму их?

— Да вон, на поляне, на каждой травинке, у каждого цветка на ресничках утренний жемчуг. Только поторопись. Если солнце заметит, сразу все подберет...

Булат выбегает на поляну и тянется к бусинке росы, поблескивающей на лепестке ромашки. Но только прикоснулся — бусинка падает на землю каплей воды. Дотрагивается до другой — и она стекает по пальцам. Третья влажным пятном расплзается по ладони... За Булатом по росистой траве тянется густо-зеленый след ног. И сам он по пояс вымок.

Вдруг со стороны доносится грустный вздох. Булат поднимает голову, смотрит... Неужели?! Совсем близко, у той самой березы стоит Тансылу!.. Красивая какая!.. Лицо розовеет, словно яблоневого цвета, темно-русые волосы выются по плечам. Белое платье вышито по низу зеленым. А глаза... какие глаза! Взглянет на небо — они ясно-голубые, взглянет на лес — карие, а посмотрит на росистую траву — поблескивают, словно влажные смородинки... Вот Тансылу оборачивается к Булату, делает руками какие-то знаки. Дескать, отойди подальше, ко мне нельзя подходить...

Не сводя глаз с лесной девушки, Булат тихонько отступает. Трогается и Тансылу. Ее длинное белое платье касается самой земли, и не видно, как она идет. Лишь легонько скользит, словно белый туман над рекой. И удивительно: там, где она проходит, не остается никакого следа, ни одна травинка не шелхнется, ни одна росинка не сорвется наземь.

Вот Тансылу из тени деревьев выходит на солнце и неузнаваемо меняется. Темно-русые волосы становятся золотисто-желтыми, и белое платье

тоже окрашивается солнечными лучами... Кланяясь цветам и травам, собирает она бусинки-росинки, нанизывает их на тоненькие паутинки и надевает рядами на шею. И утренние жемчужинки, переливаясь, сияют. Тансылу с улыбкой смотрит на удивленного Булата. Мол, такую как я, наверное, в жизни не видывал. И опять белым туманом проплывает над поляной и растворяется среди деревьев.

— Надо же! — спохватывается Булат,— чуть не забыл из-за нее про Карурман бабая... Эй, лесная девчонка, стой...

Но Тансылу уже не откликается. Только издалека слышится «Тру-ту-ту!» Что это?! Булат открывает глаза... Смотрит, а сидит он под тем же деревом!

Солнце уже высоко. Над поляной плывут остатки тумана. С Круглого озера доносятся звуки горна:

— Тру-ту-ту... Тру-ту-ту!

Булат наконец догадался: лагерь приехал. Лагерь приехал! Песни, ночные костры, барабаны... Здорово как!..

И, продираясь сквозь кусты, он помчался скорее туда. <...>

Перевод Р.Кожевниковой.

Радик Фаизов

1931-2011

КИТОВАЯ АКУЛА

Живет в далеких морях и океанах большая Китовая Акула. Ничего не боится она — ни свирепых ураганов, ни высоких волн, что со страшным шумом вскипают над бездонными пучинами. Уверенно мчится Китовая Акула вперед, поворачивая временами сильный свой хвост то влево, то вправо. И ей ужасно нравится плавать. Ни разу в жизни не знала она усталости и разочарования.

Если вы думаете, что вечная эта странница одинока, то ошибаетесь. У нее много маленьких друзей, которые никогда ее не покидают. Иногда Китовая Акула плывет у самой поверхности воды, и тогда на широкую ее спину, украшенную большими светлыми пятнами, садятся перевести дух чайки и альбатросы. Рыбешки, моллюски, мелкие кальмары подолгу катаются на ней, вцепившись в ее плавники, наслаждаются покоем. Завидя страшных хищников, своих врагов, они спешат под защиту сильной и доброй акулы. Сам Морской Волк, гроза морей, почтительно обходит ее стороной, приподнимая шляпу и кланяясь.

— Изумрудных вам вод, уважаемая! — приветствует он издали, что на рыбьем языке означает: «Счастья и удачи вам!»

Морской Волк страшен. На черной его спине длинный, похожий на отточенную косу плавник. Хищная пасть полна зубов.

— Не стоит шевелить воду, Волк! — гордо отвечала ему Китовая Акула, уходя прочь. В переводе на понятный нам язык это означает: «Смотри же веди себя хорошо, не обижай малышей!»

— Милые вы мои глазастики-головастики,— ласково окликнула Китовая Акула своих друзей,— все ли вы целы, все ли веселы? Что-то глаза мои плоховато стали видеть.

— Мы целы, мы веселы! — отвечали те хором.— Все мы с тобой.

— Ну вот и хорошо.

Конечно же, Китовая Акула лукавила, жалуясь на глаза. Ей просто не хотелось обижать друзей. Подумайте сами, она такая большая, что рыбки возле нее — ну все равно что гвоздики рядом с подводной лодкой. Где уж тут всех их разглядеть! Вам, наверное, даже представить себе трудно рыбу, длина которой двадцать метров, а вес — тридцать тонн! Акулы обычно такими не бывают. Нашу же акулу потому и зовут Китовой, что размерами своими она не уступает китам.

Но как же получилось, спросите вы, что акула выросла с кита? А вот послушайте.

Самое удивительное то, что Китовая Акула когда-то была совсем маленькой. Не более щучки, что водится в наших реках. Но ей так хотелось стать большой и сильной! Ни о чем другом не могла она думать. А приятели, зная об этой ее мечте, звали ее не иначе как Коротышкой. Обидно было Маленькой Акуле. Поплыла она к бабушке и спросила:

— Долго ли еще я буду коротышкой? Хочу стать огромной-преогромной, как киты!

Бабушка-акула сидела в это время на дне и, нацепив на нос очки из прозрачных морских раковин, читала книгу, написанную на длинных стеблях водорослей. Она подняла на лоб очки и посмотрела на внучку.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась она, выслушав Маленькую Акулу.— Так, значит, тебе захотелось стать такой же, как киты? О деточка, если бы ты знала, как это нелегко.

— А что для этого надо делать, бабушка? — спросила Маленькая Акула.

— Надо жить как они. В точности выполнять морской закон.

— Я буду, буду выполнять! Даю тебе честное слово, бабушка! — воскликнула Маленькая Акула, волнуясь.

— Это не так просто,— с сомнением покачала головой мудрая акула.— Ну что ж, посмотрим...

И Маленькая Акула отправилась к Великому Киту. Это старый, повидавший жизнь кит. Усы его были так густы и длинны, что торчали из пасти во все стороны. Он был самый главный над китами. Несмотря на это, он приветливо улыбнулся Маленькой Акуле и погладил ее по головке плавником.

— Изумрудных вод вам, дедушка! — поздоровалась Маленькая Акула и спросила: — Не скажете ли вы мне, что такое великий морской закон?

— Великий морской закон — это очень, очень просто. А на словах не объяснишь. Если захочешь, сама все поймешь. Поплавай с нами, китами, приглядывайся и прислушивайся ко всему. Давай мы с тобой договоримся так: будешь поглядывать на меня. Только станешь нарушать великий морской закон, а я тут же подмигну тебе правым глазом. Договорились?

— Да.

Стала Маленькая Акула с того дня плавать с китами.

Подплыл к ней как-то Веслонос. Тот самый, что так любит пугать малышей, гоняясь за ними.

— Маленькая Акула,— предложил Веслонос,— в подводной пещере сидят морские ежи. Давай шуганем их оттуда! Вот будет потеха!

Смешно Маленькой Акуле, хочется ей поозорничать, да вовремя спохватилась она, вспомнив про уговор с Китом. Взглянула на старика, а тот прищурил правый глаз.

— Нет, Веслонос, не товарищ я тебе,— сказала Маленькая Акула.

— Эх ты, размазня! — фыркнул Веслонос и, ударив хвостом, исчез в темной глубине.

А Маленькая Акула снова поплыла с китами. Как и они, питалась мелкими рачками — планктоном. Хотя это и не очень вкусно, делать нечего. Ведь она бабушке слово дала.

Откуда ни возьмись — Щука Морская. Говорит Маленькой Акуле, сверкнув острыми зубами:

— Послушай, внизу, среди водорослей, полно кальмаров. Давай вместе полакомимся!

У Маленькой Акулы глаза загорелись: кальмары такие аппетитные! Она уж рванулась было вслед за щукой, да взгляд ее случайно упал на Кита. Старик подмигивал ей правым глазом, а сам улыбался в усы.

— Нет, Щука, нельзя мне,— сказала Маленькая Акула.

— Ну и оставайся, тихоня! — крикнула Морская Щука и, сверкнув серебристой молнией, тут же пропала.

До того обидно стало Маленькой Акуле, что даже слезы брызнули у нее из глаз. И тут она с удивлением почувствовала, как кожа у нее на спине стала натягиваться и сделалась до того тугой, что казалось, вот-вот лопнет. Она пробовала извиваться, выгибаться, даже выпрыгивала из воды, но ничто ей не помогало.

— Дедушка, что со мной,— обратилась она к Киту,— отчего мне спину так распирает?

— Этого я и сам не знаю,— ответил старик, хитро прищурясь. А все объяснялось очень просто: Маленькая Акула ни разу не нарушила великий морской закон, а потому принялась быстро расти. Сама она пока не догадывалась об этом. Ведь в море нет зеркал, и поглядеть на себя она не могла.

Примчалась Рыба-Меч и позвала Маленькую Акулу с собой.

— Погляди-ка,— сказала она,— вон там идет большой деревянный корабль. Давай пропорем ему днище и потопим! Люблю глазеть, как люди барахтаются в воде!

Слова глупой рыбы не на шутку рассердили Маленькую Акулу, но она сдержалась и сказала ей:

— Не могла бы ты помочь мне? К хвосту что-то пристало, взгляни, пожалуйста.

Рыба-Меч бросилась выполнять просьбу, а Маленькая Акула изловчилась да что есть сил ударила ее хвостом. Длинный острый нос Рыбы-Меч погнулся, и ей нечем стало дырявить корабли.

— Вот тебе, получай! — крикнула Маленькая Акула.— Не будешь нарушать великий морской закон.

— Подумаешь, паинька какая нашлась! — прогнусавила Рыба своим покосившимся носом.— Она, видите ли, и воды замутить не желает!

Старый мудрый Кит, самый великий среди китов, погладил Маленькую Акулу плавником по голове.

— Ну вот,— сказал он,— теперь ты стала понимать, что такое великий морской закон. А потому я разрешаю тебе навестить бабушку.

Маленькая Акула простилась с китами и отправилась в путь. Долго, очень долго плыла она и, сколько ни пробыла в море одна, ни разу не нарушила великий морской закон.

Вот она увидела бабушку. А та, оказывается, все еще не дочитала свою книгу. Старая акула долго приглядывалась к гостье и не могла ее узнать. Она пробовала даже перевернуть очки, но все напрасно.

Что же случилось? Да просто Маленькая Акула перестала быть маленькой. Она так вытянулась, что больше смахивала на маленького кита. Только сама она все еще не догадывалась об этом.

Наконец бабушка узнала внучку по родимому пятну.

— Ах, солнышко мое! — воскликнула она, всплеснув плавниками.— Как же ты выросла! Настоящая богатырша!

Очень скоро рыбы всех морей и океанов прослышали об удивительной истории, которая произошла с Маленькой Акулой, потому что под водой новости разносятся так же быстро, как и на земле. С тех самых пор Маленькую Акулу и прозвали Китовой Акулой.

Перевод А.Бадюгиной.

Газиз Мухамметшин

1932-1972

МЫ ЖИВЕМ НА ЗЕМЛЕ *

У каждого мальчишки на свете есть своё имя, будь он рыжим или черноволосым, будь драчуном с крепкими кулаками или плаксой-недотрогой. Ты ещё родиться не успел, а имя тебе уже готово, придумали! Вот меня взяли да и назвали Инсафом. А мне всё равно. Имён много. И мальчишек на земле полно, и имён! И, несмотря на это, никакой путаницы нет, никто не ошибается. Позовёшь Хабира — откликается Хабир. Джамиль молчит. Позовёшь Джамиля — отвечает он, а Хабир помалкивает.

О других ребятах ничего не могу сказать, а про себя знаю, почему меня назвали Инсафом. Однажды, когда я простудился и заболел, к нам из деревни приехала бабушка. Она силком поила меня отваром какой-то сухой ягоды и приговаривала, что Инсафом по-татарски называют таких примерных ребят, которые слушаются своих бабушек, пьют горький ягодный настой и сдуру не лизут лёд на замёрзших окнах! И мне очень захотелось стать примерным и воспитанным: целых три дня я пил этот горький настой! Я терпеливо молчал даже тогда, когда краснолицый доктор смазывал мне горло каким-то противным лекарством. А ведь мог бы и зареветь. И было отчего! Доктор всё меня нахваливал: мол, и вырос я, и батыр — герой, а сам, хитрая лиса, знай тычет меня в рот стеклянной палочкой. А ты терпи, не реви — ведь батыром называют! Доктор батыром называет, бабушка — воспитанным, ну как тут не терпеть? И я терпел, не плакал...

Но недолго был я примерным и воспитанным. В первый же день после выздоровления я вывалялся в снегу и вернулся домой весь мокрый. Бабушка, раздевая меня, ворчала:

— Ты, голубчик, совсем не слушаешься своей бабушки. Ни муки, ни соли из тебя не выйдет... Вырастешь — так или жуликом станешь, или шпаной.

* Отрывок из повести.

А я не растерялся и выпалил:

— Ведь не мельница я, чтобы из меня мука выходила! — будто не понял, что бабушка этим хотела сказать: мол, ничего путного из меня не получится.

Хотел было и насчёт «жулика» поспорить, но сдержался.

Как зовут меня, вы теперь знаете. Хотите знать, какого я роста-возраста, какой мой внешний вид? Пожалуйста, и этого не скрою. Хотя мне уже одиннадцать лет, но ростом похвалиться не могу, маловат. И сам не знаю, отчего не расту. Дома у нас по этому поводу даже споры случаются. Папа, например, говорит:

— Это оттого, что наш сын ни разу в жизни не ездил в деревню. На воздухе не бывает, с ребятами не играет. Да и нет у него товарищей! Ты, мать, словно клуша цыплёнка, держишь его возле себя. Ему нужно побольше чёрного хлеба есть, картошки, а ты его пряниками да конфетами потчуеть. Вот и не растёт он...

А мама неизменно отвечает ему всегда одно и то же:

— И что ты за отец, если для одного-единственного сыночка сладости жалеешь? Разве я его не кормлю? Да вот аппетит у него слабоват. И откуда взяться аппетиту, если дитя не по-людски живёт?.. Вон и Гыльми с семьёй трёхкомнатную квартиру получила, и Саня, и Федька в новый дом переехали. Одни мы в деревянном доме живём. Людям на смех!..

Начав спорить о моей худобе, родители постепенно переходят совсем уже на другое.

— И нам дадут в следующем году квартиру, — оправдывается отец.

— Как же! Дадут-ут, жди! — возражает мама. — Кто хочет получить квартиру, ведёт себя по-другому. Он из горисполкома и не вылезает — с утра первым к дверям подходит, а вечером последним уходит.

— Да ведь так может только бездельник действовать,— говорит папа. —
Что же, и мне, что ли, бросить работу и бегать каждый день в горсовет?

Но маму не переспоришь. Нет такого человека на свете! За ответом она к соседям не побежит.

— И ты считаешь свою работу работой?! — набрасывается она на отца. — Ты — видный мужчина, а торгуешь дровами! Правда, иной и на этом деле разбогатеет: то пересортицу сделает, то кое-кому и без квитанции отпустит... Да мало ли что может придумать сметливый человек! Но только не ты. Не-ет! Ты над каждым брёвнышком дрожишь!..

Папа начинает сердиться, тяжело вздыхает и ворчит:

— Тебе бы только приказывать: то сделай да это...
Пошла бы сама да поработала бы...

Этих слов для мамы достаточно. Она со стоном падает на диван и начинает жалобно причитать:

— За что мне такое наказание! И не стыдится — на работу меня посылает!.. Брёвна таскать! Его волнует, что я дома сижу, Ладно, ладно, пойду на работу! Брошу ребёнка и пой-ду-у!... О-ох!..

Маме становится дурно, папа бежит в аптеку... А я? Только папа из дверей — я направляюсь к буфету. Наемся конфет и иду на кухню играть с кошкой. Не впервой у нас такие ссоры.

Однако мама очень быстро приходит в себя. Стоит папе выложить на стол принесённые из аптеки лекарства, как мама вскакивает с дивана и начинает пудриться... С папой она не разговаривает, но спустя день они мирятся...

Расскажу вам теперь, какой у меня цвет лица. Щёки мои, если я долго играю во дворе, немного розовеют. А как войду в дом, румянец исчезает. Гуляю я редко. Мама не пускает — «простудишься», «злые мальчишки побьют». Она повод найдёт. Захочет — хоть тысячу!

Нос у меня острый, верхняя губа вздёрнутая, как у зайца. А вот какого цвета у меня глаза, я и сам толком не пойму. Папа говорит, что у меня его глаза,

серые. Мама же утверждает, что её — тёмно-серые. По-моему, они оба ошибаются. И не серые у меня глаза, не тёмно-серые, а какие-то серо-зелёные. И на чьи они похожи — на папины или мамины, не знаю. Потому молчу. Пусть родители спорят. Мне-то что? Всё равно ведь глаза мои, не чьи-нибудь!

А вот насчёт волос ни разу никакого спора не было. Мама говорит, что волосы у меня отцовские — жёсткие, как конская грива. Попадутся тупые ножницы, так и не отрежут.

Не приходится мне хвалиться и руками-ногами своими. Не думайте, что это от скромности. Не-ет! Правду говоря, похвалиться нечем, мускулов и на грамм нет! Я как-то принёс из сарая две охапки дров и старательно занимался после этого физзарядкой — целых две недели! Каждый вечер перед сном щупал свои руки — мускулы не появлялись. И бросил я тогда зарядкой заниматься. Что толку? Всё равно сильнее не становлюсь! Лучше сидеть дома, забавляться с кошкой да конфеты есть. Правда, от этого ещё ни у кого мускулы не окрепли, но зато дома тепло.

Ну, внешность — это мелочь. А вот что меня по-настоящему мучает, так это учёба! Как было бы здорово, если бы не было школы! Лежи себе целый день, полёживай на диван-кровати. Спи всласть. Захочешь — вставай, иди в кино. Вот это жизнь! Никто у тебя ни о чём не спрашивает. Не выпытывает, в каком году родился Петр I или там ещё кто-нибудь... Не приказывает задачи решать: «Из двух городов навстречу друг другу вышли два поезда...». Не пугает падежами всякими... И сам ты себе голова! Спишь да ешь, ешь да спишь!

Друзей у меня нет. Мама не велит с мальчишками водиться: «Всякие между ними попадаются — ещё заболеешь чем-нибудь!» Правда, в первом и втором классах я хотел было найти себе приятелей. В третьем классе я уже остыл, а в четвёртом и вовсе в мальчишках разочаровался.

Ведь они чего только не вытворяют! И дерутся, и футбол гоняют, и на лыжах катаются... Ну мало ли ещё чего делают!.. Но самое главное, что меня злит, — они очень хорошо учатся! А у меня не выходит. Голова не работает,

потому что я от рождения нервный. Мама так говорит. Я не однажды слышал, как она жаловалась соседкам:

— Больной наш Инсаф. Нервный с самого рождения. Хоть бы до седьмого класса его дотянуть. А сейчас что учится, что нет — всё равно.

А мне только того и нужно. Я начал обманывать маму: то живот у меня болит, то голова. А мама и в самом деле этому верила и в школу меня не пускала. Этой весной я еле-еле перешёл в пятый класс. Мама на радостях купила мне две порции мороженого, вечером гостей созвала и папе всю неделю улыбалась.

За всю мою жизнь я никогда никуда не выезжал из города, даже в пионерлагерь. «Утонешь ещё там! Вожатые пустят ребят в воду, а сами на песочке загорают, совсем за ребятами не смотрят»,— говорит мама. Поэтому все свои летние каникулы я возле неё.

А то ведь вправду я мог бы и утонуть. Вон другие мальчишки целое лето по лесам бродят, холодными ночами в брезентовых палатках спят. А я все лето на мягкой кровати! Яблоками, малиной лакомлюсь.

Папа мой в деревне родился. И вырос там. Только мы с мамой не интересуемся деревней. Мама говорит, что там мух, мошкары всякой полно,— когда дышишь, в рот набиваются. И как только там живут мальчишки?

Дедушка с бабушкой живут в деревне, и они каждый год зовут нас к себе в гости. Папа хочет поехать, но мама — ни в какую! Мне тоже вовсе не хочется отправляться в такую даль, в деревню.

Так папа никуда и не едет. И отпуск свой дома проводит. Если жарко, то все вместе идём на Волгу купаться. В кино ходим. Иногда все втроём лежим в нашем саду. Мама стелет под яблоней старый ковёр, и мы все в ряд укладываемся на него. Папа курит и потягивает пиво прямо из бидона. А мы с мамой едим огурцы со сметаной, кедровые орешки щёлкаем. Вот так проводим лето. А потом наступает осень. Папа на работе, мама замазывает на зиму окна. Я же, проклиная эту самую осень, отправляюсь в школу...

Да, все годы было так. Но в этом году наша жизнь пошла вверх дном. Нынешнюю осень мы встретили совсем в другом месте — в далёкой, затерянной среди тёмных лесов деревушке. И всё это из-за папы вышло. Вот однажды...

<...> Машина проехала по всей деревне из конца в конец и остановилась возле самого крайнего дома. Было уже совсем темно.

В тот же вечер я не успел как следует рассмотреть наш новый дом — устал очень и до смерти хотелось спать. Съел два яблока и тут же повалился в постель. И только закрыл глаза, как сразу уснул.

На следующее утро я внимательно принялся рассматривать наше новое жильё. Это занятие только расстроило меня. Бревенчатая изба, стены голые. Четыре маленьких окошечка: два смотрят на улицу, два — на двор. Если придётся фотоплёнку проявлять, так достаточно будет прикрыть их подушками. Изба поделена пополам желтоватой дощатой перегородкой. На большей половине — стол, а на той — огромная печь. За печкой — умывальник. Вот и всё. Разве можно с Казанью сравнить? О, до казанского дома далеко! Впрочем, мы и в Казани-то в деревянном доме жили. По сравнению с этим домом тот, что слон перед ягнёнком. Три большие-пребольшие комнаты, кухня, ванная. Всё оштукатурено, везде белым-бело. Печки и в помине нет, отопление паровое. Еду готовишь на газовой плите!

Чем больше я думал, чем больше осматривался, тем хуже у меня становилось настроение. Как тут жить? Эх, папа, папа! Почему тебе не нравилось там, где было нам с мамой хорошо? Ну ладно, если ты о себе не думаешь, так хоть нас-то пожалел бы! Особенно меня. Я ведь твой сын, да к тому же ещё и единственный.

Тем временем мама поставила на стол миску с картошкой, хлеб, глиняную крынку с молоком. Мама погладила меня по спине и сказала:

— Кушай, дорогой!

Я растерянно переводил взгляд с мамы на стол.

— А яйцо?

— Яиц нет. Не успела купить.

— Хм!.. А мороженое?

— Тут тебе таких вещей не будет, Инсаф. Это уж слишком... Вон молоко пей!

— Сама пей. А я и вовсе есть не стану. Пусть лучше с голоду умру! Вот увидишь, умру!

Мама перепугалась. Она перерыла все свои сумки и нашла для меня кусок шоколада. Я обрадовался, но виду не подал. Съев шоколад, соизволил выпить стакан молока. А к картошке не притронулся — кто сварил, тот пусть и ест её!

Теперь можно было идти во двор. Здесь также ничего интересного не было. Деревянные ворота с перекладиной. Крытый соломой длинный сарай. Внутри него маленькие узенькие воротца, ведущие на огород, к картофельным грядкам. На плетне глиняный горшок без дна да сломанное колесо от маленькой арбы. И больше ничего.

Я вышел на огород. Картофельные ряды спускались вниз — значит, вспахали склон горы. И как только сумели вспахать это место? Ведь на такую горку не только лошадь, а даже трактор не взберётся! А как же осенью, когда собирают картошку? Копнёшь лопатой — и все картофелины покатаются вниз. А вот зимой на лыжах кататься здесь хорошо! Откроешь ворота хлева и — жжик вниз! Нижний плетень огорода, видно, под снегом остаётся. Тогда и совсем здорово.

Перескочишь плетень — и катись себе до самой речки. Папа называл эту речку Ик. Вон она, речка-то, рукой подать. Выходит она из ивняка и поворачивает к нашим огородам, а потом снова скрывается в зарослях. На ней и на коньках кататься можно. Вот тебе и большой каток. Хоть целый день катайся. И водой поливать не надо.

Размышляя над всем этим, я вышел на улицу. С одной стороны уже околица. А с другой стороны далеко протянулась деревенская улица, Чёрная-пречёрная дорога. Вся она разъезжена, вся в ямах да рытвинах. Видно, после

дождей она стала такая. А потом высохла и затвердела. На дороге стадо гусей. Они спрятали головы под крыло и дремлют, стоя на одной ножке. Только гусак бодрствует. Спящих караулит. Когда я проходил мимо, он вытянул шею, зашипел на меня.

Гуси меня интересовали мало. А вот перед домом, крытым жостью и окружённым высоким забором, сидели мальчишки — человека четыре-пять. Я, не торопясь, пошёл к ним. Ха, и я знаю эту игру! Они играют в «ножички»... Наковыряв землю, мальчишки насыпали небольшой холмик, уселись вокруг него и знай себе по очереди кидают ножичек в мягкую землю. Играют они увлечённо, с азартом.

— Моя очередь! Куда лезешь?

— Не жульничай, не жульничай!..

— Эй, ребята, не годится — свалился, свалился...

— Вот, видали?..

— Смотри, если разозлишь...

Ребята кричали, толкали друг друга, вскакивали, опять садились... Притихнут на время, потом, глядишь, ещё пуще прежнего расшумятся, сердятся.

И вдруг замолчали, даже об игре позабыли — они увидели меня.

— Смотрите, чужой мальчишка!

— Кто же это?

— Небось в гости приехал...

— Эй, ты кто? Чего по нашей улице ходишь?

Я им не ответил. «Ещё поколотят», — подумал я. Повернулся поспешно да и побежал обратно. Мальчишки не погнались за мной, и я остановился перевести дух.

На лавочке у ворот сидела маленькая девчонка в цветастом коротком платье и смотрела на фаянсовый черепок, который держала в руках. Сначала я удивился: «Никогда она осколка, что ли, не видала?», но потом и вовсе изумился — девчонка шевелила губами, видно, что-то рассказывала своему

черепку. Она меня не заметила. Я не выдержал и, подойдя к ней совсем близко, громко спросил:

— Эй, девочка! Ты что делаешь?

Она испуганно вздрогнула, зажала черепок в руке и ответила:

— Ничего не делаю...

— Нет, делаешь!

— А я вот это... заговариваю.

— Заговариваешь?

— Да-а. А потом бросаю.

— А как ты заговариваешь?

Девочка не заставила себя упрашивать. Уставившись на черепок, она зашептала:

— Эфсен-тефсен, эфсен-тефсен... Кто поднимет этот черепок...

Пусть у того... палец вспухнет... Тьфу, тьфу!..

Она размахнулась и бросила стекляшку на дорогу.

— Ну и дела, в жизни такого не видал!

— Кто же научил тебя этому? — спросил я.

— Гюльжаннат.

— А кто она такая?

— Вот срам! И этого не знает! — воскликнула девчонка и забежала к себе во двор. Влезла на ворота и, раскачиваясь, стала хвастаться: — У меня «Буратино» есть! А у тебя — нет! У меня «Буратино» есть, а у тебя — нет!..

И показала язык, совсем как тот мальчишка в красных штанах, наш квартирант. Он тоже мне язык показал. И я тогда ещё разозлился. А зачем было сердиться? Эх, жили бы мы сейчас в Казани, в нашем доме! Пусть хоть по сто раз в день этот мальчишка язык показывал, я и то не стал бы обижаться.

Я шёл задумавшись, когда вдруг сзади кто-то яростно закричал:

— Эй, парень! Ты что, хочешь, чтобы тебя затоптали?

Я вздрогнул и отпрыгнул в сторону. В двух шагах от меня, покачивая головой, стояла лошадь. А на ней, свесив ноги, сидел парнишка.

— Ты чего зеваешь? Разинул рот, как ворона! Тебя лошадь затопчет, а мне отвечать!.. Ты кто такой?

— Инса-аф...

— Говори громче!.. Язык небось у тебя есть?

— Инсаф!

— А-а, Инсаф. А чей ты сын? — Сабира.

— Э-э-э... Сын Сабира... А кто такой Сабир?

— Агроном. Мы только вчера приехали.

— А-а-а... Только вчера приехали... Откуда вы приехали, забыл?

— Из Казани.

— А-а-а... Из Казани... А у тебя перочинный ножик есть?

— Не-ет...

— А карманный фонарик?

— Не-ет... И карманного фонарика у меня нет...

Видно, пареньку на лошади не понравились мои ответы — он поморщился и сплюнул. Потом снова заговорил, как бы издеваясь надо мной:

— И ножика у тебя нет, и фонаря карманного... Разве ты казанский после этого? Ты из горшка, а не из казана...

Я стоял растерянный, а мальчишка почесал за ухом и спросил спокойным голосом:

— Съездить, что ли, тебе разок по уху?

Я в одно мгновение отступил на несколько шагов и спросил:

— За-ачем?

— Та-ак... Просто так...

Я отступил ещё дальше и крикнул:

— Попробуй только тронь!..

На мои слова он и внимания не обратил, только губы скривил.

— Ну ладно, не нравится по уху, так я тебе затрещину дам!

Проговорил он так и рассмеялся. Тут и мне стало как-то легче. Я тоже хихикнул.

— Да ты не бойся,— сказал мальчишка.— Я пошутил. А если кто тебя тронет, так ты мне скажи — я тогда его... И-эх!..

Он поднял кулаки. Его короткие рукава задрались. Из рукавов выглянули... величиной со стакан, не-ет, с большой огурец мускулы! Моё почтительное внимание к его рукам, видно, очень понравилось мальчишке. И он посмотрел на меня совсем дружелюбно.

— Вот так-то! Как, говоришь, зовут-то тебя?

— Инсаф.

— Инсаф. Хорошее имя. И у меня хорошее имя: Минхадж. Фамилия Магсумов. В этом, году в седьмой пойду. А ты?

— Я — в пятый.

— Ого! Молодец! По твоему виду можно подумать, что ты меньше. Ну ладно, в школе встретимся... Пока!

— Пока, Минхадж!

Он ударил лошадь пятками и, распевая во всё горло: «Вдоль Сармана, ах, широкая поляна...» — помчался вперёд. Я поглядел ему вслед и пошёл домой. На этом закончилось моё первое знакомство с деревней.

Перевод Н.Алембековой.

Хакимыян Халиков

1933-2002

ПОДАРОК

В гости иду к Алсу.
Мороженое несусь.
Одно я подружке
отдам,
другое скушаю
сам!

Иду,
на ходу
лижу.
По сторонам
гляжу...
Вот уже кончил
одно!
Начал другое,
но...

Нельзя! —
подумал я тут.—
Друзья
так себя не ведут!
Разве мне жалко
подарка?

Только вот плохо,
что жарко!
Пожалуй,
не донести—
может растаять в пути!

...В гости иду к Алсу.
Подарок подружке несусь —
отличный стаканчик бумажный,
липкий немножко и влажный,
но если его подсушить,
он может еще послужить!
Играй с ним, сколько захочется!
Он не растает, не кончится...

Перевод В.Баширова.

УЛЕТЕЛИ

Привередлив мой братишка,
Он в еде разборчив слишком.
— Гилемдар, поешь-ка суп.
— Не хочу я, не хочу!

Принесла с вареньем чай,
Он ворчит: «Бялиш давай!»

Подаю ему бялиш,
На него не угодишь.
— Пусть остынет. А пока я
В «улетели» поиграю.
— Что ж, пожалуйста, иди,
Без тебя мы поедим...

Выхожу, напившись чаю,
Гилемдара подзываю:
— Все, голубчик, не спеши —
Улетели бялиши!..

Перевод Р.Кожевниковой.

РОГАТКА

Самый лучший я стрелок,
Берегитесь, волки!
На плетне висит горшок,
Бац! — летят осколки.

Говорю Зиле, что в глаз
Попадаю птице.
Появилась тут как раз
Во дворе синица.

— Что ты, что ты, не стреляй! —
Вскрикнула сестренка.
Зло шепчу ей: — Не мешай,
Глупая девчонка!

Я сестренку оттолкнул:
— Испугаешь птицу!
И резинки натянул,
Целясь в глаз синице.

Вдруг рогулька — пополам,
По лбу хлестанула.
Наказал себя я сам,
Птичка упорхнула.

Чуть не плачу, лоб болит,
А сестренка рада:
— Живодер ты, — говорит, —
Так тебе и надо!

Перевод М.Скорородова.

ДЛИННОУХИЙ БАТЫР

Отдыхали мы у речки,
День июньский догорал.
Про трусливого зайчишку
Дед мне сказку рассказал.
— В ясный день увидел заяц
Тень свою. Припал к земле.
Тень к нему прильнула сбоку
И решил он: «Шурале!»
Испугался, заметался,
Справа, слева скачет тень.
Окосел от страха заяц
В этот ясный летний день.
Появилась вдруг сорока,
Верещит-трещит, беда...
И подался в лес бедняга,
Чтоб укрыться от стыда.
В том лесу, как говорится,
Заяц без вести пропал.
И никто его ни разу
Не видал и не встречал.
— Что ты, дедушка, гляди-ка,
Вот он скачет по траве!
— В самом деле... Ястреб гонит,
Видишь, кружит в синеве.
Рассекают воздух крылья.
Зайца я спасти хочу,
Только как? Машу руками.
— Кыш! — на хищника кричу.
Ястреб мимо, ноль вниманья,
Крылья пестрые сложил...

Заяц вдруг остановился,
Видно выбился из сил.
Я кричу: — Вставай! Погибнешь!
К нам скачи! Сюда, косою!
Опрокинулся бедняжка,
Будто умер... Ой-ой-ой!
Удивил нас длинноухий —
Лапы тут же вскинул вверх
И одним ударом точным
Наземь ястреба поверг.
Заяц сел, на деда глянул,
Вроде даже подмигнул —
Знай, мол, наших... И небрежно
Перья с лапок отряхнул.
Он хотел сказать, наверно:
«Впредь сорокам, дед, не верь.
Про меня ты знаешь сказку,
Что расскажешь ты теперь?»

Перевод М.Скорородова.

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ

Сильный ливень
ветви
гнет.
Резкий ветер
листья
рвет.

Но сидит
в своем гнезде
маленькая птица...
Что ж, не сыщет
места, где
от дождя укрыться?

Как она покинет
гнездышко
с птенцами?..

Мамы —
все такие:
верные,
самые

самоотверженные!

Перевод В.Баширова.

ПРОУЧИЛИ

Всем известно:
Нур хитрец,
Любит шуточки шутить.
Мы решили наконец:
Надо Нура проучить.
В лес по ягоды пошли.
Утро, солнце — красота.
Узкий мостик перешли.
Нур отстал. И неспроста.

Возле мостика присел.
Сдвинул доску. Кто пройдет, —
Вишь, чего он захотел, —
Тот в речушку упадет.

Сам, конечно, — хи-хи-хи!
Вот, мол, умник я какой.
Но и мы не дураки,
Пошептались меж собой...

Кто-то крикнул: — Волк! Бежим!
Нур от страха подскочил.
И помчался. Мы за ним.
Хитрость он свою забыл.

Речка. Мостик. Поглядим...
Нур с разбегу — прыг, прыг, прыг!
В ожидании стоим...
Наш хитрец с доски — бултых!

Перевод М.Скорородова.

БАРИ

Завтра за орехами!
Встанем до зари...
Все явились вовремя,
Кроме Бари.

За день мы орешники
Обошли окрест.
Угостили лодыря,
Пусть ест.

Ест Бари и морщится.
— Тьфу! — гнилой орех...
Поглядел с презрением
Он на всех.

— Ядра очень мелкие,
Камень — скорлупа.
Не зовите в лес меня:
Лучше спать.
Мне б орешки-ядрышки,
Чтоб без скорлупы.
Видите, как мучаюсь,
Не слепы...

Под орех разделала
Ворчуна Алсу:
Ах ты, лежебока!
Походи в лесу.

Без скорлупок ядрышки?!
Хитрый ты какой!
Падок на готовое —
Сам гнилой!

Отдавай орешечки!
К ядрышкам привык...
Прикусил язык Бари,
Сразу сник.

Перевод М.Скорородова.

ПЛОХОЕ МЕСТО

Я дома получаю
одни головомойки
за то, что отвечаю
лишь на колы да двойки...
Опять ругает мама,
а надо бы понять,
что на моём-то месте

отличником не стать!

Беда мне с этим местом,
где я сижу всегда!
Вот если пересесть мне
туда, где Рашида
пятерки получает,—
тогда бы перестал
на двойки отвечать я...
Отличником бы стал!

Перевод Э.Блиновой.

СОВЕТ

Ох и трудно сделать полку!
Долго бился, все без толку.
Рассердился, надоело:
гвозди гнутся то и дело,
бьет по пальцам молоток.
Больше я терпеть не мог.
Лучше я вскопаю грядки...
Но лопата не в порядке —
черенок лопаты треснул,
а чинить — неинтересно.
Полусломанной копал
и совсем ее сломал.
Говорю своей сестренке:
— Ты же слабая девчонка,
а стираешь, вышиваешь —
все на свете успеваешь.
Как же ты не устаешь —
улыбаешься, поешь?
А сестренка мне в ответ:
— Дам тебе один совет.
Не со злостью, а с охотой
делай каждую работу.
Ведь с улыбкою и песней
и работать интересней.

Перевод С.Мальшева.

ЧУТЬ-ЧУТЬ ОШИБЛАСЬ...

Маме не нужно

тетрадки листать.
Мама не просит
дневник показать —
прямо в глазах
она может читать,
что мне поставили:
«два» или «пять».
И невозможно
ее обмануть...
Только сегодня
ошиблась чуть-чуть.
Мама пятерку
в глазах увидела,
лишь одного
не угадала:
так уж случилось,
что эту отметку
не я получил,
а по парте соседка.

Перевод С.Мальшева.

КТО ХОЧЕТ?

Кто хочет космонавтом
стать?
Конечно, все хотим!
Тогда — внимание!
На старт!
Сейчас мы полетим!

Нисколько
не страшимся мы,
что высока —
гора!
С горы крутой
помчимся мы
со скоростью
космической...
Ведь санки — наш корабль!

Перевод Э.Блиновой.

УТОНУЛ

Рахим никогда
 не признается
в том,
 что урока не знает.
Спросят —
 не растеряется,
выкрутиться
 постарается...

Учитель к доске вызывает,
спрашивает про пустыню...
Рахим не учил, не знает,
но не впадает в унынье
и отвечает урок:
— Пустыня — это... песок...
много песка... и ветер...
— А еще что?
— Ну, эти...
как их?.. Трясины...
Идешь себе по пустыне
И не заметишь даже,
как в болото шагнул...
— Что ж, рассказывай дальше!
— А дальше — все... утонул!..

Стоит у доски Рахим.
Очень смешная картина:
Хотел из воды он выйти сухим...
И утонул... в пустыне!

Перевод В.Баширова.

ЗНАЕТЕ ТАКОГО?

На уроках он котенок,
не заметите его,
ждет подсказки от девчонок,
сам не знает ничего.

Перемена все меняет:
он тигрёнок, он герой,
но при этом вызывает
только слабого на бой.

Если глупому тигренку
сразу смогут сдачи дать
отойдет себе в сторонку
и — котеночек опять.

Перевод С.Мальшева.

Аяз Хасанов

Родился в 1937 г.

ПОЛЕ

— ... Знаешь, иногда найдет такая скука. Чувствуешь, что вокруг тебя пустота, как будто очутился один в поле.

— В поле?

— Да.

— А в поле разве пустота?

— А что там хорошего?

— А что хорошего в этих четырех стенах? Будешь сидеть здесь, совсем тоска заест!

— Ну а куда идти?

— В поле!

— В поле?

— Да! И притом одному.

— А что там делать? Горох-то еще не поспел.

— А ты за одним горохом в поле ходишь?

— Ну а еще зачем?

— Ну знаешь... Тогда ничем помочь не могу. Только посоветую, как только на тебя найдет эта, как ее, тоска, отправляйся в поле...

Когда ты очутишься в зимнем лесу без лыж, то волей-неволей приходится идти по тропинке, если она есть. Свернешь с утоптанной тропинки и окажешься по пояс в рассыпчатом снежном песке. А он набивается в валенки, охватывает тебя плотной холодной массой со всех сторон, старается задержать, пресечь твой путь.

А в поле никаких тропинок нет. В морозную погоду наст так крепок, что даже следов не оставляет. Привычный звонкий хруст снега под ногами, песня одинокого путника зимней дороги, точно веселый мотивчик, под который шагается бодро и весело.

В поле даже ночь кажется светлой. Снег под бледным светом холодного месяца словно светится изнутри голубоватым морозным пламенем. В безветренную холодную погоду над голубым простором снежного океана горят в полную силу миллиарды и миллиарды звезд.

Как ни странно, и в наше время можно найти такую точку в поле, откуда не видно огней ни города, ни деревни, не чувствуется городской суеты, не слышно воя самолета, голоса человека. Посмотришь — поле сливается с небом. И ты наедине с собой, со своими мыслями.

Порой взгляд останавливается на какой-нибудь звездочке: а ведь может быть... Может быть, там, на звездочке-планете, есть странные, разумные существа. А может, одно из них сейчас стоит там на равнине, поросшей сказочной растительностью, и, глядя на еле заметную звездочку-Землю, тоже думает-гадает: а может быть...

Но идешь дальше и вдруг показываются вдали яркие светящиеся точки. Им далеко до настоящих небесных светил, и, несмотря на яркость, они вдохновляют, заставляют мечтать.

Но вот в поле приходит весна. Снег больше не скрипит под ногами, проваливается при каждом шаге. А след наполняется водой.

Но и весной манит к себе поле голосистыми ручьями и первыми жаворонками.

Летом поле кипит жизнью. С восхода солнца воздух словно сам журчит и звенит голосами полевых певцов — жаворонков.

Невозможно слушать одного жаворонка: одна песня накладывается на другую, получается разноголосый шум, как будто вокруг тебя бегут-перекликаются десятки солнечных ручейков.

Если поле уже расцвело гречихой, клевером или люцерной, то гудение пчел и шмелей чуть ли не заглушает жаворонков. Трудно передать словами чувство, которое испытываешь, стоя на краю поющего, полного жизни поля.

Осенью ступаешь мягко по обочине, вдыхаешь аромат созревшей соломы, кучки которой темнеют, то тут, то там, и неясная печаль подступает к

сердцу. В небе проносятся стайки скворцов, готовящихся к отлету; они словно уносят последние приметы солнечной поры.

А поле просторно, поле величественно и особенно чисто обозначены над ним облака, приподнятые, невидимым ветром.

ХИТРАЯ ПТИЦА

Сорока была занята строительством гнезда и, кажется, не замечала человека, спрятавшегося в шалаше. Сорока — птица осторожная, и было удивительно, почему она выбрала для гнезда такое заметное место.

Через два дня постройка гнезда была окончена. Но оно было какое-то непрочное, крыша, попросту навес из ветвей, плохо сплетена, пропускала дождь, точно это не настоящее гнездо, а так, для вида.

А потом жизнь около гнезда вообще затихла.

Но однажды сорока подлетела и, громко стрекоча, уселась в гнезде. Тоже странно: ведь криком можно выдать заветное место. Посидела немного и опять пропала. А в гнезде по-прежнему ни птенцов, ни яиц.

Прошел я в лес подальше и на одной осине заметил знакомую сороку. В клюве держит какого-то птенца. Видимо, из чужого гнезда утащила на обед своим сорочатам. Но где же они? Ведь ее гнездо пустое. Кому она несет добычу? Ответ на загадку нашелся только спустя две недели. А в эти две недели сорока изредка с громким криком подлетала к пустому гнезду, точно всем хотела показать: смотрите, вот оно, мое гнездышко.

И вот я стою примерно около того места, где видел сороку с птенцом в клюве. Вдруг на просеку, бестолково махая крыльями, выбежал сорочонок. Я кинулся за ним, поймал, он яростно отбивался, безжалостно щипал мои руки, кричал, безразмерно раскрывая еще желторотый рот. На его крик из леса вылетели две сороки. О, да одна из них — моя старая знакомая!

Я отпустил пленника и вошел в заросли, откуда вылетели сороки. Там сидел еще один сорочонок. Он уставился на меня, видимо, соображая: кричать ему или нет. Наверное, решил — не стоит, потому что равнодушно проковылял

мимо и скрылся на просеке. Вдруг сверху, с дерева, чуть не на голову свалился еще один сорочонок. Это было столь неожиданно, что я шарахнулся в сторону. А виновник моего испуга важно отряхнулся и неумело проковылял вслед за братом.

Я поднял голову: сквозь листву осины едва проглядывалось искусно замаскированное сорочье гнездо. Вот и отгадка. Это гнездо настоящее, а то, что сорока строила при мне, на открытом месте, для обмана отвести врагов от гнезда с детьми.

В это время из гнезда вылетел еще один парашютист. Парашютом ему служили расправленные крылья, широкие, но еще не способные для полетов. И этот птенец поскакал на просеку. Я тихонько прокрался за ним.

Ну и картина! На пне с довольным видом восседала сорока, на земле, словно школьники перед учителем, расположились желторотые сорочата. Сорока стрекотала, птенцы сидели с открытыми ртами, точно внимательно слушали. В это время к семейке подлетела другая сорока с большой ягодой во рту. Сорочата забыли про учителя и направили свои желторотые головки на ягодину. Я вышел из-за куста акации: сороки взвились в воздух, наполняя лес громким стрекотом; сорочата бросились кто куда.

Поздно осенью, когда осыпалась листва с деревьев, я как-то прошел мимо ложного сорочьего гнезда. Оно почти развалилось: крыши не было, вместо гнезда висела какая-то груда веток. Я направился к настоящему гнезду. Над ним была прочная крыша, и само гнездо как будто только сплели. Не то что ложное, построенное для отвода глаз. Что и говорить: хитра сорока, умеет охранять детей.

КОТ-РЫБОЛОВ

Озеро окружали, точно взявшись за руки в хороводе, тонкие березки. В чистой воде, лениво шевеля плавниками, сновали серебристые пескарики, а по гладкой поверхности весело кружились жуки-вертячки. И еще много-много интересного можно было увидеть на озере. В ранние утренние часы мы любили

приходить сюда. Приходили, чтобы погрузиться в сонную озерную воду, посидеть под тенью березок и послушать их шелестящий разговор между собой.

На этот раз друзей ждала неожиданная встреча. На бережке с плутовской мордой сидел пушистый серый кот. Вот он напрягся, глазки загорелись зеленым огнем, и вдруг резко запустил когтистую лапу в озерную воду, но, ничего не поймав, чихнул, облил мокрую лапу и снова уставился в одну точку.

— Кажется, рыбку промышляет,— прошептал Ильгиз.

Кот опять что-то заметил, оцепенел, рванулся вперед и... хлопнулся в воду. Фыркая, он вылетел на сушу, отряхнулся так, что брызги полетели во все стороны, и мельчайшая водяная пыль долго и медленно оседала на землю. Прежде чем снова взяться за охоту, кот тщательно вылизал себя с ног до головы. Но вот его глаза снова загорелись кроваво-красным огоньком, лапа разрезала воду и на траву вылетел... тритон. Не успел необыкновенный рыболов прыгнуть к желанной добыче, как тритон, благо он лежал почти у воды, сполз в свое озеро и юркнул в темную глубь. Кот с недоуменной мордочкой понюхал траву, где только что лежал вкусный завтрак, и третий раз стал облизывать лапу, кидая взгляды на озеро, где плавало, наверное, бесчисленное количество таких завтраков, но, увы, недостижимых.

— Не везет,— вздохнул кто-то из ребят.

Но через мгновение котик забыл о недомытой лапе, потому что к самому берегу подплыл серебристый пескарик, соблазнительно шевеля плавниками. Миг — и рыбка, блестя чешуей, трепыхалась на мокрой от росы траве...

Приятно позавтракав, кот-рыболов полакал водицы и, вылизав лапы, улегся на просыхающую траву, но тут же вскочил и кинулся наутек, испугавшись мальчишек, вышедших из засады.

— Ну и чесанул! — удивился кто-то из ребят.— Как будто сметану воровал.

По озеру, омывая низкие берега, прокатились волны.

СВЕРЧОК

На яблоне в нашем саду поселился сверчок. Сначала я ему обрадовался. Сядешь на скамеечку возле дома, чай пьешь или книжку читаешь, и слушаешь, как сверчок в листьях яблони проявляет свои музыкальные способности.

Но на другой день песни сверчка не показались мне такими музыкальными, а скоро вовсе сделались надоедливой трескотней. Ладно еще, если бы он только днем пел. А то и ночью спать мешает. Засыпаешь под песни сверчка, просыпаешься — он поет. Когда же он ест и спит?

Однажды, в сердцах, запустил я комок земли в гущу яблони, где сидел песенник. Тот на минуту умолк, затем снова голос подал. «Ох, как ошибалась природа, создавая подобных певцов!» — подумал я.

А на четвертый день он выгнал меня даже из дома. Надоел — чуть голова не разболелась.

Я вышел из сада и очутился на цветущем лугу. Здесь было шумно, весело и красиво: перелетали с цветка на цветок пчелы и нарядные бабочки, с гулом проносились грозные шмели, стрекотали, каждый по-своему, кузнечики. И вдруг слух мой уловил знакомую песню сверчка. Минуту назад я назвал ее трескотней, а здесь она так сочеталась с этой обстановкой и выделялась среди шумного луга, что казалась самой красивой на земле песней.

Мне захотелось взглянуть на певца. Но это оказалось не так просто: подойду к месту, откуда раздается песня, а она затихнет и опять начинается совсем в другой стороне. Долго, пришлось гоняться за невидимкой. Но вот песня раздалась особенно близко, и я рванулся навстречу ей. Из-под ног вылетел кузнечик невероятных размеров, пролетел несколько метров и опустился на тропинке. Не отрывая глаз от живой точки, я тихо стал подкрадываться к сверчку.

Вот он: сидит на тропинке, но, кажется, снова хочет удрать. Попался! Я быстро накрыл его ладонью и легонько зажал в руке. Но сверчок решил дорого продать свою жизнь: что есть силы задрыгал ногами и яростно вцепился в ладонь. Не без труда мне удалось затолкать его в коробку (отправляясь в лес или на луг, я всегда беру с собой коробку: вдруг попадется что-нибудь интересное). Но сверчок и тут не смирился: сильными ударами ног он колотил по стенкам темницы.

Мое внимание отвлекла большая стрекоза, сидевшая на листе подорожника. Оставив коробку на земле, я стал к ней подкрадываться. При моем приближении она отлетела подальше и уселась на желтую ромашку. Заметив, что я опять приближаюсь, стрекоза взвилась вверх и пропала из виду.

Я повернулся к лежащей на земле коробке и онемел: она... пела. То есть пела не коробка, а сидящий в ней пленник. Кто знает, может, он понял, что свободу не вернуть и решил исполнить свою последнюю прощальную песню на родном лугу.

АЯВРИК

1

Шел я как-то по деревенской пыльной дороге. Жарко. Ботинки снял и шлепаю босиком. У пруда наступил на что-то острое, ногу порезал. Сел, сорвал широкий лист подорожника, приложил к ране. Жду, пока кровь остановится. Вдруг слышу, кто-то скулит. Совсем как наши котята в корзине, только громче. А мне сначала показалось, что это вода журчит. Спустился к ручью, невдалеке что-то черное шевелится. Подскакал на одной ноге, вижу — щенок. Смотрит на меня желтыми глазками. Постой, какие же это глаза? Это желтые точки над глазками. Издали похоже на глаза. А щенок оказался еще слепым. Наверно, кто-то выбросил. Я давно мечтал о какой-нибудь собаке, и вот случай подвернулся. Только что скажут дома? Ну а если родители не разрешат, спрячу щенка на чердак и буду тайком его кормить.

Дома, после многократных обещаний слушаться во всем старших, ходить в магазин, мыть пол и т.д. мне разрешили оставить щенка у себя, если он, конечно, перестанет скулить. Ну это не так-то просто сделать: ведь он был очень голоден.

Я взял соску, проткнул в ней дырочку, надел на бутылку и приступил к трудной работе — кормлению. Только щенок открыл беззубый рот, чтобы пискнуть, я ловко засунул в него кончик соски. Щенок ее отчаянно выплевывал, но я другой рукой прочно держал его за голову. Молоко пузырилось у него во рту, выходило из носа, щенок захлебывался, но глотал.

Наконец бутылочка опустела, и на щенка забавно стало смотреть: он походил на крепенький мячик. Животик сделался таким упругим и толстым, что, лежа на нем, щенок еле доставал ногами до пола.

Я нашел старую шапку, завернул в нее щенка и засунул в дальний угол шкафа.

— Спи, Аяврик, — сказал я.

Это странное имя мне вспомнилось из фильма о дружбе одного мальчика с волком, и имя мне страшно понравилось. Аяврик по-русски значит — Любимчик. А я его уже полюбил.

Ночью Аяврик проснулся, вылез из шапки, толкнул легко открывающуюся дверь шкафа, плюхнулся на пол и заорал.

Рядом из корзины выскочила испуганная кошка. Увидев непонятное существо, она отскочила, зашипела и приготовилась к драке.

Я встал и взял щенка к себе на кровать, под теплое одеяло. Это ему понравилось, он немного повозился, вздохнул и опять уснул.

Наверно, и щенятам снятся сны. Аяврик часто дергался, перебирал лапками, издавал какие-то звуки, лизал мою руку шершавым языком.

Утром я испугался: не задавил ли Аяврика? Но он спокойно лежал, растянувшись под одеялом, а вокруг него, на простыне, расплылось огромное, мокрое пятно...

В окно кто-то постучал. Я вскочил, распахнул окно:

— Влезай скорее.

Это был соседский мальчишка Саня, мой дружок. Осенью он пойдет в первый класс, но уже знает несколько букв и умеет считать до десяти, потому немного задается.

Саня деловито пощупал уши Аяврика, потрогал его холодненький носик и важно заявил:

— Породистая собака.

Потом взял щенка на руки, погладил его черную спинку и попросил:

— Знаешь, это... ну, в общем, давай меняться. Я дам тебе тот черный автомат, если хочешь, и свой букварь... на время.

Но, посмотрев на мое лицо, поспешно заявил:

— Насовсем!

— Ни за что!

Саня огорченно посмотрел на меня, подумал и предложил:

— Тогда, знаешь, давай его дрессировать! А то я кота Мурзика дрессирую, дрессирую, а он опять раздрессировывается. Ему бы только за бабочками гоняться да сметану воровать!

— Ты что, Аяврика еще рано дрессировать: он ходить не умеет, еще ничего не видит, даже не понимает.

Саня опять задумался.

— Ну ладно. Ты знаешь, — проговорил он тоном всезнающего человека, — что солнечные лучи... ну этому, как его... В общем, пошли на улицу, на солнышко, с ним, с Аявриком.

2

Через две недели у Аяврика открылись глаза. Он уже начал потихоньку, шатаясь, падая, ходить на слабеньких ножках.

Ну, ни разу не видел я такой бестолковой собаки! Поставишь его на землю, он и идет в ту сторону, куда направлена голова. Направишь к калитке, идет к калитке, повернешь к собачьей будке — шагает, не сворачивая, прямо к будке. Так во время прогулок то и дело направляешь его в нужную сторону.

А как ему нравились цветы! Засунет свой мокренький носишко в цветок и втянет в себя его ароматный запах. А потом затолкает цветок в рот, кое-как разжует, а то и проглотит.

А когда у Аяврика начали прорезаться зубы, тут уже все что можно он старался разгрызть. Однажды он принялся за уголок покрывала, свисавшего с кровати. Ему дали по носу тапочкой; щенок с визгом залез под кровать, выждал, пока все ушли, и снова принялся за покрывало. Его побили и выгнали на улицу. А на другой день он уже играл с отгрызанным от покрывала лоскутком. От Аяврика пришлось прятать все вещи, на которых он мог поточить свои зубы. Но следы его работы стали появляться уже и на ножках стульев, которых не спрячешь. И тогда маленького Аяврика окончательно выселили на двор.

Щенок сразу оценил всю прелесть новой уличной жизни. Но и здесь не все шло гладко.

Во дворе на лужайке расположилась кошачья семейка. Котята веселились, бегали друг за дружкой по лужайке, теребили хвост и уши матери...

Вот тут и появился любопытный Аяврик. Кошка лежала к нему спиной и не сразу его заметила. Котята стали с любопытством рассматривать незнакомого зверя. Но кошка оглянулась и вдруг вскочила: хвост у нее распушился, спина выгнулась горбом. Она кинулась на оторопевшего щенка, не считаясь с его самыми добрыми намерениями. Котята испугались не щенка, а грозного шипения матери, бросились врассыпную. Один, самый шустрый, вскарабкался на дерево и с любопытством осматривал поле сражения.

Аяврик сам не ожидал такой встречи, струсил и кинулся прочь. Он мчался к спасительной двери в дом, а разгневанная кошка, не отставая, немилосердно била его на бегу лапой.

Но Аяврик, отдохнув и успокоившись, и не подумал отказываться от намерения познакомиться поближе с кошачьей семейкой. Однажды, когда кошка с котятами, разморенные жарой, после обеда крепко спали на том же месте, Аяврик нерешительно подошел к ним и, ласково поскуливая, осторожно ткнулся холодным носом в теплую спинку одного из котят и... тут же отлетел в сторону,— так прошлась по его мордочке когтистая лапа рассерженной матери. Как же не вовремя она проснулась!

Бедный Аяврик! Разве он виноват, что родился собакой? Будь он котенком, — вместе с мамой нежился бы на солнышке, резвился на просторе с такими же, как и он, котятами.

С горя щенок отправился к собачьей будке, около которой еле дышал от жары большущий пес Шарик.

Шарик лениво открыл один глаз, посмотрел на щенка и вновь погрузился в сон. Аяврик с нескрываемым изумлением стал рассматривать тяжелую голову собаки, неподвижно лежащую на лапах. Вот бы ему такие зубы! Тогда никакая кошка не страшна. А когти, когти! Каждый с лапку Аяврика. Ему бы такие когти! Тогда бы он совсем никого не боялся!

Шарик опять открыл глаза. «Ну чего тебе?» — казалось, говорил он. Аяврик робко вильнул хвостиком... «Уважаемый Шарик, можно я буду с вами дружить?» — сказал его хвостик. Шарик в ответ сладко зевнул. Щенок не без страха смотрел на его широкую пасть, в которую он мог бы свободно пролезть. Но пасть закрылась, Аяврик снова вильнул хвостиком и продолжил: «Можно я буду лежать около вашей лапы? А то эти кошки всюду меня преследуют».

«Уж эти противные кошки! Лежи, чего уж», — ответили глаза Шарика.

Так Аяврик нашел друга.

К зиме Аяврик превратился в черную, как уголь, красивую небольшую собачку. Только над глазами выделялись желтые точки, похожие на глаза. Саня говорил, что у него две пары глаз. И в самом деле, когда Аяврик спал, казалось, что глаза у него открыты. А это желтые точки.

Саня пытался дрессировать Аяврика, но у него не получалось.

— Сидеть, сидеть, Аяврик! Ну! Сидеть! — повторял Саня. Аяврик улыбался всеми четырьмя глазами и, казалось, говорил: «Ну чего ко мне пристали? Я хочу бегать, играть! А вы мне — сидеть!».

4

Незаметно пролетела зима, и на землю ступила солнечная весна. Пришла она с шумными ручьями, с капелями, с дымом костров и прилетевшими птицами.

Аяврика сейчас можно было встретить на лужайке перед домом, где он, жмурясь на весеннее солнце, дремал на теплой просыхающей земле.

Однажды к нему подскакало несколько воробьев. Постройка птичьих гнезд была в разгаре, и воробьев привлекла лежащая на земле собака. Вернее, не сама собака, а мягкая шерсть, клочками висевшая на ее боках.

Один храбрец перелетел на спину Аяврика и принялся высматривать клочок получше. А Аяврик, видимо, подумал, что это кошка забралась на него, и стал соображать, как отплатить за все ее проделки. Но пока он думал, воробьишко потянул добрый клочок шерсти и... р-ряв, гав!.. Воробьев как не бывало. А Аяврик, вконец обиженный, встал и поплелся к будке Шарика, — там ни воробьи, ни кошки не тронут.

5

Кончилось лето, в школу пошел и я. Теперь мы с Саней и туда и обратно ходили вместе. Издали, подходя к деревне, мы замечали на дороге маленькую черную фигурку. Это поджидал нас Аяврик. Он с радостным лаем бежал навстречу, прыгал около нас, норовя лизнуть в лицо. Так было изо дня в день.

Но однажды мы шли из школы, как всегда беззаботно размахивая портфелями, в которых дребезжат пеналы, и встретили трех веселых парней. У одного на плече небрежно висело ружье дулом вниз. Видно, ходили в лес, что в километре от деревни, пробовать новую покупку на чем попадетсЯ.

Парни прошли мимо нас.

—Ловко вцелил. И где ты так наострился? — весело сказал один.

А мы подошли уже ближе к деревне и... Саня схватил меня за руку: на снегу лежала в луже крови незнакомая желтая собака. Ярко-красная кровь на белом-белом снегу...

— Они это,— тихо сказал Саня. — Пошли!

Мы двинулись и... опять остановились. Невдалеке чернела фигурка Аяврика. Подходим ближе, еще ближе. Сейчас он должен вскочить, подбежать и по-своему приветствовать.

— Аяврик!

Недавно он начал по-новому встречать нас. Подпустит на пару метров, а потом с визгом бросится на грудь.

— Ну что, Аяврик, лежишь-то?

Лежит и смотрит на нас яркими глазами. Постой, какие же это глаза? Это желтые точки над глазами. А глаза закрыты.

И вдруг... нет! Медленно пропитывая снег, из-под Аяврика текла струйка крови...

— Аяврик!..

Нет Аяврика. Уснул. Навсегда.

Рустам Мингалим

1937 -2014

СКОЛЬКО ДРУЗЕЙ У МЕНЯ!

Дети —
особый народ на планете,
всех он дружнее
и веселей.
Как хорошо,
что повсюду на свете
есть у меня
миллионы друзей!
Дети планеты,
как вы живете?
Все интересно
про каждого знать!—
как вы играете?
как вы поете?
кем, повзрослев,
вы мечтаете стать?
К вам прибежал бы я
быстрым оленем,
птицей бы в гости
к вам прилетел!
Как я спешил бы!..
Но к сожаленью,
даже тогда бы
ко всем не успел.
Может повсюду
успеть только ветер.
Ветром по свету
я к вам полечу!
Сколько друзей
у меня на планете!
Каждого друга
увидеть хочу!

Перевод С.Мальшева.

В ЖИЗНИ ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОДУМАТЬ

Чтоб найти свою дорогу,
нужно многое узнать,

нужно думать очень много,
чтобы человеком стать.
Ну а ты каков? К примеру,
в школу с радостью идешь?
Любишь землю ты, наверно,
на которой ты живешь?

И наверно, любишь книги?
Много ты читаешь книг?
Или, глядя на картинки,
перелистываешь их?

Для чего ты ходишь в школу?
Сам не знаешь? Просто так?..
Было б можно, не пошел бы,
целый день гонял собак?

Ничего узнать не хочешь
о родной стране своей?
Может, просто землю топчешь
и не думаешь о ней?

Тот, кто думать не умеет,
не узнает никогда,
почему шумят деревья
и куда течет вода.

Отчего же ветры дуют,
почему идут дожди?..
Надо научиться думать,
чтоб суметь ответ найти.

Тот, кто сам себя не спросит,
не узнает ни о чем,
отчего в полях колосья
наливаются зерном...

Тот, кто думает немного,
может вырасти глупцом.
И на жизненной дороге
он окажется слепцом.

Ну, а ты, конечно, зрячий,
для тебя ясны пути?

Смотришь — глубже, видишь — дальше?
Знаешь все, что впереди?

Нет, глазами не пустыми,
я надеюсь, смотришь ты?
Вещи, самые простые,
в самом деле — не просты!

Вот пойдешь ты по тропинке
через поле, через лес...
Удивись любой былинке,
верь, что жизнь полна чудес!

Посмотри — в любой росинке
мир огромный отражен!
Ты подумай — как красиво;
как светло устроен он!

В жизни есть над чем подумать,
только все сумей понять!
Для того ли ветер дует,
чтоб деревья растрепать?

Для того ль растет береза,
чтобы дать прохожим тень?
Или для того, чтоб позже
в этом месте вырос пень?

Вот обычный лист на ветке.
Так привычен он и прост.
Но сумеешь ли ответить
на один простой вопрос? —

Почему же он — зеленый,
а не желтый, как зерно,
и не черный, как ворона?..
Знаешь?.. То-то и оно!

Задавался ты вопросом:
отчего — зима, весна,
лето, осень?.. Ну, а после —
снова те же времена.

Почему вот так в природе —

неизменно, каждый год
друг за другом они ходят,
словно водят хоровод?

Тяжелей воды — железо.
Но железный пароход
в ней не тонет... Интересно,
почему же он плывет?

Почему? Тебе известно?
А тяжелый самолет,
что летает в поднебесье,
почему не упадет?..

В жизни многие вопросы
лишь на первый взгляд ясны.
Но ответ найти не просто.
Знания тебе нужны!

Книжки разные читаешь?
Может быть, перелистав
очень быстро, пропускаешь
непонятные места?

Ты стихи читать умеешь?
Если не поймешь стиха,
ты задумаешься?.. Или
скажешь: «Что за чепуха!»?

Прочитав: «Смеялись звезды»,—
ты не скажешь: «Хи-хи-хи!
Не смеются звезды! Просто
несерьезные стихи!»?

Встретив «плачущую птицу»,
ты не скажешь: «Ерунда!
Я в такие небылицы
не поверю никогда!»?

Но, и впрямь,— звезда «смеется»,
птица «плачет»!.. Дело в том,
что в природе познается
всё — и чувством, и умом.

Жизнь устроена чудесно,
есть над чем подумать в ней.
Все на свете интересно,
только все понять сумей!

А для этого учиться
нужно с детства — каждый миг
у травы, дождя и птицы,
у друзей и умных книг...

Не ленись! Жизнь постигая,
думать, чувствовать учись.
Время даром не теряя,
над самим собой трудись!

Перевод В.Баширова.

ИЛЬДУС-ГОРОШИНА

Жить, как известно,
мальчишке непросто,
если он ниже
ровесников ростом.

Что здесь, скажите,
и вправду хорошего,
если товарищи
дразнят — «Горошина!..»

...Словно горошины,
дни прокатились.
С детством ребята
давно распростились.

Стали шоферами,
учителями,
крановщиками
и малярами...

Выросли все,
но сказать не боюсь —
выше любого
сегодня — Ильдус.

Парень упорный,

не лодырь, не трус,
летчиком стал,
как мечтал,
наш Ильдус!

Перевод С.Мальшева.

ГРУСТНЫЙ МАЛЬЧИК

Его ребята не любили,
с ним было всем неинтересно.
— Он слишком грустный, — говорили, —
какой-то скучный, бессловесный!

Он вовсе не был нелюдимым,
жил, по ровесникам скучая.
Но только слов не находил он,
и оттого-то был печален.

Хотел бы он сказать немало,
слова в душе его звучали,
ему застенчивость мешала.
Но этого не замечали...

Но справедливость есть на свете!
И должен быть счастливым каждый.
Он скрипку, легкую как ветер,
умело в руки взял однажды.

Заговорили струны скрипки:
сначала тихо и печально,
потом с надеждой и улыбкой
и вдруг весельем зазвучали!

И мальчик с грустными глазами
понятым сделался ребятам.
— Какой он добрый, — все сказали, —
как хорошо, что есть он рядом!

Перевод С.Мальшева.

УЖЕ С РОЖДЕНЬЯ – ТЫ ЛЮБИШЬ

Уже с рожденья — любишь маму.
Твоя любовь — с листок всего.
Но тот листочек — главный самый:

все начинается с него.

Когда же ты поймешь с годами,
как дороги тебе друзья,
любовь — как дерево с корнями,
а корни вырывать нельзя!

Когда весь мир полюбишь ты —
такой огромный, интересный! —
любовь встает зеленым лесом,
где звон ручьев и птичьи песни,
где вечно небеса чисты!

Перевод С.Малышева.

НЕСЕРЬЕЗНАЯ УТКА

Что ты сегодня унылый какой?—
Смотришь на озеро наше с тоской.

Помнишь — на озере нашем однажды
мы с тобой спорили ранней весной?
Может быть, осенью поздней?..

Не важно!

Помню, что ссорился ты со мной.
Спорили, спорили...

Помнишь, о чем?

Ты меня вскоре назвал трепачом.
Ты говорил, что утка твоя
плавает лучше моей...

Ну а я

не уступал.

У тебя разве утка?

Ты настоящих уток не знаешь!
Ты разозлился тогда не на шутку...
Ну, наконец-то, припоминаешь.
Помнишь, устроили мы состязанье.
Соревнование по нырянию.
Первой ныряла утка твоя,
только минутку она продержалась.
Жуткое дело! —

Утка моя

так до сих пор и не появлялась!..
Помнишь, тогда удивился ты страшно,
с озера нашего глаз не сводил...

Я же сказал:
— Ты не спорь со старшими!
Видишь, опять я тебя победил.
Утка моя и не то еще сможет!
Запросто Волгу перенырнет...

Ты говоришь — ничего не помнишь?
Как это не было?

Кто это врет?
Ты говоришь — это просто утка,
все, что рассказывал я про утку.
Дудки! — ты говоришь. —
Ерунда!
Не было уток таких никогда!..

Что ж из того, что не было их?
Шуток не понимаешь простых!
Утка моя и не то еще сможет!
Если ее подстрелить и сварить,
она из кастрюли вылетит все же! —
просто, чтобы тебя рассмешить.

Перевод В.Баширова.

С ЛОЖКОЙ У ОКОШКА

Мама на стол накрывает.
А я уже с ложкой сижу.
Пока она суп разливает,
жду и в окошко гляжу...

Все небеса закрывают
серые облака.
Гром вдалеке громыхает.
Может, успею,
пока
дождь не стучит по крыше,
на гору забежать?..
Вот на горе я! —
и выше! —
тучу сумел оседлать...
Смеется в просторе синем
солнышко
надо мной:
«Суп, — говорит, —

остынет!
Шел бы ты лучше домой!..»
Мне оно улыбнулось.
И я ему подмигнул:
«Лучше так лучше!» —
и тут же
с тучи
я сиганул.
Молнию туча метнула,
но я увернулся...
За стол
вовремя я вернулся...
Сразу же дождик пошел.

...Мама на стол накрывала.
А я в это время мечтал.
С солнышком разговаривал
и даже на туче летал.
Досыта налетался,
хотя и летал я —
в мечтах.
Здорово проголодался,
пока я витал
в облаках...

Перевод В.Баширова.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Слышу я в окошко стук...
Голос незнакомый
звал меня:
— Скорее, друг,
выходи из дома!
Испугался бы любой!
Но шагнул за дверь я...
Сразу же меня гурьбой
окружили звери!
Волк, лисица, заяц, лось...
Говорит лисица:
— Есть у нас один вопрос,
можно обратиться?
Середина всей Земли
нам нужна сегодня.

Мы бы елку там зажгли
в праздник новогодний.
Мы на свете никого
не хотим обидеть,
а лесное торжество
всякий рад увидеть.
Подскажи нам,
где найти
эту середину.
Долго нужно ли идти?
И куда идти нам?

Объяснил им:
— Вы пришли,
дальше не ходите.
Середина у Земли
там, где вы стоите!
Далеко спешили зря.
Знать необходимо
то, что круглая Земля —
всюду середина!
И сказали звери мне;
— Нет, мы шли не даром, —
стали все же поумней.
Получай подарок!..

...Рано утром поскорей
сбросил одеяло —
и к окну...
А во дворе
елочка стояла!
Может, видел я во сне
зайца лося, волка?
Но тогда, скажите мне,
кто поставил елку?

Перевод С.Мальшева.

ЗОЛОТАЯ СКОВОРОДКА

Говорят, что есть на свете
сковородка золотая.
Если вы ее найдете,
если вам так повезет,
то о завтраке, обеде

даже думать не придется.
Никаких забот не зная,
проживете круглый год.

Только скажете словечко, —
понесется прямо к речке,
там наловит сколько надо
и лещей, и пескарей.
А пока летит обратно,
их почистит аккуратно
и поджарит аппетитно, —
не найти еды вкусней!

Если хочется картошки, —
раздобудет вам немножко.
А хотите — пирожками
и блинами угостит:
«Угощайтесь на здоровье,
доедайте все до крошки!»
А потом себя отмоет
и, как солнце, заблестит...

Где же ты, мечта лентяя,
сковородка золотая?
Да конечно, только в сказках
чудо дивное найдем.
Что грустить о нем напрасно!
Знаем, мы с тобой прекрасно,
что и вкусные обеды,
и омлеты, и котлеты —
все дается нам трудом!

Перевод С.Малышева.

ЗИМНИЙ СОН

Все за ночь изменилось...
Что сделалось с землей?
Зима ее накрыла
Огромной простыней.

Все скрылось под простышкой.
Не вижу ничего —
Ни речки, ни тропинки...
Какое волшебство!

Куда-то подевались
дороги и луга.
Под белым покрывалом
Овраги и стога...

И белизной сияют
Просторные поля.
И тишина такая,
Как будто спит земля.

Средь белизны
какие
Она увидит сны?

Наверное, цветные,
зелено-голубые...
Наверное, о весне!

Перевод Э.Блиновой.

Рустем Кутуй

1936-2010

АРИФМЕТИКА

Дважды два —
 конечно, пять,
трижды три —
 конечно, десять —
это ж надо понимать,
не пальто на гвоздь повесить.
Чуть подуть и — нету двоек,
подтереть еще слегка —
вот и «пять» само собою
ровно вывела рука.
«Тройкам» ленточки прибавить,
пусть, как лебеди, плывут
прямо к маме,
 прямо к папе...
Результат за пять минут!
Папа лампу пододвинул.
Раз взглянул...
 Еще разок...
Хмыкнул...
 Брови хмуро сдвинул...
Я от страха тут же взмок!
Дважды два —
 конечно, взбучка,
трижды три —
 прощай, каток!
Я сижу темнее тучи:
ну и задали урок!

БИНОКЛЬ

Подарили мне бинокль.
Стал я сразу одиноким:
от окна к окну хожу,
целый день в бинокль гляжу.
Как в далеком плаванье,—
отдыхаю в гавани,—
никого на корабле,
все другие — на земле.

Как пристанут — не отстанут:
«Дай разочек поглядеть!»
Мне такое слышать странно —
надо собственный иметь!
У меня бинокль в футляре,
с узким легким ремешком...
Вдруг нечаянно ударят,
угодят в бинокль снежком.
Что тогда?

Тогда — беда!

С корабля я — никуда.
От окна к окну хожу,
в свой бинокль один гляжу.
Вон ребята бабу лепят,
лыжи, санки в стороне.
Самолет в просторном небе
очень даже виден мне.
Вон скворечник, столб...

Все близко!

Щели, трещинки видать.
У меня бинокль английский,
никому
нельзя давать.
...Подарили мне бинокль.
Стал я сразу одиноким.

МОЛОЧНЫЙ ЗУБ

Зуб качается,
качается...
Никому покоя нет.
Даже бабушка печалится:
— Ты у нас теперь как дед!
Между прочим, зуб — «молочный»,
ненадежный, значит, очень.
Только тронешь языком,
так и ходит ходуном —
взад-вперед, а то и
вбок.
До того чудной зубок!

Зуб творожный,
зуб сметанный...
Может,

Много есть других зубов...

День прошел.
Второй начался...
Зуб соседний закачался!

ПО ГРИБЫ

Два гриба сидят под елкой.
Пробегали ночью волки —
 шишколобый,
 хитрый,
 храбрый,
 злющий-злющий,
 криволапый.
 И ободранный.

Грибов и не заметили.

Проходили на рассвете
полусонные медведи —
 Мед-Медович,
 Медица-Медведовна
 и просто Медведка,
 лохматенький детка.

Медку отведали.
Объелись,
На пеньки уселись.
А грибов и не заметили.

Только солнце рассиялось,
из-за елки вышел заяц.
От страху окосевший.
 Нес морковь,
 лист капусты:
 будет завтрак
 деткам вкусный.
 Хвост редиски
 и петрушку
 заложил себе за ушки.
 Заботливый.

А грибов и не углядел.

Зато Зиночка с корзиной
не была такой разиней.

Как закричит:
— Бабушка!
Грибки-то какие!
Прямо с папину шляпу.
Глазастая...

У БАБУШКИ

Корова,
телега,
подсолнух,
бычок на веревочке сонный,
стрекозы,
шмели
и бабочки —
все-все есть
в деревне у бабушки.
За печкой — сверчок,
в траве — родничок,
мостки
и гороха стручок,
ласточка,
лошадь,
овца
и день без конца, без конца,
колодец,
речные камушки —
все-все есть
в деревне у бабушки.
И даже гармонь у соседа,
и погреб,
полнехонький снега,
ходики на стене
стукают в тишине.
А звезд не сосчитать,
даже если совсем не спать!
И лодки,
и поле,
и лес,
до краешка самых небес,
ну и, конечно, оладушки —
все-все есть в деревне у бабушки...
Но скоро окончится лето.
Приснится мне в городе это —

деревня
 и баюшки-ладушки,
крылечко
 и песенки-складушки —
все-все,
что в деревне у бабушки.

ПРО БАКЛУШИ

Что такое бить баклуши?
Вы спросите у Андрюши —
у него огромный опыт,
у него приличный стаж:
собирать
в котельной копоть,
хохотать на весь этаж:
«Ха-ха-ха!» да
«Хо-хо-хо!»

Это вовсе не легко —
не робея, на катке
прокатиться в парике!
Позвонить по телефону
и сказать
серьезным тоном:
— Чтоб иметь мускулатуру,
собирай макулатуру!
Или,
скажем без утайки,
сунуть камень
в парту
 Таньке,
кошку вымазать в чернилах,
в бане
вымыться без мыла,
нацарапать на коре
имя редкое —
 Андрей,
не какой-нибудь,
 а Мальцев,
очень важный человек —
на руке растет пять пальцев,
ветер свищет в голове.
До всего ему есть дело,

он подходит к делу смело —
в поликлинике районной
просидит на стуле скромно
битый час

 среди старушек,
а потом вдруг
 обнаружит:
чем болеет — позабыл,
но зато баклуши бил,
из графина воду пил
и на скатерть не пролил,
прочитал всю стенгазету
про болезни и режим,
посоветовал соседу:
— Пейте на ночь
 рыбий жир!

Это вам не фокус-мокус
сбросить
 с крыши
 целый глобус!

Или вдруг
залезть в автобус
и глядеть в окно пейзаж,
ни о чем не беспокоясь,
прикатить себе на пляж,
хоть давно уже окончен
для купания сезон.
Бить баклуши можно,
 впрочем,—
взять
 и вытоптать газон!..

А однажды заболел,
занемог, заныл Андрюша,
странно-странно побелел,
отодвинул в угол ужин.
Доктор выслушал его
и не понял ничего.
— Вы по лужам не гуляли?
Вы на лифте
 не катались?
Не объелись ли конфет?
— Нет, нет, нет! —

Фаиль Шафигуллин

1939-1982

МАМА-ИНДЮШКА И ЕЕ ДЕТКИ

Был у мамы-индюшки индюшонок. Озорник и баловень — верно, оттого, что был он у нее единственный. Ночью он любил забраться к маме под крыло, а когда ему надоедало сидеть там, Пияк взбирался к ней на плечо. Индюшка ему все позволяла. Ох, я и забыл сказать, что индюшонка звали Пияк. Ночами, когда бледный месяц заглядывал к ним сквозь оконную решетку, индюшка, вдруг очнувшись ото сна, нежно окликала сына:

— Пияк! Ты здесь?

— Здесь,— отвечал Пияк сквозь сон.

Кроме Пияка, мама-индюшка воспитывала двух желтеньких утят — Фияка и Нияка.

Утят индюшка тоже очень любила, хотя и не баловала, как Пияка. Она с радостью брала их на ночь под свои теплые крылья. Да и как же ей было не любить Фияка с Нияком, если она сама высидела их? Целыми днями с гнезда не сходила, не пила, не ела, подурнела даже вся. Не смутило ее даже то, что утиные яйца не были похожи на ее собственные. А вот когда утята, едва вылупившись из яиц, забрались в миску с водой, она перепугалась не на шутку: ей показалось, что малыши утонут в ней. С тех пор мама-индюшка не знала покоя, она то и дело крутила головой, боясь потерять сорванцов из вида. Что только она не делала, чтобы внушить утятам, как опасны забавы с водой,— обижалась, ругала и даже наказывала их, не давая приблизиться к миске. Она подзывала их к себе, говоря:

— Фияк! Ык корр... Нияк! Ык корр...— что на индюшачьем языке означало: Фияк! Нияк! Дети мои, бойтесь воды...

Глядя на Фияка с Нияком, Пияк, похоже, тоже собирался залезть в миску с водой. Он уже занес над ней свою длинную лапку, но тут случилось нечто ужасное. Петух за забором поднял такой отчаянный вопль, что даже куры,

всякого насмотревшись на своем веку, чуть ума от страха не лишились: прижались к земле и замерли, не сразу поняв, что случилось. А потом все разом опомнились и бросились врассыпную — поднялся переполох. Птицы металась по двору и орали во всю глотку, каждая на своем языке:

— Прячьтесь! Спасайтесь! Коршун, коршун прилетел! Вскоре попрятались все — кто под сарай забежал, кто под крыльцом укрылся, кто под кустом смородины притаился. Одна индюшка с детками спрятаться не успела.

Над головой у нее бесшумно скользнула большая черная тень. Мама-индюшка взъерошилась, растопырила крылья, прикрыв малышей будто шатром, и приготовилась к драке.

Видно, коршун напугался ее грозного вида, потому что не стал задерживаться. Улетел и больше не вернулся.

Когда все успокоились, мама-индюшка убрала крылья, но Фияка с Нияком под ними не оказалось. Индюшка, встревожившись, серпом выгнула длинную шею и заглянула к себе под крыло. Там сидел один Пияк, точнее, из-под маминых перьев виден был только один его глазок.

— Пияк! — окликнула его мать.

— И-ик!

— Где Фияк? Где Нияк?

— Пи-ик, и-ик!..

Мама-индюшка посмотрела налево, посмотрела направо, снова выгнула шею серпом и увидела свои ноги, а возле них желтые комочки. Она перешагнула через них осторожно и оглянулась. То были не комочки, а милые ее сердцу Фияк и Нияк! Утята, оказавшись на виду, испуганно запищали и бросились догонять индюшку, а догнав, снова прижались к ее ногам. Пияк, выскользнув из-под маминого крыла, ловко поймал комара, который кружил возле носа Фияка. Нияк собирался схватить того же комара, да не успел. Красные совочки его со стуком захлопнулись, ухватив один лишь воздух.

В тот день Пияк, Нияк и Фияк долго резвились, гоняясь за комарами. Вдруг всем троим захотелось пить. Утята побежали к миске и жадно сунулись в нее головами, а Пияк помчался к маме, которая в тени забора лакомялась сочными листьями крапивы.

Вот мама-индюшка стала учить деток искать корм. Пияк быстро усвоил урок и радовал маму успехами. Проглотив то, что находила для него индюшка, он всякий раз взмахивал крылышками и весело кричал:

— Ияк, ияк, ияк! Як-як! Як!

Это означало: ах, как хорошо! Какой я хороший!

Зато бестолковость Фияка с Нияком огорчала индюшку. Утята не видели корм, к которому она их подводила. Или не желали видеть? Она даже Пияка отгонять пробовала, чтобы не мешал, но все напрасно. Утята не только не замечали лакомых кусочков у себя под носом, но шлепали по ним перепончатыми лапками, спеша к миске с водой. Вот чудеса! Чем манит их к себе эта миска?

Мама-индюшка большими шагами решительно направилась к миске и заглянула в нее. Ах, вот оно что — в воду подсыпаны хлебные крошки! Выходит, напрасно она беспокоилась, что Фияк с Нияком останутся голодными. Ну, коли так, за них можно не волноваться.

Взмахнув широкими крыльями, мама-индюшка взлетела на забор и принялась сверху поучать малышей:

— Кияк, крак, иряк, рияк, рьяк-рьяк...

Это означало: всегда будьте дружны, не ссорьтесь.

— Да, да, ты права, мама,— отозвался Пияк, безуспешно пытаясь взлететь следом за мамой на забор.

И утята пропищали:

— Пик-пи-пи! Пик-пи-пи!.. Мы всегда будем жить дружно.

Индюшка не могла нарадоваться на своих умных и послушных детей. Она отряхнулась, шумно хлопая крыльями, и громко на весь двор прокричала:

— Спасибо вам, детки, за хорошие слова! Будьте же всегда счастливы!

Пусть все знают, как гордится она своими детьми.

Индюшонок и утята быстро росли, набирались сил, хорошели. Нежный пушок покрылся первыми перышками. Индюшка теперь не сердилась на Фияка с Нияком за то, что они целыми днями плескались в воде. Пусть плещутся, раз им это нравится. Поплещутся, поплещутся и перестанут. Не думают же они ночевать в этой миске! Вот солнышко уйдет на покой, и они соберутся у себя в сарайчике. Дети, как всегда, будут греться у нее под крыльями, нежно пищать, ласкаясь, и уснут. А она станет беречь сон их, прислушиваясь.

В углу насест. Как давно она не спала на нем! То ли малышей жалко, то ли не хочется, как знать...

Уснули дети. Над головой прогудела огромная железная птица с красными горящими глазами. Вороны, что слетаются на старый тополь, вдруг с испуганным криком сорвались с него... По двору, тяжело ступая, прошла корова. Хозяйка загремела ведром. Где-то залаяла собака... Индюшонку и утятам так хорошо и надежно возле мамы.

И вот однажды светлым утром, когда индюшечья семейка мирно гуляла в огороде, из поросшего камышами озера, что раскинулось за деревней, явилась утка. В доме ее давно потеряли и никто уже не ждал. А она, оказывается, жива и невредима. Видно, много в озере еды — от привольной и сытой жизни утка раздобрела, стала гладкой и красивой. Даже голос у нее изменился, сделался певучим и нежным, словно горло ей жиром смазали. Довольно крикая, ступила она во двор, словно желая сказать:

— Вот она я! Полюбуйтесь!..

Вернулась утка. Хозяева рады ей. Важно обошла она двор, отведала корм и направилась в огород. Увидев там веселых утят рядом с индюшонком, она очень удивилась.

— Вот так так! — воскликнула утка. — Как же вас зовут?

— Фи-фи-фияк меня зовут, — сказал утенок, запинаясь.

— А твоего братца?

— Ни-ни-нияк...

— Кря-кря! — качнула утка головой.— Какие смешные имена!

Кто же дал вам их?

— Мама,— вмешался было Пияк, но утка так сердито на него взглянула, что индюшонок присмирел.

— Кряк! — сказала утка.— А ты помолчи, когда я с утятами разговариваю. Фияк! Нияк! Пойдемте со мной на озеро. В нем так много вкусных лягушек.

— Пи-пи-пи, мы не знаем, как мама на это посмотрит,— засомневался Фияк.

— Да, не знаем...— поддакнул Нияк.

— Кряк! — презрительно сказала утка.— Индюшка не может быть вашей матерью. Ваша мама — я. Взгляните, как я хороша!

— Ты не мама нам! — заплакали Фияк с Нияком.— Вон наша мама, пи-пи-пи...— И они со всех ног кинулись к индюшке, чтобы прижаться к ее ногам.

Утка только теперь заметила индюшку, которая искала в сторонке корм, тихонько напевая что-то и не вмешиваясь в разговор.

— Отдай мне Фияка с Нияком! — сказала ей утка.— Я возьму их на озеро.

— Не отдавай, мама, не отдавай! — запищал Пияк.— С кем же я играть буду?

— Фияк! Нияк! Послушайте, что я вам скажу, — спокойно заговорила индюшка.— Вы уже совсем большие стали, скоро заживете самостоятельно. Если вам хочется на озеро — идите, я не держу вас. Я не обижусь даже, если вы перестанете называть меня мамой, потому что вы и в самом деле утята, вылупились из утиных яиц... Подожди, не плачь, Пияк, дай мне договорить. Так вот, дети, пришло время вам самим решать вашу судьбу.

— Пи-пи-пи! — запротестовали утята, перебивая друг друга. — Мы никуда не уйдем от тебя! Ты вырастила, обогрела нас, спасала от дождя и ветра, ласкала нас. Пи-пи-пи, никогда не бросим мы тебя и Пияка. Вместе нам так хорошо, правда, мама?

Ни слова не сказала больше утка, опустила голову и скрылась в зарослях крапивы. А из глаз индюшки выкатились две слезинки. То ли ей утку жаль стало, то ли плакала от радости. Пияк, Фияк и Нияк не отважились спросить ее об этом. Да и надо ли было спрашивать? Ведь они снова были вместе, снова счастливы.

Перевод А.Бадюгиной.

Роберт Батулла

Родился в 1938 г.

ПОДАРОК

Бежал куда-то заяц и увидел барсука. Грустный-грустный сидел барсук. И мокрый такой.

— Ты почему грустный? — спросил заяц.

— Послезавтра день рождения белки. Я обещал подарить ей разноцветные краски. А их нигде нет. А тут ещё и дождь пошёл. Вот я и грустный, а как же, — ответил барсук.

— Не горюй, — сказал заяц, — я найду тебе краски. Погляди вон туда.

И показал заяц на небо. На небе сияла радуга. Разными цветами. Красными, синими, жёлтыми. Один конец радуги-дуги упирался в лес, а другой купался в пруду, что возле старой мельницы.

— Красота! — воскликнул барсук. — Вон сколько красок! Сколько подарков!

И они побежали к радуге. Бежали-бежали — устали. Отдохнули — и опять побежали. Вот и мельница. А радуги уже нет.

— Где же краски? — опечалился барсук. — Где наша радуга?

— Не печалься, — сказал заяц, — найдём мы радугу. Она выходит после дождя. А когда солнце прогревает, она исчезает. Видишь, солнце пригрело, и ты высох. Завтра мы обязательно поймем радугу.

На другой день дождя не было. Радуга не вышла.

— Завтра день рождения белки. А я не нашёл краски. Что делать, что делать? — причитал барсук.

— Ничего, успокойся, — сказал заяц, — я знаю, где радуга. Когда нет дождя, она отдыхает на поляне.

Заяц был всезнайкой. И барсук поверил ему.

И они побежали на поляну. Прибежали и видят: спит радуга на поляне, рассыпавшись на цветах и травах.

— Тише,— прошептал заяц,— соберём остороженько краски и отнесём белке.

Но как только они прикоснулись к траве и цветам, росинки упали на землю. Краски радуги исчезли. Барсук заплакал от огорчения.

— Не надо, — сказал заяц, — не плачь, барсук. Пойдём расскажем белке всё как есть.

Белка носилась с ветки на ветку, собирала шишки. Она готовилась ко дню рождения.

— Белочка, прости меня, — сказал барсук, — я не смог достать тебе краски. Хотел взять их у радуги. Но радугу не удалось поймать.

— Зато, — сказал заяц, — мы тебе покажем поляну, где радуга спит. Хочешь посмотреть?

— Ой, как интересно! — захлопала в лапки белка. И они побежали к поляне. Прибежали, смотрят: на травах, цветах и листьях сверкают разными цветами росинки. Все краски радуги собрались здесь.

— Как красиво! — прошептала белка.

— Дорогая белочка, — сказал барсук, — мы с зайцем поздравляем тебя с днём рождения и дарим тебе эту красивую радугу, которая спит на поляне.

— Спасибо, барсук, спасибо, заяц! — ответила белка. — Я очень рада вашему подарку. Каждый день буду приходить сюда, любоваться красками радуги и вас вспоминать.

ЛЕСНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Гулял однажды маленький муравей по лесу и заблудился. Темно стало, а тут ещё дождь пошёл. Мечется бедный муравей, не знает, где спрятаться. Вдруг увидел на тропинке орех с маленькой дырочкой на боку.

«Вот мой дом,— подумал муравей,— здесь я и спрячусь». Заглянул в орех, а там уже кто-то сидит.

— Куда-куда? — откликнулся этот кто-то. — Здесь живу я, убирайся.

Муравей узнал личинку и заметил, что она уже половину ореха съела. Расстроился муравей, пошёл дальше. Что тут поделаешь? А дождь льёт и льёт.

Муравей увидел на тропинке яблоко. В нём тоже была дырочка.

«Вот где я пережду дождь»,— снова подумал муравей и только сунулся внутрь, а там другая личинка. Красная, в кольцах, злая-презлая.

— Ты куда? Моё яблоко. Уходи, пока цел!

И пошёл муравей дальше. А дождь льёт и льёт.

Попалась ему на пути старая корявая осина. Вся в дырках.

«Здесь тысячи муравьев могут спрятаться от дождя»,— подумал муравей и полез на дерево. Но не тут-то было. Из всех щелей осины лился яркий свет, доносился гул голосов. Здесь пировали червяки.

— Друзья, поздравляю вас! — кричал один из них. Он был толстый, важный. Наверное, главный.— Сегодня мы дружно съели эту осину. Завтра мы перейдём на другое дерево. Послезавтра — на третье, потом на четвёртое, пятое, десятое... И так мы съедим весь лес!

— Ура-а! — грянули остальные червяки.— Съедим!

Бедный муравей от испуга шлёпнулся на землю и побежал куда глаза глядят. Бежал, бежал и вдруг увидел дерево, в котором жил старый дятел.

— Дедушка дятел, дедушка дятел! — закричал маленький муравей.

В дупле кто-то закашлялся.

— Кхе-кхе, кто это так поздно меня тревожит, спать не даёт?

— Это я! — крикнул маленький муравей. — Извините, дедушка дятел, что разбудил вас. Но я хотел сказать, что в старой осине собралось видимо-невидимо злых червяков. Старую осину они уже съели. А теперь поклялись съесть весь лес.

— Чего-о? — высунулся из дупла старый дятел. — Весь лес хотят съесть? Нет уж, не выйдет. Я сейчас полечу и соберу всех дятлов,

которые живут в лесу. Мы их мигом разгоним, проклятых червей! А ты заходи ко мне, маленький муравей, погрейся, если хочешь, спи до утра.

И полетел дятел собирать своих друзей. А маленький муравей залез в тёплое сухое дупло и сразу уснул. Червяков он уже не боялся. С такими друзьями, как дятел, никакие разбойники не страшны.

СЫН-ЖУРАВЛЬ

Жили в одном ауле старик со старухой. Всё у них было: и дом, и хозяйство, и даже кошка с собачкой. Только не было у них детей. Сильно горевали старики. У всех, мол, есть дети, и не один, а даже двое, трое. А у нас — никого.

Ворошил дед однажды сено во дворе, глядь — мальчик лежит на стогу. Да не захудалый какой-нибудь, а рослый такой, крепенький, сразу видно: богатырём вырастет.

— Жена, беги посмотри, сынок у нас появился! — закричал старик.

Обрадовалась старуха, бросилась к мальчику. Не знали они, что сына им журавли принесли в клюве.

Рос мальчик не по годам и не по дням, а по часам. Скоро станет настоящим джигитом. Как-то отец сказал:

— Ты уже большой, сын. Пора тебе к охоте приучаться. Я сделаю тебя прекрасным мергеном-охотником, который бьёт без промаха.

И пошли они на охоту. Бродили, бродили, а не встретили дичи. Все звери и птицы словно попрятались от них.

Усталые возвращались отец с сыном домой. Вдруг услышали над головой журавлиное курлыканье.

Загорелись глаза у старого охотника — и так захотелось ему выстрелить, удаль свою показать сыну. Сорвал с плеч ружьё.

— Не надо, отец! — вскричал мальчик. — Не стреляй!

— Нет, ты посмотри, как должен стрелять настоящий охотник! — ответил отец, и почти не целясь, выстрелил.

Гром прогремел среди ясного неба. Раненый вожак упал на землю. И тут же на глазах охотника превратился сын в журавля, взмыл в небо и полетел за журавлиной стаей.

— Не уходи, сынок, не улетай! — жалобно кричал отец.— Не оставляй нас, стариков, одних. Прости меня, глупого!

Но сын-журавль даже не обернулся. Догнал стаю, и вскоре занял место убитого вожака.

Журавли покружили немало в небе и с печальным курлыканьем улетели прочь...

Перевод Э.Умерова

Фанис Яруллин

1938 -2011

ГДЕ ЗИМУЕТ КУКУШКА?

Где-то далеко-далеко, что не видать отсюда,— то ли за Чёрным морем, то ли в море Красном, есть, говорят, остров, куда не ступала нога человека. На этом необитаемом острове, говорят, деревья сгибаются под тяжестью плодов своих, арбузы и дыни греют свои спелые бока на солнышке, птицы, не боясь, выют гнёзда и выводят птенцов везде, где им вздумается.

Богатству и изобилию на том острове диву даёшься.

Вот на этот чудный остров приходит зимовать Весна. Почему она зимует на этом никому не известном острове? Оказывается, она боится, что её попросят вернуться, если она расположится на зиму поблизости. Кому из нас не хотелось бы, чтоб рядом всегда была милая, добрая и ласковая Весна? Как хорошо бегать по мягким коврам лугов, устланных цветами! А ведь и Весна нуждается в отдыхе. В то время, когда зимой у нас бураны да метели и Дед Мороз щиплет наши носы и уши, Весна набирается сил на своём острове. Плещется в море, загорает, множит свою мощь. Вот наконец её щёки розовеют, в жилах начинает играть кровь, в груди рождаются радостные порывы. В эти самые мгновения Весна начинает думать о родной сторонущке. И скорее зовёт своего сына Храброго Ветра:

— Сынок, мы здесь пробыли долго, мы бодры и полны сил. Собирайся скорей в дорогу. Поезжай в родные края. Узнай, ждут ли нас там. Соскучились ли? Только одно не забывай: мы тебя будем ждать с нетерпением.

Храбрый Ветер, как услышал слова матушки своей, с радостью начал собираться в путь-дорожку: обулся в волшебные сапожки, которые скоро перенесут его через моря-океаны, захватил с собой разные свистки-свистульки. И наконец нахлобучил шапку на глаза и был таков.

Шёл он долго ли, коротко ли. Добрался-таки до родных краёв Храбрый Ветер и изумился: какая благодать, какие просторы!

Сколько ни бегай по полям и лугам — до конца-краю не добежишь. А дороги-то, дороги — бескрайние... Беги и беги, пока не истопчешь волшебные сапожки. Горы не преграждают твой путь, нет морей, вот-вот готовых проглотить тебя своей огромной пастью. Вольготно, хорошо!

И забыл Храбрый Ветер о словах матери, которая осталась ждать его. Побежал он по лесам, по полям, по лугам, по городам и сёлам. Порой, совсем заигравшись, начинал проказничать: срывал шапки у мальчишек, играющих в снежки, кидался липким снегом в девчонок, запутывал бороды старикам, задевал вёдра и проливал воду у молодушек, идущих с родника.

Необыкновенно хорошо было Храбром Ветру на родине. Он хотел наиграться и за те дни, пока сидел на острове взаперти. А Весна ждёт сына, не отрывая глаз от дороги. Не дождавшись его, позвала она к себе свою милую дочь Капельку.

— Доченька,— ласково обняла Весна дочку,— собирайся в путь-дорогу, пожалуй. Может, повстречаешь братца своего. Но смотри, надолго не задерживайся. Узнай, ждут ли нас там, и живо — обратно.

— Хорошо, мамочка,— Капелька прослезилась от радости.— Я очень скоро вернусь.

Красавица Капелька принарядилась, глядясь в зеркальную гладь озера, и поскакала с листика на листик, с деревца на деревце. Оказывается, самое высокое дерево достаёт своей верхушкой до облака. Капелька пересела с дерева на быстроходное облачко и таким образом отправилась в путь.

День шла, ночь шла и добралась-таки до родного края. Долго-долго смотрела она на леса и реки. Очень понравилось Капельке в родном краю.

Как только настаёт день, садится она на крышу какого-нибудь высокого дома и начинает подмигивать лучам восходящего солнца. Стоит только тебе посмотреть на солнышко — считай пропал, влюбишься в него навеки — сердце наполнится страстью, лицо засияет блаженством. Забудешь про всё на

свете и полностью отдашься воле солнца. И Капелька забыла про свою мамушку. Радостная и счастливая, качалась она на берёзовых ветках, садилась на ресницы девушек, моющих окна, верхом на облаках облетала бескрайние поля.

А Весна всё всматривается в дорогу:

— Не видать ли доченьки?

Всё же Весна не теряет надежды. «Счастливы, наверное, дети мои,— думает она о Храбром Ветре и Капельке.— Когда счастлив, забываешь про всё на свете».

Всей душой рвалась на родину Весна-Красна и отправила в родные края птиц — внучат своих — узнать, ждут ли её там. И поодиночке, и стаями улетают они. Не нужны им волшебные сапожки, как у Храброго Ветра, и быстроходного облака не нужно, что унесло Капельку. У птиц есть крылья. Получив благословение своей бабушки Весны, они напоследок облетают остров и держат путь в родные края.

Проводила Весна внуков своих, и грустно ей стало. Частенько вытирает она кончиком платка глаза свои, всматриваясь в дорогу. Но птицы-внучата не возвратились так же, как и Храбрый Ветер и Капелька.

— Видать, приветили детей моих там,— думает Весна-Красна,— не хотят их отпускать. Пожалуй, и мне пора собираться в дорогу. Не то и опоздать можно.

Обвязала она талию ивовой веточкой, накинула на голову цветастый платок и вышла в путь. Легко и споро идёт Весна. Перешагивает через моря, озёра, перескакивает через реки. Её приход первыми заметили птицы. Разнесли эту весть по лесам, леса передали лугам, а луга — рекам. От этой новости на всём свете стало весело. Реки, переполнившись радостью, вышли из берегов и побежали навстречу Весне. Лесные глазки — подснежники, умывшись талой водичкой, каждый новый день ждали Весну, всматриваясь в дорогу. Храбрый Ветер, прося прощения, кинулся в объятия своей матери. Капелька, налившись от тяжести своей вины, покатила под ноги мамушки. А

великодушная Весна всех простила. Не стала она бранить забывчивых своих внуков, ветреного сына Храброго Ветра, легкомысленную дочь Капельку — сегодня её сердце полно любви и счастья, ведь она возвращается на родину. А здесь её заждались, давно уж ждут с нетерпением.

Как только придёт весна, засобираются хлеботоробы в поля, в душах больных рождаются новые надежды, старики обрадуются тому, что дождались-таки ещё одной весны, а малые дети с радостью сделают первые шаги по зелёной траве.

Разве есть большее счастье, чем чувствовать себя везде желанным гостем?!

Перевод Ч.Ялаловой.

ЗАБЫВЧИВАЯ КУКУШКА

Бывали ли вы летом в лесу?

Если да, то наверняка видели кукушку, которая садится то на одно, то на другое дерево и кричит: «Ку-ку! Ку-ку!» Сколько глубокой грусти, печали в её голосе... Почему же так страдает и грустит кукушка?

В то время, когда отовсюду слышится неустанное и радостное пение других птиц, отчего скорбит кукушка?

В поисках ответа на свой вопрос я отправился в лес. Тихо в лесу. Ветры спят под сенью деревьев. Топтышки с удовольствием пьют чай с душистым липовым мёдом. Зайки резвятся на зелёной лужайке, соревнуясь в прыжках. Соловьи, устав от предрассветных своих трелей, утоляют жажду росой с листиков. Только кукушки, перелетая с дерева на дерево, кричат: «Ку-ку! Ку-ку!» Заметил я тогда Кукушку, сидящую на верхушке самой стройной, самой высокой берёзы, и спросил:

— Эй, Кукушка! Отчего ты так грустишь? Если можно, открой мне свою душу.

Услышав мои слова, птица перестала куковать. Вытерла слёзы кончиком крылышка и сказала:

— Как мне не печалиться?! Моё сердце полно скорби. Вы, люди, не понимаете нашу печаль. Нас обвиняют в том, что мы откладываем яйца в чужие гнёзда и не любим выращивать птенцов. Как можно не любить своих детей?!

— Тогда почему же вы откладываете яйца в гнёзда других птиц и не вьёте свои гнёзда?

— Это от забывчивости,— вздохнула Кукушка.— У нас очень плохая память. Не можем найти гнёзда свои. От безысходности откладываем яйца в чужие гнёзда, а потом и их не можем найти. А когда приходит пора высидеть яйца, начинаем метаться по всему лесу в поисках своих гнёзд. Из сил выбиваемся. Наконец попадаемся нам на глаза какое-нибудь гнездо. Радуюсь, устраиваемся в этом гнезде, но счастье наше бывает недолгим. Прилетает какая-нибудь сорока или ворона и начинает шуметь: «Это что за незваный гость? Что ты делаешь в моём гнезде?»

Сгорая от стыда, убегаем прочь. Потом находим другое гнездо, и оттуда нас гонят вон.

Вдобавок иные птицы стыдят нас перед обитателями леса: «Гнёзда вить ленитесь, птенцов бросаете на кого попало!» Эх, не понимают нас, не могут нас понять. А ведь нет в том нашей вины. Мы целыми днями зовём своих детей: «Ку-ку! Ку-ку!» Не теряем надежды, что они нас услышат когда-нибудь: не сегодня, так завтра. И мы хотим заботиться о своих детях, хотим радоваться, видя, как они растут и как крепнут у них крылья. Разве есть большее наслаждение и радостнее хлопоты, чем забота о своём ребёнке?

Ку-ку! Ку-ку!

С этими словами Кукушка улетела. Через некоторое время послышалось её «Ку-ку!»

Долго ещё я стоял, прислушиваясь к голосу Кукушки. Сердце наполнилось грустью, к горлу подкатил ком. Не заметил, как смахнул невольную слезу. Мне стало стыдно за то, что я плохо думал о кукушках.

Перевод Ч.Ялаловой.

В ГОЛУБОМ ОЗЕРЕ ЛУНА КУПАЕТСЯ

Глубокой ночью, когда все люди спят, лягушки перестают квакать и не слышно пения птиц, шороха ветра и шелеста листьев, говорят, Луна с неба спускается, чтобы искупаться в Голубом озере. Потому что она очень любит чистоту. Намылившись душистым мылом, ныряет в самую глубь озера и наслаждается купанием. Несколько раз намылившись и окунувшись в озеро, начинает собирать кувшинки.

Срывает только самые белоснежные раскрывшиеся бутоны. Набрал полную охапку цветов, возвращается на небо, мягко ступая по лестнице, сплетённой из облаков.

Оказавшись на небесах, начинает разбрасывать цветы направо и налево. И эти цветы загораются на небосводе звёздами. Если вы глубокой ночью выйдете на улицу и посмотрите на небо, то наверняка увидите, как Луна зажигает на небе звёзды. В ту пору и ночью становится светло и ясно, как днём, потому что Луна, посвежевшая после купания в озере, освещает всё вокруг. Ветры улеглись спать, и облака не мечутся туда-сюда, подобно овцам, испугавшимся волка, они спокойно лежат в своём гнёздышке и слушают сказки.

А Луне хорошо: не спеша бороздит она небесные просторы. А если звёзды начинают проказничать, бросаясь друг в друга изумрудами, тихонько журит: «Дети, не переусердствуйте в своих играх, а то попадёте в кого-нибудь и погубите его. Тогда люди на нас рассердятся».

Так шли дни, ярко горели звёзды на небосводе, каждую ночь купалась Луна в Голубом озере.

В одну из ночей, когда Луна по своему обыкновению плескалась в озере, внезапно поднялся ветер. Оказывается, на его хвост нечаянно наступила мышка-полёвка. Ветер от боли не знал, куда себя деть. Потом начал дуть на больное место. Ветер дул так сильно, что от его порыва начали шуметь камыши на берегу озера. Вот так полёвка разбудила ветер, ветер — камыши, а те в свою очередь — волны. Проснувшись раньше времени, волны

подняли на поверхности озера невероятный шум. А некоторые из волн, сильно разозлившись, срывали кувшинки, другие до боли в руках своих били о берег, а иные срывали ряску и бросали её туда, где плескалась Луна. Увлёкшись своим купанием, она не заметила, как проснулся ветер, как зашумели разозлившиеся волны. А когда заметила всё это и захотела выйти из воды, запуталась в ряске, пригнанной с берега волнами. Луна начала метаться из стороны в сторону, но никак не могла вырваться из шёлковых объятий. Она начала задыхаться.

— Спасите, тону! — закричала Луна во всю мощь. Её голос первой услышала старая Щука.

— Что ты так раскричалась? Испугаешь ночь,— недовольно пробурчала она.

— Милая Щука,— взмолилась Луна,— спаси меня, умоляю. У тебя очень острые зубы, ты сможешь легко перекусить эти шёлковые оковы.

— Я бы с радостью помогла тебе, да вот зубы разболелись,— сказала обрадованная несчастьем Луны Щука. Ведь она давно уж завидовала красоте и необычайной яркости Луны и тому, что все любят её. И Щуку злило, что Луна спокойно могла жить без пищи.— Мы здесь каждый день ломаем голову над тем, чего бы покушать, порой на крючки попадаемся. А ты, и не работая, живёшь припеваючи.

— Это я-то не работаю? — возмутилась Луна.— Если ты хочешь знать, я ночами освещаю всё вокруг. Если меня не было бы ночью, странники сбились бы с пути, корабли бы затонули, а разбойники в темноте нападали бы на безобидных людей.

Но Щука не стала дальше слушать Луну и ушла восвояси, хоть и видела, что та всё глубже уходит под воду. А Луна, снова собрав все свои силы, закричала:

— Спасите, тону!

На этот раз её голос услышала кривоногая и пучеглазая Жаба, охрипшая от беспрестанного кваканья:

— Ты что, пришла украсть наши шелка?

— Помоги мне,— начала умолять Жабу Луна,— я задыхаюсь. Близится час, когда я должна буду появиться на небе. Люди заметят моё отсутствие и начнут сильно волноваться. А я нисколько не хочу огорчать людей.

— Так и быть, я спасу тебя,— сказала Жаба,— только сначала послушай моё пение. Красиво ли я пою?

И начала Жаба противно квакать.

— Скажи: хорош ли мой голос? Правда ли, я пою лучше соловья?

— Сказать, что ты поёшь лучше соловья, я не могу,— ответила Луна, не умеющая врать.— Но ты не печалься. Ты же Жаба. У жабы своя песня, а у соловья — своя.

— Ах, так! — сказала Жаба.— Если ты не скажешь громко, чтоб всем было слышно: «У Жабы голос лучше соловьиного»,— тебе нет спасения. Итак, я жду. Я считаю до трёх: раз... два... три...

— Нет уж,— вздохнула Луна,— не умею я врать. Если я скажу неправду, почернеет моё лицо, а черноликая Луна кому нужна?

— Тогда пеняй на себя.— И Жаба удалилась. Луна закричала из последних сил.

— Эй, эй-йей! Спасите, тону...

А на берегу этого Голубого озера жил рыбак, и была у него дочь по имени Айсылу. Отчего-то у девушки на обеих щеках были чёрные родимые пятна — каждая величиной с ладошку. Айсылу очень стеснялась своего вида и выходила на улицу только ночью. Сидела она как-то на берегу озера и пела свою грустную песню:

Не проходят мои пятна,
Хоть их мою каждый день.
И счастливей я была бы,
Даже родившись лягушкою.

Вдруг она услышала крик Луны, молящей о помощи. Не раздумывая, побежала девушка к озеру. Луна уже к тому времени совсем выбилась из сил, и даже кричать у неё не было мочи. Она то уходила под воду, то на миг появлялась на поверхности озера.

— Эй, милая Луна, прекрасная Луна,— сказала Айсылу,— потерпи немножечко. Я сейчас...— С этими словами девушка скинула с плеч свою шаль и, забыв, что совсем не умеет плавать, бросилась в воду, в одно мгновение оказавшись рядом с Луной. Ряска сковала её шею и руки своими зелёными путами. Айсылу не думала о себе, а только лишь о том, как бы скорее спасти Луну. Девушка принялась изо всех сил рвать ряску. Вот наконец из-под ряски появился лучезарный лик Луны.

— Спасибо тебе, красавица,— стала от всей души благодарить Луна девушку,— ты спасла меня.

— Не говори так,— вздохнула Айсылу,— я некрасивая, даже уродливая. Из-за этого я стесняюсь днём показываться на люди, только по ночам выхожу на улицу.

Луна начала взбираться по своей лестнице на небо. Ещё много-много ласковых и приятных слов хотелось ей сказать девушке. Но времени оставалось совсем мало, близился час зажигать звёзды. Когда Луна уже почти дошла до неба, она посмотрела вниз и закричала девушке:

— Я не обманула, назвав тебя красавицей. И вправду ты самая красивая девушка на свете. Если не веришь мне, беги скорей домой и посмотришь в зеркало.

Прибежала девушка домой. Зажгла свет. С трепетом подошла к зеркалу и долго еще стояла перед ним, не находя в себе сил посмотреть на свое отражение. А посмотрела ... и ахнула! В зеркале на нее смотрела девушка неслыханной красоты. «Это, наверное, не я, а какая-то другая девушка», — подумала Айсылу и дотронулась до своего лица — девушка в зеркале повторила ее движение. Айсылу распустила свои тяжелые длинные косы — девушка в зеркале сделала то же самое.

Не сразу смогла Айсылу поверить в то, что это она сама. «Куда делись ужасные черные пятна на моем лице?» — думала она.

Я тоже сначала не мог понять куда же делись ее пятна. Теперь я знаю. Это за свое чудесное спасение Луна одарила Айсылу своими светлыми лучами. Поэтому самым красивым девушкам поют:

Будто с Луной ты родилась,
Лунолика, лучезарная.

А Луна осыпает своим светом только людей с добрым сердцем. Да-да, это правда. Если мне не верите, сделайте кому-нибудь доброе дело и почувствуете, что преобразились словно под волшебным светом Луны.

Перевод Ч.Ялаловой.

Накип Каштан

Родился в 1942 г.

КАК СДЕЛАТЬ МОРЕ

Соли в речку
Брошу я —
Выйдет море
У меня.

Чайки в небе
Закричат,
Черепahi
Зашуршат,

Задрожат в воде
Медузы,
Краб ракушку
Тронет усом,

Чёрный скат
Над жёлтым дном
Шевельнёт
Тугим хвостом,

И весёлые
Дельфины
Из волны
Покажут спины,

И акула
Приплывёт,
Распугав
Морской народ,

И огромный
Синий кит
Под фонтаном
Запыхтит.

..

...Соли в речку
Брошу я —
Выйдет море
У меня.

Только где бы
По пути
Столько соли
Мне найти?

Перевод Б.Вайнера.

Равиль Файзуллин

Родился в 1943 г.

КАК СТАТЬ ХОРОШИМ?

Стать хорошим
Очень просто.
Это делает любой:

Вот представь себе,
Что кто-то
Наблюдает за тобой.

Наблюдает
Или мама,
Или девочка одна.
(В вашем классе, как известно,
Всех красивее она.)

Так и смотрит за тобою:
Как ты выучил урок?
Как за слабого вступился?
Как товарищу помог?

Чтобы девочка
Иль мама
Уважать тебя могла,
Что тут делать остаётся?—
Лишь хорошие дела.

А хорошие дела
Тем и отличаются,
Что хороший человек
В деле получается!

Перевод П. Серебрякова.

Я ЛЮБЛЮ ЛОШАДЕЙ

Ездил я в поездах
много раз, но мне
веселей в тыщу раз
пролететь на коне.

Хорошо на коне!
Захочу — ускачу
далеко-далеко.
Захочу — сворочу.

Поезд едет туда,
Куда рельсы ведут:
никогда, никогда
не изменишь маршрут.

Из вагона земля —
как в линейку тетрадь.
Скучно мне из окна
белый свет изучать.

То ли дело, когда
под тобой добрый конь!
То ли дело в полях
пронестись с ветерком!

Перевод М. Аввакумовой.

ДРУЗЬЯ

Мяч в крапиве!
Вот так случай!
Не достанешь нипочём.
Вдруг бежит к крапиве жгучей
Наш котёнок за мячом!

А недавно на котёнка
Вдруг залаял чей-то пёс.
Взял я палку:
— Ну-ка, тронь-ка!
— Еле ноги он унёс!

Перевод П. Серебрякова.

ДУМАЛ Я ДУМУ

Думал я думу средь белого дня:
Может, деревья храбрее меня?
Может быть, травы добрее меня?
Может быть, камни сильнее меня?
Или котёнок, с которым играю,

— Может, котёнок умнее меня?

Может, сейчас, среди белого дня,
Кто-нибудь тоже глядит на меня,
Думает думу
И представляет:

«Вдруг этот мальчик
Лучше меня?»

Перевод П. Серебрякова.

НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ...

Что творится — непонятно.
Может, верить чудесам? —
Наш Камиль растёт, ребята,
Не по дням,
А по часам!

Даже странно, между прочим:
Почему и отчего
Всё становится короче
Или меньше
Для него?

И заборы стали ниже,
И короче стали лыжи,
Даже полы длинной шубы,
Даже липа у окна...
Даже дни идут на убыль!
Даже полная луна!

Это —
Каждую неделю,
Каждый год.
Что творится в самом деле,
До чего он дорастёт?

Перевод П. Серебрякова.

Роберт Миннуллин

1948 -2020

ОХ УЖ ЭТИ ВЗРОСЛЫЕ!

Ох уж эти взрослые!
Кто их разберёт?
Почему у взрослых
всё наоборот?

Если я играю,
скажут: «Помогай!»
Помощь предлагаю:
«Ну-ка, не мешай!»

Если я гуляю:
«Сел бы почитать!»
А когда читаю:
«Шёл бы погулять!»

Если плащ надел я:
«Надевай пальто!»
Что бы я ни сделал,
все для них — не то.

Смотрю я телевизор —
заставляют спать.
Сон я утром вижу:
«Пора уже вставать!»
Захочу котлеты —
есть заставят плов.
 Попрошу конфеты:
«Вредно для зубов!»

Ох уж эти взрослые!
Всё наоборот.
Просто непонятный,
чудной они народ!

Перевод Э.Блиновой.

ГРУСТНЫЙ БЫЧОК

Бычок одинокий
в сарае живёт.
Скучает и долгую
жвачку жуёт.

Стоит он и дремлет,
жуёт и молчит.
От нечего делать
порою мычит.

Ему неохота
скучать одному.
Вот если бы кто-то
пришёл бы к нему,

открыл бы ворота,
на волю пустил...
Тогда бы, конечно,
бычок не грустил.

Когда б отпустили,
не стал бы скучать.
Так хочется силу
свою показать!

А больше всего
он грустит потому,
что не с кем в сарае
бодаться ему!

Перевод Э.Блиновой.

ЕСЛИ ВСТРЕЧУ ШУРАЛЕ

Я иду, посвистываю.
По лесу иду.
Лес такой таинственный!
Приключений жду.
Верится-не верится:
может, кто-нибудь
по дороге встретится?
Страшновато чуть...

Жалко — нету леших

больше на земле!
А не то б навстречу
вышел Шурале ...
Если б в самом деле
мне он повстречался,
я сказал бы смело:
— Вот ты и попался!

Я сказал бы грозно:
— Дождёшься, погоди!
Ты, пока не поздно,
с дороги уходи!

Младший брат Былтыра¹ —
вот кто я такой!
А тебя, задира,
Я одной рукой
одолеть сумею!
Знает целый мир:
я ужасно смелый,
грозный богатырь!..

Тут бы испугался,
сказал бы он: — Простите!
Вижу — обознался...
Сжальтесь! Не губите!
Отпустите, добрый
молодец, меня,
если вы Былтыру
самому — родня!..

Сколько ни оглядываюсь
я по сторонам,
нет его... Ну ладно!
Значит, где-то там

по кустам он прячется,
не хочет показаться...
Ну и ладно! Значит,
можно не бояться.

Я хотя и смелый,
но в лесу стемнело...

¹ Былтыр – герой сказки, который перехитрил самого Шурале.

А вдруг он в самом деле
выйдет из-за ели!

Я, хотя не робкий,
все-таки немного
мне под вечер знобко
на лесной дороге.

Лес такой таинственный,
страшный... Ну и пусть!
Я иду, посвистываю,
вовсе не боюсь!

Перевод Э.Блиновой.

СИНИЧКА НА СНЕГУ

Синичка стоит
на снегу босиком!
Она прилетела
ко мне на балкон.

Ножки, как спички,
бусинки глаз...
— Синичка, тебя
накормлю я сейчас!

Ну что ж ты, садись
на окошко скорей!
Немножко тебе
накрошу сухарей...

А хочешь — за дверь я
насыплю зерна!..—
Лишь перья в ответ
распушила она...

— Послушай, синичка,
что я говорю!
Балконную дверь
я сейчас отворю...

А вдруг залететь
Испугаешься в дом?..

Я выйду к тебе!
Будем мерзнуть вдвоем...

Но ты уж прости:
Босиком на снегу,
Без шубки и шапки
Стоять не смогу!..

Перевод Э.Блиновой.

ГОСТИНЕЦ

К бабушке с гостинцами
ездили мы с мамой.
Бабушка встречала нас:
«Вот гостинец самый,
самый дорогой!» —
и меня погладила
ласковой рукой.

...Мама собирается
к бабушке опять.
Но с собою, кажется,
меня не хочет брать.

Намекаю маме:
«Как бы нам с тобой
не забыть гостинец
самый дорогой!»

Перевод Э.Блиновой.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО РЫБОЛОВА

Даю вам честное слово
правдивейшего рыболова,
что в нашей речушке
не только лягушки,—
встречаются и рыбёшки:
щуки, язи и сорожки...

Такой мне попался
однажды сазан,
что не помещался

даже в казан!

Но мы его разрубили
и прямо в речушке сварили.

И всею деревнею,
в самом деле,
его за неделю
мы еле съели...

Мой дедушка был помоложе,
ходил на рыбалку тоже.

Даёт он честное слово
правдивейшего рыболова:
такая однажды щука
попалась,
что даже в речушке
не помещалась!..

Перевод Э.Блиновой.

Я НЕ ХВАСТУН!

Меня вы знаете,
наверно?
Да, я тот самый...
Я Рустем!
Я поведением примерным
известен
в нашей школе
всем!

Я не хвастун!
Но, между прочим,
я лучший в школе
ученик.
Талантлив я!
И даже очень...
А впрочем,
хвастать не привык.
Зачем?..
Не стоит мелочиться!
Мне это просто

не к лицу,
хотя найдётся,
чем хвалиться
всегда
такому молодцу!

Пускай похвалят,
если нужно,
мои товарищи меня.
Я с ними соглашусь
послушно...
К тому же,
очень скромн я!

Меня вы знаете?
Ну что же,
я промолчу,
уж так и быть,
о том, какой же
я хороший...
Нет, не хочу
себя хвалить!

Перевод Э.Блиновой.

СЕРЬЕЗНЫЙ ВОПРОС

Сел комарик
на рог носорожий
и никак разобраться
не может,

сам себе
задаёт он вопрос:
«Это что же —
рог или нос?»

Если нос,—
То ужалю, пожалуй!
Если рог,—
обломаю жало...

Нет уж, лучше
не рисковать!
Так сказать,

лучше нос не совать!

Улетел,
на вопрос не
ответил...

Носорог
комара нем заметил.

Перевод Э.Блиновой.

В ПЕРВЫЙ КЛАСС!

Алмаз
сегодня в первый раз
шагает в школу —
в первый класс!

Мечтал об этом
целый год —
и вот
портфель в руке несёт!
И форма школьная на нём:
стал, наконец,
учеником!

Алмаз слегка
грустит о том,
что есть пенал,
букварь, альбом,—
но не хватает одного:
отметок нету у него!

Пускай в дневник
или тетрадь
ему скорей
поставят «пять».
Поверят в классе
в этот миг:
он — первоклассный ученик!

Перевод Э.Блиновой.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТ МЕДВЕДЬ

— Пустите

во двор погулять,—
родителей
сын умоляет.
На пианино
играть
они его
заставляют...

— Мальчик,—
решили отец и мать,—
будет играть
виртуозно.
Только надо
его заставлять,
чтоб занимался серьёзно!

А он пианино своё
невлюбил.
У мальчика не было
слуха.
Медведь ему на ухо
наступил.
Вернее, на оба
уха!

Жуткие дикие звуки
слышатся
из окошка:
кто-то визжит
и мяукает —
как будто бы
мучают
кошку...

На улице спорят
прохожие:
— Немножко похоже
на гаммы...
— Да что вы!
Ничуть не похоже!
— А может,
играют ногами?..

Учат родители сына.

Мучается
весь дом!
Здесь ни при чём
пианино,
Медведь виноват во всём!

Перевод Э.Блиновой.

ГАЯЗ И АЯЗ

Даже
И дни рождения
Наши
Не порознь,
А сразу
Мы празднуем.
Мы с братом похожи,
Но всё же,
Но всё же,
Мы с ним —
Ужасно разные.
Нас называют
Почти одинаково.
Однако вы
Различайте:
Гаяза Аязом,
Аяза Гаязом,
Пожалуйста,
Не называйте!
А то говорят:
«Гаяз — молодец!»
Но это не он,
А его близнец.
А за
Проказы
Гаяза
Наказывают
Аяза.
Даже я сам
Сомневаюсь
Подчас: «А я,
Может быть,
Не Аяз,
А Гаяз?!»

Перевод В.Баширова.

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Возле моря
летом —
жарко, а не зябко.
странно, что при этом
горы — в белых шапках!

Где же это
видано?
Надо разобраться!
Трудно лету,
видимо,
на гору забраться?

Даже я, боюсь,
заберусь
не скоро,
если атакую
этакую
гору!

Перевод В.Баширова.

ВКУСНАЯ КРАПИВА

— Даже не попробую!
И не уговаривай!
Не хочу! Да чтобы я
съел такое варево!..
Ешь сама противный
этот суп крапивный!..

...Мама ест за ложкой ложку.
Ей, похоже,
нравится..
Может, всё ж
помочь немножко?
Ведь одной не справиться!..

Что за чудо?
Что за диво?
Не кусается
крапива!

— Мама, я ещё хочу!
Больше не осталось?

Погоди уж, угощу, —
мама засмеялась. —
Если будешь непослушный,
будешь ты строптивый,
угощу тебя невкусной,
жгучею крапивой!

Перевод В.Баширова.

АКБАЙ В ЦИРКЕ

В цирк с Акбаем
я ходил,
видел много разного:
попугаев
и горилл,
дикобразов,
страусов...
Слон качал там
головой,
гарцевала
лошадь...
Но Акбая моего
удивить не может
даже грозный лев...
И вдруг
вышла собачонка!
Как девчонка —
вся в кудрях,
в голубой юбчонке,
вся в какой-то мишуре,
в серебристых тапках,
танцевала на ковре
вальс
на задних лапках...
На неё
глядел Акбай
очень удивлённо.
Не видел таких собак!
Может, это —
клоун?..
Он глядел

во все глаза,
видом всем показывая:
Жалко,
лаять здесь нельзя —
прекратил бы сразу я
это безобразие!

Перевод В.Баширова.

МАМЕ НУЖНО ОТДОХНУТЬ!

Воробьишки, не кричите!
Тише, листья, не шумите!
Тише, кошка, не урчи,
в кухне плошкой не бренчи!
Половицы, не скрипите!
Тише, часики, стучите!
Пусть утихнет целый дом!
Пусть не ходят за окном
ни машины, ни соседи!
Тише — все на белом свете!
Мама будет отдыхать!

Ну а чтобы не мешал я,
слышишь, мамочка, сначала
спать меня ты уложи,
спой и сказку расскажи,
убаюкай, а потом
тоже спи спокойным сном!

Перевод С.Мальшева.

МНЕ НУЖЕН БРАТИШКА!

Вам хорошо! Никто из вас
Без дела дома не сидит,
Который час в который раз
Среди игрушек не грустит.

Один скучаю в тишине.
А с кем играть, скажите мне?

Лежат без толку книжки,
Стоит велосипед...
Нет у меня братишки,

Сестрёнки тоже нет.

А у соседей, знаю я,
Три брата весело живут.
Но там компания своя,
В игру чужого не возьмут.

Я и сестрёнке был бы рад,
Но всё же лучше младший брат.

Мне очень нужен братик —
И больше ничего.
Я сам водил бы в садик
Братишку своего.

На улице с братишкой
Всегда бы я гулял,
Проказникам-мальчишкам
В обиду не давал.

Твержу я папе с мамой:
«Ребёнок нужен нам!»
Пускай он будет самый
Плаксивый мальчуган.

Любой каприз ему прощу,
Но пусть он будет, я прошу!

Пускай, когда играет,
Он книжку разорвёт,
Велосипед сломает
И громко заревёт.

Но хорошо мне будет с ним,
Моим братишкой озорным!

Перевод С.Мальшева.

БЕГУТ ПО УЛИЦЕ ЦЫПЛЯТА

В серый день осенний ветер
На дворе спешит куда-то.
Вперегонку с ветром этим
Жёлтые бегут цыплята.

По дороге мчатся смело
Изо всех своих силёнок...
Вдруг машина налетела,
Под колёсами — цыплёнок!

Не успел я ахнуть даже,
Пригляделся — нет цыпленка!
Жёлтый лист помчался дальше
С быстрым ветром вперегонку.

Перевод С.Мальшева.

ПРО ПАПУ С МАМОЙ

Пускай пока что не хотят
купить велосипед;
пускай, как малышу, твердят,
что суп вкусней конфет;

пускай, когда тепло и так,
велят надеть пальто;
пускай ругают за пустяк
и вовсе ни за что;

пусть без меня идут в кино,
когда я нашалю...
Но всё равно,
но всё равно
я очень их люблю!

Перевод С.Мальшева.

Джаудат Дарзаманов

1945 -2019

НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ*

Ловушка

Все! Терпению конец!
До чего ж я молодец!
Три задачи вмиг осилил,
От чернил весь палец синий,
И рукав, и воротник, —
Вот какой я ученик!
Как зайду я завтра в класс,
Покажу что значит класс!

Надоели мне тетради,
Даром время только тратил.
Не ученье, а мученье!
Съем еще одно печенье
Да залягу крепко спать,
А учебник — под кровать!
Спать —
И пить во сне какао
Из огромного бокала.
Спать —
Темным-темно в окошке,
Лапой нос умыла кошка.

Спать...

 Но что же там упало
И по полу поскакало?
Чу! Крадется напрямик
Перепачканный дневник,
Одеяло взяв за кончик
Как чихнет, как захохочет.
Ни на шутку я напуган,
С головой забился в угол.
Он чего там затевает,
Простыню, гляжу, сдирает —
Посерел, шуршит листьями
Как большущими ушами?

* В сокращении.

Из-за пазухи бумажной
Тройки вылезли отважно,
Сразу выстроились в ряд.
Забодать меня хотят.
Тройки что, за ними двойки
Повыскакивали бойко.
— Не мои! — шепчу.— Чужие!
Вот нахальные какие.
Может, двойки прошлогодние,
Никуда совсем негодные?
— Мы — твои! — сказали двойки.
Я решил держаться стойко.
— Прочь! — кричу — Я вас не звал.
— А у нас сегодня бал! —
И смеются, пляшут двойки.—
Ох, ох, ох, резвее ноги!
Тут выходит главный Неуд,
На меня косится гневно:
— Ты чурбан! — он говорит.—
Под тобой земля горит.
Не пойдешь ты больше в школу
По дорожке по веселой.
Для начала тебя свяжем,
А потом уже накажем!

<...>

Нету выхода. Ловушка!
Двойки, тройки друг за дружкой
Хороводом ходят плавно.
А в середке — Неуд главный!

В плену

Тройки вредные, ехидные,
Не такие безобидные:
Норовят мне дать подножку,
Гонят в угол понемножку.
Я от них средь самой ночи
Отбиваюсь что есть мочи.
— Все равно тебя повалим.
Раз-два-три, дружнее взяли!
Справа бей и слева жми,
Мы его связать должны.
Скоро он лишится сил...

— Ой, мне палец откусил!
— Ах, порвал он мой пиджак!
— Развязал на мне кушак!

Нет, от них мне не отбиться,
Каждый под ноги стремится —
Чтоб вцепиться, дернуть, смять,
Опрокинуть на кровать.
Жалят, будто бы кусают,
От себя не отпускают.
Все. Свалили грудой на пол.
Я не выдержал — заплакал.
Руки-ноги туго вяжут.
Знай, молчат. Не пикнуть даже.
Тут луна глазком в окошко
Заглянула осторожно.
Про окно-то я забыл —
Миг! — давно б на воле был!
Ах, разиня я, тетеря,
Далеко б гулял теперь я!
Прыг к окошку. Что такое?..
Подоконник под рукою
Изогнулся, вверх поплыл...
Во дает! Ведь ниже был!
Неуд тут подходит сзади
Да за шиворот как схватит,
Сам огромный, будто кран,
Кран подъемный — великан.
Оторвал меня от пола,
Крепко в воздухе потряс:
— Дурака валял ты в школе,
Лежебока, лоботряс!
Мух ловил, козленком прыгал, —
От тебя хватало крика,
А хороших мало дел,
Горше редьки надоел!
Не уйдешь от наказания,
Намотай на ус заране.
Двойки-тройки все твои,
Могут с верхом завалить.
Свистну только: тут как тут,
Жару-пару поддадут.

<...>

Царь колов

Наконец-то я очнулся,
Потянулся, оглянулся:
Кол стоит передо мной
Под короной золотой.
Гром и молнии он мечет,
Все вокруг него трепещут —
Двойки гнутся,
Тройки скачут,
А одна прегорько плачет,
А потом вдруг как завертится —
Что это? — глазам не верится:
Только тройкою была,
Вот уж двойкою пошла...
Царь Колов тут говорит:
— В моем царстве-государстве
Безобразия царит!
Если все начнут учиться,
На четверки и пятерки,
Быть беде, как говорится,
Вдруг появятся шестерки?
Свет — ученье? Нет, зараза!
Захиреют двойки сразу.
Что же будет? Пять да пять,
А колам — околевать?
Не оставят даже места,
Где попить и где поесть.
Станет в мире очень тесно...
Отвечайте, кто тут есть!
Выступает тут Завистник,
Бьет себя в худую грудь:
— Царь Колов, ты только свистни,
И — печали позабуди.
Не успеешь оглянуться,
Как Айнура мы казним.
Прикажи! За дело, братцы!
Раз-два-три, покончим с ним!
«Помогите! — закричать. —
Я хочу хорошим стать!»
Онемел. Дрожу как лист.
Царь Колов как цыкнет: — Брысь!
Да как вскочит, грохнет с трона —
Брызжет искрами корона.
Плохо дело: все — замри,

Не дыши, не говори.
Лучше шею побережь...
Царь такую молвит речь.
— Ша! — Спокойно, мелюзга! —
Возвещает свысока.—
Этот мальчик самый умный,
Выбрал путь по жизни трудный.
Он повсюду, повсеместно
Первый двоечник известный,
Свой он парень, наш Айнур,
Лоботряс и балагур!

<...>

Война

Что за шум и что за гам?
Тройки жмутся по углам.
Стража лупит в барабаны:
— Все на поле! Поле брани!
Царь пятерок в понедельник
Объявляет нам войну,
Захватить грозит страну.
— А сегодня уже вторник...
— Одевайтесь попроворней!
Я глаза протер, вскочил:
Волноваться нет причин.
Мы их мигом разобьем,
Флаги в клочья разорвем.
Пушки к бою! Бей, чем можешь!
Где горит?
— У нас, похоже...
— Пли дружнее по врагу!
Сам я, жалко, не могу.
Недоспал маленько, братцы.
Но должны вы постараться.
Короля берите в плен!
Государь наш повелел.
Остальных гоните вспять!
Дайте чуточку поспать.
Разнесем! — вопят колы.—
Сбросим в море со скалы.

Войско двинулось рядами,
Трубы громко зарыдали.
Я поспал, поел компот,

Пока жаркий бой идет.

<...>

Я свободен! Как прекрасно!
Светит солнце в небе ясно.
Речка вдалеке блестит.
Самолет, гляжу, летит.
Ниже, ближе подлетает,
Долго место выбирает
И садится на поляну...
Я — бегом к аэроплану!
Но ударили тут пушки
Залпом огненным с опушки,—
Дым и грохот, треск и пыль...
(Есть еще у двоек пыль!)
Скалы просто на глазах
Разлетелись в пух и прах.
— Победили! Победили! —
Единицы завопили.
Я же — так и обомлел:
Самолет опять взлетел...
Только крылышки блестят,
Будто унести хотят.
А внизу грохочут пушки,
Как железные лягушки.
Он их с воздуха крушит
И над лагерем кружит.

Скоро смолкла чудо-битва.
Войско вдребезги разбито.
Снова самолет садится,
Точно хочет убедиться,
Что противник побежден
И с лица земли сметен.
Я кричу, машу руками:
— Увезите к папе-маме!
Вот он я! Не видно разве?
Я совсем не безобразник!
Нет больше сил моих,
Натерпелся за троих.
Я спешу через овраг,
Я лечу через овраг,—
На поляну вылезая,
Вот крыло!
И вдруг взлетаю...

Подо мной леса, озера,
Нету войн и нет раздора.
На земле-то как просторно,
Замечательно и здорово!

У пятерок

Приземлился самолет,
Луг мне под ноги плывет,
Луг тропиночку плетет
И ведет меня, как в сказке,
Даже будто по подсказке,
Прямоком в большой дворец:
Отдохну я наконец!
Раз — ступенька, два — ступенька —
Лезем в гору помаленьку.
Захожу в огромный зал,
Он, как чистая слеза,
Каждым камешком блистает,
Светом дивным удивляет.
В глубине сидит на троне
Царь в сияющей короне.
(Чтоб глядеть со всех сторон —
Для того придуман трон.)
С высоты он царским глазом
Видит всех придворных разом,
Всякий шорох примечает
И приезжих привечает.
Мне кивнул, слегка моргнул
И как будто бы заснул.
Бойко катится четверка,
Верещит скороговоркой:
— Да не бойся, не смущайся,
К государю обращайся.
Что ль язык ты проглотил,
Как в болоте крокодил?
Я открою по секрету:
Отстающих в царстве нету.
Здесь была одна... такая,
Но теперь она... другая.
Стала умной и примерной,
Скоро будет самой первой.
Видишь, девочка-четверочка,
Платье в беленьких оборочках?
А послушалась царя,

И выходит, что не зря.
Так что ты мотай на ус:
Здесь у нас в почете плюс.
Никому не нужен минус,—
И четверка покосилась
На притихшего меня,
Чуть головку наклоня: —
Царь наш грозен и спокоен,
Знает, кто чего достоин.
Скажет слово — слово метко,
И тебе дана отметка.

Урок

<...>

Встал, огонь горит во взгляде:
— Дело славно я наладил.
Молоток мой чудный, ловкий
Дарит звонкие подковки,
Для пятерок и четверок
Одинаково он дорог.
Приглашаю поглядеть,
Как мы в горнах плавим медь.
Для Айнура то ж полезно
Побывать, где звон железа.
По ступеням вниз сошли
Прямо в пазуху земли.
Двери сами растворились,
Точно крылышки раскрылись,—
Жар по кузнице гуляет,
Брызги в стороны кидает.
Дышат круглые меха,
Раздуваются бока.
Подле них четверки вьются, —
Лица — солнечные блюдца.
Хлопнул царь, смеясь, в ладоши:
— Выходи-ка, друг хороший!
Вылезай на белый свет
И за все давай ответ.
Троек тут вожак выходит,
Жалким голосом выводит:
— Заморили!
Задурили!
Ни за что приговорили!
Засучил царь рукава,

Заходили жернова —
Угли трут, перетирают,
Пламя выше поднимают.
Вожака схватил под мышки
Царь без робости излишней,
Лихо в воздухе крутнул,
В жар легонько окунул...
Не прошло и трех минут
(Царь взаправду резв и крут!)
Хвать! — и вытащил вредителя,
Повертев предусмотрительно,
К наковальне, к молотку.
Лоб царя блестит в поту.
Заходили вновь меха,
Распустили вширь бока.
Молоток запел, зацокал,
Застучал то зло и строго,
То тихонько,
То легонько,
Будто шлепая ладонью.
Глядь, и голова готова —
И не так уж бестолкова,
Нос и рот, а вот и ухо
Загорелось — не потухло.
Появились руки-ноги,—
Расступись, сойди с дороги! —
Царь к бадье с водой спешит,
И — бултых! — вожак шипит.
Ну, какой же он вредитель?
На него вы поглядите:
Родилась на свет пятерка!
Я подпрыгнул от восторга:
Вот тебе и превращение,
Пере-пере... очищение.

А потом я догадался,
Для чего огонь старался,
Царь потел, меха дышали,
Тени по углам бежали,—
Чтобы я себе представил,
Как меня царь переплавил,
Навсегда перековал —
«Погляди, каким ты стал!
Говорят, ты малый смелый!

Может, примемся за дело?...»
— Повелитель! — говорю.—
От стыда сейчас сгорю.
Мне чего-то в глаз попало,
Мне б умыться не мешало.
У меня температура,
Сквозняком слегка продуло.
Я исправлюсь, я поправлюсь,
Царь, я пере-переплавлюсь.
Дай мне воздуху вдохнуть,
Жар печей палит мне грудь!
Отпусти меня домой,
Двери кузницы открой!
— Что ж, иди,
Да впредь, гляди,
Чаще в гости заходи.
Мой огонь гостей не губит,
Приласкает, приголубит,—
У него секретов нет:
Жар — врагам, друзьям — совет.

Дома!

Так-то вот, мои друзья,
Очутился дома я.
Кошка ходит у кровати,
Кошку первой я погладил.
А на улице снежок
Свечи белые зажег.
— Динь-динь-линь! —
звонит трамвай.—
Поскорей, дружок, вставай!

Что мне снилось?
Ох-ох-ох,
Я погибнуть точно мог,
Мог в огне сгореть случайно...
О-о, как все необычайно!
А теперь вот я в постели,
Просыпаюсь еле-еле.
Как мне быть, вы подскажите,
Не хочу так больше жить я:
Где учебник, где дневник?
Может, был во мне двойник?
Все! Берусь за физзарядку!

Съем печенье заодно,
Погляжу потом в окно...
Исправляться — по порядку.

Перевод Р.Кутуя.

Эльмира Шарифуллина

Родилась в 1947 г.

МУЗЫКА

Поет на ветке соловей,
Жужжит оса над грядкой —
Пишу я новую скорей
Мелодию в тетрадку.

У листьев песенка своя —
Сядь в тишине и слушай.
Лесного песенка ручья
Журчит в жару и стужу.

Бушует ветер — «фа» и «ре».
«До» — дождь стучит в окошко,
«Ми-соль» — мальчишки во дворе,
«Ля-си» — на кресле кошка...

Все-все, что голос подает
И нотку робко тянет,
Ко мне в тетрадку попадет
И музыкою станет!

Перевод Б.Вайнера.

САЛАСПИЛС*

Поляны, в страшные года
Вы для кого цвели?
Ведь ни смеяться, ни играть
Их души не могли.

Решеткой небо за окном,
Ключ щелкнул у дверей.
Закрыли детство на замок, —
Нет чувства, тяжелей!

Ручонкам детским не сорвать,
Не тронуть лепестков,
Не видно бабочек полет
Сквозь щели потолков.

* Отрывок из стихотворения.

Как звуки крыльев о стекло,
Их номера звенят.
По этим самым номерам
Детей впускают в ад.

Кому нужны здесь имена?
Их нет, как нет — забудь!
Не пробежать, не поиграть
В плену барачных пут.

Здесь выстрел затыкает плач
И лепет детских губ.
Фашист, как деспот, как палач
Всех в страхе держит тут,

Чтоб беззащитных малышей
Распять и выпить кровь,
И с наслаждением лакать,
И жаждать вновь и вновь...

Ни честь, ни сила не нужны,
Проклятье заслужить.
Нет, Газраиля, упыря
С фашистом не сравнить.

Цветы, простоволосый лес,
Тропинки среди плит...
И старикам и молодым —
Боль душу бередит.

Игрушки, хлеб лежат, как дар...
Нет, долг перед детьми,
Чье детство грубо растоптал
Сапог былой войны.

Перевод Э. Шарифуллиной.

***СОВРЕМЕННАЯ
ТАТАРСКАЯ
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА***

Рафис Курбан

Родился в 1957 г.

В РОДНОМ КРАЮ

Как сладок здешний воздух,
Дышать бы им всегда!
Настояна на звездах
Целебная вода.

Почти на каждой ветке
Концерт певцы дают.
А ниже и насекомки
От них не отстают.

Как зелено-то, братцы,
Куда ни бросишь взор!
Зовёт покувыркаться
Муравчатый ковер.

И всё здесь так прекрасно,
Ведь это край родной!
И стоит ли напрасно
Искать второй такой?!

Перевод С.Мальшева.

РОДНОЙ ЯЗЫК

«Мама, папа» —
С этих слов
Начался родной язык...

Годы шли...
И я готов
Плыть с тобой по морю книг.

Ты о предках рассказал,
О родимой старине,
И страну мне показал,
Что от них досталось мне.

К языкам других помог

Отыскать дорогу ты.
В их саду
Ты — как цветок.
Небывалой красоты.

Все на свете хороши
Языки,
Но всех милей
Ты —
Язык моей души,
Ты —
Язык земли моей.

Перевод С.Мальшева.

УГОВОР

Ну вот,
Опять пора вставать.
А мне бы лучше полежать,
Поспать бы мне еще немножко.
Да только солнце из окошка
В глаза лучами так и бьёт:
— Вставай, лентяй!
Клубника ждёт!

— Ну да,
Хотел пойти вчера.
Дойдешь туда,
А там жара,
На этих ягодных полянах.
А ягодки-то не в стаканах,
А собирай их по одной...
Домой придёшь с больной спиной...

Ты не поймёшь печаль мою.
Но так и быть,
Сейчас встаю.
А ты уж расстарайся тоже:
За то,
Что я такой хороший,
Поднялся в этакую рань, —
Сильней клубнику подрумянь!

Перевод С.Мальшева.

ХОТЯ Я ПЛАВАТЬ НЕ УМЕЮ

Река в жару всего милее!
И не во сне, а наяву,
Хотя я плавать не умею,
По речке всё-таки плыву.

Плещусь над глубиной опасной,
Но не испуган глубиной, —
Себя я чувствую прекрасно,
Пока мой крокодил со мной.

А разве может быть иначе?
Надёжен на волне речной
Спасательный, а не кусачий
Мой симпатяга надувной!

Перевод С.Мальшева.

БОДЛИВЫЕ ТУЧКИ

Небо —
Как огромный луг.
Тучки
Носятся по лугу,
Догоняя,
Обгоняя,
Налетая
Друг на друга.

Как барашки,
Разыгрались —
Кто быстрее,
Кто резвей.
Как барашки,
Разбодались —
Рады
Резвости своей.

Ух, как тучка
Разлетелась!
Хлоп! —
Другую тучку в лоб.
Та, бедняга,
Разревелась...

Начался внизу
Потоп!

Стукнутся
Две тучки лбами —
Во всё небо
Гром с огнём!
Ух, как весело
Над нами!..

Жаль,
Что маленькие сами,
Не играют
Тучки с нами —
Всех ребят
Загнали в дом...

Перевод С.Мальшева.

ЛЕТАЮЩИЕ ЯБЛОКИ

Я смотрю на яблоню —
Вот тебе и раз!
Яблоки на яблоне
Выросли у нас.

Взгляд отвёл от яблони
И протёр глаза.
Пригляделся к яблоне —
Что за чудеса!

Яблоки на яблоне!
Что это со мной?
Яблоки на яблоне
Чудятся зимой!

Перевод С.Мальшева.

КУДА УХОДИТ НОЧЬ?

Куда уходит ночь,
Когда заря приходит,
Деваётся куда,
Когда кругом рассвет?
Себе такой вопрос

Я задал на закате —
И сразу же решил
К утру найти ответ.

Всех раньше в доме встал —
Я парень нетрусливый —
И в полной темноте
Забрался под кровать.
Улёгся на полу,
А после терпеливо
Я стал во все глаза
За тьмою наблюдать.

Сначала ничего
Не видел и не слышал.
Лежать в засаде, ждать —
Совсем не лёгкий труд.
Такая скукота!
И как я только выжил?..
Но вот я услышал:
Родители встают.

А в доме рассвело,
А в доме всё шумнее:
Вот радио поёт,
Вот чайник на плите
Стучит, как паровоз...
А в доме всё светлее,
Виднее, веселее...
Один я — в темноте.

На волю вылез я
И даже растерялся:
Светло-то до чего —
Словами не сказать!
И тут сообразил,
И тут я догадался,
Куда девалась ночь...
Конечно, под кровать.

Перевод С.Мальшева.

ЗАГАДКИ УМНОЖЕНИЯ

Сестра никак понять не может:

— Сказали, умноженье множит.
Но вот тебе пример один:
Один умножим на один.
Один и получается —
Никак не умножается.

Я мигом объяснил сестрице:
— Здесь умноженье не годится.
Ты посмотри: вот палец мой,
А вот еще один — второй.
Мы палец к пальцу прибавляем,
Два пальца ровно получаем.

Нет, всё-таки сложение
Надёжней умножения.

Перевод С.Мальшева.

РАДОСТЬ

Если радость с нами
Повстречается,
То лицо в улыбке
Расплывается.
Ну а если радость
Входит в дом,
Настежь окна
Раскрывает в нём!

Заполняет дом собою
Полностью,
А потом на улицу
Уносится.
К ветру
Прицепляется она.
Знает радость,
Что везде нужна.

Вот она к деревьям
Приближается, —
Почки ей навстречу
Раскрываются.
А когда врывается
В сады,

Ею наливаются
Цветы.

Радуетя радость,
Умножается,
В радостную песню
Превращается!
Радости
Одной довольно, друг,
Чтоб теплее стал
Весь мир вокруг!

Перевод С.Мальшева.

ЖИРАФ

Какая шея у жирафа! —
Жирафу в прятки не играть:
Чтоб спрятаться — не хватит шкафа
И не залезешь под кровать.

А вымыть длинную такую,
Наверно, трудно и за час.
Зато столбом на сабантуе
Работать с нею в самый раз.

Для шеи эдакой длиннющей
Любой шарфище будет мал.
Но до того жираф умнющий,
Что где ему родиться, знал.

По шее видно, что не местный.
Он в дальней Африке живёт.
А там жарища, как известно, —
Без шарфа ходят круглый год.

Перевод С.Мальшева.

ПОЧЕМУ ГРУСТИТ ОСЕНЬ?

Осень грустит отчего?
Пашни давно опустели.
В небе теперь никого —
Птицы уже улетели.

В мокрых садах тишина...
Как же ей бедной не плакать?
Плачет от скуки она —
Всюду унылая слякоть.

Все-то дела и труды
Кончены до первоснежья.
Улицы даже пусты —
В доме уютней, конечно.

Осень грустит почему?
Близко зима подступила...
Осень грустит потому,
Что уже всех утомила...

Перевод С.Малышева.

Ахат Мушинский

Родился в 1951 г.

ЗУБЫ НАДО ЛЕЧИТЬ ВОВРЕМЯ*

Мы с Гузель сидели за одной партой.

И на лавочке у двери в зоокабинет, который на время превратился в стоматологический, то есть — где лечат зубы, мы опять оказались вместе.

Хохотушка и болтушка, Гузель здесь была сама сосредоточенность. Ее острый носик еще более заострился, а глаза, похожие на синие пуговички, еще более округлились и, не мигая, смотрели в одну точку.

Гузельку надо было спасать. И я сказал:

— Зубы надо лечить вовремя. Поставила пломбочку-другую и гуляй себе на здоровье, грызи орешки, ешь конфеты, хоть мешками... Только сейчас вот нужно внушить себе, сказать: а я и не боюсь нисколечко, а мне и не больно вовсе.

Я подбодрил ее и уступил свою очередь. Через полминуты Гузель вышла обратно.

— Чё? — спросил я, подумав, что она сбежала.

— У меня, оказывается, все зубы целы, — ответила она. — И никаких пломб не надо.

Настала моя очередь.

Стоматологом, то есть зубным врачом, была женщина с большими мужскими руками. Она заглянула ко мне в рот и вздохнула:

— Чё? — поинтересовался я, чувствуя, как мои узенькие, маленькие глаза делаются квадратными.

— Да ты хоть раз в жизни зубы чистил?! — сказала она и, не дожидаясь ответа, велела открыть рот пошире.

* Рассказы из сборника «Мой тезка».

Зажужжала бормашина.

«А-а-а!!!» — чуть было не вырвалось у меня из груди, чтобы пронестись по всем этажам школы.

Но в этот самый момент в зеркале напротив я увидел голубенькие пуговицы Гузельки. Она смотрела на меня в приоткрытую дверь. В ее глазах страха и тоски было больше, чем даже тогда, когда она минуту назад ожидала своей участи у этой самой двери.

И я сузил свои глаза и сказал себе:

— А я и не боюсь нисколько, а мне и не больно вовсе!

УСПЕХ

Не то в первом, не то во втором классе я стал учиться свистеть. Не насвистывать, а по-настоящему свистеть, по-разбойничьи, чтоб на другом конце улицы можно было услышать. И без помощи пальцев. Такова была последняя дворовая мода.

Тренировался усердно. Можно сказать, круглосуточно. Но долго ничего, кроме шипения, не получалось.

Вот лежу как-то ночью, шиплю под одеялом:

— Ш-ш, ш-ш...

Вдруг чувствую, сейчас получится. Выбегаю в сени, чтобы родителей не разбудить.

— Ш-ш, ш-ш...

Не получается. Возвращаюсь. И опять под одеялом:

— Ш-ш, ш-ш, ф-ф, ф-ф...

И неожиданно ка-а-ак... На весь дом!.. По-настоящему, по-разбойничьи. Кот Барсик, мирно спавший у моих ног, аж под потолок взлетел.

С успехом меня первым поздравил отец... Неделю уши горели.

ПОЛЕТ

По ночам во сне я летал. Значит, рос. Это было мне известно. Но я хотел летать по-настоящему и среди бела дня.

Папа сказал: если чего-то очень и очень захотеть, то желаемое непременно сбывается. Он не о полетах сказал, а так, вообще. Но я-то думал только о них.

Целыми днями я расхаживал по двору и размахивал руками. Вечерами вертелся перед зеркалом, проверяя, не превращаются ли мои руки в крылья и нет ли за моими плечами перышек. Но никаких изменений не происходило. Все так же на спине шелушилась кожа от солнца, и созвездия моих бесчисленных родинок изображали все тех же львят, рыбок, дракончиков... Я шевелил лопатками — по моей худобе они и в самом деле походили на крылья, точнее, на крылышки какого-то недоразвитого домашнего утенка.

Однажды утром после сильного дождя, когда умытое солнышко плеснуло на влажную землю золотыми, веселыми лучами, и все вокруг закурилось зыбким, прозрачным парком, я, размахивавший своими будущими крыльями, неожиданно наткнулся на Рашидку. Мой верный друг поинтересовался, чем это я занимаюсь, и когда узнал, в чем дело, сказал, что ни летать, ни плавать на земле не учатся.

— А где же? — удивился я.

— Плавать учатся в воде, а летать в воздухе. — И так как моря рядом не оказалось (большая лужа у сарая не в счет), он простер обе руки для наглядности к чистому, без единого облачка небу. — В воздухе, в воздушном океане птицы учатся быть птицами.

Два раза объяснять мне не надо. Когда мой друг ушел, я взобрался на крышу сарая. Сарай у нас высокий, наполовину у основания кирпичный, наполовину деревянный. Чудесный вид с него на бескрайние яблоневые сады. В небе стрижи иероглифы выписывают, пониже воробьи снуют, тополиный пух поземкой по земле стелется.

Я подошел к краю сарая, где крыша смотрела козырьком на наш двор. По пояс голый, в легких сатиновых штанишках, я стоял в вышине, и теплый, как парное молоко, воздух омывал мою грудь. Ни капли страха, ни секунды колебания. Какие сомнения, когда до осуществления мечты всего лишь шаг! Даже не шаг — легкое движение всем телом вперед и...

Ветер засвистел в моих ушах, сердце замерло от восторга, я замахал руками...

Я летел, как птица, как стриж, легко и свободно, как сокол, стремительно и нацеленно, как орел, раскованно, невесомо, царственно.

Что может быть прекрасней чувства свободного полета!

Я приземлился в лужу. Точнее сказать — приводнился. А еще точнее — шлепнулся. Не рассчитал.

Я сидел посреди лужи, маленький, чумазый, как гадкий утенок, мокрый и неуклюжий, как тюлень. Нестерпимо болело колено, торчавшее из порванной штанины. Я плакал. Я лил в мутную воду чистые, тяжелые слезы с такой силой, что даже шумные воробьи на дереве притихли, точно они понимали и сочувствовали. Но разве могли понять меня они, крохотные и смешные, зато умеющие летать?!

КАК Я ВЫСТУПИЛ В ТЕАТРЕ

Я очень любил театр. И теперь люблю. Но в детстве я мечтал сам выступать на сцене, а не сидеть безучастно в зрительном зале, шевелясь лишь ради того, чтобы похлопать в ладоши или отправить конфетку в рот.

Когда меня не с кем было оставить дома, мама брала меня с собой на работу. А работала она, как я уже говорил, в театре. И я разгуливал по гримм-уборным, бродил за кулисами, здоровался за руку с Дон Кихотом, распивал чай со Спящей Красавицей, играл в шахматы с самим Шурале.

Вернувшись домой, я устраивал спектакли у себя во дворе, собирая у крыльца задраенного парадного входа старинного дома босоногую, голосистую публику со всей улицы.

Спектакли у меня были разные — и драма, и опера, и балет...

Чаще всего давал кукольные представления. Куклы лепил из пластилина, мастерил из обломков магазинных игрушек, шил из лоскутов сатина, набивая мешочки голов ватой. При батальных сценах, пожарах дымы пускал с помощью зубной щетки и зубного порошка. Насыплю на щетину порошка, вжикну пальцем — из-за ширмы белый дым коромыслом. Долго зрители не могли понять, как это делается.

В балете я любил изображать Шурале. Цеплял на лоб бумажный рог на ниточке, размалевывал лицо сажей и прыгал, носился по двору как угорелый под восторженный вой малышни. А когда принимался щекотать всех подряд, восторгу собравшихся не было предела.

Арии в своих операх я старался исполнять на итальянском, так как никто — в том числе и сам — ничего не понимал, и по ходу исполнения можно было из обрывков иноземных, одному мне и богу известных словосочетаний замешивать великолепные винегреты — душа приходила в восторг.

Драма — единственный жанр, где я привлекал для выступлений помощников. Мы дружно выстрегивали сабли, выпиливали пистолеты и разыгрывали такие сцены по мотивам какого-нибудь накануне виденного фильма — закачаешься! Начинали с условия, что главным героем выступаю я. Я должен был всех побеждать. Однако через минуту все сами становились с усами, и никто не хотел поддаваться. В конечном счете сценарии летели к черту, и мы расходились, богато украшенные фонарями и шишками.

Как-то раз мама оставила меня за кулисами. Посадила на какой-то переносный пенек и ушла. Давали моего любимого «Шурале». Главный герой сидел рядом на бревне, которое должно было впоследствии появиться на сцене и прищемить ему пальцы. Шурале сидел и выковыривал из пятки занозу. А я переживал: как же он будет выступать, ведь впереди самая главная сцена — завязка спектакля?

Заноза не поддавалась. Шурале нервничал. Наконец пробурчал что-то сердито, поднял голову с прекрасным, кривым рогом на высоком лбу, огляделся и, ни души не обнаружив рядом, сказал мне:

— Дружище, ты знаешь, где костюмерша наша сидит?

— Знаю, — ответил я, хотя и не знал, но мне изо всех сил хотелось помочь ему. Тем более — «дружище»!

— Сбегай, принеси иголку, а то погибну.

— Сейчас! — выпалил я и помчался сломя голову, будто знал театр, как свои пять пальцев.

Я метался по огромному зданию с миллионом дверей, входов и выходов, коридоров, залов, переходов, как затравленный зверек, с ужасом сознавая, что зря обнадежил человека, подведу, сорву спектакль. Какой, к черту, я дружище! Вдруг одна дверь волшебным образом распахнулась, и чья-то щедрая рука одарила меня иголкой.

Я побежал обратно. Но куда? Обратного пути я совершенно естественным образом не помнил.

Но кто ищет, тот всегда найдет. И я нашел, пробился к сцене. Только с другой стороны. И декорации, пока я бегал, опустили из-под потолка новые. Голова моя шла кругом, ноги, как у запаренного жеребенка, уже не могли стоять на месте без движения, они бежали и бежали, и я... выбежал на сцену.

Но этого я не знал. Я стоял спиной к зрительному залу, слышал музыку, которая лилась на меня со всех сторон, видел лес, изображенный на заднике, за которым, как предполагал, находилась сцена. Повторяю, на сцену-то я выбежал с другой стороны.

И вдруг меня осенило. Обернулся — о, боже! На меня взирали тысячи удивленных глаз, самыми большими из которых были глаза Шурале. Рядом с ним замерла статуей главная героиня Сююмбике.

— Эй, Муха (так меня в школе прозвали)... Эй, Муха, сбацай арию Фигаро, покажи класс! — услышал я в паузе между тяжелыми вздохами

оркестра знакомый голос из зрительного зала. С первого ряда на меня весело глядели ядовито-желтые глазенки моего друга Рашидика.

У меня окончательно ум за разум зашел. Я поклонился зрителям — уж не собрался ли спеть? Наконец опомнился:

— Я принес иголку!..

Шурале судорожно сглотнул — так, что кадык его подпрыгнул, словно теннисный шарик, развел трагично руками, что означало на языке жестов, должно быть, конец света, сорвался с места, закружил по сцене в немыслимых пируэтах и, проносясь ураганом мимо меня, подхватил, как пушинку, и вынес новоявленного актера со сцены за кулисы.

Дальнейших событий описывать не буду. Они печальны. И не только из-за того, что мне здорово влетело. Это ничего. Печально другое — то, что с тех пор я перестал ставить домашние спектакли, прекратил, потому что мой друг, вернувшись в тот злополучный день со своего культпохода, оповестил о моем выступлении на сцене городского театра всю округу. Его острый язык преподнес событие, как надо. Казалось, надо мной и куры смеялись. Как после такого на публику выходить?

Факил Сафин

Родился в 1954 г.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ БИЗНЕСМЕН

Бизнесмен заправский я —
... Жвачку в школе продаю.
— Деньги! — я сказал друзьям,
— За «спасибо» не даю!

Мне завидуют мальчишки —
Денег у меня карман...
Говорю им: «Есть мыслишка
джип купить или седан!»

Начинается урок,
В голове один вопрос:
«Я пример решить не смог
И учебник не принёс».

— Дай учебник мне, Олеся, —
Я прошу. Она в ответ:
— Рубль страница, весь за десять
И без шуток! Нет, так нет!

— Дай списать задание! _
Обернулся к Ване я.
— Вся работа — сто рублей!
Доставай и не жалей!

Бизнесмены — высший класс
Наводнили весь наш класс!
Только Гриша — как приятно —
Дал списать почти бесплатно.....

Перевод В.Хамидуллиной.

ЛАЙКА-ЛЫЖНИЦА

То ли голову кружит,
То ли вижу миражи:
Это Лейла меж березок
Нарезает виражи.

Шубу белую надела,
Лыжи белые. А там,
Позади, клубочек белый—
Лайка мчится по пятам.

Лыжница каается...
Внезапно ухитряется,
Прыгает на пятки лайка:
—Прокати меня, хозяйка!

Щенка проделки хороши!
Смеется Лейла от души.
И лайке это нравится—
Так лаем заливаются!

Перевод В.Хамидуллиной.

СЛОН

Кто видал, каков он— слон?
Он огромный, словно дом!
Широко раскрыв объяття,
Шел, чтобы слона обнять, я...

Слон таким огромным был!
Я объяття ТАК раскрыл...
И еще ВОТ ТАК раскрыл...
Еле-еле я в объяття
Эту глыбу поместил!..

Перевод В.Хамидуллиной.

Галимзян Гильманов

Родился в 1957 г.

БЕЛЬЕ ВЕШАЮ

День замечательный за оконцем.
Мама стирала бельё весь день:
«На, — говорит, — повесь-ка на солнце
Платочек, если тебе не лень!»

Вышел во двор. Только как повесить,
Солнце—то очень уж высоко.
И на носки поднимусь я если,
Не дотянусь до него рукой.

Я и тянулся, и прыгать пытался —
Оно только кажется, что вблизи.
Мама на солнце повесить сказала,
А как, не могу сообразить...

Ну, погоди!
Мне осталось малость —
Я собираю все силы
и — прыг!..
Солнце, наверное,
испугалось —
В облаке спряталось
в тот же миг...

Перевод В.Хамидуллиной.

МОЯ СОБАКА

Тузик — пес сторожевой,
Любит поиграть со мной.
Он не человек, а зверь,
Но умнее всех, поверь!

Жалко, говорить не может —
Только лает на прохожих.
Но на четвереньках мчится
Так, что можно поучиться

Перевод В.Хамидуллиной.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Вырос я, могу читать
И считать умею.
Но, как скажут: двадцать пять —
Я всегда краснею.

Здесь ошибку вижу я:
Два числа как будто —
Пять и десять. Для меня
Это злая шутка!

— Пять умножь, дружок, на пять, —
Говорят, — известно —
Это будет двадцать пять...
Очень интересно!

Не стесняются и врут,
Как сказать иначе:
Двадцать пять произнесут —
Два числа припрячут!

Если верить, есть число
Семьдесят четыре.
Девяносто девять, сто... —
Врут все люди в мире!

Не желаю я считать!
Врать я не желаю!
Пусть останется моя
Голова пустая!

Перевод В.Хамидуллиной.

Альфия Ситдикова

Родилась в 1957 г.

ОТРЕЗАЙКА

Посмотри, игрушки в ряд
На верёвочке висят!
Говорят мне:
— Отрезай!
— Как? Завязаны глаза!

В руки ножницы дают.
Мой подарок где-то тут...
Чик — и режь, нет дела проще!
Но не режется на ощупь!

Наконец—то получилось!
Кукла в руки мне свалилась.
Для сестрёнки есть подарок,
Потрудился я недаром!

Куклы — девочек забава,
Ну, а мне — джигиту — слава!
Для сестрёнки с Сабантуя
Куклу вон принёс какую!...

Перевод В.Хамидуллиной.

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Борцовский ковер на майдане.
Я тоже бороться могу,
Мне папа сказал, что медали
Сегодня дадут за борьбу.

Учил он меня: «Будь смелее!
Соперника, сын, уважай!
Бросай! Не вставай на колени!
И главное — не подкачай!

Покрепче удерживай пояс,
Но жульничать в схватке не смей!
И помни: сдаваться без боя
Не стоит! Иди — не робей!»

Советы в борьбе помогали,
И сам я старался как мог.
И вот уже на пьедестале
Я слышу: «С победой, сынок!»

Перевод В.Хамидуллиной.

УЗОРЫ САБАНТУЯ

В деревне начинается,
Потом перемещается на городской майдан.
И каждый так старается
И доказать пытается, что лучше всех он сам.

Вот детвора проворная
Канаты тянет в стороны, там папкой бьют горшки.
Мешками сбить соперника,
В мешках припрыгать первому — людей не насмешить!

Я ловкая и сильная —
На коромысле синие ведёрки пронесу.
Не расплещу ни капли я,
Ступать я буду цаплею, держа их на весу.

За мною не угонятся!
А что мне беспокоиться — в деревне я росла.
Девчонки, что из города,
Отстали все, и воду я всех раньше принесла!

Носила воду чистую
Из речки коромыслами я много—много дней.
Умения и знания,
А не одно желание, на стороне моей!

И брат в соревнованиях
Не терпит отставания — он борется, как лев.
Так уложил соперника
В борьбе за место первое — ковёр подпрыгнул вверх!

Перевод В.Хамидуллиной.

Ленар Шаех

Родился в 1982

ХОРОШИЙ ПОСТУПОК

Алю дернул за косичку
Понарошку,
Вот она проходит, молча,
Вдоль дорожки.

Что люблю её,
Наверное, не знает,
Может, дергая,
в любви я объясняюсь?

...Я исправлюсь,
Совершу поступок классный —
Понесу её портфель
домой из класса.

Перевод В.Хамидуллиной.

В зеркале собой люблюсь:
Всех подружек я милей!
Неспроста же «сахар белый»
Я для мамочки моей!

Ах как я люблю конфеты —
Их сосу зимой и летом...
Все у нас с зубами в школе,
Только я беззубый что ли?

Перевод В.Хамидуллиной.

Мама летом огурцы солит,
Варит и варенье, и компот...
Будем лето есть и вспоминать
За столом, когда зима придёт.

В тубетейке из травинок
Он сидит среди осинок.
После дождика в осинках
Быстро полнится корзинка.

Перевод В.Хамидуллиной.

Гульнур Курбанова

Сладко речи говорит,
А уж как она хитрит!
Попадётся и потом
Может стать воротником.

(Лиса)

Я — лиса, лиса, лиса!
Рыжий хвост — моя коса!
Хвост приглажу гребешком,
Осмотрю себя потом.
К зеркалу поближе
Подойду и вижу:
Чем не девица-краса
Рыжехвостая лиса!

Лягушек ест и рыбок ест.
Их может съесть в один присест.
Готова в речке плавать сутки.
Кто это? Ну конечно...

(Утка)

Я — утка, утка, утица!
— Утятки, мои деточки,
Не бегайте на улицу.
Там вороны на веточке.

Летают в небе коршуны,
И ястребы, и соколы.
Прошу вас по-хорошему,
Гуляйте — только около...

Круглобокий колобок...
Нет — игольчатый клубок!
Если враг появится —
Спящим притворяется.

(Уж)

Я — ёжик, ёжик, ёжик!
Портной я и сапожник.
Сошью вам аккуратно
Платьице нарядное.
Сошью и брюки, и сандалии
Для птиц, чтоб веселей
летали.
Одену всех зверей в лесу:
И рысь, и белку, и лису.

Летом он чернее тучи,
А зимой — чернее ночи.
«Кар» да «кар» кричит он звучно...
Говорят, он мудрый очень!

(Ворон)

Я — ворона, ворона, ворона!
Я ни землю, ни уголь не трону,
Почему мои крылья чернеют?
Я их мою — они не белеют!

Мою с мылом я чёрные перья,
Но давно перестала я верить,
Что сумею отмыть добела —
Два чернуще-чернущих крыла...

Помогите, друзья, мне советом:
Как бы вы поступили при этом?
Дайте старой вороне подсказку!
Может, выкрасить
белую краской?..

Перевод В.Хамидуллиной.

Библиографический указатель произведений татарских писателей, изданных для детей в переводе на русский язык

1. Алиш А. **Сказки**. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 14 с.
2. Алиш А. **Скворцы и старый воробей**: Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1981. – 15 с.
3. Алиш А. **Кто самый сильный?**: Сказки и рассказы. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 80 с.
4. Алиш А. **Нечкебиль**: Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – 12 с.
5. Алиш А. **Болтливая утка**: Сказка. – Казань: Раннур, 2000. – 12 с.
6. Алиш А. **Мамины сказки**. – Казань: Таткнигоиздат, 2003. – 17 с.
7. Алмазова Л. **Максимкины проделки**: Рассказы. – Казань: Таткнигоиздат, 2008. – 36 с.
8. Амир М. **Плут-теленок**: Рассказ. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 15 с.
9. Амирхан Ф. **Рассказы**. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 31 с.
10. Аппакова Д. **Избранные произведения**. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 320 с.
11. Бакиров У. **Моя учительница**: Повести и рассказы. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 80 с.
12. Батулла Р. **Сын-журавль**: Сказки. – М.: Малыш, 1983. – 20 с.
13. Батулла Р. **Про белого бычка**: (Открытые письма). – Казань: Милли китап, 2002. – 89 с.
14. Баширов Г. **Гусак, гусыня и дюжина гусей**: Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1983. – 12 с.
15. Валеева Р. **Крылатый всадник**: Стихи, сказки, поэмы. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 128 с.
16. Валеева Р. **Веселый светофор**: Стихи. – Казань: Раннур, 1999. – 17 с.
17. Валеева Р. **Песня о поэте**: Стихи, поэмы, сказки. – Казань: Школа, 2005. – 130 с.
18. Валеева Р. **Мы поедим к бабушке**: Стихи. – Казань: Меддон, 2007. – 25 с.
19. Гази И. **Когда крепнут крылья**: Повесть. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 253 с.
20. Гази И. **Незабываемы годы**: Повесть. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 277 с.
21. Галиев М. **Виноват ли Шурале?**: Стихи. – Казань: Рухият, 2001. – 32 с.
22. Галиев Ш. **С папой в кабине**: Стихи. – М.: Детская литература, 1966. – 78 с.
23. Галиев Ш. **Прекрасны ли зори?**: Стихи. – М.: Детская литература, 1973. – 254 с.
24. Галиев Ш. **Огурцы в тюбетейках**: Стихи. – М.: Детская литература, 1974. – 63 с.
25. Галиев Ш. **Волшебное зеркало**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 96 с.
26. Галиев Ш. **Кто играет на курае?**: Стихи. – М.: Детская литература, 1985. – 111 с.
27. Галиев Ш. **С ветром наперегонки**: Стихи. – М.: Малыш, 1985. – 24 с.
28. Галиев Ш. **Заяц на зарядке**: Стихотворения. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 176 с.
29. Галиев Ш. **Сладкая гора**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 2008. – 40 с.
30. Гафури М. **Из прошлого**: Рассказы. – М.: Детская литература, 1980. – 112 с.

31. Губай Г. **Дочь бакенщика**: Повесть. – М.: Детская литература, 1968. – 206 с.
32. Дарзаман З. **Сказка-поэма**. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 31 с.
33. Дардзаман З. **Ночное приключение**: Сказка-поэма. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 30 с.
34. Дердменд. **Поседевшая струна**: Стихи. – Казань: Магариф, 1999. – 111 с.
35. Джалиль М. **Песня о храбром джигите**: Стихи. – М.: Советская Россия, 1975. — 32 с.
36. Джалиль М. **Моабитская тетрадь**: Стихи. – М.: Советская Россия, 1984. – 190 с.
37. Джалиль М. **Соловей и Родник**. Баллада. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 14 с.
38. Джалиль М. **Красная ромашка**. Избранное. – Казань: Таткнигоиздат, 1988. – 572 с.
39. Джалиль М. **Храбрый заяц**. Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1998. – 14 с.
40. Ибрагимов Г. **Чубарый**. Рассказы. – М.: Детская литература, 1971. – 111 с.
41. Исанбет Н. **Ильгизер-следопыт**. Повесть. – М: Детгиз, 1961. – 95 с.
42. Исхак А. **Как Сюмбюля училась считать**. – Казань: Таткнигоиздат, 1977. – 14 с.
43. Ихсанова Л. **Искорка**: Повесть. – Казань: Таткнигоиздат, 1971. – 238 с.
44. Ихсанова Л. **Цветы тянутся к солнцу**. Повесть. – М.: Детская литература, 1976. – 192 с.
45. Ихсанова Л. **В лагере робинзонов**. Повести. – Казань: Таткнигоиздат, 1977. – 128 с.
46. Ихсанова Л. **Ребята из Сары Алан**. Повесть. – М.: Детская литература, 1978. – 160 с.
47. Ихсанова Л. **Держись, Акробат!** Повесть. – М.: Детская литература, 1987. – 63 с.
48. Ихсанова Л. **На душе неспокойно**. Повести. – Казань: Таткнигоиздат, 1988. – 200 с.
49. Камыр батыр. **Татарская народная сказка**. – М.: Детская литература, 1985. – 23 с.
50. Карим Ф. **Медведь-гармонист и обезьяна-певунья**: Сказка в стихах. – Казань: Таткнигоиздат, 1988. – 15 с.
51. Каштанов Н. **От января до декабря**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 2005. – 28 с.
52. Кул Гали **Сказание о Йусуфе**: Поэма. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 254 с.
53. Курбан Р. **Куда уходит ночь**. Стихи для детей. – Казань: Таткнигоиздат, 2007. – 239 с.
54. Кутуй А. **Приключения Рустема**: Повесть – Казань: Таткнигоиздат, 1964. – 84 с.
55. Кутуй Р. **Золотой олень**: Стихи . – Казань: Таткнигоиздат, 1979. – 16 с.
56. Кутуй Р. **Про баклуши**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1982. – 32 с.
57. Кутуй Р. **По небу плывут облака**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1983. – 16 с.
58. Кутуй Р. **Босиком по радуге**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 32 с.
59. Кутуй Р. **День варенья**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 112 с.
60. Кутуй Р. **Чудеса в решете**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – 112 с.
61. Кутуй Р. **Сова под зонтиком**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1999. – 15 с.
62. Манасыпов В. **Шапка Салахутдина**: Рассказы. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 32 с.
63. Маннур Ш. **Песня новая пришла**: Рассказы. – Казань: Таткнигоиздат, 1962. – 40 с.

64. Медвежья услуга. **Татарская народная сказка.** – Казань: Раннур, 2000. – 19 с.
65. Мингалим Р. **Голубое седло:** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 32 с.
66. Мингалим Р. **По лесной проталинке:** Стихи. – М.: Малыш, 1980. – 16 с.
67. Мингалим Р. **Счастливое имя:** Стихи. – М.: Детская литература, 1983. – 46 с.
68. Мингалим Р. **Растут мальчики:** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 71 с.
69. Миннуллин Р. **Сладкая крапива:** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 32 с.
70. Миннуллин Р. **Глядит в окошко человек!:** Стихи.–М.:Детская литература,1986. –31 с.
71. Миннуллин Р. **Наш тигренок:** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 18 с.
72. Миннуллин Р. **Ох уж эти взрослые!:** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 112 с.
73. Миннуллин Р. **Мальчик, каких еще мир не видал:** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 2003. – 56 с.
74. Мустафин Р. **Красная ромашка.** – М.: Малыш, 1983. – 48 с.
75. Мухаметшин Г. **Мы живем на земле:** Повесть. – М.: Детская литература, 1974. –126 с.
76. Мушинский А. **Мой тезка:** Рассказы. – Казань: Таткнигоиздат, 1994. –48 с.
77. Мушинский А. **Анас-ананас и другие:** Повести и рассказы. – Казань: Магариф, 2004. – 144 с.
78. Мушинский А. **Чёрный индюк, красные штаны. Рассказы, повесть.** — Казань: Таткнигоиздат, 2016. — 163 с.
79. Насыри К. **Сказание о мудром Абу Али Сине.** – Казань: Таткнигоиздат, 1981. – 128 с.
80. Нафиев И. **Приключение глупого мышонка и другие сказки.** – Казань: Таткнигоиздат, 2006. – 32 с.
81. Нури З. **Иволга и Волга:** Стихи с улыбкой, сказки, притчи, юморинки, загадки. – Казань: Таткнигоиздат, 1991. – 79 с.
82. Нури З. **Книга про многознайку.** – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 18 с.
83. **Радуга:** Хрестоматия. – Казань: «Магариф», 1995. – 301 с.
84. Рахматов Б. **Книга для малышей:** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1973. – 156 с.
85. Рахмат Б. **Погоди еще годок!** Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 32 с.
86. Сабитов Г. **Лесная фантазия:** Рассказ. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 31 с.
87. **Сказки на ночь:** Татарские народные сказки. – Казань: Магариф, 2004. – 119 с.
88. **Соломторхан.** Татарская народная сказка. Казань: Таткнигоиздат, 1999. – 19 с.
89. Такташ Х. **Друг Черномордого:** Рассказ. – Казань: Таткнигоиздат, 1974. – 20 с.
90. Такташ Х. **Умница:** Стихотворение. – Казань: Таткнигоиздат, 1991. – 12 с.
91. Тарджеманов Д. **Тук-тук:** Сказки. – Казань: Таткнигоиздат, 1964. – 32 с.
92. Тарджеманов Д. **Веселый сабантуй:** Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1973. – 16 с.

93. Тарджеманов Д. **Приключение серебряного хвостика**: Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1978. – 20 с.
94. Тарджеманов Д. **Шуктуган**: Сказка. – М.: Детская литература, 1990. – 16 с.
95. Тарджеманов Д. **Сказки**. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 43 с.
96. **Татарская мифология для детей**. – Казань: Таткнигоиздат, 2018. – 95 с.
97. **Татарские народные сказки**. – Казань: Таткнигоиздат, 1986. – 464 с.
98. **Три дочери**. Татарская народная сказка. – М.: Малыш, 1992. – 13 с.
99. Тукай Г. **Вступающим в жизнь**: Стихи и сказки. – М.: Детская литература, 1966. – 142 с.
100. Тукай Г. **Ласточка**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 15 с.
101. Тукай Г. **Забавный ученик**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1983. – 14 с.
102. Тукай Г. **Водяная**: Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 12 с.
103. Тукай Г. **Кончил дело-гуляй смело!**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1986. – 22 с.
104. Тукай Г. **Мальчик с дудочкой**: Стихи. – М.: Малыш, 1986. – 24 с.
105. Тукай Г. **Сказка о козе и баране**: Сказка. – Казань: Раннур, 1999. – 16 с.
106. Тукай Г. **Счастливый ребенок**: Стихи. – Казань: Раннур, 2000. – 22 с.
107. Тукай Г. **Шурале**: Сказка. – Казань: Идель-Пресс, 2001. – 33 с.
108. Туфан Х. **Внук бабая Небывая**: Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 12 с.
109. Файзи А. **В стране смельчаков**: Сказка. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 63 с.
110. Файзуллина М. **Стихи**. – Казань Таткнигоиздат, 1964. – 13 с.
111. Файзуллина М. **Радуга**: Стихи. – Казань Таткнигоиздат, 1988. – 20 с.
112. Файзуллин Р. **Текут, текут реки...**: Стихи. – М.: Детская литература, 1987 – 63 с.
113. Фируза: **Сказки татарских писателей**. – Казань Таткнигоиздат, 2003. – 271 с.
114. Хаким С. **Рассказ молдаванина**: Поэма. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 7 с.
115. Халиков Х. **Конфетное дерево**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1977. – 48 с.
116. Халиков Х. **Где моя дорога?**: Стихи. – Казань: Таткнигоиздат, 1982. – 32 с.
117. Хамидуллина Вера. **На планете разноцветной**. – Казань: Идел-Пресс, 2015.- 64 с.
118. Хасанов А. **Белая вода**: Рассказы. – Казань: Таткнигоиздат, 1979. – 46 с.
119. Хоровод : **Стихотворения, рассказы, сказки**. – Казань: Таткнигоиздат, 1992. – 96 с.
120. Шомбай. **Татарская народная сказка**. – Казань: Таткнигоиздат, 1992. – 15 с.
121. **Чудесное зеркало**: Сборник произведений. – Казань: Магариф, 2006. – 79 с.
122. Юзеев И. **Маленький рыжий пони**: Поэма. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 27 с.
123. Яруллин Ф. **Упругие паруса**: Повесть. – Казань: Таткнигоиздат, 1978. – 96 с.
124. Яруллин Ф. **Где зимует весна?**: Сказки. – Казань: Магариф, 2009. – 31 с.

Учебное пособие

Татарская литература для детей и о детях
Учебная хрестоматия

Составитель Хайрутдинова Резеда Рафаилевна

Казань 2021

